
...нанъ.
M 50/313
Кочевая жизнь
въ
Сибири.
1864-1867

Георгъ Кеннанъ.

КОЧЕВАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СИБИРИ

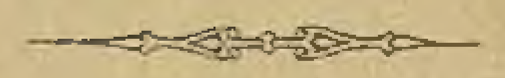
(TENTLIFE)

Приключенія среди коряковъ и другихъ инородцевъ.

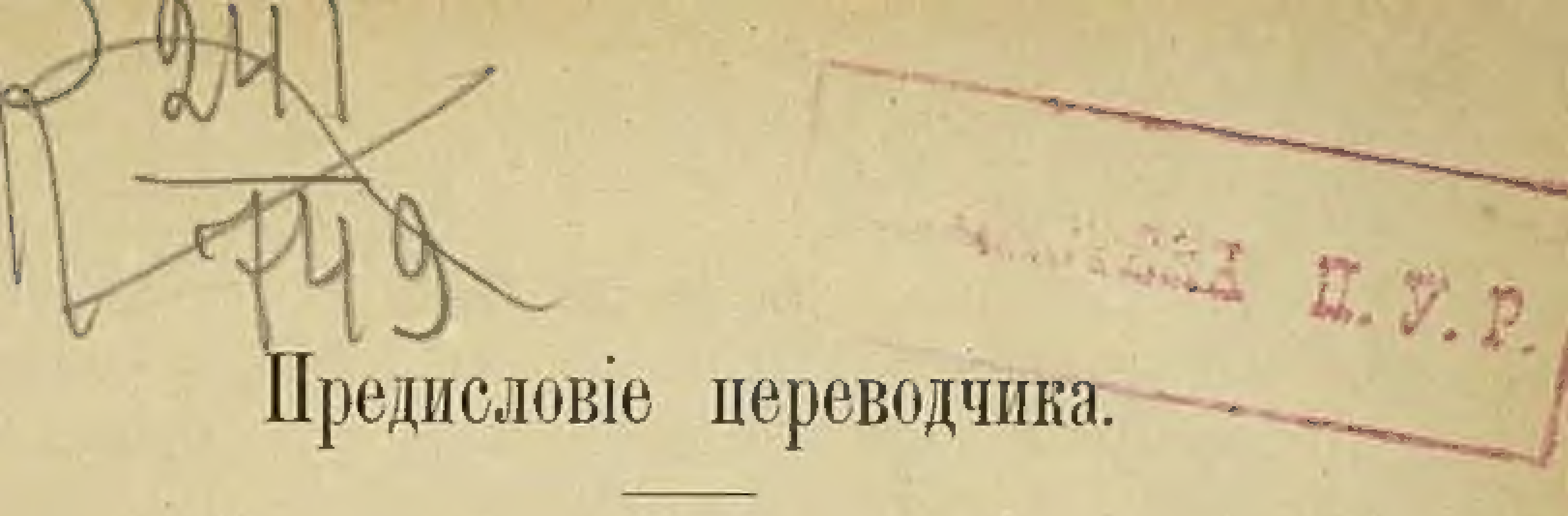

Переводъ съ англійскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. И. Иванова.
1896.

Предисловіе переводчика.

Сибирь всегда имѣла въ жизни русскаго народа и государства одно изъ самыхъ важныхъ значеній сравнительно съ прочими областями нашей обширной территоріи; нынѣ-же, когда одно изъ величайшихъ созданій нашего вѣка, сооруженіе великой сибирской желѣзной дороги, уже близится къ окончанію, значеніе этой огромной страны получаетъ даже первенствующее мѣсто.

Огромная полоса земли между Уральскимъ хребтомъ и Тихимъ океаномъ, т. е. то, что мы привыкли разумѣть подъ именемъ Сибири, представляетъ собою столь громадное пространство на земномъ шарѣ, что другія страны, какъ Европейская Россія, Китай, Бразилія, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и т. п., могутъ каждая свободно помѣститься въ Сибири и еще останется достаточно мѣста для полудюжины другихъ государствъ. Дѣйствительно, Сибирь занимаетъ пространство никакъ не менѣе 200.000 квадратныхъ миль, слѣдовательно, она почти въ 45 разъ больше Пруссіи и въ 22 раза больше Франціи; но населеніе здѣсь распространено столь ничтожно и такъ непропорціонально пространству, что даже крохотная Бельгія, имѣющая всего 550 квадратныхъ миль территоріи, превосходитъ нашу Сибирь количествомъ своего населенія. Поэтому-то Сибирь, столь славная своими колоссальными богатствами, страдаетъ все-таки серьезнымъ недугомъ,— недостаткомъ рабочихъ рукъ; на югѣ Сибири тысячи квад-

ратныхъ миль земли признаны способными къ воздѣлыванію хлѣбовъ, такъ-какъ рожь, ячмень и картофель очень хорошо родятся до 60° с. ш., не говоря уже о весьма вѣроятной возможности разводить эти злаки и нѣсколько далѣе на сѣверъ; скотоводство во многихъ мѣстностяхъ обширной Сибири, само собою разумѣется, могло-бы сдѣлаться во сто разъ болѣе значительнымъ, чѣмъ въ переживаемое нами время, когда эта отрасль культурной дѣятельности находится въ Сибири на столь низкой ступени своего развитія, что нѣтъ другой страны въ цивилизованномъ мірѣ, которая не превосходила-бы въ значительной степени Сибирь въ этомъ отношеніи; да и самый климатъ, о которомъ мы съ дѣтства слышимъ столько ужасовъ, сталъ-бы много сноснѣе, если-бы упорный и раціональный трудъ культурнаго земледѣльца обуздалъ-бы эту дикую сибирскую природу.

Такимъ образомъ, понятно то значеніе, которое пріобрѣтаетъ для насъ Сибирь при настоящемъ положеніи дѣла, а слѣдовательно, и тотъ интересъ, съ которымъ встрѣчаетъ русское общество все, что можетъ служить къ разъясненію этого вопроса, къ созданію правильныхъ взглядовъ и представленій объ этой обширной странѣ, тѣмъ болѣе, что мы такъ мало знаемъ и даже такъ мало имѣемъ возможности знать что-либо обстоятельное и достовѣрное въ столь важномъ для насъ дѣлѣ.

Не всякій знаетъ даже и то, что есть Сибирь культурная т. е. мало-мальски благоустроенная по образцу цивилизованныхъ странъ, отъ которыхъ позаимствованы здѣсь хоть внѣшнія формы культурности, и есть Сибирь

дикая, — обширное пространство земли, гдѣ уже нѣтъ и намека на какую-бы то ни было культурность, гдѣ только едва установлены, даже вѣрнѣе сказать, только намѣчены русскимъ правительствомъ кое-какіе абрисы благоустройства, что единственно отличаетъ эту область отъ первобытныхъ странъ и гдѣ жизнь полна такой оригинальности быта, о которой не имѣетъ яснаго представленія житель цивилизованныхъ странъ. Дѣйствительно, жители Сибири, какъ русскіе, такъ и инородцы, какъ ссыльно-поселенцы, такъ и свободные граждане, селятся преимущественно на югѣ и на западѣ этой обширной области и по ея рѣкамъ, вдоль главныхъ путей сообщенія и вблизи торговыхъ и промышленныхъ пунктовъ, находящихся на этихъ путяхъ, ведущихъ изъ одного рѣчного бассейна въ другой, на сѣверѣ-же и востокѣ большинство населенія размѣстилось лишь ничтожными группами на устьяхъ рѣкъ, а большая часть лѣсной области, не говоря уже о тундрѣ и восточныхъ горныхъ кряжахъ,—все это и представляетъ собою ту дикую Сибирь, о которой мы говоримъ.

Эта, дикая, Сибирь имѣетъ въ настоящее время еще болѣе важное значеніе, чѣмъ культурная часть „страны холода и ссылки", такъ-какъ ей предстоитъ болѣе дѣятельное будущее— -ей нужно много болѣе шагнуть по лѣстницѣ прогресса, когда открытіе великой сибирской желѣзной дороги приблизитъ ее къ культурному міру.

Но въ наши дни, пока-что, это все еще дикая страна, гдѣ возможна только та „кочевая жизнь", о которой такъ увлекательно и живо разсказываетъ авторъ предлагаемой нами въ переводѣ книги; по этому сочиненію, быть можетъ,

многіе изъ нашихъ читателей впервые ознакомятся въ этомъ интересномъ и остроумномъ разсказѣ съ оригинальностью, климатическими, этнографическими и національными особенностями столь любопытныхъ для насъ странъ, лежащихъ въ обширномъ раіонѣ неудавшагося Россійско-Американскаго телеграфа. Некультурность населенія, занимающаго эту значительную площадь Сибири, отсутствіе дорогъ, неприступность мѣстности и суровость климата, стремленіе, самое искреннее, къ созданію телеграфа, составляющему одну изъ важнѣйшихъ попытокъ нашего просвѣщеннаго вѣка, истинное участіе въ судьбахъ своихъ товарищей, разбросанныхъ по обширному пространству этой дикой и суровой страны и зачастую попадающихъ въ самое критическое положеніе,—вотъ главнѣйшія основы разсказа почтеннаго автора, приправленныя достойною вниманія наблюдательностью чисто-американскаго свойства, задушевнымъ юморомъ и блестящимъ остроуміемъ, такъ оживляющимъ этотъ разсказъ и придающимъ ему полную увлекательность.

Для насъ, русскихъ, какъ мы уже выяснили, предлагаемая въ переводѣ книга г. Кеннана представляетъ собою не только увлекательный разсказъ, который съ живѣйшимъ интересомъ прочтется, что называется „и старымъ, и малымъ“ и обогатитъ читателя обстоятельными свѣдѣніями объ этой любопытной въ высшей степени странѣ, о нравахъ, обычаяхъ и образѣ жизни ея оригинальныхъ обитателей; для насъ эта книга представляетъ и прямое утилитарное значеніе, такъ-какъ страна, о которой идетъ рѣчь, давно уже вошла въ составъ нашего

обширнаго отечества и потому, волею судебъ, намъ предстоитъ завидная роль культурнаго просвѣтленія этой страны, которое явится одной изъ важнѣйшихъ отраслей русской дѣятельности въ самомъ близкомъ будущемъ.

Правда, у насъ до сихъ поръ еще не искоренилось внушенное съ дѣтства представленіе о Сибири, какъ о странѣ, полной великихъ ужасовъ и едва-ли способной къ культурной жизни. Но вѣдь передъ культурою все уступаетъ, не уступитъ только развѣ та суровость сибирскаго климата, которая выработала въ насъ представленіе объ этой области, какъ о „странѣ холода". Между тѣмъ и здѣсь приходится вспомнить извѣстное изрѣченіе, запечатлѣнное народною мудростью и гласящее, что „не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ" и согласиться, что сибирскіе холода вовсе уже не такъ ужасны, какъ мы привыкли воображать. Свидѣтельствомъ этому можетъ служить и предлагаемая книга и многія другія; такъ, Эрманъ говоритъ, что въ остякскомъ зимнемъ платьѣ изъ двойной шкуры сѣвернаго оленя можно спокойно спать ночью въ открытыхъ саняхъ, когда мерзнетъ ртуть, и въ такой одеждѣ можно даже безъ вреда для здоровья спать на снѣгу, въ тонкой полотняной палаткѣ при—28° Р. По истинѣ замѣчательная акклиматизаціонная способность человѣка даетъ ему возможность приспосабливаться и даже при отсутствіи культурныхъ средствъ побѣдоносно выходить изъ борьбы съ сибирскими холодами; необыкновенно быстро, въ нѣсколько дней, уже тѣло приспосабляется развивать тѣмъ болѣе теплоты, чѣмъ болѣе усиливается холодъ; человѣкъ вдыхаетъ болѣе кислорода,

внутренній процессъ горѣнія идетъ быстрѣе, усиливающійся аппетитъ доставляетъ больше матеріала и поддерживаетъ внутреннее тепло. Справедливость этого подтверждается не только теоретическими соображеніями, основными на новѣйшихъ воззрѣніяхъ науки, но и свидѣтельствомъ многихъ лицъ, испытавшихъ это на дѣлѣ, какъ напр., Миддендорфа; поэтому-то не только коренные сибиряки, но и путешественники скоро привыкаютъ переносить, безъ вреда для здоровья, сибирскіе холода.

Слѣдовательно, возможность культурнаго просвѣтленія „дикой" Сибири несомнѣнна и предлагаемая книга, въ увлекательномъ разсказѣ знакомящая насъ съ первымъ опытомъ культурной дѣятельности въ этой странѣ, помимо своего непосредственнаго интереса, сослужитъ намъ свою службу, когда паровозъ великой сибирской дороги пронзительнымъ свистомъ возвѣститъ намъ, что области, еще такъ недавно рѣдко посѣщаемыя дикимъ тунгузомъ и корякомъ, гдѣ проѣзжалъ онъ на собакахъ въ своихъ первобытныхъ саняхъ, соединены съ умственными и промышленными центрами Россіи и Европы и приблизились на ничтожное разстояніе къ культурной Сибири, гдѣ есть множество низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, свой университетъ, технологическій институтъ, гдѣ, словомъ, культура уже дала свой полный разцвѣтъ.

Предисловіе автора.

Попытка россійско-американскаго телеграфнаго общества соединить телеграфною проволокою Европу съ Америкой черезъ Аляску, Беринговъ проливъ и Сибирь, является, во многихъ отношеніяхъ, однимъ изъ самыхъ грандіозныхъ предпріятій текущаго столѣтія. Смѣлость мысли и грандіозность цѣли приковала къ себѣ на долгое время вниманіе всего цивилизованнаго міра; еще никогда не было прежде, чтобы американскіе капиталисты принимали участіе въ такомъ выдающемся изъ ряда вонъ предпріятіи. Но, какъ и всѣ неудавшіяся попытки въ нашъ вѣкъ прогресса, все это также было скоро забыто, а блестящій успѣхъ атлантическаго кабеля совершенно даже изгладилъ его изъ памяти людей. Нѣкоторые факты изъ исторіи этого предпріятія, быть можетъ, и извѣстны читателямъ, но очень немногіе даже изъ основателей этого предпріятія знаютъ, какую дѣятельность умовъ это возбудило въ Британской Колумбіи, Аляскѣ и Сибири, сколько пришлось преодолѣть препятствій исполнителямъ этого предпріятія, сколько побороть трудностей, сколько перенести опасностей и, наконецъ, сколько драгоцѣнныхъ данныхъ были внесены въ науку. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ было изслѣдовано болѣе шести тысячъ англійскихъ миль самой дикой пустыни, вдоль американскаго берега, начиная отъ острова Ванкуверъ до Берингова пролива, а въ Азіи отъ

Берингова пролива до китайской границы. Въ самыхъ дикихъ горныхъ ущельяхъ Камчатки, въ обширныхъ тундрахъ сѣверо-восточной Сибири и въ дремучихъ еловыхъ лѣсахъ Аляски и Британской Колумбіей были видны слѣды лагерей изслѣдователей. Эти неустрашимые люди переходили по самымъ ужаснымъ крутизнамъ горъ сѣверной Сибири верхомъ на оленяхъ, ввѣрялись волнамъ сѣверныхъ рѣкъ въ лодкахъ изъ тюленьей шкуры, спали подъ дымными пологами чукчей и располагались лагеремъ въ сибирскихъ пустыняхъ при морозѣ отъ 50 до 60 град. Словомъ сказать, эти люди не щадили ни своего здоровья, ни своей жизни для успѣха цивилизаціи; оторванные отъ цивилизованнаго міра, среди дикихъ пустынь и невѣжественныхъ племенъ, эти піонеры были преданы и душой и тѣломъ своему дѣлу. И что-же осталось отъ всѣхъ ихъ трудовъ и перенесенныхъ ими опасностей? И на этотъ вопросъ можно отвѣтить лаконически: Ничего! Да, дѣйствительно ничего не осталось! Развѣ только нѣсколько сотенъ телеграфныхъ столбовъ, нѣсколько домовъ, сооруженныхъ ими въ дикой пустынѣ—вотъ и все; это единственныя воспоминанія о трехлѣтнемъ неусыпномъ трудѣ изслѣдователей, о всѣхъ перенесонными ими опасностяхъ ради грандіознаго предпріятія, которое было прервано на половинѣ дороги и не доведено до конца.

Я вовсе не имѣлъ въ виду писать въ настоящей книгѣ полную исторію россійско-американскаго телеграфнаго общества,—подобная книга не могла-бы привлечь вниманіе публики, которая не любитъ неудачниковъ, а жаждетъ только знать о томъ, что имѣло громадный успѣхъ, что

пріобрѣло славу, о чемъ говоритъ цѣлый міръ, между тѣмъ какъ это общество только напрасно потратило деньги и не пріобрѣло ничего существеннаго. Его соперникъ, атлантическій кабель и его собственныя неудачи лишили это общество всякаго интереса. Но все-же нельзя не согласиться съ тѣмъ, что всѣ изслѣдованія, сдѣланныя агентами и служащими этого общества, уже сами по себѣ, имѣютъ большое значеніе, не говоря даже о грандіозной цѣли предпріятія. Мѣстность, на которой производились эти изслѣдованія, очень мало извѣстна, а ея кочующее населеніе почти не имѣетъ сношеній съ цивилизованнымъ міромъ. Въ эту дикую, отдаленную страну пріѣзжали только ищущіе приключеній и наживы купцы и охотники за пушными звѣрями; но врядъ-ли кто-либо изъ просвѣщенныхъ и образованныхъ людей проникалъ туда. Кромѣ того, эта страна не представляетъ никакихъ особенностей, ради которыхъ путешественникъ рѣшился-бы перенести всѣ трудности и опасности неминуемыхъ переходовъ черезъ горы и черезъ громадныя тундры, встрѣчающіяся ему на пути. Здѣсь для глазъ цивилизованнаго человѣка не представляется ни чудныхъ ландшафтовъ Швейцаріи, Италіи, Испаніи и южной части Сѣверной Америки, заливаемыхъ яркими лучами полуденнаго солнца, ни шумящихъ водопадовъ, ни чудной теплоты ароматнаго воздуха; тутъ все мрачно, дико и пустынно; хотя, конечно, и здѣсь попадаются ландшафты, величественные и въ своей пустынной дикости, но тутъ слѣдуетъ принять во вниманіе суровость климата и продолжительность зимы, во время которой вся мѣстность покрывается снѣгомъ, какъ бѣлою пеленою;

притомъ, врядъ-ли кому вздумается любоваться мѣстностью и красивыми ландшафтами, когда температура упорно держится цѣлыя недѣли на 49—50 град. ниже нуля.

Двое изъ лицъ, служившихъ въ россійско-американскомъ телеграфномъ обществѣ, а именно, мистеръ Уимперъ и Доль, уже издали въ свѣтъ свои записки о путешествіяхъ, совершенныхъ ими по Британской Колумбіи и по Аляскѣ; я полагаю, что изслѣдованія упомянутаго общества по ту сторону Берингова пролива могутъ имѣть большій интересъ для читателей, и въ предлагаемой мною книгѣ, я изложилъ всѣ тѣ факты и приключенія, которые достойны вниманія и очевидцемъ которыхъ мнѣ довелось быть во время моего двухлѣтняго путешествія по сѣверо-восточной Сибири. Въ своемъ разсказѣ я не имѣю ни малѣйшаго притязанія на научную точность или на глубину изслѣдованій какого-бы то ни было рода. Я хочу только дать ясное представленіе о жителяхъ, ихъ правахъ и обычаяхъ той страны, которая, по моему мнѣнію, очень мало извѣстна и я передаю здѣсь только мои собственныя впечатлѣнія во время моего пребыванія въ Сибири и въ Камчаткѣ. Надѣюсь, что моя книга заслужитъ одобреніе читателей скорѣе, благодаря новизнѣ предмета, о которомъ въ ней говорится, чѣмъ по какимъ-либо научнымъ достоинствамъ и по своему изложенію.

———

СОДЕРЖАНІЕ.

———

ГЛАВА I.

Россійско-Американскій телеграфъ. — Бригъ «Ольга» отправляется изъ С. Франциско въ Камчатку и на Амуръ.

Компанія Россійско-Американскаго телеграфа, или, какъ ее обыкновенно называли, „Western Union Extension", была основана въ Нью-Іоркѣ въ 1864 г. Мысль о телеграфной линіи изъ Америки въ Европу черезъ Беринговъ проливъ явилась гораздо ранѣе и впервые была предложена Перри Коллинсомъ, эсквайромъ, еще въ 1857 г., послѣ его путешествія по Сѣверной Азіи. Однако, на нее обратили вниманіе послѣ неудачи, постигшей первый атлантическій кабель, когда явилась необходимость въ сухопутной линіи между обоими материками. Планъ М. Коллинса, представленный Западной Нью-Іоркской компаніи телеграфовъ еще въ 1863 г. казался удобоисполнимѣе всѣхъ прочихъ, составленныхъ по этому случаю, проэктовъ. Въ немъ предлагалось соединить телеграфныя системы Америки и Россіи линіей, проходящею черезъ Британскую Колумбію, Россійско-Американскія владѣнія и Сѣверо-Восточную Сибирь до соединенія съ русскими линіями у устьевъ Амура на азіятскомъ берегу. Такимъ образомъ, получился-бы одинъ непрерывный проволочный поясъ вокругъ почти всего земного шара. Этотъ планъ имѣлъ много очевидныхъ преимуществъ: онъ не требовалъ длинныхъ кабелей; въ немъ предлагалась линія, которая проходила-бы вездѣ сухимъ путемъ, кромѣ Берингова пролива, и которую легко было-бы исправить въ

случаѣ какого-либо поврежденія отъ внѣшнихъ причинъ. Также имѣлось въ виду продолжить эту линію вдоль азіятскаго берега къ Пекину, и такимъ образомъ завязать выгодныя сношенія съ Китаемъ. Всѣ эти соображенія расположили въ пользу этого плана капиталистовъ и опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей, и онъ былъ окончательно принятъ Западной компаніей телеграфовъ въ 1863 г. Нѣкоторые говорили, что второй атлантическій кабель можетъ удасться, и что эта удача будетъ имѣть вредное и даже гибельное вліяніе на существованіе предполагаемой сухопутной линіи; но событіе это казалось столь невѣроятнымъ, что общество рискнуло приступить къ дѣлу.

Съ русскимъ правительствомъ былъ заключенъ контрактъ о проведеніи телеграфной линіи черезъ Сибирь къ устьямъ Амура, предоставлявшій компаніи нѣкоторыя исключительныя привиллегіи на русской территоріи. Подобныя-же гарантіи были испрошены и у британскаго правительства: въ 1864 г. Конгрессъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ также обѣщалъ свое содѣйствіе и „Western Union Extension Company" была организована съ номинальнымъ капиталомъ въ 10,000,000 фунтовъ. Акціи были скоро разобраны преимущественно акціонерами главнаго общества, и немедленно былъ сдѣланъ дополнительный взносъ по 5 процентовъ съ цѣлію образовать фондъ для успѣшнаго продолженія дѣла. Такъ велика была въ то время вѣра въ успѣхъ этого предпріятія, что акціи его продавались черезъ два мѣсяца по 15 долларовъ за штуку, хотя первоначальный взносъ на каждую составлялъ только 5 долларовъ.

Въ Августѣ 1864 г. полковникъ С. Бёлькли, бывшій начальникъ военныхъ телеграфовъ въ округѣ заливовъ былъ назначенъ главнымъ инженеромъ предполагаемой линіи и въ декабрѣ отправился изъ Нью-Іорка въ С. Франциско, чтобы организовать нѣсколько партій

охотниковъ для предстоящихъ изысканій и открытія работъ. Руководимый желаніемъ принять участіе въ такомъ новомъ и важномъ предпріятіи, а также и по врожденной склонности къ путешествіямъ и связаннымъ съ ними приключеніямъ, страсть, которую до сихъ поръ мнѣ не удавалось удовлетворить, я предложилъ мои услуги компаніи, вскорѣ послѣ проектированія этой линіи. Мое предложеніе было принято охотно и 13 декабря я отправился главнымъ инженеромъ въ С. Франциско, гдѣ должно было находиться управленіе общества. Немедленно послѣ своего пріѣзда, полковникъ Бёлькли открылъ контору въ Монтомери-Стритѣ и занялся организаціею партій изслѣдователей для развѣдки пути мѣстностей Британской Колумбіи, Русской Америки и Сибири; контора компаніи переполнилась искателями всевозможныхъ должностей. Отважные землекопы, давно уже ждавшіе пристроиться къ какому-нибудь дѣлу, раззоренные искатели золота, надѣявшіеся поправить свое состояніе на новыхъ золотыхъ розсыпяхъ, которыя они предполагали открыть на сѣверѣ, люди, жаждавшіе новыхъ впечатлѣній,—всѣ спѣшили предложить свои услуги, какъ піонеры великаго дѣла. Былъ большой спросъ на опытныхъ и искусныхъ инженеровъ, но вмѣстѣ съ ними являлось неограниченное число людей, у которыхъ недостатокъ опытности замѣнялся избыткомъ рвенія.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ хлопотахъ по организаціи и снаряженію различныхъ партій, пока, наконецъ, не было объявлено въ іюлѣ 1865 г., что суда компаніи готовы къ отплытію.

Первоначальный планъ дѣйствій былъ слѣдующій: одна партія должна была высадиться въ Британской Колумбіи, у устьевъ рѣки Фрэзера, другая—въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ, у пролива Нортонова, и третья—на Азіятскомъ берегу Берингова пролива, у устья

Анадыри. Эти партіи, подъ начальствомъ Попа, Кенникотта и Макри, должны были углубиться внутрь материка, слѣдуя насколько возможно теченію рѣкъ, у устьевъ которыхъ они были высажены, собрать свѣдѣнія относительно климата, почвы, произведеній и обитателей посѣщаемыхъ ими странъ, и въ общихъ чертахъ намѣтить линію предполагаемаго телеграфа.

Обѣ американскія партіи распологали сравнительно бо́льшими удобствами для своихъ операцій, чѣмъ сибирская партія, посланная на азіятскій берегъ. Послѣдняя должна была высадиться возлѣ Берингова пролива, на границѣ безплодной, пустынной страны, на разстояніи почти тысячи верстъ отъ европейскихъ поселеній. Безопасность этой партіи не была ничѣмъ обезпечена и предоставлена самой себѣ среди кочующихъ племенъ враждебныхъ туземцевъ, безъ всякихъ средствъ къ внутреннему сообщенію, кромѣ лодокъ. Многіе сторонники этого предпріятія утверждали, что оставить людей въ такомъ положеніи и при такихъ обстоятельствахъ, было-бы равносильно обрекать ихъ почти на вѣрную смерть, совѣтовали не высаживать партіи на азіятскомъ берегу Сѣверной части Тихаго океана, а послать ее въ одинъ изъ русскихъ портовъ Охотскаго моря, гдѣ она могла-бы найти поддержку, собрать свѣдѣнія о внутренности страны и достать лошадей или сани, запряженныя собаками, для сухопутныхъ изысканій въ какомъ угодно направленіи.

Хотя благоразуміе этого совѣта было для всѣхъ очевидно, но, къ сожалѣнію, у главнаго инженера не было судна для доставленія партіи въ Охотское море, и если въ это лѣто партія и могла быть отправлена на азіятскій берегъ, то только къ Берингову проливу.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ іюня узнали, что небольшое русское купеческое судно „Ольга“, готовилось къ отплытію изъ С. Франциско въ Камчатку, на

юго-западный берегъ Охотскаго моря. Полковнику Бёлькли удалось уговорить владѣльцевъ судна взять четырехъ человѣкъ изъ его команды и высадить ихъ въ Николаевскѣ у устья р. Амура. Хотя на сѣверномъ берегу моря находились болѣе удобные пункты для начатія нашихъ операцій, но во всякомъ случаѣ, Николаевскъ былъ лучше чѣмъ поселенія у Берингова пролива; въ скоромъ времени организовалась партія къ отплытію на „Ольгѣ" къ устью Амура. Эта партія состояла изъ русскаго маіора Абазы, который былъ назначенъ начальникомъ работъ; Джемса Мэгуда, инженера, пользующагося большой извѣстностью въ Калифорніи, Р. Дж. Бёша, только-что возвратившагося послѣ трехлѣтнихъ экскурсій въ обѣихъ Каролинахъ; и меня, небогатаго опытностью, но полнаго надежды и довѣрія къ собственнымъ силамъ и энтузіазма.

28-го іюня намъ объявили, что бригъ „Ольга" окончательно нагруженъ и готовъ къ *отплытію*.

Какъ мы узнали впослѣдствіи, это означало только, что бригъ отправится въ море впродолженіи лѣта; но мы, по неопытности, вообразили, что онъ дѣйствительно готовъ сняться съ якоря и это повергло насъ всѣхъ въ большое волненіе. Мы поспѣшно стали приготовляться къ отъѣзду; верхнее платье, полотняныя рубашки и щегольскіе сапоги были розданы и уничтожены: одѣяла, толстая, тяжелая обувь и фланелевыя рубашки были закуплены въ значительномъ числѣ; карабины, револьверы и ножи огромныхъ размѣровъ придавали нашей комнатѣ видъ безпорядочнаго арсенала, стклянки съ мышьякомъ, кувшины съ алкоголемъ, сѣтки для бабочекъ, сачки для ловли улитокъ, коробки съ разными снадобьями и дюжина другихъ ученыхъ снарядовъ, о которыхъ мы не имѣли ни малѣйшаго понятія, были вручены намъ нашими восторженными натуралистами и уложены въ большіе ящики. Путешествіе Врангеля,

ботаника Грея и нѣсколько другихъ научныхъ сочиненій увеличили нашу маленькую библіотеку и къ вечеру мы были совершенно вооружены и снаряжены, готовые на всякое предпріятіе, начиная съ отыскиванія новаго вида клоповъ и до покоренія Камчатки.

Не желая отстать отъ общаго обычая осматривать корабль прежде отъѣзда, мы отправились съ Бёшемъ на пристань, гдѣ судно стояло на якорѣ. Капитанъ, толстый американскій нѣмецъ, встрѣтилъ насъ и провелъ по всему маленькому бригу. Наша ограниченная опытность въ морскомъ дѣлѣ не позволяла намъ судить о качествахъ какого-бы то ни было судна, но Бёшъ съ замѣчательнымъ искусствомъ вступилъ въ ученыя разсужденія съ капитаномъ, насчетъ красоты какихъ-то „линей" на его кораблѣ, парусахъ, конструкціи судна — оспаривалъ сравнительныя преимущества одиночныхъ и двойныхъ марселей, говорилъ о нокъ-таляхъ и рифъ-таляхъ, однимъ словомъ, выказалъ такія познанія, что окончательно поразилъ меня и даже изумилъ капитана.

Я сильно подозрѣвалъ, что Бёшъ пріобрѣлъ большую часть своихъ навигаторскихъ познаній при помощи чтенія книги Баудитча, „Мореплаватель", которую я видѣлъ на его письменномъ столѣ, и внутренно рѣшилъ достать полное собраніе морскихъ романовъ Марріэта и, при первой-же возможности, поразить его такимъ обиліемъ морскихъ терминовъ, что онъ въ смущеніи долженъ будетъ замолчать. Я вспомнилъ, что читалъ гдѣ-то въ романахъ Купера о какихъ-то юферсахъ и кранбалкахъ, и не желая прослыть невѣждой, началъ осматривать снасти и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній насчетъ юферсовъ и лиссель-спиртовъ. Но тутъ капитанъ въ свою очередъ озадачилъ меня какимъ-то вопросомъ, на который я не зналъ что отвѣтить и былъ вынужденъ со стыдомъ ретироваться и сойти внизъ для

осмотра кладовой. Здѣсь я почувствовалъ себя свободнѣе. Большія груды разной провизіи, запасы говядины, молока, пироги съ фруктами и маленькій боченочекъ съ заманчивой надписью вскорѣ успокоили мои нервы и окончательно убѣдили меня, что „Ольга" была вполнѣ удобна и отлично приспособлена для далекаго плаванія.

Я снова поднялся на палубу и объявилъ Бёшу, что подробно осмотрѣлъ нижнюю часть корабля и нашелъ судно вполнѣ для насъ удобнымъ. Я умолчалъ о причинахъ, на которыхъ было основано мое заключеніе, но онъ, по счастью, не сталъ меня расспрашивать, и мы вернулись въ нашу контору съ самымъ лестнымъ отзывомъ на счетъ устройства, прочности и удобства корабля.

Наконецъ, 1-го іюля, послѣдній грузъ былъ принятъ на бортъ судна и „Ольга" вышла въ открытое море.

Наши прощальныя письма были поспѣшно написаны, послѣдніе сборы окончены, мы всѣ собрались на пристань, гдѣ находился буксирный пароходъ, долженствовавшій доставить насъ на бригъ.

Много друзей собралось провожать насъ, пристань, пестрѣвшая туалетами дамъ и синими мундирами мужчинъ, освѣщенная солнечными лучами теплаго Калифорнскаго утра, имѣла праздничный видъ.

Полковникъ Бёльклп снабдилъ насъ послѣдними инструкціями, съ сердечнымъ пожеланіемъ намъ успѣха. Шутя, мы звали къ себѣ въ гости тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые оставались на берегу. Просьбы о доставленіи свѣдѣній о полярной природѣ и сѣверныхъ сіяніяхъ, вмѣстѣ съ указаніями, какъ сберегать птицъ и собирать насѣкомыхъ, сыпались со всѣхъ сторонъ; и среди этого хаоса поздравленій, пожеланій, предостереженій, шутокъ и трогательныхъ прощаній раздался послѣдній свистъ на пароходѣ. Долль, вѣчно вѣрный своей любимой наукѣ, пожалъ мнѣ дружески руку, сказавъ: „Прощайте, Джоржъ! Да хранитъ васъ Богъ! Не за-

будьте обратить вниманіе на сухопутныхъ улитокъ и на черепа дикихъ животныхъ!“ Миссъ Б. сказала умоляющимъ голосомъ: „Берегите моего милаго брата!“ И когда я обѣщалъ заботиться о немъ, какъ о собственномъ братѣ, я вспомнилъ о далекой сестрѣ, которая если-бъ была здѣсь, также, вѣроятно, повторила-бы ту-же просьбу обо мнѣ. Махая платками, мы медленно оставили пристань и, описавъ полукругъ, подошли къ „Ольгѣ“ и были высажены на маленькій бригъ, который долженъ былъ впродолженіи двухъ мѣсяцевъ служить намъ жилищемъ.

Бригъ стоялъ на якорѣ у входа въ Гольденъ-Гетъ и пароходъ, обогнувъ его на возвратномъ пути, еще разъ прошелъ мимо насъ; друзья наши стояли тѣсной группой на палубѣ, съ полковникомъ Бёлькли во главѣ, и простились съ нами троекратнымъ „ура!“ въ честь „Первой Сибирской партіи изслѣдователей“. Мы отвѣчали имъ тѣмъ-же. Это было наше послѣднее прости цивилизаціи, и мы молча слѣдили глазами за уменьшающимися очертаніями парохода, пока совершенно не изчезъ бѣлый платокъ, привязанный Арнольдомъ къ бакштагу, а мы одиноко понеслись по волнамъ Тихаго океана.

ГЛАВА II.

Плаваніе по Тихому океану.

«Онъ находилъ особеное удовольствіе и наслажденіе въ своихъ путешествіяхъ; кто не испыталъ этого, долженъ испробовать самъ».
Бертонъ.

На морѣ, 700 миль на С.-З. отъ С. Франциско.

Среда, 12-го Іюля 1865 г.

Десять дней тому назадъ, вечеромъ послѣ нашего отъѣзда изъ Америки, полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и въ ожиданіи будущихъ наслажденій, я напи-

салъ вышеприведенное изрѣченіе Бертона на первой страницѣ моего дневника, не сомнѣваясь въ осуществленіи этихъ «будущихъ наслажденій», которыя рисуются «умственнымъ очамъ» въ такой «лучезарной неизвѣстности», и убѣжденный, что «жизнь на волнахъ океана»—блаженнѣйшее состояніе, достижимое на землѣ. Изрѣченіе это казалось мнѣ достаточно остроумнымъ; я мысленно благословлялъ стараго анатома меланхоліи за такое простое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрное изрѣченіе. «Онъ находилъ особенное удовольствіе и наслажденіе въ своихъ путешествіяхъ»; и ничѣмъ неоправданная увѣренность, что всякій *долженъ* также находить то-же, что находилъ онъ, не казалось мнѣ нелѣпой.

Напротивъ, я находилъ эту увѣренность вполѣ логичной и съ презрѣніемъ отнесся-бы къ малѣйшему намеку на возможность разочарованія. Мои понятія о жизни на морѣ были крайне ограничены и были, преимущественно, почерпнуты изъ живописныхъ описаній заката солнца, «цвѣтущихъ острововъ, купающихся въ темно-пурпуровыхъ волнахъ океана», «лунныхъ ночей среди пустынныхъ водъ», которыми поэты съ незапамятныхъ временъ увлекали неопытныхъ обитателей твердой земли въ морскія путешествія. Туманы, бури, морскія болѣзни не входили въ мои представленія о жизни на морѣ; если-бы я даже допускалъ возможность бури, то только въ видѣ живописной борьбы вѣтра и волнъ, безъ непріятныхъ проявленій, свойственныхъ этимъ стихіямъ при болѣе прозаическихъ обстоятельствтхъ. Правда, я испыталъ маленькую непогоду во время моей поѣздки въ Калифорнію, но воображеніе мое давно уже превратило ее во что-то полное величія и поэзіи, и я ожидалъ бури въ Тихомъ океанѣ не только съ удовольствіемъ, но даже съ нетерпѣніемъ. Заблужденіе это было пріятно, пока оно

оставалось въ области заблужденій; но теперь—оно миновало. Десять дней дѣйствительной жизни на морѣ превратили «свѣтлое ожиданіе будущихъ наслажденій» въ мрачную увѣренность будущихъ бѣдствій, и мнѣ оставалось только скорбѣть о несовмѣстимости поэзіи съ дѣйствительностью. Я убѣдился, что Бёртонъ—хвастунъ, Тенисонъ—обманщикъ, я—жертва, Байронъ и Прокторъ—соучастники въ обманѣ. Никогда болѣе я не довѣряюсь поэтамъ. Они могутъ прекрасно писать стихи, но ихъ здравый смыслъ безнадежно развращенъ, и ихъ фантазія слишкомъ жива для вѣрнаго описанія морской жизни. «Лондонскій Пакетботъ» Байрона составляетъ единственное блестящее исключеніе, и другого я не помню въ цѣломъ рядѣ поэтическихъ произведеній.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили портъ С. Франциско, наша жизнь на морѣ не имѣла и тѣни поэзіи. Въ продолженіи почти недѣли мы всѣ испытали невыразимыя страданія морской болѣзни; цѣлые дни мы лежали на нашихъ узкихъ койкахъ, слишкомъ слабые чтобы читать, и даже неспособные говорить.

До отплытія почти всѣ мы были послѣдователями философіи Тэпля—не унывать ни при какихъ обстоятельствахъ; но теперь у насъ оказался самый плачевный разладъ между словомъ и дѣломъ. Куда дѣвалась бодрость въ этихъ жалкихъ четырехъ фигурахъ, неподвижно растянутыхъ вдоль стѣны. Морская болѣзнь восторжествовала надъ философіей, и только представленія о будущемъ, самаго мрачнаго свойства были нашимъ единственнымъ занятіемъ. Я помню, что размышлялъ я даже очень серьезно о вѣроятности морской болѣзни у Ноя, стараясь сравнить устройство ковчега съ нашимъ бригомъ и рѣшить вопросъ: подвергался-ли первый, подобно «Ольгѣ», такой-же безпокойной качкѣ во время сильнаго волненія. Если да, то такое-же тяже-

лое испытаніе должны были вынести бѣдныя твари, находившіяся въ ковчегѣ?

Также я спрашивалъ себя: родились-ли Язонъ и Одиссей съ привычкою къ морской качкѣ, или они испытали то-же печальное положеніе, въ которомъ мы находились теперь.

Въ концѣ-концовъ я пришелъ къ тому заключенію, что морская болѣзнь, подобно нѣкоторымъ недугамъ, была дьявольскимъ изобрѣтеніемъ новѣйшаго времени, и что древніе, вѣроятно, обходились какъ-нибудь безъ нея. Потомъ, разглядывая пятна, оставленныя мухами на крашеной панели на разстояніи десяти дюймовъ отъ моихъ глазъ, я вспомнилъ тѣ свѣтлыя надежды, съ которыми я отправлялся изъ С. Франциско и со стономъ оборачивался лицомъ къ стѣнѣ.

Не знаю, излагалъ-ли кто-нибудь на бумагѣ свои мечты во время морской болѣзни. Есть «Вечернія мечты», «Мечты холостяка», «Мечты на берегу моря»; но, насколько я знаю, никто не пробовалъ оказать ту-же справедливость «Мечтамъ во время морской болѣзни». Такой пробѣлъ могъ-бы пополнить любой начинающій писатель, обладающій способностью мечтать на эту обширную нетронутую тему. Одна только поѣздка по Тихому океану на маленькомъ бригѣ могла-бы доставить ему неисчерпаемый запасъ матеріала. Наше плаваніе было до сихъ поръ настолько однообразно, что не представляло ни одного замѣчательнаго событія. Погода стояла холодная, туманная, сырая, съ небольшимъ вѣтромъ и сильнымъ морскимъ волненіемъ; мы помѣщались въ задней каютѣ, въ которой могло помѣститься отъ семи до десяти человѣкъ, и ея спертая атмосфера, пропитанная запахомъ вонючей воды, ламповаго масла и табачнаго дыма, имѣла скверное вліяніе на наше расположеніе духа.

Впрочемъ, сегодня, по счастью, всѣ мы на ногахъ,

хотя чувствуемъ нѣкоторую слабость, такъ-что даже воодушевляющіе звуки марша изъ Фауста, наигрываемаго капитаномъ на старомъ разстроенномъ аккордеонѣ, не въ состояніи оживить унылыя лица, сидящихъ у стола въ каютѣ. Впрочемъ, Мэгудъ увѣряетъ, что онъ совершенно здоровъ и играетъ съ капитаномъ, сохраняя наружное спокойствіе, близкое къ героизму, но мы замѣчаемъ, что онъ по временамъ неожиданно и внезапно убѣгаетъ на палубу и возвращается каждый разъ съ болѣе истощеннымъ и плачевнымъ видомъ. Когда его спрашиваютъ о причинѣ этихъ періодическихъ путешествій на палубу, онъ отвѣчаетъ съ напускною веселостью, что ходитъ только «поглядѣть на компасъ и справиться, въ какомъ онъ положеніи». Я недоумѣваю, почему это «наблюденіе за компасомъ» сопровождается такимъ болѣзненнымъ и печальнымъ измѣненіемъ въ его лицѣ при возвращеніи, но Мэгудъ исполняетъ возложенную на себя обязанность съ непоколебимой твердостью и избавляетъ насъ, до нѣкоторой степени, отъ заботъ на счетъ безопасности корабля. Капитанъ, кажется, пренебрегаетъ этимъ, и иногда въ продолженіе цѣлаго дня не справляется съ компасомъ; но зато Мэгудъ наблюдаетъ за нимъ съ неусыпною бдительностью.

Бригъ «Ольга», 800 миль на С.-З. отъ С. Франциско.

Воскресенье, 16 Іюля 1865 г.

Скучное однообразіе нашего плаванія было нарушено въ предпослѣднюю ночь, и болѣзненное состояніе наше усилилось вслѣдствіе сильнаго С.-З. вѣтра, заставившаго насъ въ продолженіе двадцати часовъ пролежать въ дрейфѣ, подъ гротмарселемъ. Буря началась послѣ полудня, а въ девять часовъ вечера вѣтеръ усилился. Море сильно волновалось; волны ударялись о борта корабля, подобно гигантскому молоту; вѣтеръ бушевалъ въ снастяхъ, а протяжное, меланхолическое

завываніе бури между блоками наполняло нашу душу какимъ-то зловѣщимъ предчувствіемъ и не давало возможности сомкнуть глаза. Утро забрежжилось, наконецъ, какъ-то пасмурно и неохотно, и его первые сѣроватые лучи, борясь съ темнотою нашей каюты, освѣтили комическую сцену смятенія и безпорядка. Бригъ тяжело покачивался, и сундукъ Мэгуда, сорвавшись съ того мѣста, гдѣ былъ укрѣпленъ, катался взадъ и впередъ по полу каюты. Толстая пеньковая трубка Бёша, въ обществѣ огромной губки, заняла временную квартиру въ тульѣ моей лучшей шляпы, а ящикъ съ сигарами майора переселялся періодически изъ угла въ уголъ, таща за собой чью-то грязную рубашку. Книги, бумаги, сигары, щетки, грязные воротнички, чулки, пустыя бутылки, туфли, платья, старые сапоги—катались по полу во всѣхъ направленіяхъ, и огромный ящикъ съ телеграфными принадлежностями угрожалъ ежеминутно сорваться съ крючковъ и раздавить насъ всѣхъ при своемъ паденіи. Маіоръ, проявившій первые признаки жизни, приподнялся локтями на своей постели, пристально посмотрѣлъ на двигающіеся и катающіеся предметы и, покачавъ задумчиво головою, произнесъ: „Удивительно, очень удивительно!“ точно разбросанные сигарные ящики и сапоги представляли какія-то особенности природы. Въ это время корабль покачнулся отъ внезапнаго толчка, что придало этому монологу еще болѣе глубокое впечатлѣніе и безъ всякаго сомнѣнія подкрѣпило въ немъ мнѣніе объ испорченности матеріи вообще, а Тихаго океана въ особенности, и маіоръ снова опустилъ голову на подушку.

При такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ требовалась нѣкоторая рѣшимость, чтобы встать съ постели. Однако, Бёмъ, покряхтѣвъ и зѣвнувъ нѣсколько разъ, приподнялся съ постели и попробовалъ одѣться. Улучивъ удобную минуту, когда корабль покачнулся подъ

вѣтромъ онъ поспѣшно схватилъ сапоги одной рукой, а другою панталоны и съ удивительною ловкостью сталъ скакать по каютѣ, но постоянно спотыкался; ему пришлось перепрыгивать чрезъ сундуки и катающіяся на полу бутылки; въ то-же время онъ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы всунуть въ сапогъ поочередно то одну ногу, то другую. Но во время такихъ усердныхъ усилій почувствовалъ наклоненіе корабля въ противную сторону и стремительно полетѣлъ на неповинный ни въ чемъ умывальникъ; но при такомъ быстромъ паденіи онъ спотыкнулся о катившуюся по каютѣ бутылку и грохнулся на полъ. Маіоръ разразился громкимъ смѣхомъ и снова воскликнулъ: „Повторяю вамъ, что это удивительная качка!"—„Да—отвѣтилъ Бёшъ—внѣ себя отъ досады,—встаньте и убѣдитесь сами какая качка!" Но для маіора совершенно достаточно посмотрѣть на Бёша и отъ души посмѣяться надъ нимъ. Однако, этотъ послѣдній, несмотря на всѣ препятствія, окончилъ-таки свой туалетъ, и я порѣшилъ послѣ нѣкотораго колебанія послѣдовать его примѣру. Споткнувшись раза два на сундукъ, упавъ на колѣна, и послѣ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ подвиговъ, я успѣлъ надѣть мою куртку на изнанку, правый сапогъ на лѣвую ногу, а лѣвый—на правую, и поплелся на палубу. Вѣтеръ еще не стихалъ, и на бригѣ не было поставлено никакого другого паруса, кромѣ гротъ-марселя. Огромныя, синеватыя массы воды набѣгали другъ на друга, почти соединяясь съ нависшими дождевыми тучами. Бѣлые гребни пѣнящихся валовъ поднимались на десять футовъ выше квартеръ-дека и разсыпались облакомъ ослѣпительнѣйшихъ брызгъ. Хотя все это не совсѣмъ соотвѣтствовало моимъ понятіямъ о бурѣ, но я все-таки долженъ былъ сознаться, что во многомъ мои представленія были сходны съ дѣйствительностью. Классическій вой вѣтра въ снастяхъ существовалъ на самомъ дѣлѣ, волненіе

на морѣ было ужасное, и корабль такъ подбрасывало и качало изъ стороны въ сторону, что самый строгій критикъ долженъ былъ-бы удовлетвориться. Но величественное впечатлѣніе, о которомъ я мечталъ, уступило почти совершенно мѣсто ощущенію личныхъ непріятностей. Человѣкъ, толко-что подброшенный или сбитый съ ногъ внезапными колебаніями корабля или промоченный до костей облакомъ брызгъ, не въ состояніи созерцать величіе природы; и послѣ такихъ разнообразныхъ и утомительныхъ испытаній, всѣ его романическія мечты о красотѣ и величіи океана значительно измѣнятся и вылетятъ изъ его головы. Дурная погода имѣетъ мало общаго съ поэзіей. „Влажное покрывало" и „безпредѣльное море" поэта лишаются всякой поэзіи, когда мы находимъ „влажную простыню" на нашей собственной постели и „безпредѣльное море" на полу каюты, и на опытѣ испытываемъ не только величіе моря, сколько непріятности и неудобства морскихъ путешествій.

Бригъ «Ольга» на морѣ.

27 Іюля 1865 г.

Я часто недоумѣвалъ, живя въ С. Франциско, откуда берется холодный туманъ, который съ приближеніемъ ночи собирается вокругъ уединенной горы и Гольбенъ-Гета. Теперь я открылъ его лабораторію. Въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль плаванія, мы находились все время въ густомъ, сѣромъ облакѣ тумана, по временамъ достигавшаго такой плотности, что брамъ-стеньга скрывалась изъ нашихъ глазъ, и такого пронизывающаго свойства, что онъ проникалъ даже въ нашу маленькую заднюю каюту и осаждался крупными каплями на нашей одеждѣ. Онъ происходитъ, вѣроятно, отъ теплаго теченія Великаго океана, гольфъ-стрёма, чрезъ который мы теперь проходимъ и испаренія

котораго сгущаются въ туманы холодными с.-в. вѣтрами Сибири. Эта самая непріятная принадлежность нашего плаванія.

Наша жизнь сложилась, наконецъ, въ спокойное, однообразное препровожденіе времени, состоящее изъ ѣды, куренья, наблюденія за барометромъ и двѣнадцати часовъ сна въ сутки. Буря, ниспосланная намъ двѣ недѣли тому назадъ, на время возбудила насъ пріятнымъ образомъ и дала обильный матеріалъ для разговора, но всѣ мы согласились наконецъ съ маіоромъ, что эта была „странная вещь" и напряженно ожидали какого-нибудь другого происшествія. Одинъ холодный дождливый, туманный день смѣняется другимъ, съ тою толко разницей, что сильный вѣтеръ иногда замѣняется легкимъ вѣтеркомъ, и снѣгомъ. Время тянется очень медленно. Каждое утро насъ будитъ въ половинѣ седьмаго младшій помощникъ капитана, забавный, флегматическій голландецъ торопитъ насъ вставать и посмотрѣть воображаемаго кита, который ему аккуратно представляется передъ завтракомъ и который, подобно таинственному призраку также постоянно исчезаетъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ добраться до палубы. Китъ, впрочемъ, исчезаетъ только на время и превращается вскорѣ въ такого-же таинственнаго морского змѣя, удивительную наружность котораго онъ описываетъ ломанымъ англійскимъ языкомъ, тщетно надѣясь, что мы выйдемъ посмотрѣть на него, несмотря на сырую, туманную погоду. Однако, мы никогда не оправдываемъ его ожиданій. Бёшъ открываетъ глаза, зѣваетъ и бросаетъ заспанный взглядъ на чайный столъ, находящійся въ передней каютѣ капитана. Съ моей койки этотъ столъ невиденъ, и потому я наблюдаю за движеніями Бёша. Мы слышимъ прихрамывающую походку баталера на палубѣ надъ нашими головами и вслѣдъ за тѣмъ съ полдюжины горячихъ картофелинъ скатываются, посту-

кивая, по трапу въ каюту. Это предвѣстники завтрака. Бёшъ наблюдаетъ за столомъ, я-же въ свою очередь наблюдаю за Бёшемъ, пока баталеръ вноситъ кушанья и, по выраженію лица Бёша, рѣшаю, стоитъ-ли вставать или нѣтъ. Если онъ вздыхаетъ и отворачивается лицомъ къ стѣнкѣ, это служитъ признакомъ, что завтракъ состоитъ только изъ рубленнаго мяса; я вторю его вздоху и слѣдую его примѣру; но если онъ улыбается и начинаетъ вставать, я дѣлаю то-же самое въ полной увѣренности, что насъ ожидаютъ котлеты изъ свѣжей баранины и курица съ рисомъ. Послѣ завтрака маіоръ выкуриваетъ сигару и задумчиво смотритъ на барометръ; капитанъ беретъ свой аккордіонъ и играетъ русскій національный гимнъ, а Бёшъ и я поднимаемся на палубу, чтобы подышать свѣжимъ утреннимъ туманомъ и подтрунить надъ младшимъ штурманомъ и надъ его морскимъ змѣемъ. Затѣмъ мы занимаемся чтеніемъ, потомъ играемъ въ шашки; если-же погода позволяетъ, то упражняемся въ фехтованьи. Такъ проходитъ день за днемъ, и еще много пройдетъ такихъ дней, пока мы мы увидимъ землю.

На морѣ, близъ Алеутскихъ острововъ.

6-го Августа 1895 г.

Я готовъ отдать сотни миль моря за одинъ единственный акръ самой безплодной суши, степи, пустыни... все, все только-бы не эта безконечная водяная пустыня! Какая только будетъ Камчатка, намъ это все равно; мы станемъ привѣтствовать ее съ такою-же радостью, какъ Колумбъ привѣтствовалъ цвѣтущіе берега Санъ-Сальвадора. Я былъ-бы очень радъ теперь взглянуть хотя на песчаную полоску, даже готовъ отказаться отъ травы, лишь-бы только быть увѣреннымъ, что увижу полосу песку. Мы плывемъ тридцать четыре дня по морю, и за всё это время мы не видѣли ни паруса, ни

клочка земли. Чтобы нѣсколько развлечься, мы ведемъ научные споры о различныхъ историческихъ событіяхъ; но эти мѣры не приводятъ насъ ни къ какому результату, такъ-какъ среди насъ нѣтъ такого авторитета, который-бы могъ рѣшать наши споры и возникающіе по этому поводу вопросы. Вотъ уже болѣе двухъ недѣль, какъ у насъ идутъ споры объ отправленіяхъ дыхательныхъ органовъ у кита; я полагаю, что эти споры никогда не могли-бы окончиться вполнѣ удовлетворительно, если-бы наше путешествіе продолжалось-бы цѣлую вѣчность, подобно „Летучему Голландцу". У капитана есть старая „Исторія Міра", состоящая изъ двадцати шести фоліантовъ и написанная на голландскомъ языкѣ. Капитанъ всякій разъ прибѣгалъ къ этой книгѣ, когда заходилъ споръ о чемъ-бы то ни было: о наукѣ, религіи, любви, искусствѣ или политикѣ. Лишь только возникалъ какой-либо вопросъ, какъ нашъ капитанъ становился подъ защиту своихъ тяжеловѣсныхъ фоліантовъ и осыпалъ насъ градомъ голландскихъ словъ до тѣхъ поръ, пока мы всецѣло не соглашались съ нимъ. Если мы выражали хотя тѣнь сомнѣнія относительно заключеній о доводахъ, высказанныхъ въ его фоліантахъ, то онъ называлъ насъ скептиками, такъ какъ мы не хотѣли даже вѣрить тому, что напечатано именно въ исторіи на голландскомъ языкѣ! Въ виду того, что капитанъ надѣлялъ насъ за обѣдомъ порціями паштета, я всегда считалъ болѣе удобнымъ вполнѣ соглашаться съ мнѣніями его тевтонскаго историка и вмѣстѣ съ нимъ обличать вреднаго еретика Бёша, желавшаго казаться умнѣе печатной книги. Слѣдствіемъ этого являлось такого рода обстоятельство, что обыкновенно за обѣдомъ Бёшъ получалъ одинъ небольшой ломтикъ паштета, а я удостоивался получать двѣ большія порціи, что, конечно, было очень пріятно для моего желудка и кромѣ того полезно для распространенія исторической науки!

Бёшъ, вѣроятно, теперь понялъ, въ чемъ дѣло и съ своей стороны сталъ выказывать достодолжное уваженіе къ исторіи, написанной на голландскомъ языкѣ.

ГЛАВА III.

Продолженіе плаванія.—Петропавловскъ.

Бригъ «Ольга», на морѣ, 200 миль отъ Камчатки.

17 Августа 1865 г.

Наше путешествіе приближается къ концу. Послѣ семи долгихъ недѣль плаванія, въ холодную и дождливую погоду, наконецъ мы увидимъ землю, и ея видъ никогда еще такъ не радовалъ утомленныхъ моряковъ, какъ обрадовалъ насъ. Даже въ ту минуту, какъ я пишу эти строки, слышны чистка и скобленіе на палубѣ, что служитъ предвѣстникомъ нашего приближенія къ твердой землѣ. Корабль наряжаютъ, приготовляя его явиться въ общество. Въ эту ночь мы находимся въ 255 миляхъ отъ Петропавловскаго порта, на берегу Камчатки; если попутный вѣтеръ будетъ намъ благопріятствовать, мы надѣемся достигнуть его завтра въ полдень. Сегодня утромъ наступилъ почти полный штиль, такъ-что мы едва-ли прійдемъ ранѣе субботы.

На морѣ, близъ берега Камчатки.

Пятница, 18 Августа 1865 г.

Все утро дуетъ попутный вѣтерокъ и бригъ подается впередъ среди густого тумана, сквозь который даже брамсель можно различить съ трудомъ. Если вѣтеръ не утихнетъ и туманъ разсѣется, мы можемъ увидать землю сегодня вечеромъ.

11 часовъ утра.

Только-что слѣзъ съ салинга, гдѣ я, впродолженіе трехъ часовъ, находился въ самомъ неловкомъ положеніи, уцѣпившись за бакштагъ, въ надеждѣ увидать

землю, раскачиваясь взадъ и впередъ и описывая полукругъ, при каждомъ покачиваніи корабля на волнахъ. На разстояніи нѣсколькихъ саженъ нельзя было различать предметы, хотя небо совершенно безоблачно. Чайки и морскія ласточки стаями вьются вокругъ корабля и море кишитъ медузами.

Полдень.

Полчаса тому назадъ, туманъ сталъ подниматься, и въ 11 ч. 40 м. капитанъ, неспускавшій подзорной трубы съ горизонта, закричалъ весело: „Земля! Земля! Ура!" и крикъ этотъ повторился, какъ эхо по всему кораблю, съ носа на корму и отъ камбуза до брамъ-стеньги. Бёшъ, Мэгудъ и маіоръ бросились на полу-бакъ; маленькій, хромой баталеръ, какъ сумасшедшій выбѣжалъ изъ камбуза съ руками, выпачканными въ тѣстѣ, и вскарабкался на какой-то ящикъ; матросы побѣжали къ вантамъ, и только стоящій у штурвала боцманъ сохранилъ полное самообладаніе. Впереди насъ обрисовывались на горизонтѣ, въ блѣдномъ свѣтѣ, два высокіе конуса, на такомъ разстояніи, что виднѣлся только бѣлый снѣгъ въ ихъ глубокихъ оврагахъ; очертанія ихъ были такъ неясны, что ихъ едва можно было отличить отъ голубого неба. Это были Велесинскія горы и Авача на Камчатскомъ берегу, на разстояніи болѣе сотни миль отъ насъ. Маіоръ долго и пристально смотрѣлъ на нихъ въ зрительную трубу и, гордо протянувъ руку въ ихъ направленіи, обратился къ намъ со словами: „Вы видите передъ собою мое отечество—великую Россійскую Имперію!" и когда корабль снова погрузился въ туманъ, онъ разомъ прервалъ свою витіеватую рѣчь, и вскричалъ съ недовольнымъ видомъ: „Чортъ знаетъ, что это такое—странная вещь! туманъ, туманъ и только одинъ туманъ!"

Черезъ пять минутъ исчезли послѣдніе слѣды „Обширной Россійской Имперіи", и мы сошли обѣдать въ

такомъ веселомъ, возбужденномъ состояніи, которое можетъ себѣ представить только тотъ, кому довелось провести сорокъ шесть дней на морѣ.

4 часа пополудни.

Мы опять были обрадованы зрѣлищемъ недалекой отъ насъ земли. Полчаса тому назадъ я былъ на салингѣ и видѣлъ оттуда, что утренній туманъ сталъ проходить, подымаясь, подобно огромной сѣрой занавѣси; уже стало видно и море и темно-голубое небо; синева послѣдняго окрашивалась розовыми лучами заходящаго солнца, что представляло нашимъ взорамъ чудную картину. Береговая линія Камчатки на протяженіи 150 миль съ сѣвера на югъ уже была у насъ передъ глазами. Крутые уступы, возвышавшіеся надъ синевой моря, казались окрашенными въ яркій пурпуровый цвѣтъ; тамъ и сямъ виднѣлись облачки и клочья тумана, скрывавшіеся затѣмъ въ блестящей бѣлизнѣ снѣга, покрывавшаго вершины горъ. Два дѣйствующихъ вулкана, въ 10000 и въ 16000 футъ высоты, поднимались надъ многочисленными зубчатыми рядами менѣе высокихъ горъ, рѣзко выдѣлявшихся на лазурномъ небѣ своими остроконечными вершинами, покрытыми вѣчными снѣгами, тогда-какъ ихъ подошвы были окутаны вечернею тѣнью. Эта чудная картина такъ и возстала передъ нашими глазами, а вслѣдствіе ясной и чистой атмосферы, казалось, что до берега не болѣе 15 миль. Но не прошло и пяти минутъ, какъ снова опустился туманный занавѣсъ и дивная картина, подобно миражу, снова скрылась отъ нашихъ взоровъ. Со всѣхъ сторонъ мы были окружены густымъ влажнымъ туманомъ.

Петропаловскъ, Камчатка.

19-го августа 1865 г.

Вчера, при наступленіи сумерекъ, мы полагали, что находимся на разстояніи не болѣе пятнадцати миль отъ

Поворотнаго мыса, но по случаю густого окружавшаго насъ тумана капитанъ не рѣшался итти впередъ. Такимъ образомъ мы простояли всю ночь въ ожиданіи восхода солнца, надѣясь, что туманъ разойдется, и тогда уже можно будетъ совершенно безопасно подойти къ берегу. Я поднялся на палубу въ пять часовъ утра; но погода стояла туманная и холодная: верхушки волнъ, подгоняемыя юго-восточнымъ вѣтромъ, неслись къ намъ, на встрѣчу; около шести часовъ утра стало нѣсколько свѣтлѣе, погода прояснилась. Бригъ былъ окончательно снаряженъ и сталъ медленно подвигаться впередъ. Капитанъ, съ зрительною трубою въ рукѣ, озабоченно похаживалъ по квартеръ-деку; время отъ времени онъ посматривалъ то на горизонтъ, то въ ту сторону, откуда дулъ вѣтеръ, ожидая улучшенія погоды. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ было повернуть корабль назадъ, опасаясь при такомъ туманѣ выскочить на подвѣтренный берегъ; но вотъ стало еще свѣтлѣе, и уже линія горизонта совершенно ясно очертилась передъ нашими глазами, туманъ окончательно исчезъ. Но къ нашему великому изумленію ни гдѣ не было видно ни одной пяди суши ни въ какомъ направленіи! Длинный рядъ синеватыхъ горъ, казавшійся намъ еще наканунѣ въ такомъ близкомъ разстояніи, теперь совершенно исчезъ. Не видно было ни ихъ грандіозныхъ, покрытыхъ снѣгомъ, вершинъ, ни прибережныхъ уступовъ — словомъ, все это исчезло неизвѣстно куда, точно было поглощено морской пучиной!

Ничто не указывало на близость суши, только множество самыхъ разнообразныхъ птицъ вились и шумѣли около нашего судна и нѣкоторыя изъ нихъ подлетали даже очень близко къ нему, но потомъ вдругъ поднимали крикъ и шумъ и отлетали дальше. Относительно такого быстраго исчезновенія берега были высказаны всевозможныя предположенія. Капитанъ находилъ, что

сильное теченіе отнесло насъ ночью къ юго-востоку. Бёшъ-же утверждалъ, что ночью мы пронеслись мимо берега, сами того не замѣтивъ, а помощникъ капитана вѣроятно, въ это время заснулъ, но послѣдній оправдывался, говоря, что видѣнныя нами наканунѣ горы были не болѣе, какъ миражъ, а въ дѣйствительности тутъ вовсе и не было никакой земли. Маіоръ находилъ все это „у-ди-ви-тельнымъ" и не рѣшался вставить ни одного слова, относительно рѣшенія этой проблеммы.

Но вотъ съ ю.-в. подулъ благопріятный вѣтеръ и мы летѣли съ быстротою семи узловъ. Пробило восемь часовъ... девять... десять — но земли не было видно, хотя послѣ разсвѣта мы прошли 30 миль. Въ одиннадцать часовъ, впрочемъ, на горизонтѣ стало дѣлаться все темнѣе, и вдругъ высокій берегъ, оканчивающійся крутымъ утесомъ, выступилъ передъ нами изъ прозрачнаго тумана, въ четырехъ миляхъ отъ насъ. Настало всеобщее волненіе. Брамсели были взяты на штовы, чтобы замедлить ходъ корабля, и онъ былъ направленъ такъ, чтобы описать кривую линію на разстояніи почти трехъ миль отъ берега. Вершины горъ, по которымъ мы могли-бы опредѣлить наше мѣсто, были скрыты отъ насъ облаками и туманомъ, такъ-что не по чему было опредѣлить, гдѣ именно мы находились.

Налѣво, въ туманѣ, неясно виднѣлись два или три высокіе, голубоватые мыса, но что это было, и гдѣ могъ находится Петропавловскій портъ — этого никто не зналъ. Капитанъ принесъ свои морскія карты, компасы и разные инструменты на палубу, разложилъ ихъ ближе къ свѣту и началъ измѣрять разстояніе различныхъ мысовъ, между тѣмъ какъ мы внимательно разсматривали берегъ въ зрительныя трубы и давали волю различнымъ мнѣніямъ относительно нашего положенія. Русская карта этого берега, которую капитанъ имѣлъ передъ собою, вполнѣ вѣрная, отчего онъ скоро опре-

дѣлилъ наше положеніе и названіе мысовъ, видимыхъ нами. Мы находились на сѣверѣ мыса Поворотнаго, около девяти миль южнѣе входа въ Авачинскую губу. Реи были поставлены поперекъ корабля и мы поворотили на другую сторону подъ сильнымъ Ю.-В. вѣтромъ.

Меньше чѣмъ черезъ часъ мы увидали высокіе уединенные утесы, извѣстные подъ именемъ „Трехъ Братьевъ", миновали утесистый островъ, надъ которымъ вились стаи крикливыхъ чаекъ и дикихъ утокъ, и около двухъ часовъ достигли берега Авачинской губы, на которомъ расположено селеніе Петропавловскъ. Видъ, представившійся намъ при входѣ въ губу, превзошолъ всѣ наши ожиданія. Зеленѣющія долины, поросшія сочной травой, начинались у самаго берега и терялись въ отдаленныхъ горахъ; на возвышенностяхъ росли березы; группы темно-зеленыхъ кустовъ, долины, усѣянныя цвѣтами, виднѣлись на защищенныхъ склонахъ холмовъ; и когда мы проходили мимо маяка, Бёшъ вскричалъ радостно „Ура! Здѣсь есть клеверъ". „Клеверъ?" замѣтилъ капитанъ недовѣрчиво, „въ сѣверныхъ странахъ вовсе нѣтъ клевера!" „Почему вы это знаете, если вы никогда здѣсь не были?" возразилъ Бёшъ насмѣшливо. „Это похоже на клеверъ", и — глядя въ зрительную трубу, крикнулъ — „Это дѣйствительно клеверъ!" и лицо его просіяло, какъ будто открытіе клевера облегчило его умъ отъ большой части опасеній на счетъ суровости камчатского климата. Это былъ какъ-бы растительный указатель температуры, и изъ маленькаго стебелька клевера воображеніе Бёша развило цѣлую роскошную флору умѣренныхъ поясовъ. Съ именемъ Камчатки у насъ соединялось представленіе о чемъ-то пустынномъ и негостепріимномъ; мы не подозрѣвали даже, что страна эта можетъ представлять разнообразіе животныхъ породъ и роскошную растительность. Мы не ожидали встрѣтить здѣсь ничего другого, кромѣ мховъ, лишаевъ

и скудной травы, которыми живыя существа должны поддерживать неравную борьбу за существованіе въ этомъ ледяномъ климатѣ? Можно представить себѣ съ какимъ удивленіемъ и восторгомъ мы глядѣли на зеленые холмы, покрытые деревьями и кустарниками; на долины, бѣлѣющія клеверомъ и маленькими рощами березъ съ серебристыми стволами; даже на утесы, украшенные шиповникомъ и акаціями, которые пустили корни въ ихъ трещинахъ, какъ будто природа старалась скрыть подъ цвѣточнымъ покровомъ слѣды прошедшихъ потрясеній.

Ровно въ три часа дня мы увидали селеніе Петропавловскъ; небольшая группа бревенчатыхъ домовъ съ красными тесовыми или соломенными крышами; православная церковь странной архитектуры, съ зеленымъ куполомъ; узкая набережная, полуразрушенная верфь; два китоловныя судна и обнаженный остовъ до половины потопленнаго корабля—вотъ все, что представлялось нашимъ глазамъ.

Высокіе холмы окружали зеленымъ полукругомъ это небольшое селеніе и почти скрывали маленькую бухту, образованную Авачинской губой, на которой оно расположено. Мы тихо взошли подъ сѣнь окружающихъ холмовъ въ защищенную почти со всѣхъ сторонъ бухту и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ ближайшаго дома паруса были взяты на штовы, корабль содрогнулся, цѣпь загремѣла и якорь вонзился въ почву Азіи.

ГЛАВА IV

Петропавловскъ.

Ирвингъ былъ совершенно правъ, сказавъ, что для человѣка, желающаго посѣтить чужеземныя страны, морское путешествіе составляетъ самую лучшую под-

готовку. Вотъ, что онъ замѣтилъ по этому поводу: „Временное прекращеніе обыкновенныхъ занятій и лишеніе ежедневныхъ житейскихъ событій дѣйствуетъ на умъ, придавая ему особую чувствительность къ воспринятію новыхъ впечатлѣній“. Ирвингу не мѣшало-бы прибавить къ этому слѣдующее: „Утомительное однообразіе, окружающее путешествующаго по морю, приспособляетъ его ко всему, что возбуждаетъ его расшатанныя умственныя силы, или ко всему тому, что даетъ ему новый матеріалъ для размышленій, видѣть все это въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ: обыкновенная страна, самыя обыденныя обстоятельства доставляютъ ему радость и удовлетвореніе. Въ виду этого часто случается, что такой человѣкъ составляетъ себѣ болѣе благопріятное мнѣніе о какой-либо странѣ и ея жителяхъ, чѣмъ это докажетъ позднѣйшій опытъ. Мнѣ кажется большимъ счастіемъ, что наши первыя впечатлѣнія о новой странѣ, которыя всегда бываютъ и милѣе и устойчивѣе, кажутся намъ самыми пріятными; поэтому-то въ послѣдующіе годы, при воспоминаніи о нашихъ первыхъ путешествіяхъ, у насъ въ воображеніи рисуется чудная картина съ самыми яркими красками! Я вполнѣ увѣренъ, что воспоминаніе о первомъ взглядѣ, брошенномъ мною на камчатскія горы, когда я съ такимъ восторгомъ впивался глазами въ ихъ свѣтлыя воздушныя очертанія—никогда не изгладится изъ моей памяти. Правда, впослѣдствіи, въ этихъ-же самыхъ горахъ, мнѣ пришлось претерпѣть немало вьюгъ на ихъ вершинахъ и мокнуть подъ проливными дождями въ ихъ долинахъ. Но видѣть землю, пробывъ болѣе шести недѣль на морѣ, является какимъ-то пламеннымъ желаніемъ, которое доводитъ васъ до болѣзненнаго состоянія. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что первый клочекъ земли, который мы увидѣли-бы послѣ нашего путешествія и если-бы этотъ клочекъ представлялъ-бы пустынную степь, по-

росшую только мхомъ, то и тогда я принялъ-бы это за чудный земной рай. Всѣ тѣ прелестные ландшафты, которыми природа такъ щедро надѣлила тропическую Америку, не доставили-бы мнѣ большого удовольствія, чѣмъ эта зеленая котловина, въ которой ютились бревенчатые, съ красными крышами, домики Петропавловска.

Прибытіе корабля въ этой отдаленной и мало посѣщаемой мѣстности составляетъ большое событіе, имѣющее важное значеніе для жителей этого края; бряцанье нашей якорной цѣпи въ шлюзахъ привело все населеніе деревни въ сильное волненіе. Дѣти выбѣгали изъ домовъ, пристально смотрѣли на насъ нѣсколько минутъ и затѣмъ убѣгали обратно домой, чтобы привести сюда и остальныхъ членовъ семьи. Черноволосые туземцы и русскіе крестьяне въ синихъ рубашкахъ и кожанныхъ панталонахъ собрались на берегу; кромѣ того тутъ скопилось до полсотни собакъ, которыя страшнымъ воемъ привѣтствовали нашъ пріѣздъ.

Хотя было уже довольно поздно, но мы никакъ не могли побороть нашего нетерпѣнія—вступить скорѣе на твердую землю; лишь только шлюбка капитана была спущена на воду, какъ Бёшъ, Мэгудъ и я отправились осматривать городъ.

Петропавловскъ распланированъ очень неправильно, и кромѣ того самый его видъ вовсе не отличается живописностью. Какъ первые поселенцы, такъ и ихъ потомки, вѣроятно, не имѣли ни малѣйшаго понятія объ училищахъ; узкія тропинки вились совершенно безъ всякой цѣли около разбросанныхъ домовъ. Ни въ одномъ направленіи нельзя было пройти и ста шаговъ, чтобы не наткнуться на боковую стѣну какого-либо дома, или не зайти на черный дворъ; ночью-же безпрестаннаго натыкаешься на какую-нибудь спящую корову.

Въ другихъ отношеніяхъ это хорошенькое селеніе, окруженное высокими зелеными холмами и представляющее живописный видъ на прекрасную, снѣговую вершину Авачи, которая поднимается на 11,000 футовъ, за городомъ.

Г. Флюгеръ, нѣмецкій купецъ въ Петропавловскѣ, который перевезъ насъ въ маленькой лодочкѣ на ту сторону бухты, взялся быть нашимъ проводникомъ, и послѣ небольшой прогулки по селенію пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, гдѣ мы просидѣли довольно долго, куря прекрасныя сигары и разговаривая о послѣднихъ событіяхъ американской войны и о разныхъ происшествіяхъ, интересующихъ камчатское общество, пока, наконецъ, не смерклось совершенно. Я замѣтилъ, между другими книгами, лежащими на столѣ г. Флюгера, „Мысли о жизни Бюгера“ и „Семейство Шенбергъ-Котта“ и удивился, что эти книги успѣли проникнуть на отдаленный берегъ Камчатки.

Наша первая обязанность, какъ вновь прибывшихъ, была представиться рускимъ властямъ; и вотъ, въ сопровожденіи г. Флюгера и Бальмана мы явились къ капитану Сутковому, начальнику порта. Его домъ, съ прекрасной желѣзной крышей, скрывался почти совершенно за большой дубовой рощей, черезъ которую протекалъ, образуя маленькіе водопады, горный ручеекъ Мы вошли въ ворота, пошли по широкой, утрамбованной камнемъ, дорожкѣ, подъ тѣнью сплетшихся вѣтвей и вошли въ домъ. Капитанъ Сутковой встрѣтилъ насъ очень радушно и не смотря на нашу неспособность говорить на какомъ бы то не было языкѣ, кромѣ отечественнаго, мы скоро почуствовали себя совершенно, какъ дома. Бесѣда наша, впрочемъ, скоро прервалась такъ-какъ каждое слово должно было быть переведено на два языка, прежде чѣмъ быть понято тѣмъ, кому оно адресовалось; разговоръ длился съ полчаса и скоро утратилъ всю свою свѣжесть,

прошедши черезъ русскій, нѣмецкій и англійскій языки, прежде чѣмъ дойти до насъ.

Я былъ удивленъ, встрѣтивъ слѣды изящнаго вкуса и культуры въ этомъ отдаленномъ уголкѣ міра, гдѣ я ожидалъ найти только предметы первой необходимости и самаго необходимаго комфорта. Хорошее фортепіано занимало одинъ уголъ комнаты, а большой выборъ нотъ русскихъ, нѣмецкихъ и американскихъ композиторовъ свидѣтельствовалъ о музыкальномъ вкусѣ ихъ владѣльца. Нѣсколько избранныхъ картинъ и литографій украшали стѣны; на столѣ стоялъ прекрасный стереоскопъ съ большой коллекціей фотографическихъ видовъ; тутъ-же находилась неоконченная партія въ шахматы, за которой капитанъ Сутковой сидѣлъ съ женою, когда мы вошли въ его домъ. Мы не замѣтили, какъ прошелъ цѣлый часъ, и при прощаньи насъ пригласили обѣдать на слѣдующій день.

Еще не было рѣшено, будемъ-ли мы продолжать наше путешествіе вверхъ по Амуру или останемся въ Петропавловскѣ и оттуда уже отправимся прямо на сѣверъ, такъ-что бригъ по прежнему служилъ намъ жилищемъ; мы каждый вечеръ возвращались въ нашу маленькую каюту. Первая-же ночь, проведенная въ портѣ, поразила насъ своей тишиной и спокойствіемъ, до того мы привыкли къ скрипу и качкѣ корабля, къ плеску воды и завыванію вѣтра. Было совершенно тихо, и поверхность маленькой бухты походила на темное зеркало, въ которомъ мрачно отражались окружающіе ее высокіе холмы. Рѣдкіе огоньки изъ селенія бросали длинныя дрожащія полосы свѣта на темную воду, а съ праваго берега раздавался по временамъ слабый одинокій звукъ колокольчика или протяжный, унылый вой собаки. Я напрасно старался уснуть; новизна всего окружающаго, мысль, что мы наконецъ въ Азіи, тысяча плановъ и предположеній насчетъ нашихъ дальнѣйшихъ предпріятій долго не давали мнѣ заснуть.

Петропавловскъ, хотя не очень обширное, но самое важное изъ поселеній на Камчатскомъ полуостровѣ, имѣетъ всего только нѣсколько жителей, состоящихъ изъ туземцевъ, русскихъ и немногихъ нѣмецкихъ и американскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю соболями. Петропавловскъ нельзя считать типическимъ представителемъ камчатскихъ городовъ, такъ-какъ онъ подвергся въ значительной степени цивилизующему вліянію сношеній съ иностранцами, и въ образѣ жизни и понятіяхъ его жителей проглядываютъ слѣды новѣйшей культуры. Поселеніе это существуетъ съ начала восемнадцатаго столѣтія, и имѣло достаточно времени, чтобы выработать собственную цивилизацію, но годы для сибирскихъ городовъ не могутъ служить мѣриломъ развитія, и Петропавловскъ до сихъ поръ еще не можетъ быть названъ вполнѣ цивилизованнымъ городомъ. Почему онъ названъ Петропавловскъ, т. е. селеніемъ Св. Петра и Павла, я не могъ узнать. Единственное заключеніе, къ которому мы пришли, это то, что жители, не отличаясь апостольскими добродѣтелями и чувствуя необходимость въ ихъ святомъ заступничествѣ, назвали свое селеніе въ честь св. Петра и Павла, не принимая во вниманіе ихъ личныхъ заслугъ.

Я не могу утверждать, чтобы именно въ этомъ и заключалась мысль первыхъ основателей Петропавловска, но скажу, что почти всѣ сибирскіе поселенцы отличаются вѣрою только на словахъ, но не на дѣлѣ.

Согласно словамъ туристовъ, Петропавловскъ не можетъ похвастаться живописными видами; въ городѣ воздвигнуты два памятника въ честь знаменитыхъ мореплавателей: Беринга и Лаперуза; на холмахъ-же остались слѣды, водвигнутыхъ во время Крымской кампаніи, укрѣпленій, для отраженія нападенія союзныхъ эскадръ: французской и англійской; за исключеніемъ этого, въ городѣ нѣтъ болѣе никакихъ историческихъ достопримѣча-

тельностей. Но такъ-какъ мы провели два мѣсяца въ душной каютѣ, а выйдя на палубу, видѣли только небо да воду, то все-же этотъ городъ представлялъ нѣкоторый интересъ; на слѣдующій-же день рано утромъ мы отправились на берегъ, чтобы побродить по лѣсистому полуострову, отдѣляющему гавань отъ Авачинской губы. Небо было безоблачно, но густой туманъ окутывалъ вершины холмовъ и скрывалъ отъ взоровъ сосѣднія горы. Вся мѣстность кругомъ зеленѣла, какъ изумрудъ и блестѣла каплями росы; лучъ солнца, случайно пробившійся черезъ сырое облако тумана, разсыпалъ потоки свѣта по влажнымъ склонамъ. Земля всюду была усѣяна цвѣтами. Въ травѣ тамъ и здѣсь синѣли болотныя фіалки; красные колокольчики вились по сѣрому мху утесовъ; дикія розы цвѣли въ чащѣ кустовъ и усыпали землю вокругъ себя своими нѣжно-розовыми лепестками.

Карабкаясь по склону крутого холма, между портомъ и бухтою, стряхивая капли росы съ каждаго куста по дорогѣ и топча ногами сотни влажныхъ цвѣтовъ, мы внезапно очутились передъ памятникомъ Лаперуза. Надѣюсь, что его соотечественники, французы почтили-бы его память болѣе изящнымъ и прочнымъ знакомъ своего уваженія къ нему. Это просто деревянный столбъ, обшитый желѣзомъ и выкрашенный въ черную краску. На немъ нѣтъ ни числа, ни надписи, и онъ скорѣе похожъ на надгробный памятникъ преступника, чѣмъ на монументъ, воздвигнутый въ честь великаго мореплавателя.

Бёшъ усѣлся на маленькомъ бугрѣ и началъ срисовывать видъ окружающей мѣстности, а я отправился съ Мэгудомъ на верхъ холма, къ бывшимъ русскимъ батареямъ. Онѣ довольно многочисленны, расположены вдоль горнаго хребта, отдѣляющаго внутреннюю часть залива отъ внѣшней и защищаютъ городъ съ западной стороны. Теперь онѣ совсѣмъ поросли травой и цвѣтами, и только

слѣды бойницъ отличаютъ ихъ отъ горнаго ската. Предоставляя Мэгуду осматривать укрѣпленіе,—занятіе болѣе подходящее къ его наклонностямъ, чѣмъ къ моимъ,—я поднялся выше, на край утеса, съ котораго шедшія на приступъ войска союзниковъ были поражены русскими стрѣлками. Теперь не осталось и слѣдовъ той кровавой борьбы, которая происходила на краю этого обрыва. Мохъ покрываетъ зеленымъ ковромъ землю, изрытую въ предсмертныхъ судорогахъ умирающими, и колокольчики, наклоняясь отъ свѣжаго морского вѣтерка, не разскажутъ намъ о послѣднихъ, отчаянныхъ, усиліяхъ, о рукопашномъ боѣ, о вопляхъ побѣжденныхъ, когда они были сброшены русскими штыками съ утеса внизъ, съ высоты ста футовъ.

Мнѣ кажется, что со стороны союзниковъ было напрасной жестокостью бомбардировать этотъ незначительный и уединенный пунктъ, удаленный на нѣсколько тысячъ верстъ отъ настоящаго центра борьбы. Если-бъ взятіе его могло уменьшить могущество русскаго правительства, или отвлечь его вниманіе отъ Крыма, то поступокъ этотъ еще могъ-бы найти оправданіе, но онъ никакимъ образомъ не могъ имѣть ни прямого, ни даже косвеннаго вліянія на результатъ войны, и принесъ только горе нѣсколькимъ безвреднымъ поселенцамъ, которые, вѣроятно, получили первое извѣстіе о войнѣ, услыша громъ непріятельскихъ пушекъ и встрѣтя градъ пуль у своихъ дверей. Нападеніе союзнаго флота было, впрочемъ, отражено на всѣхъ пунктахъ, и адмиралъ, пораженный тѣмъ, что усилія его были уничтожены горстью казаковъ и крестьянъ, лишилъ себя жизни. Въ годовщину этой битвы жители со всѣмъ духовенствомъ во главѣ, при пѣніи благодарственныхъ молитвъ, совершаютъ крестный ходъ вокругъ города и на холмъ, съ котораго былъ отраженъ непріятельскій приступъ.

Скоро я возвратился къ Бёшу, который кончилъ

свой рисунокъ и мы вмѣстѣ вернулись въ селеніе усталые и промокшіе. Наше появленіе на берегу всегда производило нѣкоторое оживленіе между жителями: русскіе крестьяне и туземцы, встрѣчающіеся на дорогѣ, снимали шляпы и держали ихъ почтительно въ рукѣ; пока мы проходили мимо, въ окнахъ домовъ появлялись любопытные, желающіе взглянуть на „американскихъ чиновниковъ"; даже собаки начинали неистово лаять и выть, при нашемъ приближеніи. Бёшъ заявилъ, что никогда еще впродолженіе своей жизни, онъ не былъ такимъ важнымъ лицомъ и не привлекалъ такого общаго вниманія, какъ въ настоящее время, приписывая это остроумію и высокому интеллеку камчатскаго общества: оно способно быстро и совершенно инстинктивно признать настоящаго генія; онъ крайне сожалѣлъ, что такая характерная черта не встрѣчалась ему у другихъ народовъ, которыхъ онъ посѣщалъ.

ГЛАВА V.

Русскій языкъ.—Отплытіе партіи на Амуръ.

Одинъ изъ главныхъ предметовъ, на которые путешественникъ невольно обращаетъ вниманіе въ чужой землѣ, это—языкъ, на которомъ объясняются природные жители страны; послѣдній особенно замѣчателенъ въ Камчаткѣ, Сибири и, вообще, повсемѣстно въ великой Россійской Имперіи. Рѣшительно не понимаю, за какой проступокъ, во время Вавилонскаго столпотворенія, русскіе были наказаны такимъ сложнымъ, спутаннымъ, совершенно непонятнымъ для иностранцевъ языкомъ. Мнѣ иногда приходило въ голову, что они, вѣроятно, выстроили свою часть башни выше другихъ племенъ и были наказаны за свое грѣховное трудолюбіе массой непонятныхъ звуковъ, которыхъ никто не могъ-бы надѣяться изучить, пока не состарѣется и не ослабнетъ

настолько, что уже не будетъ въ состояніи приняться за сооруженіе новой башни. Какъ-бы то нибыло, но русскій языкъ—настоящій камень преткновенія для всѣхъ, путешествующихъ по Россійской имперіи. За нѣсколько недѣль до пріѣзда въ Камчатку я хотѣлъ выучить нѣсколько обыкновенныхъ, выраженій, необходимыхъ для первоначальнаго сношенія съ туземцами, и, между прочимъ, простѣйшую фразу: „Дайте мнѣ ѣсть“. Я считалъ, что это будетъ первая насущная потребность, для удовлетворенія которой мнѣ придется обратиться къ жителямъ; я рѣшился заучить ее на столько твердо, чтобы не подвергнуться опасности умереть съ голода, вслѣдствіе моего незнанія. Съ этою цѣлью я попросилъ маіора сказать мнѣ соотвѣтствующее выраженіе по-русски. Онъ, улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ, что если я захочу спросить что-либо покушать и при томъ повкуснѣе, то долженъ начать такъ: „Ваше высокоблагородіе, высокопревосходительство и т. д.“ Никогда въ жизни я не испытывалъ такого почтительнаго удивленія къ талантамъ человѣка, какое почувствовалъ къ маіору, когда онъ бѣгло и легко произнесъ эту безконечную и странную фразу. Мое воображеніе напрасно старалось представить себѣ много лѣтъ терпѣливыхъ усилій, которыя предшествовали его первой просьбѣ о ѣдѣ и изумился той неутомимой настойчивости, которая помогла ему усвоить подобную тарабарщину. Такимъ образомъ, если простая просьба о ѣдѣ представляла такія непреодолимыя трудности въ выговорѣ, то что-же должно было быть, когда рѣчь заходила объ отвлеченныхъ вопросахъ теологическихъ и метафизическихъ наукъ? Я терялся въ догадкахъ!

Я откровенно попросилъ маіора велѣть напечатать это ужасное изреченіе на бумагѣ и повѣсить ко мнѣ на шею, но выучить его я не имѣлъ гражданскаго мужества. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ воспользовался

моею неопытностью и сказалъ мнѣ самыя трудныя и длинныя слова своего варварскаго языка, увѣряя, что они означали просьбу о ѣдѣ. Напрасно онъ старался выбирать для этого особенно мудреныя слова, такъ-какъ и настоящій переводъ этой фразы былъ-бы для меня достаточно затруднителенъ.

Во все время нашего пребыванія въ Петропавловскѣ мы не выучились произносить ни одного слова по-русски кромѣ: „да“, „нѣтъ“ и „какъ ваше здоровье?“ впрочемъ, мы были довольны и этимъ успѣхомъ въ столь трудной наукѣ.

Пріемъ, сдѣланный намъ въ Петропавловскѣ русскими и американцами, былъ самый радушный и искренній; первые три-четыре дня послѣ нашего пріѣзда прошли въ постоянныхъ визитахъ и обѣдахъ.

Въ четвергъ мы отправились верхомъ въ маленькое селеніе, по имени Авача, отстоящее на 10 или 15 верстъ отъ берега, и возвратились довольные мѣстоположеніемъ, климатомъ и растительностью этого полуострова. Дорога шла между зелеными холмами, поросшими деревьями и травой, надъ зеркальной поверхностью залива, открывая видъ на крутыя, остроконечныя скалы, служащія какъ-бы воротами для выхода въ море; нашему взору представлялся, по временамъ, между рощами серебристыхъ березъ, длинный рядъ живописныхъ горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, которыя тянулись по западному берегу до одинокой вершины Вилючинской, на разстояніи 30 или 40 миль. Растительность всюду можно было-бы назвать почти тропической, по ея роскоши. Мы срывали цѣлые пучки цвѣтовъ, едва наклоняясь съ сѣдла, и высокая трава, по которой мы ѣхали, доставала намъ въ иныхъ мѣстахъ до пояса. Обрадованные тѣмъ, что встрѣтили климатъ Италіи тамъ, гдѣ ожидали найти суровое ненастье мѣстности, мы огласили холмы американскими пѣснями,

кричали, аукались и перегонялись на маленькихъ казацкихъ лошадкахъ до тѣхъ поръ, пока заходящее солнце не напомнило намъ о возвращеніи домой.

Собравъ нужныя свѣдѣнія въ Петропавловскѣ, маіоръ Абаза составилъ слѣдующій планъ дѣйствій на зиму.

Мэгудъ и Бёшъ должны были отправиться на бригѣ „Ольга“ къ устьямъ Амура, на Китайскую границу и, основавъ здѣсь свою главную квартиру, изслѣдовать дикую, гористую мѣстность, лежащую на западѣ отъ Охотскаго моря и на югъ отъ русскаго порта Охотска. Въ то-же время маіоръ и я должны отправиться на сѣверъ съ партіею туземцевъ, вдоль Камчатскаго полуострова и помѣтить предполагаемую телеграфную линію до половины пути между Охотскимъ и Беринговымъ проливомъ. Здѣсь снова одинъ изъ насъ долженъ былъ итти на западъ, чтобы соединиться въ Охотскѣ съ Бёшемъ и Мэгудомъ, а другой на сѣверъ къ Анадырску, русскому промышленному поселенію, находящемуся около 400 миль на западъ отъ пролива. Такимъ образомъ, мы могли изслѣдовать всю мѣстность для предполагаемой линіи, исключая пустыннаго пространства между Анадырскимъ и Беринговымъ проливомъ, которое нашъ начальникъ предполагалъ оставить пока неизслѣдованнымъ. Принимая во вниманіе ограниченныя средства, этотъ планъ былъ однимъ изъ лучшихъ, который можно было придумать; но маіору и мнѣ приходилось такимъ образомъ путешествовать всю зиму однимъ, безъ другихъ спутниковъ, кромѣ извощиковъ туземцевъ. Такъ-какъ не говорилъ по-русски, и мнѣ необходимъ былъ переводчикъ, то маіоръ пригласилъ для этой цѣли молодого американскаго пушного торговца, по имени Доддъ, который провелъ семь лѣтъ въ Петропавловскѣ, умѣлъ говорить по-русски и былъ знакомъ съ обычаями и образомъ жизни туземцевъ. Такимъ образомъ, силы наши состояли изъ пяти человѣкъ и должны были раздѣлиться

на три партіи: первая, назначавшаяся на западный берегъ Охотскаго моря, вторая—на сѣверный и третья—для изслѣдованія мѣстности между этимъ моремъ и полярнымъ кругомъ. Забота о необходимыхъ средствахъ продовольствія и перевозки предоставлялись на усмотрѣніе самихъ партій. Мы должны были жить на открытомъ воздухѣ, путешествовать съ туземцами и довольствоваться тѣми средствами перевозки и продовольствія, которыя предоставляла намъ страна. Русскія власти въ Петропавловскѣ снабдили насъ всевозможными справками и пособіями, но предупредили насъ, что пять человѣкъ не будутъ въ состояніи изслѣдовать 1800 миль безплоднаго, почти необитаемаго пространства между Амуромъ и Беринговымъ проливомъ. Всѣ считали мало вѣроятнымъ, чтобы маіоръ могъ пройти Камчатскій полуостровъ тѣмъ путемъ, какимъ онъ предполагалъ, но если-бы даже это ему и удалось, то далѣе онъ, конечно, не могъ-бы проникнуть въ обширныя, пустынныя степи, обитаемыя только кочующими племенами Чукчей и Коряковъ. Маіоръ отвѣчалъ на это, что онъ покажетъ имъ, что мы можемъ сдѣлать и продолжалъ свои приготовленія.

Въ субботу утромъ, 26-го августа, бригъ «Ольга» отправился съ Мэгудомъ и Бёшемъ на Амуръ, оставивъ маіора, Додда и меня въ Петропавловскѣ готовиться къ путешествію на сѣверъ Камчатки.

Утро было ясное и солнечное; я нанялъ лодку и туземную команду, чтобы проводить Бёша и Мэгуда на корабль. Съ берега дулъ свѣжій, попутный вѣтерокъ, я налилъ себѣ стаканъ вина и выпилъ на прощанье за успѣхъ «Амурской партіи изслѣдователей», пожалъ руку капитану, похваливъ при этомъ его голландскую исторію и простился съ его помощниками и командой Младшій помощникъ былъ въ страшномъ волненіи при мысли объ опасностяхъ, которымъ я подвергнусь въ

этой варварской странѣ и вскричалъ на своемъ ломанномъ языкѣ: «О! мистеръ Кинеи! (онъ не могъ никогда выговорить Кеннанъ), кто вамъ будетъ готовить кушанья? гдѣ вы достанете картофель?» Какъ будто-бы отсутствіе повара и картофеля было верхомъ земныхъ лишеній. Я увѣрялъ его, полушутя, что мы будемъ сами готовить кушанья и питаться кореньями; но онъ печально покачалъ головой, точно предвидя, до какого жалкаго положенія доведутъ насъ сибирскіе коренья и наше собственное поварское искусство. Бёшъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что во время плаванія онъ часто замѣчалъ, какъ младшій помощникъ стоялъ въ глубокомъ и печальномъ раздумьѣ и когда онъ спрашивалъ его о предметѣ его размышленій, онъ отвѣчалъ грустно качая головой: «Бѣдный мистеръ Киней! Бѣдный мистеръ Киней!» Не смотря на недовѣріе, съ которымъ я относился къ его морскому змѣю, я получилъ мѣстечко въ его чорствомъ сердцѣ, рядомъ съ „Томми", его любимымъ котомъ и его свиньями.

Когда «Ольга» поставила свой брамсель, повернула болѣе на востокъ и медленно скользила между утесами, я послѣдній разъ взглянулъ на Бёша, стоявшаго на квартеръ-декѣ возлѣ штурвала и дѣлавшаго мнѣ какіе-то непонятные знаки рукой. Я махнулъ ему шляпой въ отвѣтъ и, обернувшись лицомъ къ берегу, приказалъ моей командѣ ѣхать назадъ. Когда «Ольга» исчезла изъ виду, мнѣ казалось, что послѣдняя нить, связывающая насъ съ образованнымъ міромъ, порвалась въ эту минуту.

ГЛАВА VI.

Камчатская свадьба.—Отъѣздъ на Сѣверъ

Послѣ отхода „Ольги" мы занялись приготовленіями къ путешествію на сѣверъ Камчатки. Во вторникъ, Доддъ сказалъ мнѣ, что въ церкви будетъ свадьба, и

предложилъ пойти посмотрѣть на церемонію вѣнчанія. Обѣдня только-что кончилась, когда мы пришли въ церковь. Не трудно было отличить между народомъ счастливую чету, судьба которой должна была соединиться священными узами брака. Ихъ наружное равнодушіе и спокойствіе изобличали ихъ тайну.

Женихъ былъ молодой, круглолицый казакъ лѣтъ двадцати, одѣтый въ черный кафтанъ, который въ таліи былъ опоясанъ краснымъ вышитымъ кушакомъ. Ради торжественнаго случая на немъ былъ надѣтъ высокій, бѣлый стоячій воротникъ, который доходилъ у него до ушей. Вѣроятно по недоразумѣнію между его башмаками и нанковыми панталонами, послѣдніе. по крайней мѣрѣ на шесть дюймовъ, не доходили до первыхъ; онъ не позаботился скрыть этого недостатка. Невѣста была, сравнительно съ женихомъ, совсѣмъ старуха, по крайней мѣрѣ, на двадцать лѣтъ старѣе его, и къ тому-же вдова.

Я со вздохомъ вспомнилъ о послѣднемъ наставленіи м. Уеллера своему сыну: „Берегись вдовъ, Самми—берегись вдовъ!" и недоумѣвалъ, что-бы сказалъ этотъ почтенный старецъ при видѣ этой „безсознательной жертвы", идущей на закланіе и увѣренной въ благоразуміи своего поступка. На невѣстѣ было надѣто ситцевое платье съ яркими узорами безъ всякихъ украшеній. О покроѣ платья я не берусь судить, такъ-какъ ремесло портнихи всегда было для меня такою-же темной наукой, какъ и магія. Голова невѣсты была покрыта краснымъ шелковымъ платкомъ, приколотымъ спереди маленькой вызолоченной булавкой. По окончаніи обѣдни, налой былъ выдвинутъ на средину и священникъ пригласилъ чету подойти по ближе.

Вручивъ жениху и невѣстѣ по зажженной свѣчѣ, обвязанной голубой лентой, онъ началъ читать внятнымъ голосомъ молитвы по обряду православнаго вѣ-

роисповѣданія. Брачная чета стояла молча, но дьячекъ, смотрѣвшій разсѣянно въ окно у противоположной стѣны, прерывалъ его по временамъ протяжнымъ пѣніемъ.

По окончаніи молитвъ, всѣ набожно перекрестились нѣсколько разъ, а священникъ, спросивъ чету о ея взаимномъ согласіи на бракъ, далъ имъ по серебряному кольцу, которыя они тутъ-же надѣли. Прерванная на минуту служба снова началась, послѣ которой священникъ далъ имъ выпить вина изъ ковшика. Чтеніе и пѣніе начались снова и продолжались довольно долго; женихъ и невѣста безпрестанно крестились и кланялись, а дьячекъ заканчивалъ возгласы, повторяя съ поразительною быстротой пятнадцать разъ кряду „Господи помилуй!“ Послѣ этого онъ принесъ два вызолоченные вѣнца, украшенные образами, и священникъ надѣлъ ихъ на головы жениха и невѣсты.

Вѣнецъ оказался слишкомъ широкимъ для молодого казака и падалъ ему на глаза, поддерживаемый только ушами. Прическа-же невѣсты не позволяла вѣнцу держаться плотно на ея ея головѣ и потому одинъ изъ присутствующихъ держалъ его надъ головою невѣсты. Священникъ соединилъ тогда руки четы, самъ взялъ жениха и невѣсту за руки повелъ ихъ вокругъ налоя и затѣмъ обрядъ вѣнчанія былъ оконченъ. Женихъ и невѣста почтительно поцѣловали вѣнцы, снятые съ ихъ головы, и пошли по церкви, крестясь, кланяясь до земли и прикладываясь послѣдовательно ко всѣмъ образамъ, которыми украшены были стѣны церкви. Послѣ этого начались обычныя поздравленія родными и знакомыми.

Всѣ ожидали, что „знаменитые американцы“, объ учтивости и изяществѣ манеръ которыхъ было столько говорено, подойдутъ поздравить невѣсту по случаю этого счастливаго событія, но ни одинъ изъ этихъ „знаменитыхъ“, но злополучныхъ американцевъ не зналъ,

какъ это исполнить. Мои познанія въ русскомъ языкѣ ограничивались словами „да", „нѣтъ" и „какъ ваше здоровье?"и ни одно изъ этихъ выраженій не было вполнѣ прилично данному случаю. Желая, впрочемъ, поддержать національную славу американцевъ, и въ то-же время оказать вниманіе невѣстѣ, я избралъ послѣднюю фразу, какъ самую удобную при этихъ обстоятельствахъ, подошелъ торжественно, и, кажется, довольно неуклюже къ новобрачной, и спросилъ ее съ низкимъ поклономъ и очень дурнымъ русскимъ выговоромъ о состояніи ея здоровья; она любезно отвѣтила: «чрезвычайно хорошо, покорнѣйше благодарю», и знаменитый американецъ удалился съ гордымъ сознаніемъ, что исполнилъ свой долгъ. Я, признаюсь, не получилъ большихъ свѣдѣній о здоровьѣ молодой, но, судя по легкости, съ которой она произнесла свой отвѣтъ, мы заключили, что оно должно быть удовлетворительно. Мы поспѣшили съ Доддомъ удалиться изъ церкви и вазвратились на наши квартиры. Маіоръ говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что обрядъ вѣнчанія въ православной церкви, совершенный при богатой обстановкѣ, очень торжественъ.

Съ той самой минуты, какъ маіоръ рѣшился на сухопутное путешествіе по Камчаткѣ, онъ посвятилъ все свое время и всю энергію на приготовленія къ отъѣзду. Вьючныя сѣдла, обтянутыя тюленьей шкурой, были заготовлены для перевозки съѣстныхъ припасовъ; палатки, медвѣжьи шкуры и дорожное платье были упакованы въ искусно придуманные тюки; однимъ словомъ все, что только могла изобрѣсти туземная опытность для уменьшенія неудобствъ жизни въ сибирскомъ климатѣ, было сдѣлано въ достаточномъ количествѣ для двухмѣсячнаго путешествія. Лошади были заготовлены въ ближайшихъ селеніяхъ; нарочный былъ посланъ впередъ по пути нашего слѣдованія, чтобы предупредить

жителей о нашемъ прибытіи и предложить имъ оставаться дома со своими лошадьми до пріѣзда нашей партіи. Когда всѣ эти распоряженія были окончены, мы отправились въ путь 4-го сентября.

Камчатка, съ которой намъ предстояло познакомиться — полуостровъ неправильныхъ очертаній, лежащій на востокъ отъ Охотскаго моря, между 51° 62° сѣверной широты, и имѣющій около 700 миль въ длину. Онъ почти весь вулканическаго происхожденія; рядъ горъ, проходящій вдоль его, заключаетъ до сихъ поръ еще пять или шесть вулкановъ, находящихся въ постоянной дѣятельности. Этотъ огромный горный хребетъ, неимѣющій еще никакого названія, тянется отъ 51° до 60° сѣверной широты сплошной цѣпью, и круто обрывается у Охотскаго моря, оставляя на сѣверѣ высокую плоскую возвышенность, извѣстную подъ именемъ „дола“ или пустыни, обитаемой кочующими коряками.

Средняя и южная части полуострова перерѣзываются отрогами главной горной цѣпи, образуютъ глубокія долины дикаго и живописнаго характера, и представляютъ такіе виды, которыхъ по величественной красотѣ нѣтъ во всей сѣверной Азіи. Климатъ вездѣ, исключая далекаго сѣвера, сравнительно умѣренный, растительность отличается почти тропическою свѣжестью и роскошью, которыя совершенно противорѣчатъ общимъ понятіямъ о Камчаткѣ.

Населеніе Камчатки, послѣ тщательнаго изслѣдованія, я могу опредѣлить въ 5000 человѣкъ; оно состоитъ изъ племенъ: русскихъ, камчадаловъ или туземцевъ и кочующихъ коряковъ. Камчадалы—самое многочисленное племя—живутъ въ маленькихъ селеньяхъ, въ бревенчатыхъ избахъ, по всему полуострову, преимущественно у устьевъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ центральной цѣпи горъ и впадающихъ въ Охотское море или Тихій океанъ. Главныя занятія ихъ состоятъ изъ рыб-

ной ловли, пушного промысла и воздѣлыванія рѣпы, капусты и картофеля, которые произрастаютъ до 58° сѣверной широты. Главныя поселенія находятся въ плодородной долинѣ рѣки Камчатки, между Петропавловскомъ и Ключевкой. Русскихъ сравнительно немного, и они разсѣяны между селеніями камчадаловъ и занимаются преимущественно скупкою мѣховъ у туземцевъ и сѣверныхъ племенъ. Кочующіе коряки самые дикіе, самые могущественные и самые независимые изъ инородцевъ, рѣдко спускаются южнѣе 58° с. ш., развѣ только для вышеупомянутой торговли. Ихъ любимымъ мѣстопребываніемъ служатъ обширныя пустынныя степи на востокѣ отъ Пенжинскаго залива, гдѣ они постоянно перекочевываютъ со своими семьями съ мѣста на мѣсто, живя въ просторныхъ палаткахъ изъ звѣриныхъ кожъ. Все ихъ богатство состоитъ изъ многочисленныхъ стадъ прирученныхъ сѣверныхъ оленей. Всѣ жители Камчатки находятся подъ вѣденіемъ исправника, назначаемаго русскимъ правительствомъ, который рѣшаетъ всѣ недоразумѣнія, возникающія между отдѣльными личностями или цѣлыми племенами и собираетъ ежегодный „ассакъ“, или дань мѣхами съ каждаго жителя мужского пола въ подвластномъ ему округѣ. Исправникъ живетъ въ Петропавловскѣ и, вслѣдствіе обширности управляемой имъ страны и неудобства сообщенія, рѣдко выѣзжаетъ изъ города, въ которомъ находится его канцелярія. Единственныя средства къ сообщенію между разбросанными селеніями Камчатки служатъ вьючныя лошади, лодки и сани, запряженныя собаками; на всемъ полуостровѣ вы ничего не найдете похожаго на дорогу. Поэтому, если я когда-нибудь впослѣдствіи и употреблю слова „дорога“, то оно должно быть понимаемо въ смыслѣ „пути“, по которому мы должны ѣхать, пути, необладающаго никакими признаками, свойственными этому названію. Мы отправились путешествовать по

этимъ дикимъ, скудно населеннымъ мѣстностямъ, нанимая туземцевъ по пути, чтобы они перевозили насъ на своихъ лошадяхъ изъ одного селенія въ другое, до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ территоріи, занятой кочующими коряками. Далѣе къ сѣверу, нельзя было разсчитывать на правильный способъ переѣздовъ, и мы вынуждены довѣрчиво положиться на удачу и на великодушіе туземныхъ кочевниковъ.

ГЛАВА VII.

Путешествіе верхомъ по Камчаткѣ.—Горы.—Растительность.—Селенія.—Жители.

Никогда еще впродолженіи всей моей жизни, мнѣ не приходилось совершать поѣздку, которая доставилабы столько удовольствія, или о которой я сохранилъбы болѣе пріятное воспоминаніе, чѣмъ о нашемъ путешествіи верхомъ по цвѣтущимъ холмамъ и зеленымъ долинамъ южной Камчатки. Мы находились въ самой дикой и въ то-же время самой живописной мѣстности всей Сѣверной Азіи; испытывали въ первый разъ новизну и возбужденіе кочевой жизни. Наслаждаясь неизвѣстнымъ для насъ ощущеніемъ свободы и совершенной независимости, мы безъ сожалѣнія отвернулись отъ цивилизаціи и весело привѣтствовали дикую пустыню пѣснями и криками.

Наша партія, кромѣ извощиковъ и проводниковъ, состояла изъ четырехъ человѣкъ: маіора, главнокомандующаго нашихъ силъ и начальника азіатской экспедиціи, Додда—молодого американца, котораго мы захватили съ собой въ Петропавловскѣ, Вьюшина и меня. Язвительная насмѣшка, обращенная Митридатомъ къ арміи Лукулла—что, какъ пословъ ихъ слишкомъ много, такъ солдатъ слишкомъ мало—могла-бы также вѣрно относиться и къ намъ; но сила невсегда зависитъ отъ

численности и потому мы не сомнѣвались, что будемъ въ состояніи превозмочь всѣ препятствія на нашемъ пути. Мы были увѣрены, что не пропадемъ и тамъ, гдѣ болѣе многочисленная партія могла-бы погибнуть. Воскресенье, 3-го сентября, наши лошади были навьючены и высланы въ маленькое селеніе, на противоположный берегъ бухты, черезъ которую мы намѣривались переправиться на китоловномъ суднѣ. Въ понедѣльникъ 4-го, мы сдѣлали прощальные визиты русскимъ властямъ, выпили много шампанскаго за наше собственное здоровье и за успѣхъ нашего предпріятія и, напутствуемые благими пожеланіями, отправились на двухъ китоловныхъ лодкахъ въ Авачу, въ сопровожденіи всего американскаго населенія Петропавловска. Бухты мы переѣхали при рѣзкомъ юго-восточномъ вѣтрѣ, вошли въ устьѣ р. Авачи и высадились на берегъ, чтобы подкрѣпить свои силы и проститься съ нашими американскими друзьями Пирсомъ, Гентеномъ и Фронфильдомъ. Здѣсь снова начались обильныя возліянія въ честь камчатскихъ изслѣдователей, и послѣ троекратнаго, задушевнаго ура, мы, отваливъ отъ берега, медленно поплыли вверхъ по рѣкѣ, со помощью багровъ и веселъ, къ камчатскому поселенію Окутѣ.

Наша туземная команда, также принявшая участіе въ общей попойкѣ, сопровождавшей нашъ отъѣздъ, и непривыкшая къ такому пьянству, представляла самое жалкое зрѣлище: съ безсмысленнымъ выраженіемъ удовольствія на лицахъ люди пѣли свои горловыя камчатскія пѣсни и одинъ за другимъ падали за бортъ, затрудняя успѣшное движеніе нашего тяжелаго китоловнаго судна. Вьюшинъ, впрочемъ, со свойственной ему энергіей, вытаскавалъ несчастныхъ утопающихъ за волосы, колотилъ ихъ по головѣ, чтобы привести въ чувство, искусно направлялъ лодку между песчаными мелями, работалъ баграми и веслами, прыгалъ въ

воду, кричалъ, ругался и не терялъ присутствія бодрости ни при какой случайности.

Мы оставили Петропавловскъ послѣ полдня и, благодаря несостоятельности нашей команды и множеству песчаныхъ мелей, ночь застигла насъ посреди рѣки, нѣсколько ниже Окуты. Избравъ мѣсто, гдѣ берегъ былъ суше и удобнѣе для привала, мы пристали къ нему и приготовились къ первому биваку подъ открытымъ небомъ. Утоптавъ высокую, сырую траву, Вьюшинъ раскинулъ нашу маленькую палатку изъ бумажной матеріи, устлалъ ее теплыми, сухими медвѣжьими шкурами, импровизировалъ столъ изъ пустого ящика отъ свѣчъ и скатерть изъ чистаго полотенца, развелъ огонь и заварилъ чай. Чрезъ какихъ-нибудь двадцать минутъ передъ нами стоялъ горячій ужинъ, который-бы сдѣлалъ честь любому повару.

Послѣ ужина мы расположились у огня, куря и разговаривая, пока послѣдняя полоса свѣта не исчезла на западѣ; потомъ, завернувшись въ толстыя одѣяла, мы улеглись на медвѣжьихъ шкурахъ, прислушиваясь къ слабому кряканью утки въ осокѣ и одинокому крику ночныхъ птицъ на рѣкѣ, пока, наконецъ, не заснули богатырскимъ сномъ.

Когда я проснулся, день только-что занимался. Туманъ, окутывавшій сѣрымъ покрываломъ горы, исчезъ, и первый предметъ представившійся моимъ глазамъ въ открытое отверстіе палатки, былъ громадный бѣлый Вилегинскій конусъ, сіявшій всѣми цвѣтами радуги въ сѣроватомъ свѣтѣ утра. Зарево востока становилось все ярче и ярче; и вся природа оживилась. Утки и гуси гоготали всюду въ осокѣ; стройный, похожій на стонъ, крикъ морской чайки, слышался съ сосѣдняго берега, и изъ прозрачной синевы неба долеталъ на землю мелодическій голосъ дикихъ лебедей, летѣвшихъ вглубь материка за кормомъ. Я умылся

свѣжей, холодной рѣчной водой и разбудилъ Додда, чтобы онъ посмотрѣлъ на горы. Прямо за нашей палаткой, въ своемъ снѣговомъ покровѣ, возвышалась на 10,500 футовъ надъ поверхностью моря колоссальная вершина Коряцкой горы; ея бѣлая остроконечная верхушка алѣла въ лучахъ восходящаго солнца, между тѣмъ какъ утренняя звѣзда все еще мерцала дрожащимъ свѣтомъ надъ ея восточнымъ склономъ. Немного правѣе возвышалась Авачинская сопка, изъ трехъ кратеровъ которой выходили темные пары. Много далѣе, на разстояніи тридцати миль, была видна остроконечная Вилегинская гора, освѣщенная утреннимъ блескомъ, а за нею синеватыя очертанія береговой линіи. Туманъ лежалъ клочьями на склонахъ горъ и исчезалъ подобно лучезарнымъ призракамъ, возносившимся съ земли на небо. Розоватый свѣтъ восходящаго солнца мало-по-малу освѣщалъ покрытые снѣгомъ склоны горъ. Скоро яркій потокъ свѣта разлился по долинѣ, освѣтивъ нашу бѣлую палатку нѣжно-розовымъ свѣтомъ, при чемъ каждая капля росы блестѣла, какъ алмазъ.

Восторженнымъ голосомъ я началъ декламировать какіе-то стихи, когда Доддъ, котораго красоты природы интересовали очень мало и не могли заставить забыть о благосостояніи желудка, вышелъ изъ палатки и съ насмѣшливою торжественностью извинился передо мною въ томъ, что дерзаетъ прервать мой монологъ, не удостою-ли я снизойти до созерцанія матеріальныхъ предметовъ, такъ-какъ завтракъ готовъ. При этомъ онъ, полушутя, замѣтилъ мнѣ, что поэтическое настоеніе моей души можетъ быть отложено въ сторону безъ особаго ущерба, между тѣмъ какъ вкусъ поданнаго завтрака сильно пострадаетъ отъ промедленія. Сила этого довода, вмѣстѣ съ соблазнительнымъ запахомъ, доносившимся изнутри палатки, окончательно убѣдилъ меня. Я послѣдовалъ за нимъ, но между глотками го-

рячаго супа все еще продолжалъ, по выраженію Додда, «грезить» о природѣ. Послѣ завтрака палатка была снята, походныя вещи уложены, и мы снова заняли наши мѣста на китоловномъ суднѣ, отвалили отъ берега и стали медленно подниматься вверхъ по рѣкѣ. Растительность, нетронутая еще осенними морозами, была роскошна. Высокая трава, усѣянная цвѣтами, покрывала все пространство вплоть до самой рѣки; альпійскія розы и пятилистникъ росли частыми кустами вдоль берега, и роняли свои розовые и желтые листки на зеркальную поверхность водъ; желтые акилеи низко наклонялись надъ рѣкою и отражали въ ней свое прелестное изображеніе рядомъ съ грознымъ вулканомъ, а красивыя камчатскія черныя лиліи, поникнувъ головками, росли въ печальномъ одиночествѣ, словно выражая своей траурной одеждой скорбь о какой-то утратѣ въ царствѣ цвѣтовъ.

Около полудня лай собакъ извѣстилъ насъ о близости жилья и послѣ крутого изгиба рѣки мы очутились передъ камчатскимъ поселеніемъ Окутой.

Камчатскія селенія настолько отличаются отъ европейскхъ и американскихъ пограничныхъ поселеній, что нельзя обойти молчаніемъ первыя. Такое селеніе бываетъ обыкновенно расположено на небольшомъ возвышеніи у берега рѣки или потока, окружено группами тополей и березъ, и защищено высокими холмами отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Низенькія домики, скученные въ безпорядкѣ у берега, построены изъ бревенъ и проконопачены сухимъ мхомъ. Крыши покрыты сухой осокой и лубочными полосами, которыя свѣшиваются по сторонамъ и образуютъ большіе навѣсы. Вмѣсто стеколъ въ оконныхъ рамахъ часто бываютъ натянуты прозрачные рыбьи пузыри, сшитые вмѣсто нитокъ, сухими жилами сѣвернаго оленя. Двери всегда почти квадратны, а трубы состоятъ изъ нѣсколькихъ прямыхъ

жердей, составленныхъ такъ, что образуютъ высокую, длинную трубку, обмазанную толстымъ слоемъ глины. Здѣсь-же можно встрѣтить строенія особенной архитектуры, называемыя „балаганами“, которыя служатъ кладовыми для запасовъ рыбы. Это простыя коническія постройки изъ бревенъ, на четырехъ высокихъ столбахъ, для охраненія находящихся въ нихъ запасовъ отъ собакъ. Возлѣ каждаго дома, на горизонтально расположенныхъ жердяхъ, висятъ тысячи сушоныхъ лососей, и характерный рыбный запахъ, наполняющій атмосферу, свидѣтельствуетъ о занятіи камчадаловъ и о ихъ пищѣ. Нѣсколько лодокъ лежатъ, опрокинутыя, на песчаномъ берегу, покрытыя большими, искусно сплетенными неводами, узкія сани прислонены къ каждому дому и стая большихъ волкоподобныхъ собакъ съ торчащими ушами, привязанныхъ на нѣкоторое разстояніе къ длиннымъ тяжелымъ шестамъ, лежатъ, грѣясь на солнцѣ, и злобно ловятъ мухъ и комаровъ, которые нарушаютъ ихъ покой. Въ центрѣ селенія возвышается во всемъ величіи камчатско-византійской архитектуры православная церковь, выкрашенная красной краской, съ блестящими куполами и составляетъ странную противоположность съ грубыми бревенчатыми домами и коническими „балаганами“, которые она осѣняетъ своимъ сіяющимъ золотымъ крестомъ. Церковь построена изъ отесанныхъ бревенъ, выкрашенныхъ густой красной краской и покрыта желѣзной крышей зеленаго цвѣта; надъ нею возвышаются два купола изъ жести, выкрашенные въ небесно-голубой цвѣтъ и усѣянные золотыми звѣздами.

Жители туземныхъ поселеній въ Южной Камчаткѣ имѣютъ смуглый цвѣтъ кожи; они значительно ниже ростомъ другихъ сибирскихъ народовъ, а характеромъ рѣзко отличаются отъ кочующихъ племенъ коряковъ и чукчей, живущихъ далѣе на сѣверѣ. Вслѣдствіе того, что они вели жизнь осѣдлую, а не кочевую, они скорѣе

подпали подъ русское владычество, чѣмъ ихъ кочующіе сосѣди и на нихъ отразилось въ болѣе значительной степени цивилизующее вліяніе образованныхъ завоевателей. Камчадалы почти всѣ приняли вѣру, нравы и обычаи своихъ завоевателей; ихъ собственный, въ высшей степени странный языкъ, почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія. Я нигдѣ не встрѣчалъ такого великодушія, гостепріимства и добродушія, такого великодушія во всѣхъ отношеніяхъ, какъ между ними. Какъ племя, они, безъ сомнѣнія, вырождаются. Съ 1780 г. ихъ убавилось болѣе, чѣмъ на половину, а частыя эпидеміи и голодъ скоро сдѣлаютъ изъ нихъ весьма слабое и незначительное племя, которое, наконецъ, будетъ поглощено возрастающимъ русскимъ населеніемъ полуострова. Большую часть своихъ обычаевъ и повѣрій они уже утратили; только случайное приношеніе собаки въ жертву какому-нибудь злому духу даетъ современному путешественнику слабое понятіе о ихъ первобытныхъ языческихъ обрядахъ. Они питаются преимущественно лососью, которая каждое лѣто заходитъ въ эти сѣверныя рѣки метать икру; ее ловятъ тысячами съ помощью багровъ, неводовъ и разными другими приспособленіями. Эта рыба, высушенная на открытомъ воздухѣ безъ соли, составляетъ, едва-ли не единственную пищу камчадаловъ и ихъ собакъ во время долгихъ холодныхъ сѣверныхъ зимъ. Лѣтомъ ихъ пища болѣе разнообразна. Климатъ и почва рѣчныхъ низменностей въ Южной Камчаткѣ позволяетъ воздѣлывать рожь, садить овощи—картофель и рѣпу. Кромѣ того весь полуостровъ изобилуетъ животной жизнью. Сѣверные олени, черные и бѣлые медвѣди бродятъ по поросшимъ мхомъ равнинамъ, въ горахъ нерѣдко встрѣчаются дикіе бараны, а милліоны утокъ, гусей и лебедей всевозможныхъ разновидностей кишатъ у рѣкъ, озеръ и болотъ по всей странѣ. Эти водяныя птицы

ловятся въ огромномъ количествѣ, во время ихъ линянья, нарочно организованными партіями отъ пятидесяти до семидесяти пяти человѣкъ, которые на лодкахъ загоняютъ птицъ большой стаей въ какой-нибудь узкій ручей, на концѣ котораго поставлена огромная сѣть, куда они всѣ и попадаются; тамъ ихъ бьютъ дубинами, ощипываютъ и солятъ на зиму. Обычай пить чай введенъ русскими и установился довольно твердо. Хлѣбъ пекутъ теперь изъ ржи, которую камчадалы сѣютъ и мелютъ для собственнаго употребленія; но прежде занятія этой земли русскими, единственный туземный образчикъ хлѣба былъ родъ печенаго тѣста, состоящаго исключительно изъ превращенныхъ въ муку шишекъ красной камчатской лиліи. Единственные плоды, свойственные этой странѣ—ягоды и дикія вишни. Изъ ягодъ, которыхъ, впрочемъ, родится отъ пятнадцати до двадцати различныхъ сортовъ, самые употребительныя—черника, морошка и брусника. Эту послѣднюю туземцы собираютъ поздпею осенью и замораживаютъ для зимы. Коровъ держатъ почти во всѣхъ камчатскихъ селеніяхъ, и молока можно всегда найти въ изобиліи. Оригинальное туземное кушанье, состоящее изъ кислаго молока, творога и сливокъ, посыпанное мелкимъ сахаромъ и корицей могло-бы съ честью быть подано на столъ въ любомъ европейскомъ семейномъ домѣ.

Изъ всего сказаннаго мною видно, что жизнь въ камчатскихъ поселеніяхъ, по крайней мѣрѣ, съ гастрономической точки зрѣнія, вовсе не такъ дурна, какъ мы предполагали ранѣе. Я видѣлъ туземцевъ, живущихъ въ долинѣ Камчатки также удобно и пользующихся такимъ-же комфортомъ и почти такою-же роскошью, какъ девять десятыхъ поселенцевъ на границѣ Западныхъ Штатовъ Америки.

ГЛАВА VIII.

«Іерусалимъ». — Жилища. — Камчатскій ужинъ. — Молитва. — Утомительная ѣзда.

Въ Окутѣ, гдѣ давно ожидали нашего прибытія, мы наскоро пообѣдали въ маленькомъ туземномъ домикѣ, и затѣмъ, бодро вскочивъ на лошадей, потянулись неправильной вереницей черезъ лѣсъ. Доддъ и я ѣхали впереди и пѣли „Bonnie Dundee".

Мы все время держались около горной цѣпи, которая утромъ представляла такой живописный видъ, теперь-же растущія у подножія березовыя и рябиновыя рощи скрывали отъ насъ снѣжныя вершины горъ.

Передъ закатомъ солнца мы пріѣхали въ другую туземную деревеньку, мудрое названіе которой я не въ состояніи былъ ни выговорить ни написать; Доддъ терпѣливо повторилъ мнѣ это названіе пятнадцать или шестнадцать разъ, но съ каждымъ разомъ оно казалось мнѣ все труднѣе и неразборчивѣе. Я кончилъ тѣмъ, что назвалъ ее Іерусалимомъ. Для географической точности, я ее и намѣтилъ подъ этимъ именемъ на моей картѣ; но будущіе комментаторы пускай не принимаютъ этого названія за доказательство того, что разсѣянныя колѣна Израиля выселились въ Камчатку; это несправедливо, такъ-какъ это злополучное селеніе, прежде чѣмъ я сжалился надъ нимъ и назвалъ его Іерусалимомъ, было извѣстно подъ такимъ варварскимъ именемъ, что ни еврейская азбука, ни какая другая изъ извѣстныхъ древнихъ не могла-бы выразить его.

Утомленный непривычной верховой ѣздой, я вошелъ пѣшкомъ въ деревню и, бросивъ уздечку одному камчадалу въ голубой нанковой рубашкѣ и въ панталонахъ изъ оленьей кожи, который привѣтствовалъ меня почтительнымъ поклономъ, я вошелъ, усталый, въ домъ,

указанный мнѣ Вьюшинымъ, гдѣ, по маршруту, мы должны были остановиться.

Помѣщеніе, приготовленное для нашего пріема, состояло изъ низкой комнаты, стѣны, потолокъ и полъ которой изъ некрашеныхъ досокъ были такъ чисты, что сдѣлали-бы честь чистоплотнымъ хозяйкамъ извѣстнаго голландскаго города Браука. Огромная, сдѣланная изъ глины печь, выкрашенная старательно въ красный цвѣтъ, занимала одну сторону комнаты; скамья, три или четыре стула грубой работы и столъ были разставлены въ строгомъ порядкѣ съ другой стороны. Окна со стеклами, украшенныя пестрыми ситцевыми занавѣсками, пропускали теплые лучи солнца; нѣсколько грубыхъ американскихъ литографій висѣли тамъ и здѣсь на стѣнахъ. При видѣ этой безукоризненной чистоты, намъ стало вдругъ совѣстно за наши грязные сапоги и простой нарядъ. Для постройки этого дома и всѣхъ его принадлежностей не было употреблено другихъ орудій кромѣ топора и ножа; но эти некрашенныя доски были до того тщательно вымыты водой и пескомъ, что бѣлизна ихъ вполнѣ вознаграждала за грубость работы.

Главное неудобство этого жилого помѣщенія, какъ и всѣхъ домовъ въ южной Камчаткѣ, заключается въ черезчуръ низкихъ дверяхъ. Надобно долгой практикой пріобрѣсти необыкновенную гибкость спинного хребта, чтобы не чувствовать утомленія при входахъ и выходахъ изъ такихъ дверей. Вьюшинъ и Доддъ, уже прежде путешествовавшіе по Камчаткѣ, приноравливались безъ труда къ этой особенности туземной архитектуры, но у маіора и у меня, впродолженіи первыхъ двухъ недѣль путешествія, постоянно были шишки на лбу, необыкновенный размѣръ которыхъ привелъ-бы въ недоумѣніе самого Шпурцгейма или Галля. Если-бъ ненормальный объемъ шишекъ сопровождался соотвѣтствующимъ развитіемъ способностей, то это вознаградило-

бы насъ нѣсколько за изуродованіе нашихъ головъ, но, къ несчастію, шишка предусмотрительности выростала иногда до величины гусинаго яйца, но тѣмъ не менѣе мы не дѣлались предусмотрительнѣе и только тогда замѣчали перекладину, когда ударялись о нее головами.

Казакъ, посланный впередъ, чтобы предупредить туземцевъ о нашемъ прибытіи, вѣроятно, такъ преувеличилъ наше значеніе и власть, что жители сдѣлали самыя тщательныя приготовленія для нашего пріема. Дома, предназначенныя для нашего пребыванія, были старательно выскоблены, вымыты и украшены; женщины одѣлись въ самыя пестрыя ситцевыя платья и повязались самыми яркими шелковыми платками; большая часть дѣтскихъ личиковъ была заботливо вымыта, со всей деревни собрано было необходимое количество тарелокъ, чашекъ и ложекъ для нашего ужина, а добровольныя приношенія въ видѣ утокъ, оленьихъ языковъ, брусники, топленыхъ сливокъ и т. п. продуктовъ мѣстнаго производства приносились намъ въ такомъ изобиліи, которое свидѣтельствовало, какъ о готовности и гостепріимствѣ жителей, такъ и объ ихъ сочувствіи къ нуждамъ усталыхъ путешественниковъ. Свѣжій горный воздухъ возбудилъ нашъ аппетитъ и черезъ часъ мы сидѣли за великолѣпнымъ ужиномъ, состоящимъ изъ холодной жареной утки, вареннаго оленьяго языка, чернаго хлѣба и свѣжаго масла, брусники, сливокъ и превосходнаго варенья изъ лепестковъ дикой розы, перетертыхъ съ сахаромъ. Мы ѣхали въ Камчатку, героически готовясь къ постоянной діэтѣ, ограничивающейся ворванью, свѣжимъ саломъ и тресковымъ жиромъ; представьте-же себѣ наше изумленіе и радость, когда вмѣсто невольнаго поста насъ привѣтливо угощали такою роскошью, какъ брусника, сливки и варенье. Нѣтъ сомнѣнія, что даже Лукуллъ никогда не ѣлъ розовые лепестки въ сахарѣ въ своихъ прославленныхъ Туску-

лунскихъ садахъ. Первоначальный рецептъ для приготовленія небесной амброзіи былъ потерянъ ранѣе „Ужиновъ Лукулла", но онъ былъ снова открытъ жителями Камчатки, и предлагается теперь міру, какъ первое приношеніе Гипербореевъ въ сокровищницу гастрономической науки. Возьмите равное количество сахару рафинаду и лепестковъ розы, прибавьте немного брусничнаго сока, превратите все это въ густую розовую массу, подайте ее на крашеныхъ блюдечкахъ изъ жимолости и вообразите, что вы пируете съ богами на вершинѣ Олимпа.

Тотчасъ-же послѣ ужина, я растянулся на полу подъ столомъ, который замѣнялъ мнѣ балдахинъ надъ кроватью, подложилъ подъ голову свою маленькую резиновую подушку, завернулся, подобно муміи, въ одѣяло и заснулъ. Маіоръ, привыкшій вставать всегда рано, проснулся на слѣдующее утро съ разсвѣтомъ. Между тѣмъ Доддъ и я придерживались иного мнѣнія и смотрѣли на раннее вставанье, какъ на остатокъ варварства, котораго, не унижая себя, не долженъ придерживаться американецъ XIX столѣтія. Поэтому мы съ Доддомъ спокойно спали до тѣхъ поръ, пока «караванъ», по непочтительному выраженію моего спутника-товарища не будетъ готовъ двинуться въ путь, или, по крайней мѣрѣ, покуда насъ не позовутъ завтракать. На этотъ разъ, вскорѣ послѣ разсвѣта, меня разбудилъ страшный шумъ, и, смутно вообразивъ, что я присутствую при оживленномъ митингѣ, я вскочилъ, ударился сильно головой о ножку стола, открылъ глаза и дико посмотрѣлъ вокругъ себя. Маіоръ, полуодѣтый, яростно кричалъ и проклиналъ нашихъ испуганныхъ извощиковъ классическими „русскими словами" за то, что всѣ лошади ночью сорвались и ушли, чортъ знаетъ куда, какъ онъ объяснялъ съ выразительной простотой. Это было неудачное начало для нашего путешествія, однако;

впродолженіе двухъ часовъ почти всѣ наши заблудившія лошади были найдены, навьючены, и послѣ ни къ чему неведущей перебранки извощиковъ, мы повернулись спинами къ Іерусалиму и медленно двинулись въ путь. День былъ прекрасный, теплый; необыкновенная тишина и какое-то праздничное спокойствіе царствовало во всей окружающей природѣ. Листья деревьевъ, растущихъ по обѣимъ сторонамъ тропинки, не шевелились подъ теплыми лучами солнца, сонливое карканье вороны на далекой лиственницѣ долетало до нашихъ ушей съ поразительной ясностью; намъ казалось, что мы разслышали правильный прибой волнъ на отдаленномъ берегу. Въ воздухѣ слышалось слабое жужжанье пчелъ, а красныя кисти брусники, которую наши лошади топтали на каждомъ шагу, распространяли вокругъ себя благоуханіе. Все это манило усталаго путника растянуться на душистой, согрѣтой солнцемъ травѣ и пролежать такъ цѣлый день въ сладкомъ бездѣйствіи, прислушиваясь къ жужжанью пчелъ, вдыхая нѣжный запахъ раздавленной брусники и созерцая кольца дыма, которыя медленно поднимались надъ кратеромъ высокаго, бѣлѣющаго вулкана. Я замѣтилъ, шутя, Додду, что вмѣсто Сибири, этой холодной страны изгнанія, мы были какимъ-то волшебствомъ, вѣроятно, перенесены, какъ въ „Тысячѣ и одной ночи," на родину «поклонниковъ лотоса».

— Будь проклятъ этотъ климатъ поклонниковъ лотоса, прервалъ онъ меня, рѣзко ударяя себя по лицу. Поэты не говорятъ о томъ, что поклонниковъ лотоса кусаютъ такіе проклятые комары, какъ здѣсь; они уже служатъ достаточнымъ доказательствомъ, что мы въ Камчаткѣ—ни въ какой другой странѣ эти насѣкомыя не достигаютъ величины шмелей.

Максимовъ, глава нашихъ извощиковъ, по окружающей его темнотѣ и спокойствію, вѣроятно, вообразилъ, что

сегодня воскресенье и потому ѣхалъ медленно между разсѣянными группами серебристыхъ березъ и пѣлъ громкимъ, звучнымъ голосомъ молитву изъ православнаго богослуженія. Иногда онъ прерывалъ это благочестивое занятіе такими выразительными ругательствами, обращенными къ своей лошади, что они возбудили-бы изумленіе и зависть въ самомъ нечестивомъ солдатѣ фландрской арміи.

Но, повидимому, онъ не сознавалъ несовмѣстимости пѣнія молитвъ съ нечестивыми восклицаніями, которыми онъ сопровождалъ ее; и если-бы даже онъ и сознавалъ это вполнѣ, то, по всей вѣроятности, счелъ-бы свое пѣніе искупленіемъ за свою нечестивость и продолжалъ-бы съ невозмутимымъ равнодушіемъ, вполнѣ убѣжденный, что если каждое проклятіе онъ будетъ сопровождать пѣніемъ священнаго стиха, то это будетъ зачтено ему на небесахъ.

Дорога или, лучше сказать, тропинка изъ Іерусалима шла на западъ и вилась у подножія низкой обнаженной цѣпи горъ черезъ густой лѣсъ березъ и тополей. Изрѣдка намъ попадались полянки, поросшія брусникой, и тогда мы внимательно озирались, желая увидѣть медвѣдя, однако все вокругъ было тихо и спокойно, даже кузнечики чиркали какъ-то сонно и лѣниво, точно и они готовы были поддаться тому усыпляющему вліянію, которое, казалось, овладѣло всей природой.

Чтобы избавиться отъ комаровъ, преслѣдованія которыхъ становились невыносимыми, мы быстро поѣхали по широкой, плоской долинѣ, густо поросшей высокими, зонтичными растеніями, рысью поднялись на маленькій холмъ и ускореннымъ галопомъ прискакали въ селеніе Коракъ, посреди воя и лая полудикихъ собакъ, ржанія лошадей, бѣготни людей и всеобщаго смятенія.

Въ Коракѣ мы наскоро позавтракали подъ навѣсомъ камчатскаго дома и на свѣжихъ лошадяхъ съ другими

проводниками отправились въ Малкву, другое селеніе, на разстояніи пятидесяти миль за рѣкою Камчаткой. Подъ вечеръ, послѣ пятнадцати или шестнадцати миль быстрой ѣзды, мы выѣхали изъ густой рощи тополей, березъ и рябины на маленькую поляну, имѣющую около полудесятины протяженія, которая точно нарочно была создана для лагерной стоянки. Она была съ трехъ сторонъ окружена лѣсомъ, а четвертая оканчивалась дикимъ ущельемъ, загроможденнымъ утесами, бревнами, частымъ кустарникомъ и колючими растеніями. Свѣтлый, холодный ручеекъ протекалъ рядомъ пѣнящихся водопадовъ и мчался далѣе по песчаному руслу между цвѣтущими берегами, пока не исчезалъ между деревьями. Было-бы напрасно искать лучшаго мѣста для ночлега и потому мы рѣшились остановиться здѣсь до разсвѣта. Привязать нашихъ лошадей, набрать хвороста для костра, повѣсить надъ нимъ чайникъ и разбить маленькую палатку—было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Мы расположились вполнѣ удобно на нашихъ теплыхъ медвѣжьихъ шкурахъ, вокругъ свѣчнаго ящика, покрытаго чѣмъ-то, похожимъ на скатерть, пили чай, разсуждали о Камчаткѣ и слѣдили за розовымъ блескомъ вечерней зари, которая медленно исчезала за цѣпью горъ.

Но созерцаніе природы продолжалось недолго, такъ какъ въ эту ночь я былъ скоро убаюканъ плескомъ и журчаньемъ воды и звономъ бубенчиковъ нашихъ лошадей, долетавшимъ до меня изъ-за деревьевъ; я пришелъ къ убѣжденію, что ничего не можетъ быть пріятнѣе кочевой жизни въ Камчаткѣ.

На слѣдующій день мы добрались до Малквы, усталые и измученные. Дорога, изрытая ухабами, вела черезъ узкія ущелья, заваленныя обломками утесовъ и вырванными съ корнями деревьями, черезъ болота, поросшія мхомъ и черезъ крутые обрывы, на которые мы не отваживались взбираться верхомъ. Лошади нѣ-

сколько разъ сбивали насъ съ сѣдла, наши ящики съ провизіей колотились о деревья и погружались въ трясины; подпруги у лошадей лопались, извозчики бранились, лошади падали и со всѣми нами безпрестанно случались всякія невзгоды. Маіоръ, хотя и непривыкшій къ этимъ непріятностямъ путешествія по Камчаткѣ, переносилъ ихъ съ спартанской стойкостью, тѣмъ не менѣе, на послѣднихъ десяти миляхъ онъ подложилъ подъ себя подушку и отъ времени до времени кричалъ Додду, который хладнокровно ѣхалъ впереди: „Доддъ! Доддъ! скоро-ли мы доѣдемъ до этой проклятой Малквы“? Доддъ ударялъ свою лошадь ивовымъ хлыстомъ и, сдѣлавъ полуоборотъ на сѣдлѣ, всякій разъ отвѣчалъ съ шутливой улыбкой: „мы еще не доѣхали, но скоро доѣдемъ“. Однако, такое утѣшеніе не придавало намъ большой бодрости. Наконецъ, когда уже начало смеркаться, мы увидали въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ высокій столбъ бѣлыхъ испареній, происхожденіе которыхъ Доддъ и Вьюшинъ объяснили намъ горячими родинками Малквы. Черезъ четверть часа дѣйствительно мы въѣхали, усталые, промокшіе и голодные, въ селеніе. На этотъ разъ ужинъ для меня былъ второстепеннымъ дѣломъ. Я желалъ только одного: забраться подъ столъ, гдѣ-бы никто меня не потревожилъ, остаться одному и уснуть. Никогда еще я не ощущалъ такъ живо присутствіе въ моемъ тѣлѣ мускульной и костной системы; каждая отдѣльная косточка, каждая жилка моего тѣла громко заявляли о своемъ существованіи острой болью, и мой хребетъ черезъ двадцать минутъ сдѣлался такъ-же гибокъ, какъ желѣзный шомполъ ружья.

Я печально сознавалъ, что никогда уже не буду пяти футъ и десяти дюймовъ роста, какъ бывало прежде, развѣ только на какомъ-нибудь Прокрустовомъ ложѣ меня вытянутъ до первоначальной длины. Частыя

сотрясенія привели мои позвонки въ ненормальное положеніе, которое никакая операція уже не въ состояніи будетъ исправить. Перебирая въ умѣ эти мрачныя мысли, я заснулъ подъ столомъ, одѣтый, и даже не снимая сапогъ съ отекшихъ ногъ.

ГЛАВА IX.

Малква.—Прекрасная мѣстность.—Генуль.—Охота за медвѣдемъ.—Пущинъ.

Переночевавъ въ Малквѣ, намъ необходимо было отправиться далѣе. Нечего и говорить, какъ мнѣ трудно было снова влѣзать на сѣдло, но маіоръ оставался нечувствительнымъ ко всѣмъ просьбамъ дать маленькій отдыхъ. Суровый и непоколебимый, какъ Радамантъ, онъ влѣзъ на свою пуховую подушку и далъ сигналъ къ отъѣзду. Съ помощью двухъ сострадательныхъ камчадаловъ, которые, можетъ быть, испытали когда-нибудь все неудобство окоченѣлаго спинного хребта, мнѣ удалось сѣсть верхомъ на лошадь и мы двинулись въ Генульскую долину, этотъ садъ Южной Камчатки.

Селеніе Малква расположено на сѣверной покатости бассейна рѣки Камчатки и окружено невысокими, голыми гранитными утесами. Оно замѣчательно своими горячими минеральными источниками; но такъ-какъ мы не имѣли времени сами посѣтить ихъ, то и должны были удовольствоваться отзывами туземцевъ объ ихъ температурѣ и цѣлительныхъ свойствахъ и видѣли только испаренія, которыя въ формѣ столба поднимались надъ ними и указывали намъ мѣсто ихъ нахожденія. Съ сѣверной стороны деревни начинается длинная, узкая долина Генульская, лучшая и плодороднѣйшая на всемъ камчатскомъ полуостровѣ. Она имѣетъ около 30 миль въ

длину и трехъ въ ширину и ограничена съ обѣихъ сторонъ высокой снѣжней цѣпью горъ, простирающейся отъ Малквы длиннымъ рядомъ изрытыхъ вершинъ и остроконечныхъ утесовъ почти до самыхъ источниковъ рѣки Камчатки. Небольшая извилистая рѣчка течетъ по долинѣ посреди высокой травы, достигающей отъ 4-хъ до 5 футъ, а по берегамъ рѣки мѣстами растутъ березы, ивы и ольха. Листва деревьевъ начинаетъ уже принимать яркіе цвѣта осени и широкія красныя, желтыя и зеленыя полосы горизонтально тянутся вдоль горныхъ склоновъ, свидѣтельствуя о постепенной правильной послѣдовательности растительныхъ поясовъ, отъ самаго уровня долины и до блестящихъ снѣговыхъ вершинъ.

Мы достигли середины долины около полудня, и потому картина окружающей насъ природы предстала передъ нами во всемъ своемъ блескѣ и величіи; видъ ея невольно вырвалъ восторженныя восклицанія у всей нашей маленькой партіи. На двадцать миль вокругъ простирались, освѣщенная солнцемъ, долина, орошаемая рѣчкою Генуль, которая соединяла серебряной лентой разсѣянныя группы деревьевъ, красиво разнообразившія ея берега. Подобно счастливой Долинѣ Расселаса, она казалась отдѣленною отъ остальнаго міра неприступными горами, снѣжныя вершины которыхъ соперничали между собою своей живописной красотой и разнообразіемъ и причудливостью очертаній, съ которыми могли сравниться только фантазіи восточной архитектуры. По средней части ихъ покатости росли широкой полоской темнозеленыя сосны, составляющія рѣзкую и красивую противоположность съ бѣлизною снѣговыхъ вершинъ и яркимъ пурпуромъ рябины у ихъ подножія. Казалось, что какой-то гигантскій молотъ раскололъ мѣстами эти горы, оставляя глубокія, тѣсныя ущелья и рытвины, куда съ трудомъ могъ проникнуть солнечный лучъ.

Если по всѣмъ этимъ красивымъ видамъ представить себѣ теплый, благоухающій воздухъ и синее небо, усѣянное прозрачными облачками, небросающими даже тѣни на землю, то вы получите только слабое понятіе объ одной изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей всей Камчатки. Въ Сіеррѣ Невадѣ вы найдете болѣе дикіе и суровые виды, но ни въ Калфорніи, ни въ Невадѣ я не видалъ, чтобы такія отличительныя черты зимы и лѣта, какъ снѣгъ и розы, голый гранитъ и ярко окрашенная листва представляли такое гармоническое сочетаніе, какъ въ Генульской долинѣ въ солнечный день раннею осенью.

Вмѣстѣ съ Доддомъ мы посвятили большую часть послѣобѣденнаго времени на собираніе ягодъ и на уничтоженіе ихъ. Мы ускакали впередъ, оставивъ нашихъ спутниковъ на нѣсколько миль позади насъ, улеглись подъ тѣнью роскошной рощи на берегу рѣчки, привязали лошадей и, грѣясь на солнцѣ, наслаждались желтой, душистой морошкой и великолѣпной темно-красной брусникой, пока все наше платье не покрылось малиновыми пятнами, а наши лица и руки не стали походить на руки и лица двухъ Каманчей, собирающихся на войну.

Подъ вечеръ, мы приблизились къ селенію Генуль. Мы проѣхали поле, гдѣ мужчины жали траву серпами, отвѣтили на ихъ удивленный взглядъ невозмутимымъ спокойствіемъ и поѣхали далѣе, пока дорога не оборвалась внезапно у рѣки, за которой лежала деревня. Кое-какъ намъ удалось переѣхать въ бродъ неглубокій потокъ, не замочивъ платья, но черезъ минуту мы уже очутились у другой такой-же рѣчки, переѣхавъ которую, мы подъѣхали къ третьей. Мы терпѣливо перебрались и черезъ нее, но при видѣ четвертой рѣки, маіоръ съ отчаяніемъ закричалъ Додду:

— Доддъ! Сколько поганыхъ рѣченокъ должны мы переѣхать, чтобы добраться до той скверной деревни?

— Только одну,—отвѣчалъ серьезно Доддъ.

— Такъ сколько-же разъ эта одна рѣка протекаетъ вокругъ этого селенія?

— Пять разъ,—послѣдовалъ шутливый отвѣтъ.

— Вы видите,—продолжалъ Доддъ у этихъ бѣдныхъ камчадаловъ только одна рѣка, въ которой они могутъ ловить рыбу, да и та не широка, вотъ они и провели ее пять разъ вокругъ своего селенія и этимъ остроумнымъ способомъ ловятъ въ пять разъ больше лососей, чѣмъ если-бы она протекала только одинъ разъ.

Маіоръ молча что-то соображалъ и наконецъ поднялъ глаза съ сѣдельной шишки, перенесъ ихъ на провинившагося Додда съ видомъ строгаго порицанія и спросилъ его:

— Сколько разъ рыба должна проплыть мимо селенія, чтобы снабдить пищей все населеніе, предполагая, что рыбу ловятъ каждый разъ, какъ она проходитъ мимо?

Это reductio ad absurdum было уже слишкомъ для напускной серьезности Додда,—онъ разразился громкимъ смѣхомъ и пришпоривъ свою лошадь, съ шумомъ и плескомъ бросился въ четвертый изгибъ рѣки и очутился на противоположномъ берегу, въ живописно раскинувшемся селеніи Генуль.

Мы остановились въ домѣ „старосты“ селенія, разстелили наши медвѣжьи шкуры на чистомъ полу низенькой комнаты, стѣны которой были оклеены самымъ забавнымъ образомъ старыми экземплярами „Лондонской Иллюстраціи“. Раскрашенная американская литографія, изображающая примирительный поцѣлуй двухъ поссорившихся любовниковъ, висѣла на стѣнѣ и составляла, повидимому, гордость своего обладателя, свидѣтельствуя о его образованіи, утонченномъ вкусѣ и его знакомствѣ съ изящными искусствами, образомъ жизни и обычаями американскаго общества.

Доддъ и я, не смотря на нашу усталость, посвятили вечеръ на исключительно литературныя занятія, старательно разыскивая, съ помощью сальной свѣчки, послѣдовательныя нумера „Иллюстраціи" по стѣнамъ и потолку. Мы находили придворныя извѣстія на березовой доскѣ и некрологи знаменитыхъ англичанъ на дверяхъ. Мы терпѣливо прочли въ этотъ вечеръ цѣлую стѣну, пріобрѣли значительное количество полезныхъ свѣдѣній относительно войны въ Новой Зеландіи и твердо рѣшили продолжать наши изслѣдованія остальныхъ трехъ стѣнъ и потолка на слѣдующе утро. Но, къ величайшему сожалѣнію, мы должны были продолжать наше путешествіе, не успѣвъ узнать, чѣмъ окончилась эта война, и до сего дня не могли получить свѣдѣній па этотъ счетъ.

Еще не было шести часовъ утра, какъ мы уже ѣхали на свѣжихъ лошадяхъ въ Пущинъ, до котораго считалось девяносто верстъ.

Не мѣшаетъ замѣтить, что одежда нашей маленькой партіи имѣла теперь самый странный, почти разбойничій видъ, такъ-какъ каждый изъ насъ мало-по-малу разставался съ нѣкоторыми принадлежностями европейскаго костюма, которыя почему-либо оказывались неудобными въ пути и замѣнялъ ихъ нарядами, болѣе соотвѣтствующими требованіямъ кочевой жизни. Доддъ снялъ свою шапку и повязалъ голову краснымъ платкомъ съ желтыми узорами. Вьюшинъ украсилъ свою шляпу длинной пунцовой лентой, которая весело развѣвалась по вѣтру. Голубая охотничья рубашка и красная турецкая феска, замѣнили мой мундиръ и шапку. У насъ у всѣхъ были карабины за плечами и револьверы у пояса и, вообще, по наружности мы походили на самыхъ фантастическихъ разбойниковъ когда-либо дѣлавшихъ набѣги изъ Аппенинскихъ ущелій, чтобы собирать разбойничью дань съ беззащитныхъ путешественниковъ. Роб-

кій туристъ, встрѣтивъ насъ, ѣдущихъ верхомъ на лошадяхъ по равнинѣ въ Пущинъ, вѣроятно, упалъ-бы передъ нами на колѣни и вынулъ-бы свой кошелекъ, не ожидая нашихъ приказаній. Имѣя свѣжихъ и бойкихъ лошадей, маіоръ, Доддъ, Вьюшинъ и я ѣхали весь день далеко впереди остальной нашей партіи. Далеко за полдень, когда мы крупной рысью ѣхали черезъ равнину, извѣстную подъ именемъ Камчатской тундры, маіоръ вдругъ осадилъ свою лошадь, сдѣлалъ полуоборотъ и закричалъ: „Медвѣдь! медвѣдь!“ и дѣйствительно огромный черный медвѣдь молча поднялся изъ высокой травы, у самыхъ его ногъ.

Произошло смятеніе: Вьюшинъ снялъ съ плеча свое двухствольное ружье и началъ насыпать въ него крупную дробъ; Доддъ схватилъ свой револьверъ съ бѣшенной энергіей, между тѣмъ какъ испуганная лошадь уносила его по равнинѣ. Маіоръ бросилъ поводья и умолялъ меня всѣми святыми не выстрѣлить въ него, такъ-какъ лошади прыгали, лягались и фыркали самымъ немилосерднымъ образомъ. Единственное спокойное, владѣющее собой существо во все время этой сцены, былъ самъ виновникъ происшедшаго переполоха—медвѣдь. Онъ окинулъ насъ равнодушнымъ взоромъ и пока мы готовились помѣриться съ нимъ силами, неуклюжимъ галопомъ побѣжалъ къ лѣсу. Къ намъ вернулось все наше присутствіе духа и мы начали преслѣдовать бѣглеца съ истиннымъ геройствомъ, стрѣляя съ самымъ рѣшительнымъ и неустрашимымъ видомъ изъ четырехъ револьверовъ и ружья и показывая чудеса храбрости въ нашихъ попыткахъ изловить кровожаднаго звѣря, но не подъѣзжая къ нему, однако, ближе, чѣмъ на сто шаговъ. Но все было напрасно: догадливый медвѣдь исчезъ въ лѣсу, подобно легкой тѣни и, предполагая, что вслѣдствіе извѣстной своей кровожадности и мстительности, онъ могъ намъ

приготовить въ лѣсу западню, мы сочли за лучшее доказательсто храбрости, отказаться отъ его преслѣдованія. Провѣривъ наши впечатлѣнія, мы нашли, что всѣ были одинаково поражены его величиной, косматой шерстью и дикой наружностью и что всѣми нами тотчасъ-же овладѣло непреодолимое желаніе взять его за горло и распороть ему животъ складнымъ ножомъ, какъ это такъ прекрасно изображали въ старыхъ гравюрахъ. Ничто иное, какъ неповиновеніе нашихъ лошадей и быстрота бѣгства звѣря помѣшали намъ достигнуть желанной цѣли. Маіоръ утверждалъ, что видѣлъ медвѣдя еще ранѣе и наѣхалъ на него вплоть только для того, чтобы «спугнуть его» и что если мы не отдадимъ ему этой должной справедливости, то можемъ наѣзжать на слѣдующаго медвѣдя сами. Сообразивъ спокойно это дѣло, я счелъ за самое вѣроятное, что если другой медвѣдь самъ не попадется маіору, этотъ послѣдній никогда не свернетъ съ дороги, чтобы спугнуть его. Мы сочли, однако, нашимъ долгомъ предостеречь маіора, чтобы онъ не подвергалъ опасности успѣхъ нашей экспедиціи такими безразсудными подвигами, какъ преслѣдованіе дикихъ звѣрей.

Смерклось много ранѣе чѣмъ мы успѣли доѣхать до Пущина; прохладный вечерній воздухъ освѣжилъ нашихъ усталыхъ лошадей, когда мы, около восьми часовъ, услыхали отдаленный вой собакъ, что свидѣтельствовало о близости селенія и что мы привыкли уже въ нашемъ воображеніи соединять съ понятіями о горячемъ чаѣ, отдыхѣ и снѣ. И дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ мы покойно лежали на нашихъ медвѣжьихъ шкурахъ въ камчатскомъ домикѣ. Въ этотъ день мы сдѣлали 60 миль, но путь былъ такъ хорошъ, что мы не чувствовали такой усталости, какъ въ Малкѣ. Тридцать верстъ отдѣляли насъ отъ верховья рѣки Камчатки, гдѣ мы должны были оставить нашихъ

лошадей и 150 миль плыть внизъ по рѣкѣ на туземныхъ лодкахъ и паромахъ.

Послѣ четырехчасовой ѣзды крупной рысью, по плоской равнинѣ, мы на утро прибыли въ Шеромъ, чтобы слѣдовать далѣе водянымъ путемъ. Съ немалымъ сожалѣніемъ я простился на время съ путешествіемъ верхомъ, которое нравилось мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Я не помню поѣздки, доставившей столько истинныхъ наслажденій, какъ это прекрасное путешествіе. Впрочемъ вся Сибирь лежала передъ нами и потому наши сожалѣнія при разставаніи съ мѣстностями, которыхъ мы больше не увидимъ, смягчались ожиданіемъ новыхъ приключеній и новыхъ мѣстъ, быть можетъ, еще болѣе величественныхъ, чѣмъ тѣ, которыя мы теперь покидали для продолженія нашего пути.

ГЛАВА X.

Шеромъ.—Плаваніе.—Милькова.—Восторженный пріемъ.

Давно уже извѣстно, что для человѣка, склоннаго къ лѣни, путешествіе на лодкѣ внизъ по рѣкѣ, имѣетъ какую-то особенную привлекательность. Грей, въ одной изъ своихъ элегій сказалъ, что его представленіе о раѣ должно быть ничѣмъ инымъ, какъ „лежать на диванѣ и вѣчно читать новые романы Мориво и Кребильока“.

Если-бы знаменитому автору элегіи когда-нибудь пришлось лежать на открытой палубѣ камчатской лодки, устланной душистыми цвѣтами и свѣжимъ сѣномъ, медленно плыть внизъ по широкой, тихой рѣкѣ, между рядами снѣгомъ покрытыхъ горъ, мимо рощей и обширныхъ степей съ волнующеюся высокой травой, слѣдить за восходомъ мѣсяца и отраженіемъ его въ рѣкѣ узкой полосой дрожащаго свѣта, прислушиваться къ плеску веселъ и тихой, меланхолической пѣснѣ гребцовъ,—онъ

бросилъ-бы за бортъ Мариво и Кребильока и представилъ-бы себѣ лучшую картину райскихъ наслажденій.

Я знаю, что могутъ упрекнуть меня въ преувеличиваніи восхваленій камчатской мѣстности, и, что мой восторгъ вызоветъ, можетъ быть, насмѣшливую улыбку у путешественника, видѣвшаго Италію и Альпы; но я описываю предметы такими, какими они мнѣ казались, не навязывая своихъ впечатлѣній другимъ, сознавая, что они не могутъ быть одинаковы для людей, болѣе меня видѣвшихъ и испытавшихъ. Если-бы мнѣ пришлось путешествовать по Рейну, или видѣть восходъ луны надъ Неаполитанскимъ заливомъ, быть можетъ, я не пришелъ-бы въ такой восторгъ отъ камчатскихъ видовъ; но въ сравненіи съ тѣмъ, что я видѣлъ до сихъ поръ, горныя мѣстности Южной и Средней Камчатки показались мнѣ восхитительными. Въ Шеромѣ мы нашли судно или камчатскій паромъ, приговоренный для нашего плаванія нашимъ передовымъ гонцомъ. Паромъ состоялъ изъ трехъ широкихъ выдолбленныхъ челноковъ, соединенныхъ параллельно на разстояніи трехъ футъ одинъ отъ другого поперечными шестами, и связанныхъ ремнями изъ тюленьей кожи; на нихъ настланъ былъ полъ или платформа, около 12 футъ длины и 10 ширины, оставляя на каждомъ челнокѣ мѣсто на кормѣ и на носу для гребцовъ, которые должны были вести и направлять наше неуклюжее судно по теченію рѣки. На платформѣ, покрытой на 6 дюймовъ только-что скошенной травой, мы разбили нашу маленькую палатку и убрали ее съ помощью медвѣжьихъ шкуръ, одѣялъ и подушекъ въ уютную комнатку. Карабины, револьверы и другое оружіе и вещи были сняты съ нашего усталаго тѣла и повѣшены на шесты въ палаткѣ: тяжелые охотничьи сапоги были тоже сняты и замѣнены мягкими лосиными торбасами; сѣдла въ надлежащемъ порядкѣ убраны до предстоящей въ нихъ

надобности и вообще всѣ наши вещи разставлены такъ, чтобы доставить намъ возможныя въ нашемъ положеніи удобства.

Наше снаряженіе въ путь продолжалось часа два, во время котораго нашъ тяжелый багажъ былъ перенесенъ на другой подобный-же паромъ; затѣмъ мы сошли на песчаный берегъ, простились съ толпой, собравшейся поглазѣть на нашъ отъѣздъ, помѣстились на наше судно и поплыли тихо по теченію. Камчадалы съ берега махали намъ шляпами и платками, пока за изгибомъ рѣки мы не скрылись отъ ихъ глазъ. Мѣстность у верховьевъ Камчатки, впродолженіи первыхъ 20 миль, была сравнительно однообразна и мало интересна; горы были совершенно скрыты отъ глазъ густымъ сосновымъ лѣсомъ, на половину смѣшаннымъ съ березнякомъ и лиственницей. Для насъ, впрочемъ, было достаточно и того, что мы лежали, растянувшись, въ палаткѣ на мягкихъ медвѣжьихъ шкурахъ, быстро двигаясь впередъ по гладкой поверхности рѣки, слѣдуя за ея круглыми изгибами, вспугивая огромнаго камчатскаго орла, одиноко сторожившаго на какомъ-нибудь выдающемся утесѣ, или стаю крикливыхъ водяныхъ птицъ, которыя улетали длинной вереницей, пока совсѣмъ не исчезали изъ вида. Плаваніе по верховью Камчатки небезопасно ночью, вслѣдствіе быстроты теченія и множеству сучьевъ, загромождающихъ рѣку, такъ-что съ наступленіемъ темноты, наши туземные гребцы не отважились итти далѣе: мы причалили къ берегу наши паромы и сошли на сушу ожидать восхожденія луны.

Маленькій полукругъ былъ расчищенъ въ частомъ кустарникѣ у берега, огни разведены, котлы съ картофелемъ и рыбой повѣшаны надъ кострами и всѣ мы въ ожиданіи ужина, собравшись вокругъ яркаго пламени, курили, разговаривали и пѣли американскія пѣсни. Вся эта полная непринужденности жизненная сце-

на была такъ хороша, что вполнѣ заслуживала кисти художника. Темная, пустынная рѣка, воды которой плескались о сломанныя деревья, загромоздившія русло; густой дѣйствительный лѣсъ, какъ-бы шептавшій мимолетному вѣтру о своемъ удивленіи при видѣ его вторженія въ завѣтныя тайны; яркій бивуачный огонь, бросающій красный отблескъ на гладкую поверхность рѣки и освѣщающій какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ окружающій лѣсъ; группа странно одѣтыхъ людей, беззаботно лежащихъ вокругъ костровъ на мохровыхъ медвѣжьихъ шкурахъ,—все это представляло картину, достойную кисти Рембрандта.

Послѣ ужина, мы придумали себѣ новую забаву: соорудили на берегу огромный костеръ изъ хвороста и начали бросать горячія головни въ лосей, когда они метались въ рѣкѣ, и въ испуганныхъ утокъ, сонъ которыхъ былъ нарушенъ непривычнымъ для нихъ шумомъ и свѣтомъ. Когда догорѣли костры, мы разостлали наши медвѣжьи шкуры на мягкомъ пескѣ у берега и улеглись, глядя на мерцающія звѣзды до тѣхъ поръ, пока сознаніе не перешло понемногу въ дремоту, а дремота въ полное забытье и сонъ. Ночью меня разбудили потоки дождя, падающіе на мое лицо и завываніе поднимающагося вѣтра въ верхушкахъ деревьевъ. Стащивъ мои промокшія одѣяла, я увидѣлъ, что маіоръ и Доддъ уже перенесли палатку на берегъ, укрѣпили ее между деревьями и скрылись въ нее, оставивъ меня измѣннически подъ проливнымъ дождемъ точно было все равно, сплю-ли я подъ палаткой или въ грязной лужѣ! Обсудивъ внутренно вопросъ, какъ мнѣ лучше поступить, войти-ли въ палатку или отомстить имъ, сокрушивъ ее надъ ихъ головами, я рѣшился лучше сначала укрыться отъ дождя, а мщеніе отложить до болѣе удобнаго случая. Но лишь только я успѣлъ заснуть, какъ вдругъ мокрое полотно обрушилось на

мое лицо и вмѣстѣ съ тѣмъ раздался крикъ: «вставайте! пора отправляться!» Выбравшись изъ подъ упавшей палатки, я мрачно сошелъ на паромъ, перебирая въ головѣ разные остроумные планы, чтобы отплатить маіору и Додду за то, что сначала они оставили меня на дождѣ, а потомъ разбудили среди ночи, обрушивъ мокрую палатку надъ моей головой. Былъ часъ ночи—на дворѣ было темно и пасмурно—но всѣ утверждали, что мѣсяцъ уже взошелъ и наши камчадалы увѣряли, что стало настолько свѣтло, что можно продолжать путешествіе. Я не былъ согласенъ съ ними, но мое мнѣніе не имѣло никакого вліянія на маіора, и на мои возбужденія не обратили ни малѣйшаго вниманія. Раздосадованный и въ тайной надеждѣ, что мы наткнемся на какое-нибудь бревно, я улегся подъ дождикъ на мокрое сѣно на нашемъ паромѣ и старался забыть во снѣ мои несчастія. По случаю противнаго вѣтра, мы не могли разбить палатку и должны были укрыться, по возможности, подъ пропитанными жиромъ одѣялами и дрожать отъ холода всю остальную ночь. На разсвѣтѣ мы подъѣхали къ камчатскому поселенію „Мильковъ", самому большому изъ туземныхъ населенныхъ мѣстъ на всемъ полуостровѣ. Дождь пересталъ, тучи начинали разсѣиваться, но воздухъ все еще былъ холоденъ и сыръ. Наше прибытіе было уже предупреждено еще наканунѣ, а нашъ сигнальный выстрѣлъ изъ ружья, когда мы обогнули послѣдній изгибъ рѣки, привлекъ на берегъ почти все населеніе. Пріемъ, сдѣланный намъ, былъ настоящей оваціей. „Отцы города", — какъ ихъ назвалъ Доддъ—въ числѣ двадцати, собрались кучкой у мѣста нашей высадки и, снявъ шапки, начали усердно кланяться и кричать: „здравствуйте". Когда-же мы были въ 50 шагахъ отъ берега, намъ салютовали выстрѣлами изъ заржавленныхъ ружей съ кремневыми замками, подвергая тѣмъ самымъ опасности нашу жизнь;

затѣмъ человѣкъ 12 туземцевъ вошли въ воду, чтобы помочь намъ благополучно выйти на берегъ. Селеніе находилось не въ далекомъ разстояніи отъ рѣки, и жители приготовили для доставки насъ туда такихъ тощихъ лошадей, какихъ я когда-либо видѣлъ въ Камчаткѣ. Ихъ сбруя состояла изъ деревянныхъ сѣделъ, стремянъ около двѣнадцати дюймовъ длины, обтянутыхъ ненужными остатками ремней изъ тюленьей кожи, пахвей изъ медвѣжьей шкуры и недоуздковъ изъ кожи моржа, закрученныхъ у морды животныхъ. Движеніе происшедшее въ то время, когда мы приготовились садиться на лошадей, кажется, до сихъ поръ, не имѣло ничего подобнаго въ лѣтописяхъ этого мирнаго селенія. Не знаю, какъ удалось маіору сѣсть на лошадь, но меня и Додда нѣсколько длинноволосыхъ камчадаловъ схватили и, не смотря на наши возраженія, начали теребить наши грѣшныя тѣла во всѣ стороны, напоминая этимъ борьбу за мертвое тѣло Патрока, пока торжественно не посадили насъ, задыхающихся и истощенныхъ, на сѣдла. Еще одинъ такой радушный пріемъ сдѣлалъ-бы насъ совсѣмъ неспособными для службы компаніи россійско-американскаго телеграфа! Я имѣлъ только время бросить бѣглый взглядъ на маіора; его фигура представляла смѣсь удивленія и полумучительныхъ, полузабавныхъ ощущеній, неулегшихся еще на лицѣ. Я было собрался выразить свое участіе къ его страданіямъ, но въ это время какой-то восторженный туземецъ схватилъ поводья моей лошади, три другихъ съ непокрытыми головами бросились ему помогать и меня повели съ тріумфомъ къ какой-то невѣдомой цѣли. Невыразимая нелѣпость нашего положенія поразила меня тогда только во всей своей силѣ, когда я обернулся назадъ передъ самымъ въѣздомъ въ деревню. За мной ѣхали маіоръ, Вьюшинъ и Доддъ, возсѣдающіе на тощихъ камчатскихъ лошадяхъ, причемъ колѣна

нхъ были почти на одномъ уровнѣ съ подбородками: полдюжины туземцевъ, въ необыкновенныхъ костюмахъ, бѣжали возлѣ нихъ собачьей рысью, а цѣлая процессія мужчинъ и подростковъ съ непокрытыми головами, замыкали торжественно шествіе, поощряя лошадей остроконечными палками, чтобы хотя до нѣкоторой степени возбудить въ нихъ жизнь и рвеніе. Все это, отчасти, напоминало мнѣ римскій тріумфъ—маіоръ Доддъ и я изображали героевъ побѣдителей, а камчадалы—плѣнныхъ, на которыхъ мы положили ярмо рабства и которые теперь украшали наше торжественное вступленіе въ вѣчный городъ. Я сообщилъ мое сравненіе Додду, но онъ замѣтилъ мнѣ, что нужно очень насиловать свое воображеніе, чтобы сдѣлать изъ насъ въ данную минуту „торжествующихъ героевъ", для которыхъ названіе „героическихъ жертвъ" болѣе согласовалось-бы съ нашимъ положеніемъ. Его практическій умъ не допускалъ такой идеализаціи нашего положенія. При въѣздѣ въ селеніе волненія и восторженныя оваціи не успокоились. Наша пестрая свита жестикулировала, бѣгала взадъ и впередъ, отдавала какія-то приказанія самымъ неистовымъ образомъ; головы появлялись и исчезали въ окошкахъ домовъ, а три сотни собакъ увеличивали общее смятеніе, выражая свой восторгъ такимъ адскимъ концертомъ, что воздухъ дрожалъ отъ этихъ смѣшанныхъ звуковъ. Наконецъ, мы остановились у большого одноэтажнаго бревенчатаго дома, и двѣнадцать или пятнадцать туземцевъ помогли намъ слѣзть съ лошадей и войти.

Когда Доддъ успѣлъ собраться съ мыслями, то спросилъ:

— Скажите, ради всѣхъ святыхъ, что такое случилось съ этимъ селеніемъ? Съ ума они сошли или нѣтъ?

Вьюшинъ послалъ за старостой, который не замедлилъ явиться съ поклонами и привѣтствіями, напоминающими китайскаго мандарина.

Тутъ начался длинный разговоръ по-русски между маіоромъ и старостой, прерываемый иногда дополнительными объясненіями на камчатскомъ языкѣ, которыя, впрочемъ, мало способствовали къ разъясненію предмета. Очевидное и возрастающее желаніе улыбнуться по немногу смягчало суровое лицо маіора, пока наконецъ онъ не разразился громкимъ и заразительнымъ смѣхомъ. Только-что онъ пришелъ въ себя, какъ вскричалъ: „Туземцы приняли васъ за Императора", и снова имъ овладѣлъ припадокъ смѣха, который грозилъ окончиться удушьемъ или ударомъ.

Совершенно растерявшись, я могъ только слабо улыбаться, пока онъ не пришелъ достаточно въ себя, чтобы объяснить мнѣ эту шутку. Оказалось, что нашъ посланный изъ Петропавловска по всему полуострову для извѣщенія жителей о нашемъ проѣздѣ, имѣлъ при себѣ письмо отъ русскаго губернатора, въ которомъ были обозначены имена и званія членовъ нашей партіи, гдѣ я былъ названъ „Егоръ Кеннанъ, телеграфистъ и операторъ". Мильковскій староста умѣлъ читать по-русски, и потому письмо было передано ему для сообщенія всѣмъ жителямъ селенія. Его поразило непонятное слово „телеграфистъ", но и послѣ тщетныхъ усилій ума, онъ даже приблизительно не могъ объяснить его значенія. „Операторъ", показалось ему болѣе знакомымъ, хотя оно и не звучало именно такъ, какъ онъ привыкъ слышать и конечно, должно было означать „Императоръ". При такомъ неожиданномъ открытіи сердце его забилось, волосы поднялись на головѣ отъ чрезмѣрныхъ напряженій ума и онъ поспѣшно отправился распространять извѣстіе, что русскій царь посѣтилъ Камчатку и черезъ три дня будетъ проѣздомъ въ Мильковѣ. Нѣтъ словъ описать волненіе, овладѣвшее населеніемъ при этомъ неожиданномъ извѣстіи. Единственнымъ предметомъ обсужденія было, какимъ

образомъ Милькова можетъ лучше выказать свою преданность и уваженіе къ Главѣ Императорской Фамиліи, къ могущественному повелителю семидесяти милліоновъ подданныхъ. Изобрѣтательность камчадаловъ не могла ничего придумать!... Что могло сдѣлать бѣдное камчатское населеніе для развлеченія своего Августѣйшаго Монарха?

Когда прошло первое волненіе, маіоръ объяснилъ старостѣ наше настоящее званіе и занятіе, но это не умалило гостепріимства жителей. Насъ снабдили всѣмъ, что только нашлось лучшаго въ деревнѣ и смотрѣли на насъ съ такимъ любопытствомъ, которое ясно доказывало, что селеніе Милькова не было избаловано посѣщеніями путешественниковъ. Отвѣдавъ нѣсколькихъ туземныхъ кушаній и поѣвъ болѣе существенной оленины съ хлѣбомъ, мы, въ сопровожденіи толпы народа вернулись къ нашимъ паромамъ, чтобы продолжать наше путешествіе по рѣкѣ.

ГЛАВА XI

Продолженіе рѣки.—Ключевская сопка.—Черная баня.

Наше дальнѣйшее путешествіе по рѣкѣ вполнѣ убѣдило насъ, что долина этой рѣки, безъ сомнѣнія, самая плодородная часть всего камчатскаго полуострова. Почти всѣ деревни, мимо которыхъ мы проѣзжали, окружены садами и засѣянными рожью полями; берега покрыты строевымъ лѣсомъ или травою въ пять футъ вышины; мѣстами роскошные цвѣты и другія растенія свидѣтельствуютъ о богатствѣ почвы и благорастворенности климата. Скороспѣлки, бѣлыя буквицы, болотныя фіалки, шиповникъ и др. растенія растутъ въ изобиліи по всей долинѣ, а особенный видъ зонтич-

ныхъ, съ полыми, колѣнчатыми стеблями достигаютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, шести футовъ вышины и растутъ такъ густо, что за огромными зазубренными листьями растенія вы не увидите человѣка на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ. И все это выростаетъ въ продолженіи одного лѣта.

Между верховьемъ рѣки и Ключевской сопкой находятся двѣнадцать туземныхъ поселеній, расположенныхъ въ живописныхъ мѣстностяхъ и окруженныхъ садами и засѣянными рожью полями. Нигдѣ путешественникъ не увидитъ даже слѣда той безплодности и запустенія, которыя всегда соединялись съ именемъ Камчатки.

Въ понедѣльникъ утромъ мы разстались съ нашими радушными туземными друзьями въ Мильковѣ и въ продолженіи трехъ дней плыли медленно внизъ по рѣкѣ, любуясь мимоходомъ на рядъ снѣжныхъ горъ, замыкающихъ долину и бродя по лѣсамъ въ поискахъ за медвѣдями и дикими вишнями. Ночью мы разбивали палатку на берегу среди деревьевъ и вообще жили беззаботно свободною жизнью кочевниковъ. Мы проѣхали туземныя поселенія: Киргàникъ, Мàршуру, Щàпино и Толбачикъ и вездѣ были приняты съ безграничнымъ гостепріимствомъ. Въ среду, 13 сентября, мы расположились лагеремъ въ лѣсу, на югѣ отъ Козеревскаго, въ 120 верстахъ отъ селенія Ключей. Почти всю среду шелъ дождь, мы разбили палатку между влажными деревьями и заснули съ нѣкоторымъ опасеніемъ, что приближающаяся буря скроетъ отъ насъ великолѣпную картину низовьевъ Камчатки, по которой намъ предстояло дальнѣйшее путешествіе. Около полночи, впрочемъ, прояснѣло, а рано утромъ меня разбудилъ Доддъ и предложилъ выйти посмотрѣть на горы. Тишина была необыкновенная, и воздухъ имѣлъ ту особенную кристальную прозрачность, которую вы встрѣтите иног-

да въ Калифорніи. Легкій морозъ покрылъ бѣлымъ инеемъ траву и нѣсколько завядшихъ листьевъ, колеблясь въ свѣжемъ воздухѣ, спадали медленно съ желтыхъ березъ, около нашей палатки. Ни одинъ звукъ не нарушалъ всеобщаго безмолвія и только слѣды сѣверныхъ оленей и волковъ на влажномъ пескѣ свидѣтельствовали о присутствіи жизни въ этой дикой мѣстности. Солнце еще не взошло, но небо на востокѣ было залито золотистымъ свѣтомъ, а утренняя звѣзда стояла еще, какъ лучезарный стражъ, между борющимися силами ночи и дня. Далеко на сѣверо-востокѣ, надъ рощей, возвышались окрашенныя нѣжнымъ пурпуромъ остроконечныя ключевскія вершины, сгруппированныя вокругъ центральнаго клинообразнаго конуса величественной Ключевской сопки. Мѣсяцъ тому назадъ я видѣлъ эти горы съ палубы брига, въ 75 миляхъ отъ твердой земли и не ожидалъ, что увижу ихъ вновь. Съ полчаса мы сидѣли съ Доддомъ на берегу, машинально бросая камешки въ воду и наблюдая, какъ восходящее солнце постепенно освѣщало далекія горы и вспоминая приключенія, которыя мы испытали послѣ отъѣзда изъ Петропавловска. Мой взглядъ на сибирскую жизнь съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидалъ крутой, обрывистый берегъ Камчатки много измѣнился къ лучшему. Здѣсь я встрѣтилъ то, чего никогда не могъ ожидать отъ Сибири.

Тогда Сибирь была для меня неизвѣстная, таинственная страна ледниковъ и снѣжныхъ горъ, гдѣ нельзя было ждать ничего хорошаго среди одинокой, необитаемой пустыни. Теперь она не казалась мнѣ болѣе пустынной и непривѣтливой. Каждая горная вершина напоминала о какомъ-нибудь гостепріимномъ селеніи, гнѣздящемся у ея подножья, каждый маленькій ручеекъ былъ связанъ съ какимъ-нибудь пріятнымъ воспоминаніемъ изъ кочевой жизни.

Мысль о возможности приключеній продолжала существовать во мнѣ, но воображаемое одиночество и запустѣніе послѣ недѣльнаго опыта, совершенно изгладились. Я пытался сравнить тѣ неопредѣленныя представленія, которыя я составилъ въ Америкѣ о Сибири, со своими недавними впечатлѣніями, но напрасно; я не могъ снова перенестись въ ту покинутую мною цивилизованную среду и согласить мои тогдашнія ожиданія съ тѣми, которыя я встрѣтилъ здѣсь. Сумасбродныя фантазіи, казавшіяся мнѣ всего три мѣсяца тому назадъ такими правдоподобными, походили теперь на какой-то полузабытый сонъ, въ дѣйствительности существовала только спокойная рѣка у моихъ ногъ, деревья, отряхивающія свои желтые листья надъ моей головой и далекія, алѣющія горы. Думы мои были прерваны громкими ударами въ оловянный артельный котелъ, что служило сигналомъ къ завтраку. Черезъ полчаса завтракъ былъ уничтоженъ, палатка убрана, походныя вещи уложены и мы продолжали нашъ путь. Впродолженіи цѣлаго дня мы спускались внизъ по рѣкѣ къ селенію Ключамъ и любовались на горы, которыя представлялись намъ въ различныхъ живописныхъ положеніяхъ, по мѣрѣ того какъ мы достигли Козыревскаго выселка и смѣнивъ команду, продолжали всю ночь наше путешествіе. Въ пятницу, на разсвѣтѣ, мы миновали Кристы и въ два часа пополудни прибыли въ Ключи, ровно черезъ одинадцать дней, послѣ выѣзда изъ Петропавловска.

Селеніе Ключи расположено среди открытой равнины на правомъ берегу рѣки Камчатки, у самаго подножья величественной Ключевской сопки; оно ничѣмъ не отличается отъ другихъ камчатскихъ поселеній, развѣ только живописной красотой своего мѣстоположенія. Оно расположено по серединѣ группы величественыхъ одинокихъ вершинъ, которыя какъ-бы стерегутъ входъ

въ рѣку и надъ нимъ почти постоянно въ безвѣтренную погоду висятъ облака густого, чернаго дыма, извергаемаго двумя вулканами. Ключи были основаны въ половинѣ XVII вѣка нѣсколькими русскими крестьянами, высланными изъ внутреннихъ губерній Россіи и снабженныхъ сѣменами и земледѣльческими орудіями, для основанія колоніи внутри Камчатки. Имъ предстояло сдѣлать до мѣста своего назначенія болѣе 6000 кв. миль и вотъ послѣ долгаго, утомительнаго путешествія по Азіи черезъ Тобольскъ, Иркутскъ, Якутскъ и Калыму, маленькая партія невольныхъ переселенцевъ достигла, наконецъ, полуострова и поселилась у рѣки Камчатки, подъ сѣнью огромнаго вулкана. Болѣе сотни лѣтъ живутъ здѣсь потомки первыхъ переселенцевъ, они давно уже забыли, какимъ образомъ сюда попали и по чьей волѣ были поселены. Несмотря на частыя изверженія двухъ вулкановъ, находящихся за селеніемъ, его никогда не пытались перенести на другое мѣсто, и жители его привыкли равнодушно относиться къ предупредительному гулу, исходящему изъ глубины раскаленныхъ кратеровъ, и къ массамъ пепла, которыми нерѣдко засыпаются ихъ жилища и поля. Они никогда не слышали о Геркуланумѣ и Помпеѣ и не подозрѣваютъ возможной опасности отъ густого облака дыма, въ ясную погоду висящаго надъ тупой вершиной Ключевской сопки, или отъ подземнаго грома, которымъ его меньшій, но одинаково опасный сосѣдъ, заявляетъ о себѣ въ долгія зимнія ночи.

Быть можетъ, пройдетъ еще столѣтіе и никакое несчастье не обрушится надъ маленькимъ селеніемъ; но, слыша подземный гулъ Ключевской сопки на разстояніи шестидесяти миль и видя густыя массы чернаго дыма, которыя она по временамъ выбрасываетъ, я удивлялся риску камчадаловъ, при выборѣ такого опаснаго мѣста для своего жилья.

Ключевская сопка—одинъ изъ самыхъ высокихъ и самыхъ дѣятельныхъ вулкановъ изъ всей вулканической цѣпи, проходящей по сѣверной части Тихаго океана. Съ XVII столѣтія, рѣдкій годъ проходитъ безъ изверженій, болѣе или менѣе значительныхъ. Даже теперь, въ промежутки нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она выбрасываетъ пламя и засыпаетъ пепломъ часть пространства полуострова и оба моря. Зимою снѣгъ часто бываетъ такъ засыпанъ пепломъ на двадцать пять миль вокругъ Ключей, что ѣзда на саняхъ дѣлаетя почти невозможною. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, было необыкновенно сильное изверженіе. Оно началось среди темной зимней ночи громкими подземными ударами и колебаніями почвы, которые разбудили ключевскихъ жителей и заставили ихъ выбѣжать, въ испугѣ, изъ домовъ. Высоко на темномъ зимнемъ небѣ, 16000 футовъ надъ ихъ головами, поднимался надъ кратеромъ огненный столбъ съ громаднымъ облакомъ ѣдкаго дыма. Среди грома и тусклаго свѣта извнутри жерла, растопленная лава текла широкими огненными потоками по склонамъ покрытой снѣгомъ горы, пока они не соединились въ одну пылающую массу, освѣтившую селенія Кристи, Козыревское, Ключи, а также всю равнину на двадцать миль въ окружности. Говорятъ, что это изверженіе покрыло полуостровъ на протяженіи трехъ-сотъ верстъ слоемъ пепла въ полтора дюйма толщины! До сихъ поръ лава не спускалась ниже снѣговой линіи, но я не вижу причины, почему она когда-нибудь не зальетъ селеніе Ключи и русло Камчатки своимъ огненнымъ потокомъ.

Насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ никто не взбирался еще на вершину вулкана; вышина его опредѣлена въ 16500 фут., вѣроятно, только приблизительно. Но во всякомъ случаѣ, это высочайшая точка Кам-

чатскаго полуострова и скорѣе имѣетъ болѣе 16,000 футъ высоты, чѣмъ менѣе. Намъ очень хотѣлось попробовать взобраться по ея снѣжному склону и заглянуть въ дымящійся кратеръ; но для того нужно было-бы употребить двѣ или три недѣли, а у насъ не было въ распоряженіи даже лишняго дня. Гора эта имѣетъ форму правильнаго конуса и видъ ея изъ Ключей такъ обманчивъ, что послѣднія 3,000 ф. кажутся совершенно отвѣсными. На небольшомъ разстояніи отъ ключевской сопки, на юго-востокъ имѣется еще другой вулканъ, названіе котораго я не запомню, и который соединяется съ первой неправильно-прерывающимся кряжемъ. Онъ не достигаетъ вышины ключевской сопки, но, вѣроятно, получаетъ горючій матеріалъ для своего изверженія изъ одного и того-же источника и выбрасываетъ клубы чернаго угольнаго дыма, который на востокѣ такъ застилаетъ густыми облаками Ключевскую сопку, что иногда совершенно скрываетъ ее изъ вида.

Намъ отвели квартиру въ Ключахъ въ большомъ удобномъ домѣ старосты. Стѣны нашей комнаты были обиты ситцемъ съ рисунками, потолокъ оклеенъ бѣлымъ нитянымъ тикомъ, а простая сосновая чистенькая мебель была доведена до возможной степени чистоты и удобства. Картинка грубой работы, которую я принялъ за изображеніе Моисея, висѣла въ углу въ вызолоченной рамкѣ. Скатерти американской фабрикаціи были разостланы на столахъ, горшки съ цвѣтами стояли за занавѣсками на окнахъ, маленькое зеркало висѣло на противоположной двери, стѣна и вся утварь и простыя украшенія комнаты были расположены съ такимъ вкусомъ и такимъ очевиднымъ намѣреніемъ произвести эфектъ, что оставалось только удивляться вкусу хозяина дома. Американское искусство также принесло свою дань на украшеніе этого домика въ пустынѣ,—одна изъ дверей была увѣшана картинками

изъ виргинской жизни. При этомъ я вспомнилъ извѣстныя строки Поппа: „Предметы, которые мы видимъ, небогаты и нерѣдки, но чудо, какъ они сюда попали".

Въ такомъ удобномъ и пріятномъ помѣщеніи мы съ удовольствіемъ провели остатокъ дня.

Въ Ключахъ мы должны были рѣшить, по какой дорогѣ продолжать наше путешествіе на сѣверъ. Самая короткая, и во многихъ отношеніяхъ самая удобная дорога была та, по которой обыкновенно ѣздятъ русскіе купцы—черезъ центральную горную цѣпь къ Тишмо, черезъ проходъ Іоловку и далѣе по западному берегу полуострова, до сѣверной части Охотскаго моря. Единственное неудобство этого плана состояло въ позднемъ времени года и возможности встрѣтить глубокіе снѣга въ горныхъ переходахъ. Намъ предстояло выбрать или этотъ путь, или продолжать изъ Ключей наше путешествіе по восточному берегу до поселенія, называемаго Дранка, гдѣ горы понижались до размѣровъ незначительныхъ холмовъ, и переѣхать тогда въ камчатское селеніе Лѣсное, на Охотскомъ морѣ. Послѣдній путь былъ длиннѣе чѣмъ первый, но зато менѣе рискованный.

Послѣ долгихъ совѣщаній съ туземцами, которые хотя и казались опытнѣе другихъ въ знакомствѣ съ страною, но старательно избѣгали подробныхъ разговоровъ, чтобы не брать на себя лишней отвѣтственности, маіоръ рѣшился избрать Іоловскій проходъ и приказалъ приготовить лодки къ субботѣ, чтобы провести насъ по рѣкѣ Іоловкѣ.

Самое худшее, что могло съ нами случиться во время этого путешествія—это невозможность перебраться черезъ горы, но тогда мы успѣли-бы вернуться въ Ключи и попробовать другой путь еще до начала зимы.

Когда этотъ важный вопросъ былъ рѣшенъ, мы поспѣшили воспользоваться тѣми немногими удоволь-

ствіями, которыя могли найтись въ Ключахъ; общественныхъ развлеченій, конечно, здѣсь не было; къ тому-же наше поношенное и полинявшее платье не особенно годилось для публичнаго гулянья, даже если-бы оно и существовало въ дѣйствительности.

Единственныя замѣчательныя мѣста въ селеніи, о которыхъ мы могли узнать, были баня и церковь; и маіоръ и я отправились послѣ обѣда осматривать оба эти пункта, какъ приличествуетъ настоящимъ современнымъ туристамъ. По довольно понятной причинѣ мы прошли сперва въ баню. Паровая баня была для насъ очень пріятнымъ развлеченіемъ; и если правда, что „опрятность ближе всего къ благочестію", то, конечно, баня должна всегда предшествовать церкви. Я часто слышалъ, какъ Доддъ упоминалъ о „черныхъ баняхъ" камчадаловъ; но не зная хорошенько, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, я смутно вообразилъ, что „черная баня" означала купанье въ какой-нибудь чернильной жидкости камчатскаго изобрѣтенія, которая обладала особенными, уничтожающими нечистосу, свойствами. Я не думалъ, что существуютъ какія-нибудь иныя причины называть баню „черною". Войдя, впрочемъ, въ такую „черную баню" въ Ключахъ, я увидалъ мою ошибку и тотчасъ-же понялъ настоящій смыслъ этого прилагательнаго. Оставивъ наши одежды въ предбанникѣ, который долженъ былъ изображать уборную, но не имѣлъ нужныхъ для того удобствъ, мы отворили обитую мѣхомъ дверь и вошли въ настоящую баню, стѣны которой были такъ черны и мрачны, что вполнѣ оправдывали свое названіе. При свѣтѣ сальной свѣчи, тускло горѣвшей на полу, можно было разглядѣть очертанія низкой пустой комнаты, имѣющей въ квадратѣ десять футъ, прочно выстроенной изъ неотесанныхъ бревенъ безъ всякаго отверстія для свѣта или воздуха. Стѣны и потолокъ были черны и покрыты копотью отъ

дыма, которымъ комната наполнялась во время топки. Груда камней, съ пустотою внутри для разведенія огня, стояла на одномъ концѣ комнаты, а на другомъ находился рядъ широкихъ ступеней, никуда, повидимому, неведущихъ. Но вотъ огонь въ печи погасъ, труба была закрыта і герметически замазана, а груда раскалённыхъ камней распространяла такой сильный, сухой жаръ, который затруднялъ дыханіе и возбуждалъ сильную испарину.

Домашній духъ этого мрачнаго, адскаго мѣста мученій, явился вскорѣ въ лицѣ длинноволосаго, голаго камчадала, который началъ плескать воду на раскаленные до красна камни, пока тѣ не зашипѣли подобно локомотиву и свѣча замерцала голубымъ свѣтомъ. Мнѣ и ранѣе этого было жарко въ банѣ, но тутъ сдѣлалось совершенно невыносимо. Мои кости, кажется, таяли въ этомъ жару. Доведя температуру комнаты до нестерпимой жары, туземецъ схватилъ меня за руку, растянулъ на первой ступени, облилъ меня съ головы до ногъ горячимъ щелокомъ и началъ тереть такъ безцеремонно и старательно, какъ будто хотѣлъ превратить мое тѣло въ его первоначальныя составныя части. Я не буду описывать все разнообразіе и изобрѣтательность мученій, которымъ я подвергался впродолженіе слѣдующихъ двадцати минутъ. Меня растирали, мяли, скоблили, окачивали холодной водой и обваривали горячей, сѣкли березовыми вѣниками и терли мочалами, которыя царапали, какъ обломки кирпичей и, наконецъ, оставили перевести духъ на самой верхней и самой жаркой ступени всей лѣстницы. Холодный душъ закончилъ всю эту процедуру и всѣ мои мученія; я съ трудомъ добрался до двери и началъ одѣваться. Скоро пришелъ маіоръ и мы продолжали нашъ путь подобно двумъ тѣнямъ. Было уже поздно и потому мы должны были отложить на неопредѣленное время осматриваніе

церкви; мы имѣли уже достаточно развлеченій въ этотъ день и вернулись домой довольные испытанной нами камчатской черной баней.

Вечеръ этого памятнаго для меня дня прошелъ въ распрашиваніи жителей селенія о сѣверной части полуострова и объ удобствахъ предстоящихъ странствованій среди кочующихъ коряковъ, а въ десять часовъ вечера мы уже улеглись спать для того, чтобы встать раньше на слѣдующее утро.

ГЛАВА XII.

Плаваніе по Іоловкѣ.—Разговоръ вулкановъ.—«О, Сюванна!»—«Американскій» языкъ.—Трудное путешествіе.

Во время нашего путешествія по Камчаткѣ намъ пришлось испытать много различныхъ способовъ передвиженія и этой постоянной новизнѣ и свѣжести впечатлѣній мы, можетъ быть, обязаны тѣмъ, что наше трехмѣсячное странствованіе по этой странѣ не показалось утомительнымъ. Мы испытали, по очереди, удовольствіе и неудобство китоловныхъ судовъ, верховой ѣзды, паромовъ, лодокъ, саней, запряженныхъ собаками и оленями и лыжъ; при этомъ едва только одинъ родъ путешествія начиналъ надоѣдать и утомлятъ насъ, какъ приходилось замѣнять его другимъ.

Въ Ключахъ мы оставили наши паромы и порядили камчатскіе челноки или лодки, выдолбленныя изъ бревенъ и приспособленныя къ плаванію по рѣкѣ Іоловкѣ; противъ быстраго теченія которой намъ приходилось теперь итти. Замѣчательнѣйшая и въ то-же время удивительная особенность этихъ лодокъ состоитъ въ томъ, что онѣ имѣютъ хроническое стремленіе перевертываться вверхъ дномъ и, повидимому, безъ всякаго къ тому повода. Я слышалъ изъ достовѣрныхъ источ-

никовъ, что одна лодка опрокинулась на Камчаткѣ передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ единственно по оплошности одного камчадала, который оставилъ въ своемъ правомъ карманѣ ножъ и въ то-же время позабылъ положить и въ лѣвый карманъ одинаковую тяжесть.— Говорятъ, что камчадалы раздѣляютъ волосы проборомъ по срединѣ головы единственно ради стремленія сохранить равновѣсіе тѣла во время плаванія. Я могъ-бы, пожалуй, усомниться въ этихъ фактахъ, если-бъ не увѣрилъ меня въ этомъ Доддъ, въ безупречной правдивости котораго я вполнѣ убѣжденъ, тѣмъ болѣе, что важность предмета должна служить достаточной гарантіей въ неумѣстности подобной шутки съ его стороны.

Въ субботу мы позволили себѣ проспать нѣсколько долѣе, чѣмъ слѣдовало и только въ 8 часовъ утра сошли на берегъ.

При первомъ взглядѣ на маленькія лодки, которымъ ввѣрялась наша судьба и интересы россійско-американскаго телеграфа, мы почувствовали нѣкоторое изумленіе и даже страхъ. Одинъ изъ насъ, всегда отличавшійся быстрыми апріористическими заключеніями, сейчасъ-же рѣшилъ, что смерть отъ утопленія будетъ неминуемымъ слѣдствіемъ путешествія на такомъ суднѣ и потому не рѣшался отважиться на него. Разсказываютъ объ одномъ великомъ полководцѣ, что во время бурнаго переѣзда черезъ Іоническое море, онъ воодушевилъ своихъ матросовъ самолюбивымъ увѣреніемъ, что они везутъ „Цезаря и его судьбу“ и что поэтому съ ними не можетъ случиться никакого несчастія, Камчатскій-же цезарь, казалось не очень довѣрялъ своей судьбѣ, но утѣшеніе явилось съ другой стороны. Нашъ лодочникъ не сказалъ:—«Успокойся, цезарь! Камчадалъ и его судьба везутъ тебя». Онъ увѣрилъ насъ, что впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ ѣздитъ по этой рѣкѣ и еще ни разу не тонулъ. Чего-же оставалось желать

Цезарю? Потолковавъ немного, мы размѣстились на медвѣжьихъ шкурахъ на днѣ лодокъ и отчалили отъ берега.

Всѣ особенности природы окрестностей Ключей ничто въ сравненіи съ величественной центральной фигурой Ключевской сопки, этого колосса Сибирскихъ горъ, остроконечная вершина которой со своимъ неподвижнымъ облакомъ золотистаго дыма, видна со всѣхъ сторонъ на сто миль въ окружности. Всѣ ближайшіе живописные виды находятся въ зависимости отъ нея и имѣютъ значеніе на столько, на сколько выставляютъ красоту этой величественной вершины, возвышающейся въ снѣжномъ одѣяніи надъ зелеными долинами Камчатки и Іоловки и разстилающейся у ея подножія. „Наслѣдникъ послѣднихъ лучей заката и вѣстникъ утра", высокій кратеръ вулкана принимаетъ розоватый оттѣнокъ много ранѣе, чѣмъ мракъ и утренній полусвѣтъ разсѣевается въ долинахъ, и сохраняетъ его долѣе, чѣмъ солнце скроется за Тигильскими горами. Во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ эта величественная гора изъ всѣхъ, какія я когда-либо видѣлъ, всегда или стоитъ освѣщенная лучами осенняго солнца, или окутывается въ густыя массы чернаго вулканическаго дыма и глухимъ гуломъ предостерегаетъ деревни, лежащія у ея подножія; или-же, наконецъ, вечеромъ собираетъ вокругъ своей вершины сѣрое облако тумана, спускающееся по склонамъ горы, представляющее среди прозрачной атмосферы колоссальный, туманный столбъ въ 16000 футъ выширы, который стоитъ надъ сосновымъ лѣсомъ, занимающимъ пространство въ пятьдесятъ квадратныхъ миль.

Ничего не можетъ быть прекраснѣе этого нѣжно-розоваго цвѣта, напоминающаго лепестки шиповника, которымъ окрашены ея снѣга, въ то время, когда солнце исчезнетъ въ красномъ заревѣ на западѣ; но взгляните на нее при блѣдномъ свѣтѣ луны, когда ея

туманный покровъ точно окаймленъ серебромъ, когда черныя тѣни лежатъ въ ея оврагахъ, а верхушки ея блестятъ бѣловатымъ свѣтомъ, когда куча созвѣздій опоясываетъ ея кратеръ и серебряная цѣпь плеядъ мерцаетъ надъ ея вершиной,—тогда скажите, что она лучше при свѣтѣ дня.

Мы вошли въ воды Іоловки около полудня. Рѣка эта вливается въ Камчатку съ сѣвера, двадцать верстъ ниже Ключей; берега рѣки низменны, болотисты и густо поросли ситникомъ и осокой, которая служитъ убѣжищемъ для утокъ, гусей и дикихъ лебедей. Поздно вечеромъ мы достигли туземнаго селенія Харчина, и тотчасъ-же послали за знаменитымъ русскимъ проводникомъ Николаемъ Брагинымъ, котораго мы надѣялись уговорить провести насъ черезъ горы.

Повидавшись съ Брагинымъ, мы узнали отъ него, что, на прошлой недѣлѣ, въ горахъ выпалъ сильный снѣгъ; но, по его мнѣнію, бо́льшая часть этого снѣга должна была растаять вслѣдствіе послѣднихъ теплыхъ дней, и потому проходъ черезъ нихъ будетъ возможенъ. Во всякомъ случаѣ онъ готовъ попробовать провести насъ. Успокоенные въ этомъ отношеніи мы оставили Харчину рано утромъ и продолжали наше плаваніе вверхъ по рѣкѣ. Вслѣдствіе быстраго теченія главной рѣки, мы свернули въ одинъ изъ множества протоковъ или рукавовъ, на которые она дѣлится и медленно двигались впродолженіе четырехъ часовъ. Русло было извилисто и узко, такъ-что веслами можно было доставать съ обѣихъ сторонъ до береговъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ березы и ивы такъ сплетались надъ рѣкою, что роняли желтые листья на наши головы, когда мы проѣзжали подъ ними; мѣстами длинные сухіе стволы свѣшивались съ берага въ воду и торчали изъ глубины потока; нѣсколько разъ казалось, что непроходимый сукъ преградитъ нашъ путь. Нашъ проводникъ, ѣхавшій на

лодкѣ впереди насъ, пѣлъ для развлеченія какія-то однообразныя камчатскія пѣсни, а мы съ Доддомъ, напротивъ, оглашали воздухъ веселыми звуками нашихъ родныхъ напѣвовъ. Когда, наконецъ вокальныя упражненія намъ надоѣли, мы дружелюбно размѣстили наши ноги въ узенькой лодкѣ, легли на спины на наши медвѣжьи шкуры и заснули крѣпкимъ сномъ, несмотря на плескъ воды и скрипъ веселъ у самыхъ ушей нашихъ. Мы провели эту ночь на высокомъ песчаномъ берегу, въ десяти или двѣнадцати миляхъ на югъ отъ Іоловки.

Вечеръ былъ теплый и тихій, и когда мы всѣ сидѣли на медвѣжьихъ шкурахъ вокругъ костра, куря и перебирая дневныя приключенія, наше вниманіе было вдругъ привлечено глухимъ гуломъ, подобнымъ отдаленному грому и сопровождаемымъ иногда взрывами.

— Что это? спросилъ маіоръ.

— Это, сказалъ Брагинъ, медленно выпуская струйку дыма, ключевская сопка разговариваетъ съ сувайлической вершиной.

— Полагаю, что у нихъ нѣтъ особенныхъ секретовъ замѣтилъ Доддъ, такъ-какъ онѣ говорятъ довольно громко.

Гулъ продолжался еще нѣсколько минутъ, но сувайлическая вершина ничего не отвѣчала на него. Эта несчастная гора необдуманно истратила всю свою вулканическую энергію въ ранней молодости и лишена теперь голоса, чтобы отвѣчать громовымъ призывамъ своего могущественнаго товарища. Было время, когда вулканы въ Камчаткѣ были такъ-же многочисленны, какъ рыцари круглаго стола короля Артура, и полуостровъ содрогался отъ ихъ грохота; но одинъ за другимъ они истощили огненный потокъ своего краснорѣчія, пока не осталась одна ключевская сопка, которая тщетно взываетъ къ своимъ прежнимъ товарищамъ сре-

ди безмолвія длинныхъ зимнихъ ночей, не получая отъ нихъ другого отвѣта, кромѣ слабаго отклика своего собственнаго голоса.

На слѣдующее утро меня разбудилъ веселый напѣвъ „О, Сюзанна! не плачь обо мнѣ“. Выбравшись изъ палатки, я былъ не мало удивленъ, когда увидѣлъ, что одинъ изъ нашихъ туземныхъ лодочниковъ барабанилъ на сковородѣ, весело припѣвая:

«Сюзанна не плачь!»

Нельзя было удержаться отъ смѣха при видѣ одѣтаго въ звѣриныя шкуры туземца, въ самомъ сердцѣ Камчатки, который наигрывалъ на сковородѣ и пѣлъ „О, Сюзанна!“ подобно классическому трубадуру. Я разразился громкимъ смѣхомъ, чѣмъ вызвалъ Додда изъ палатки. Музыкантъ, воображая, что никто не слышитъ его музыкальныхъ упражненій, остановился и робко оглянулся, какъ-бы сознавая, что возбудилъ смѣхъ, но не понимая, чѣмъ именно.

— Андрей! сказалъ Доддъ, я не зналъ, что ты умѣешь пѣть по-англійски.

— Я не умѣю баринъ, по-англійски, отвѣчалъ онъ; я могу немного пѣть по-американски.

Доддъ и я снова захохотали, что еще больше смутило бѣднаго Андрея.

— Гдѣ-же ты этому научился? спросилъ Доддъ.

— Матросы китоловнаго судна выучили меня, когда я былъ два года тому назадъ въ Петропавловскѣ. Но развѣ это нехорошая пѣсня, баринъ? спросилъ онъ, очевидно опасаясь, чтобы въ ней не было чего-нибудь неприличнаго.

— Напротивъ, это прекрасная пѣсня, отвѣчалъ Доддъ успокоительно: — знаешь-ли ты еще какія-нибудь американскія слова?

— О, какже, баринъ, но я только не понимаю ихъ значенія.

И онъ произнесъ нѣсколько такихъ словъ, которыя вполнѣ убѣдили насъ, что онъ дѣйствительно непонималъ ихъ значенія. Его познанія въ американскомъ нарѣчіи были ,очень ограничены и, конечно, безполезны; несмотря на это самъ кардиналъ Меццофанти не могъ-бы болѣе гордиться своими сорока языками, чѣмъ бѣдный Андрей своими „Dam yerize“ и „goaty hell“.

Пока мы разговаривали съ Андреемъ, Вьюшинъ развелъ огонь, и приготовилъ завтракъ. Солнце уже освѣтило долину и мы усѣлись вокругъ нашего маленькаго свѣчного ящика и принялись за какую-то селянку, которой Вьюшинъ особенно гордился, и пили горячій чай стаканъ за стаканомъ. Селянка, черствый хлѣбъ и чай, иногда утка, изжаренная надъ огнемъ на острой палкѣ, вотъ все, что мы ѣли во время нашихъ приваловъ подъ открытымъ небомъ. Только въ селеніяхъ мы наслаждались такой роскошью, какъ молоко, масло, мягкій хлѣбъ, варенье изъ лепестковъ розы и пирогами съ рыбой. Позавтракавъ, мы снова заняли наши мѣста въ лодкахъ и поплыли противъ теченія, спугивая по временамъ утокъ и лебедей и срывая мимоходомъ вѣтки съ дикими вишнями, низко склонившіяся надъ водой. Около полудня мы вышли на берегъ и съ туземнымъ проводникомъ пошли пѣшкомъ по Іоловкѣ, тогда-какъ нашимъ лодкамъ предстояло обогнуть большой извивъ рѣки. Трава по берегу и по равнинѣ была выше пояса и потому итти по ней было утомительно. Но все-таки намъ удалось притти въ деревню около часа ранѣе, чѣмъ покинутыя нами лодки наши показались на рѣкѣ.

Іоловка, маленькое камчатское селеніе, состоящее всего изъ десятка домиковъ, расположена между холмами возлѣ горнаго прохода, носящаго ея имя и на

прямой дорогѣ къ Тагилю и западному берегу. Выше ее нельзя уже плыть по рѣкѣ Іоловкѣ и она служитъ также сборнымъ мѣстомъ всѣхъ партій, отправляющихся черезъ горы. Предвидя затрудненія въ лошадяхъ въ этой маленькой деревнѣ, маіоръ выслалъ сюда изъ Ключей восемь или десять лошадей сухимъ путемъ и онѣ ожидали здѣсь нашего прибытія.

Все почти послѣобѣденное время прошло въ навьючиваніи лошадей и приготовленіяхъ къ отъѣзду, такъ что мы успѣли отъѣхать всего нѣсколько верстъ отъ деревни, какъ уже пришлось подумать о ночлегѣ и мы расположились на ночь у свѣжаго горнаго ключа. Погода стояла ясная и теплая, но ночью стало пасмурно, и во вторникъ 19-го мы начали подниматься на горы при холодномъ, сѣверо-западномъ вѣтрѣ съ дождемъ. Дорога, если только можно назвать дорогой узкую тропинку, была отвратительна и вилась возлѣ горнаго потока, вытекавшаго изъ таящихъ снѣговъ на вершинахъ и спускавшагося по утесамъ ревущими каскадами въ узкое темное ущелье. Тропинка шла по берегу потока сначала по одной сторонѣ, потомъ по другой; — между огромными глыбами вулканическихъ утесовъ и крутыми скатами, гдѣ вода бѣжала, какъ въ мельничномъ потокѣ среди непроходимой чащи сосенъ, между грудами валежника и вдоль узкихъ выступовъ утесовъ, гдѣ даже горный баранъ съ трудомъ могъ-бы пройти. Смѣло ручаюсь, что въ этомъ ущельи съ двадцатью человѣками можно продержаться противъ всѣхъ соединенныхъ армій Европы. Наши вьючныя лошади скатывались по крутымъ берегамъ въ потокъ, задѣвали за древесные стволы, спотыкались, рѣзали себѣ ноги объ обломки утесовъ, перескакивали черезъ ручьи и вообще совершали такіе подвиги, на которые способны только привыкшія къ тому камчатскія лошади.

Но вотъ, пытаясь сдѣлать прыжокъ въ восемь или десять футъ черезъ потокъ, я былъ сброшенъ съ сѣдла и моя лѣвая нога у самаго подъема зацѣпилась за маленькое желѣзное стремя. Лошадь выбралась на противоположный берегъ и, испуганная, помчалась вдоль оврага, влача меня по землѣ за ногу. Помню, что я дѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы освободить ногу и защитить мою голову, приподнявшись на локтяхъ, но лошадь лягнула меня въ этотъ моментъ въ бокъ. Съ этой минуты я уже ничего не сознавалъ болѣе и только опомнившись, увидѣлъ себя лежащимъ на землѣ. Еслибы не оторвался ремень у стремени, мой черепъ разбился-бы подобно яичной скорлупѣ о выдающіеся утесы. Я былъ совсѣмъ разбитъ и очень слабъ, но кости, кажется, были всѣ цѣлы и я поднялся безъ посторонней помощи. Нашъ маіоръ до сихъ поръ сдерживалъ свой горячій нравъ; но это вывело его изъ терпѣнія и онъ осыпалъ самой яростной бранью бѣднаго Николая за то, что тотъ повелъ насъ черезъ горы по такому ужасному проходу и угрожалъ ему самымъ строгимъ наказаніемъ, когда мы пріѣдемъ въ Тагиль. Напрасно Николай оправдывался, увѣряя, что другого прохода нѣтъ; онъ долженъ былъ найти его, а не подвергать опасности жизнь людей, ведя ихъ по этому проклятому оврагу, заваленному сломанными деревьями, лавой и глыбами вулканическихъ утесовъ! Если что-нибудь случится съ однимъ изъ членовъ нашей партіи въ этомъ ущельи, поклялся маіоръ, то онъ застрѣлитъ Николая на мѣстѣ. Блѣдный и дрожащій отъ страха проводникъ поймалъ мою лошадь, починилъ ремень у стремени и отправился впередъ, чтобы показать намъ, что самъ онъ не боится итти по тому пути, по которому приглашаетъ насъ за собою слѣдовать.

Намъ пришлось неменѣе, какъ 50 разъ перескочить на нашихъ лошадяхъ горный потокъ на протя-

женіи 2,000 футовъ, чтобы избѣжать утесовъ и скользкихъ камней, которые являлись то на одномъ, то на другомъ берегу. Одна изъ нашихъ вьючныхъ лошадей совсѣмъ отказалась итти далѣе, другія тоже едва двигали ноги, когда, наконецъ, послѣ полудня, мы достигли вершины горы, возвышавшейся на 4,000 ф. надъ уровнемъ моря.

Передъ нами, полускрытое сѣрыми тучами и туманомъ, лежало большое плоское пространство, покрытое слоемъ мягкаго густого мха въ восемнадцать дюймовъ толщины и пропитанное водой, подобно огромной губкѣ. Кругомъ невидно было ни деревца, ни кустика— ничего кромѣ мха. Холодный, пронизывающій вѣтеръ гналъ съ сѣвера грозныя тучи черезъ пустынную вершину горы и полузамерзшія капли дождя били насъ въ лицо. Промоченные до костей восьми-часовымъ дождемъ, усталые и ослабѣвшіе отъ долгаго лазанья, съ окоченѣвшими отъ холода руками и сапогами, полными ледяной воды, мы остановились, чтобы дать отдохнуть лошадямъ и рѣшить, куда ѣхать. Всѣмъ нашимъ людямъ было дано по чаркѣ водки, но ея возбуждающее дѣйствіе было до того парализовано холодомъ, что его едва можно было ощутить. Бѣдный Іоловскій староста, въ мокромъ платьѣ, съ посинѣлыми губами, дрожалъ отъ холода, зубы его стучали, черные волосы мокрыми прядями висѣли по его блѣднымъ щекамъ; онъ едва волочилъ ноги. Съ жадностью онъ выпилъ водку, которую подалъ ему маіоръ, но все его тѣло тряслось, какъ въ лихорадкѣ.

Опасаясь, чтобъ темнота не застала насъ прежде, чѣмъ мы найдемъ себѣ убѣжище, мы направились къ заброшенной полуразвалившейся „юртѣ“, которая, по словамъ Николая, находилась въ восьми верстахъ отсюда. Наши лошади на каждомъ шагу тонули по колѣна въ этой трясинѣ, такъ-что мы еле двигались, и

коротенькое пространство въ восемь верстъ показалось намъ безконечнымъ. Наконецъ, послѣ четырехъ часовъ утомительнаго путешествія, впродолженіе которыхъ мы странствовали среди шума облаковъ, при рѣзкомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ и 32° градусовъ мороза, мы, полузамерзшіе, добрались, наконецъ, до юрты. Это была низенькая пустая хижина, выстроенная изъ бревенъ и покрытая мхомъ и дерномъ, такъ-что походила наружностью на подвалъ. Часть одной стѣны была употреблена застигнутыми бурей путешественниками на костеръ; ея земляной полъ былъ сырой отъ дождя, капающаго черезъ дырявую крышу; вѣтеръ и дождь тоскливо завывали въ трубѣ; дверей не было вовсе, и вся она представляла печальную картину разрушенія. Вьюшинъ оборвалъ еще часть отъ обломанной стѣны, развелъ огонь, повѣсилъ надъ нимъ котелокъ съ чаемъ и внесъ нашъ ящикъ съ припасами подъ кровлю жалкой хижины. Я никакъ не могъ добиться, откуда Вьюшинъ досталъ въ этотъ вечеръ воды для чая, такъ-какъ вблизи не было годнаго ручья, а вода, сочившаяся черезъ крышу была смѣшана съ грязью. Сильно подозрѣваю, что онъ выжалъ ее изъ мокраго мха, вырваннаго изъ тундры. Доддъ и я сняли наши сапоги, выплеснули изъ нихъ воду, просушили ноги; не смотря на то, что паръ распространялся клубами отъ нашей мокрой одежды, мы въ эту минуту ощущали даже нѣкотораго рода удовольствіе.

Вьюшинъ былъ въ отличномъ расположеніи духа. Онъ впродолженіе цѣлаго дня добровольно раздѣлялъ труды нашихъ проводниковъ, неутомимо поднималъ упавшихъ лошадей, проводя ихъ по опаснымъ мѣстамъ и воодушевляя упавшихъ духомъ камчадаловъ: теперь онъ стряхивалъ воду съ своей рубашки и разсѣянно выжималъ свои мокрые волосы надъ котломъ, гдѣ варился супъ, съ такимъ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ и

такимъ сердечнымъ смѣхомъ, что никому не пришло въ голову сердиться или жаловаться на усталость, холодъ и голодъ. Видя это веселое лицо среди дымной атмосферы полуразрушенной юрты и слыша этотъ звонкій смѣхъ, мы сами начали невольно смѣяться надъ нашими злоключеніями и надѣяться на лучшее будущее. Послѣ скуднаго ужина, состоящаго изъ селянки, сушеной рыбы, черстваго хлѣба и чая, мы растянулись въ самой мелкой лужѣ, какую могли только найти, покрылись одѣялами, плащами, пропитанными жиромъ простынями и медвѣжьими шкурами и несмотря на мокрое платье и сырыя постели, заснули крѣпкимъ сномъ.

ГЛАВА XIII.

Холодное помѣщеніе.— Величественный видъ.—Вторичная охота за медвѣдемъ.—Скачка съ препятствіями.—Прибытіе въ Тагилъ.

Ночью я проснулся, дрожа отъ холода и съ окоченѣвшими ногами. Отъ костра, разведеннаго наканунѣ, осталось только нѣсколько тлѣющихъ головней, бросавшихъ красный отблескъ на закоптѣлыя бревна и, вспыхивая по временамъ, освѣщавшихъ дрожащимъ свѣтомъ темные углы юрты. Вѣтеръ печально завывалъ вокругъ хижины, дождь стучалъ въ стѣны и капалъ черезъ сотню отверстій въ крышѣ, какъ изъ рѣшета, на мои, уже безъ того мокрыя одѣяла. Я посмотрѣлъ вокругъ себя. Въ хижинѣ, кромѣ меня никого не было. Въ первую минуту я не могъ даже сообразить, гдѣ я и какъ сюда попалъ; но понемногу я припомнилъ наше вчерашнее путешествіе и направился къ дверямъ. Я увидалъ, что маіоръ и Доддъ со всѣми камчадалами раскинули палатки на влажномъ мхѣ и улеглись въ нихъ вмѣсто того, чтобы оставаться въ грязной юртѣ. Въ палаткахъ было не суше; но я согласился съ ними,

что чистая вода лучше грязной и, собравъ свою постель, улегся возлѣ Додда. Ночью вѣтеръ повалилъ нашу палатку и подвергъ насъ всѣмъ непріятностямъ бури; однако, мы ее вновь раскинули, подставили бревна, вытащенныя изъ стѣнъ юрты для поддержки ея и рѣшились во чтобы-то ни стало проспать въ ней до самаго утра.

Наружность наша была весьма плачевная, когда на другой день на разсвѣтѣ вышли изъ палатки; Доддъ печально смотрѣлъ на свое мокрое платье и сырыя одѣяла; всѣ мы горячо сочуствовали ему и раздѣляли его грусть.

Наши промокшія и усталыя лошади были осѣдланы на разсвѣтѣ, а такъ-какъ буря, по всѣмъ признакамъ, должна была скоро утихнуть, то, наскоро закусивъ, рѣшили продолжать нашъ путь къ западному краю плоской возвышенности, образуемой вершинами горной цѣпи. Видъ съ этого мѣста въ ясную погоду долженъ быть великолѣпный, такъ-какъ съ одной стороны видны Тагильская долина, а съ другой—Тихій Океанъ, долины Іоловки и Камчатки и вершина Ключевской сопки. Мѣстами туманъ рѣдѣлъ, и мы видѣли на нѣсколько тысячъ футовъ подъ нами рѣку Іоловку и дымящуюся верхушку далекаго вулкана, окутанную синеватымъ облакомъ, но новыя массы испареній подимавшіяся съ Охотскаго моря на вершины горъ на встрѣчу намъ, скрывали отъ нашихъ глазъ все, исключая мокраго мха, по которому съ трудомъ тащились наши измученныя, голодныя лошади.

Съ перваго взгляда казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы человѣческія существа могли жить на этомъ пустынномъ плоскогоріи, на 4000 ф. надъ уровнемъ моря, поросшимъ мхомъ, часто застилаемымъ облаками и туманами и подвергнутымъ частымъ дождямъ и мятелямъ. Но оказалось, что кочующіе коряки даже

сюда пригоняютъ свои стада сѣверныхъ оленей и какъ-бы наперекоръ стихіи устанавливаютъ и здѣсь свои палатки. Три или четыре раза, впродолженіе дня, мы встрѣчали на дорогѣ груды оленьихъ роговъ и кучки золы, указывающія на мѣста, гдѣ были расположены палатки коряковъ; но толпы дикихъ номадовъ, оставившихъ эти слѣды, повидимому, давно уже покинули эти мѣста и быть можетъ теперь пасутъ свои стада на пустынныхъ берегахъ Ледовитаго Океана.

Густой туманъ, которымъ мы были все время окружены, не далъ намъ возможности составить вѣрнаго понятія о геологическомъ составѣ горной цѣпи, по которой мы проѣзжали, ни объ обширности и характерѣ этой громадной, мшистой равнины, лежавшей такъ высоко между погасшими вулканическими вершинами. Я знаю только, что около полудня мы оставили тундру, какъ здѣсь называютъ эти поросшія мхомъ степи, и начали спускаться по дикой утесистой мѣстности, гдѣ невидно было другой растительности кромѣ тощихъ, одиноко растущихъ, малорослыхъ сосенъ. На протяженіи десяти миль, по крайней мѣрѣ, почва была завалена каменными плитами вулканическаго происхожденія, различной величины отъ пяти кубическихъ футовъ и до пяти-сотъ, и въ величайшемъ безпорядкѣ нагроможденныхъ другъ на друга. Общій видъ мѣстности свидѣтельствовалъ, что въ какой-то неизвѣстный геологическій періодъ небо низвергло на землю эти громадныя каменныя массы, пока земля не покрылась ихъ обломками на пятьдесятъ футовъ толщины. Почти всѣ эти массы имѣли двѣ гладкія, плоскія стороны и походили на ломти окаменѣлаго, чернаго плутоническаго пудинга.

Въ полдень мы напились чаю и до вечера выѣхали на дорогу, по которой снова показались кусты, трава и ягоды. И въ эту ночь, подобно предшествующей, намъ пришлось разбить нашу палатку подъ бурей и

дождемъ, а на разсвѣтѣ 21-го мы продолжали спускаться по западному склону горъ. Рано утромъ, мы съ радостью увидали свѣжихъ лошадей и людей, высланныхъ намъ на встрѣчу изъ туземной деревни „Седойка“; смѣнивъ нашихъ усталыхъ и хромавшихъ лошадей на свѣжихъ, мы быстро поѣхали далѣе. Къ тому-же и погода прояснилась, стало теплѣе, тропинка вилась у подножія холмовъ, среди пожелтѣлыхъ березовыхъ рощъ и крупной рябины, а когда солнце высушило наши промокшіе и платья, оживило и согрѣло окоченѣвшіе члены, мы забыли наши бѣды и веселое расположеніе духа снова вернулось къ намъ.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ я говорилъ о нашей охотѣ за медвѣдемъ въ Камчатской тундрѣ; но такъ-какъ то была простая стычка, въ которой даже характеры дѣйствовавшихъ въ ней личностей не успѣли ярко обрисоваться, то я разскажу теперь еще одно послѣднее приключеніе съ медвѣдемъ въ Тагильскихъ горахъ.

Вы, читатели, довѣрчиво слушающіе разсказы охотниковъ и мысленно желающіе напасть на слѣдъ медвѣдя; вы, полагающіе, что мужество возрастаетъ съ опасностью, и что недостатокъ смѣлости замѣняется находчивостью, послушайте разсказъ неопытнаго охотника. Около полудня, когда мы ѣхали по краю узкой долины, поросшей травой и окаймленной густой рощей березняка, ольхи и сосенъ, одинъ изъ нашихъ извощиковъ вдругъ закричалъ „медвѣдь“ и указалъ рукой на большого черного медвѣдя, беззаботно бродившаго по высокой травѣ въ поискахъ за брусникой, и постепенно приближающагося къ тому краю оврага, гдѣ мы находились. Онъ еще не замѣтилъ насъ, и мы имѣли время организовать отрядъ, состоящій изъ двухъ камчадаловъ, маіора и меня, для нападенія на звѣря; всѣ мы были вооружены съ ногъ до головы винтовками,

топорами, револьверами и ножами. Пробираясь тихонько по рощѣ, мы заняли удобную позицію на краю лѣса и, помѣстившись лицомъ къ лицу съ медвѣдемъ ожидали спокойно его приближенія. Занятый своей брусникой и не подозрѣвая ожидающей его засады медвѣдь медленно и неуклюже переваливался на разстояніи пятидесяти шаговъ отъ насъ. Камчадалы стали на колѣни, сняли съ плеча свои длинныя тяжелыя винтовки, воткнули въ землю упоры своихъ копій набожно перекрестились три раза, глубоко вздохнули, прицѣлились, закрыли глаза и выстрѣлили. Сначала раздалось продолжительное шипѣніе, впродолженіи котораго камчадалы добросовѣстно не открывали глазъ, а затѣмъ громъ выстрѣловъ извѣстилъ насъ о катастрофѣ, за которой немедленно послѣдовали еще два выстрѣла изъ карабиновъ—маіора и моего. Когда дымъ разсѣялся, я поспѣшилъ посмотрѣть поближе на предсмертныя судороги животнаго; но каково-же было мое удивленіе, когда вмѣсто послѣдней агоніи, въ которой каждый порядочный звѣрь долженъ былъ находиться послѣ столькихъ выстрѣловъ, медвѣдь прямо несся на насъ усиленымъ галопомъ.

Это былъ сюрпризъ совсѣмъ непредвидѣнный въ нашей программѣ. Мы не разсчитывали на контръ-атаку, а ярость, съ какою медвѣдь пробирался сквозь кусты, не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ серьезности его намѣреній. Въ эту минуту я старался вспомнить какой-нибудь историческій фактъ, который оправдалъ-бы мое спасеніе на деревѣ; но мозгъ мой былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что всѣ мои историческія познанія исчезли, какъ дымъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ можетъ знать наизусть весь коранъ, но въ минуту, когда его преслѣдуетъ лютый звѣрь, онъ не будетъ въ состояніи вспомнить, даже азбуку. Что мы сдѣлали-бы при послѣдней крайности, неизвѣстно. Вы-

стрѣлъ изъ револьвера маіора измѣнилъ, кажется, первоначальный планъ дѣйствій медвѣдя и послѣдній, повернувъ неожиданно въ сторону, пробѣжалъ въ кусты, въ десяти шагахъ отъ дулъ нашихъ незаряженныхъ винтовокъ и исчезъ въ рощѣ. Тщательно осмотрѣвъ листья и траву, мы не нашли на нихъ ни малѣйшихъ слѣдовъ крови и должны были сознаться, что медвѣдь ушелъ отъ насъ здравъ и невредимъ.

Надо-ли говорить, что охота на медвѣдя съ русской винтовкой представляетъ самое забавное и безвредное развлеченіе. Прежде, чѣмъ раздастся выстрѣлъ вы слышите какое-то шипѣніе, впродолженіе котораго звѣрь успѣетъ отлично пообѣдать, пробѣжать пятнадцать миль по горамъ, скрыться въ сосѣдней области и покойно заснуть въ своемъ логовищѣ!

Мы расположились на ночлегъ подъ вѣтвями большой березы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста, бывшаго ареной нашихъ подвиговъ, а рано утромъ въ пятницу были на пути въ „Седойку“. Не доѣзжая до деревни верстъ пятнадцать, Доддъ предложилъ ѣхать въ галопъ, чтобы испытать ретивость нашихъ коней и разгорячить немного нашу собственную кровь. Такъ-какъ у насъ обоихъ были порядочныя лошади, то я охотно согласился. Изъ всѣхъ нашихъ скачекъ съ препятствіями въ Камчаткѣ, это была самая замѣчательная. Лошади скоро разгорячились наровнѣ съ сѣдоками и понеслись черезъ кусты, овраги, бревна, утесы и болоты, какъ бѣшеныя. Разъ я упалъ съ сѣдла, задѣвъ карабиномъ за сучекъ, нѣсколько разъ мы оба едва не расшибли себѣ лбы о деревья. Подъѣзжая къ селенію мы увидали трехъ или четырехъ камчадаловъ, которые рубили дрова въ недалекомъ разстояніи отъ насъ. Доддъ испустилъ страшный крикъ, подобный бранному кличу индійскаго племени Сіу, пришпорилъ свою лошадь и мы, какъ молнія, пронеслись мимо нихъ. При

видѣ двухъ загорѣлыхъ иностранцевъ въ синихъ рубашкахъ, высокихъ сапогахъ и красныхъ шапкахъ, съ пистолетами и ножами за поясомъ, которые неслись на нихъ, подобно мамелюкамъ, во время битвы у пирамиды, бѣдные камчадалы бросили свои топоры и убѣжали въ лѣсъ. Исключая того случая, когда я упалъ съ сѣдла, мы ни разу не останавливались до самой деревни, куда наши лошади прискакали всѣ въ мылѣ и тяжело дыша.

Всю слѣдующую ночь мы плыли внизъ по рѣкѣ въ Тагиль, куда мы прибыли, когда еще было совсѣмъ темно, совершивъ такимъ образомъ впродолженіе шестнадцати дней путешествіе въ 1130 верстъ.

О Тагилѣ у меня сохранились самыя смутныя и неопредѣленныя воспоминанія. Я помню только, что былъ пораженъ необыкновеннымъ количествомъ шампанскаго, хереса, рому и водки, которое русскіе жители въ состояніи выпить, и что Тагиль немного лучше остальныхъ населенныхъ пунктовъ и городовъ Камчатки. Послѣ Петропавловска это самое значительное поселеніе полуострова и торговый центръ всего западнаго берега. Русскій пароходъ и американское торговое судно каждое лѣто приходитъ къ устью рѣки Тагиля съ грузомъ ржаной муки, чая, сахара, платья, мѣдныхъ котловъ, табаку и водки, которые и разсылаются потомъ по всему полуострову. Здѣсь главные склады „Брашныхъ“, „Воробьевыхъ“ и другихъ торговыхъ фирмъ и сборное мѣсто многихъ чукчей и коряковъ. Такъ-какъ намъ не предстояло встрѣтить на пути другого торговаго пункта, до самой Чижили на сѣверѣ Охотскаго моря, то мы рѣшились остаться нѣсколько дней въ Тагилѣ, чтобъ отдохнуть и пополнить наши запасы.

Теперь намъ предстояла наиболѣе трудная часть нашего путешествія, какъ по неудобству самой мѣстно-

сти, такъ и вслѣдствіе поздняго времени года. Между Тагилемъ и степями кочующихъ коряковъ, лежали семь камчатскихъ поселеній, а мы до сихъ поръ не могли придумать удобнаго способа для проѣзда по этимъ негостепріимнымъ пространствамъ до наступленія зимы, когда можно будетъ ѣхать на оленяхъ. Никакое описаніе не въ состояніи дать правильнаго и вѣрнаго понятія о поросшихъ мхомъ сибирскихъ степяхъ тому, кто незнакомъ съ жизнью на сѣверѣ и самъ не испыталъ хотя часть тѣхъ препятствій, которымъ подвергаются въ этихъ степяхъ путешественники въ лѣтнее время.

Зимою, когда земля замерзла и покрыта снѣгомъ, путешествіе по нимъ можетъ быть удобно, но лѣтомъ они рѣшительно непроходимы. На протяженіи трехъ или четырехъ сотъ квадратныхъ миль никогда неоттаивающая почва покрыта на два фута глубины густымъ роскошнымъ ковромъ мягкаго, губчатаго арктическаго мха, напитаннаго водой и изрѣдка усѣяннаго малорослыми кустарниками брусники и лабрадорскаго чая. Почва никогда не высыхаетъ совершенно, не дѣлается никогда на столько твердой, чтобы нога могла ступать по ней. Съ іюня до сентября, все это пространство представляетъ обширную трясину, въ которой нога вязнетъ по колѣна, но лишь только вы вытаскиваете ее, какъ почва снова подымается съ эластичностью губки и не остается слѣда вашихъ шаговъ. Итти по такой трясинѣ все равно, что итти по огромной губкѣ. Причины, производящія этотъ необыкновенный и, повидимому, ненормальный ростъ мха, тѣже, которыя имѣютъ такое могущественное вліяніе на развитіе растительности вездѣ, а именно: теплота, свѣтъ и влажность,—и эти три дѣятеля въ сѣверномъ климатѣ такъ сильны въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, что придаютъ каждому растенію почти тропиче-

скую роскошь. Земля оттаиваетъ весною на два фута глубины, а подъ ними находится вѣчно мерзлая почва. Этотъ слой мерзлой земли мѣшаетъ водѣ, происшедшей отъ таянія зимнихъ снѣговъ, уходить глубже въ почву, и вода не имѣетъ другого исхода, какъ медленное испареніе, вслѣдствіе чего, слой мха на поверхности всегда насыщенъ водой, и согрѣваемый непрерывно солнцемъ, въ іюнѣ и іюлѣ достигаетъ такого необыкновенно-быстраго и роскошнаго роста.

Очень понятно, что путешествіе лѣтомъ по этому огромному пространству, покрытому мягкимъ, напитаннымъ водою, мхомъ, весьма затруднительно, и даже совсѣмъ невозможно. Лошадь на каждомъ шагу погружается по колѣна въ эту губко-образную трясину и скоро выбивается изъ силъ. Мы испытали уже примѣръ подобнаго путешествія на вершинѣ Іоловскаго прохода и не удивительно, что мы съ ужасомъ думали объ огромныхъ тундрахъ коряковъ въ сѣверной части полуострова, по которымъ намъ предстояло ѣхать. Быть можетъ, съ нашей стороны было-бы благоразумнѣе ожидать въ Тагильскѣ зимняго пути, но маіоръ полагалъ, что, по распоряженію главнаго инженера, партія изслѣдователей могла высадиться въ опасной мѣстности у Берингова пролива, и ему хотѣлось возможно скорѣе удостовѣриться въ этомъ. Поэтому онъ рѣшился во что-бы то ни было достигнуть границъ корякской тундры и, если возможно, переѣхать ее верхомъ.

Въ Тагильскѣ была куплена китоловная лодка и отправлена съ туземной командой въ Лѣсновскъ такъ что, въ случаѣ если-бъ намъ не удалось пробраться черезъ тундры коряковъ, мы могли-бы проѣхать водой по сѣверной части Охотскаго моря къ Гижигу, еще до наступленія зимы. Съѣстные припасы и мѣховая одежда были закуплены и упакованы въ ящики, обшитые кожей, и все, что только мы могли придумать, для пре-

дохраненія насъ отъ дурной погоды и неудобствъ путешествія, было запасено въ изобиліи.

ГЛАВА XIV.

Берегъ Охотскаго моря.—Лѣсновскъ.—Китоловная лодка и сухопутная партія. — «Чертовъ проходъ». — Саманкскія горы. — Мятель. — Дикая мѣстность.

Въ среду 27-го сентября, мы отправились въ путь. въ сопровожденіи двухъ казаковъ, переводчика, знающаго корякскій языкъ, восьми или десяти людей и четырнадцати лошадей. Наканунѣ нашего отъѣзда шелъ небольшой снѣгъ, но онъ не могъ, въ сущности, испортить дороги, а напомнилъ намъ только, что зима близка и что намъ нельзя разсчитывать на лучшую погоду. Мы поѣхали по берегу Охотскаго моря такъ быстро, какъ только было возможно, слѣдуя то по дорогѣ у самаго взморья, то по лѣсистымъ холмамъ и долинамъ, которыя тянутся отъ центральнаго горнаго хребта къ берегу. Мы проѣхали селенія: «Амиміану», «Ваіомпольское», «Хуктанà» и «Поляну», перемѣняя лошадей и людей въ каждой изъ нихъ; наконецъ, 3-го октября, добрались мы до Лѣсновска, послѣдняго камчатскаго поселенія на полуостровѣ.—Лѣсновскъ лежитъ, насколько мы могли приблизительно опредѣлить, подъ 59°20' сѣв. широты и 160°25' вост. долготы, около 150 верстъ на югъ отъ степей коряковъ и около 200 миль по прямой линіи отъ Гижиги, которая въ настоящую минуту была цѣлью нашего путешествія.

До сихъ поръ мы не встрѣчали во все время нашего путешествія по полуострову особенныхъ затрудненій, такъ-какъ погода стояла хорошая и никакія препятствія не задерживали насъ на пути. Теперь намъ предстояло вступить въ пустыню, совершенно необитаемую и мало знакомую даже нашимъ камчатскимъ

проводникамъ. На сѣверъ отъ Лѣсновска, большой центральный хребетъ Камчатскихъ горъ круто обрывался у Охотскаго моря длиннымъ рядомъ уступовъ и возвышался утесистой стѣной между нами и степями кочующихъ коряковъ. Даже и лѣтомъ трудно переѣхать на лошадяхъ черезъ эту горную цѣпь, а теперь было еще хуже, такъ-какъ горные ручьи превратились отъ дождей въ ревущіе потоки, и каждую минуту приходилось ждать мятелей. Въ Лѣсновкѣ, камчадалы объявили намъ положительно, что напрасно было-бы пытаться переѣхать эти горы, пока рѣки не замерзли и снѣгъ не выпалъ на столько, что можно было-бы ѣхать на саняхъ и притомъ они и сами ненамѣрены для подобнаго предпріятія, рисковать жизнью пятнадцати или двадцати лошадей, не говоря уже о собственныхъ особахъ. Маіоръ объяснилъ имъ очень выразительно, если и не совсѣмъ учтиво, что онъ не вѣритъ ни одному слову изъ всего этого вранья, что горы необходимо переѣхать во что-бы то ни стало, и что они должны ѣхать и поѣдутъ. Имъ до сихъ поръ, вѣроятно, никогда не случалось имѣть дѣло съ такимъ рѣшительнымъ и настойчивымъ человѣкомъ, какъ маіоръ; послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній они согласились сопровождать насъ съ восемью ненавьюченными лошадьми, съ условіемъ, оставить всѣ наши вещи и тяжелыя походныя принадлежности въ Лѣсновкѣ. Сначала маіоръ не хотѣлъ и слушать объ этомъ, но, принявъ въ соображеніе наше положеніе, рѣшился раздѣлить нашъ небольшой караванъ на двѣ партіи—отправить одну водой на китоловной лодкѣ, съ тяжелой кладью, а другую, черезъ горы, съ двадцатью ненавьюченными лошадьми. Предполагалось, что дорога черезъ горы пойдетъ возлѣ самаго морского берега, такъ-что у сухопутной партіи будетъ все время въ виду китоловная лодка, а, въ случаѣ, если одна изъ партій встрѣтитъ

какое-нибудь затрудненіе или препятствіе на пути, то другая будетъ всегда въ состояніи оказать ей помощь. Почти на половинѣ горной дороги, на западъ отъ главнаго кряжа, по словамъ жителей, должна была находиться маленькая рѣчка, по имени „Саманка“, устье этой рѣчки назначалось сборнымъ пунктомъ для обѣихъ партій, въ случаѣ, если онѣ потеряютъ другъ друга изъ вида во время вьюгъ или тумановъ. Маіоръ рѣшился ѣхать съ Доддомъ на китоловной лодкѣ и вручилъ мнѣ начальство надъ сухопутной партіей, состоящей изъ нашего лучшаго казака, Вьюшина, шести камчадаловъ и двадцати лошадей безъ всякой поклажи. Тогда обѣ партіи запаслись флагами, затѣмъ придумали условные знаки; вся тяжелая кладь была перенесена на китоловное судно и на большую лодку, обитую тюленьей шкурой; 4-го октября, рано утромъ, я простился съ маіоромъ и Доддомъ, и они отчалили отъ берега. Когда лодка скрылась за выдающейся скалой, мы сѣли на лошадей и быстро поѣхали черезъ долину къ горному проходу, за которымъ начиналась «степь». Дорога первые десять или пятнадцать верстъ оказалось очень хорошею, но я былъ крайне удивленъ, замѣтивъ, что она прямо углублялась въ горы, въ противоположномъ направленіи отъ моря, вмѣсто того, чтобъ итти вдоль морского берега; я началъ опасаться, что наши планы о содѣйствіи другъ другу не могутъ осуществиться. Сообразивъ, что китоловная лодка не далеко уйдетъ въ первый день, съ помощью однихъ веселъ безъ малѣйшаго вѣтра, мы рано остановились для ночлега въ узкой долинѣ, между двумя параллельными горными кряжами. Взобравшись на небольшую гору, позади нашей палатки, я началъ искать глазами море; но мы находились на разстояніи, по крайней мѣрѣ, пятнадцати верстъ отъ берега, а видъ его былъ заслоненъ отъ насъ рядомъ промежуточныхъ остроконечныхъ

вершинъ, изъ которыхъ многія достигали высоты вѣчныхъ снѣговъ. Въ эту ночь, я почувствовалъ себя одинокимъ, не видя веселаго лица Додда у нашего очага, не слыша его живыхъ остротъ, смѣшныхъ разсказовъ и добродушныхъ шутокъ, что до сихъ поръ оживляло длинные, скучные часы нашей кочевой жизни. Если Доддъ могъ прочесть мои мысли въ этотъ вечеръ, когда я сидѣлъ въ величественномъ одиночествѣ у огня, онъ порадовался-бы, увидавъ, что его общество достойно оцѣнено, а его отсутствіе такъ ощутительно. Вьюшинъ особенно хлопоталъ надъ приготовленіемъ моего ужина; добрый малый дѣлалъ все, что могъ, лишь-бы только оживить одинокую трапезу разсказами и забавными воспоминаніями о путешествіи по Камчаткѣ, но незатѣйливыя котлеты изъ дичины, казалось, утратили свой обычный вкусъ, а русскія исторіи и остроты оставались для меня непонятными.—Послѣ ужина, я легъ на мою медвѣжью шкуру и заснулъ, любуясь, какъ полная луна восходила надъ изрытой вершиной вулкана на восточной сторонѣ долины.

На другой день мы должны были ѣхать по узкой, извилистой долинѣ между горами, по мшистому болоту и черезъ глубокій, узкій заливецъ, пока не добрались до развалившейся хижины, выстроенной въ землѣ, почти на полдорогѣ между Лѣсновскомъ и рѣкою Саманкой. Здѣсь мы ѣли за завтракомъ сушеную рыбу съ черствымъ хлѣбомъ; затѣмъ, подъ проливнымъ дождемъ, продолжали путь вверхъ по долинѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ утесами, снѣжными вершинами горъ и потухшими вулканами. Дорога ухудшалась съ каждой минутой. Долина постепенно съуживалась и превращалась въ дикое утесистое ущелье, на днѣ котораго бѣжалъ бурливый горный потокъ, разбиваясь бѣлой пѣной объ острые черные утесы и падая величественными каскадами съ уступовъ, образованныхъ ла-

вой. Казалось, что даже сернѣ негдѣ было-бы ступить на черномъ краю этого „Чертова прохода“, но нашъ проводникъ увѣрялъ, что онъ и прежде нѣсколько разъ уже проходилъ по этому мѣсту и, слѣзши съ лошади, осторожно повелъ ее по узкому каменистому выступу вдоль утеса, котораго я сначала и не замѣтилъ. Мы послѣдовали за нимъ, то спускаясь почти до берега ручья, то подымаясь снова, пока ревущій потокъ не очутился, наконецъ, на пятьдесятъ футовъ ниже насъ, и мы, протянувъ руку, могли бросать камни прямо въ пѣнящуюся воду. Понадѣясь слишкомъ на ловкость моей лошади, я, несходя съ нея, беззаботно пустился вдоль ущелья и едва не поплатился жизнью за такую неосторожность. На половинѣ дороги, гдѣ тропинка подымалась всего на восемь или десять футовъ надъ потокомъ, часть выступа обрушилась подъ ногами лошади, и мы вмѣстѣ съ ней полетѣли черезъ утесы въ русло потока. Изъ предосторожности я еще прежде освободилъ мою ногу изъ коварнаго стремени и при паденіи, сдѣлалъ усиліе отлетѣть въ сторону, чтобы не быть раздавленнымъ моей лошадью. Я первый упалъ въ потокъ и едва уберегъ голову отъ копытъ животнаго, пока оно пыталось стать на ноги. Моя лошадь отдѣлалась нѣсколькими ранами и ушибами, но серьезныхъ поврежденій не было; подтянувъ подпругу, я пошелъ по водѣ и повелъ за собой моего коня, пока не выбрался опять на тропинку. Тогда, сѣвъ снова на лошадь, весь мокрый и съ нѣсколько разстроенными нервами, я поѣхалъ далѣе.

Передъ самыми сумерками мы достигли такого мѣста, гдѣ путь казался совершенно отрѣзаннымъ рядомъ высокихъ горъ, пересѣкавшимъ долину. Это былъ центральный кряжъ Саманкскихъ горъ. Я съ удивленіемъ оглянулся на проводника, который, указывая прямо на горы, объявилъ, что дорога шла именно здѣсь. Бере-

зовая роща покрывала до половины горный склонъ, а за нею тянулись низенькіе зеленые кусты, малорослыя сосны и, наконецъ, выше,—голые черные утесы, на которыхъ даже не находилось мѣста для оленьяго мха, гдѣ-бы онъ могъ пустить корни. Я не удивился болѣе рѣшительному отказу камчадаловъ итти по этому пути съ навьюченными лошадьми, и началъ уже сомнѣваться въ возможности перейти это мѣсто теперь безъ всякой клажи, хотя я уже и успѣлъ привыкнуть къ горнымъ дорогамъ. Я рѣшился остановиться здѣсь на ночь, чтобы дать отдохнуть хорошенько и людямъ и лошадямъ и запастись новыми силами для предстоящаго намъ труднаго пути. Скоро совсѣмъ стемнѣло, дождь продолжалъ лить потоками, такъ-что мы не могли даже просушить нашего промокшаго платья. Мнѣ сильно хотѣлось выпить водки, чтобы согрѣть мою застывшую кровь, но я забылъ второпяхъ фляжку съ водкой въ Лѣсновскѣ и долженъ былъ ограничиться горячимъ чаемъ. Моя постель, обернутая въ клеенку, была, по счастью, совершенна суха и, завернувъ сначала ноги въ медвѣжью шкуру, я покрылся нѣсколькими теплыми, тяжелыми одѣялами и улегся покойно и удобно, на сколько это было возможно въ моемъ положеніи.

На слѣдующее утро Вьюшинъ рано разбудилъ меня, объявивъ, что идетъ снѣгъ. Я быстро вскочилъ и, приподнявъ полотно палатки, взглянулъ наружу. Случилось именно то, чего я опасался. Была сильная снѣжная вьюга и природа внезапно облеклась въ свое печальное зимнее одѣяніе. Снѣгъ въ долинѣ выпалъ на три фута глубины и на горахъ также его нанесло немало и тамъ онъ, вѣроятно былъ еще глубже. Я колебался съ минуту, благоразумно-ли ѣхать черезъ горы въ такую погоду; но, наконецъ, приказалъ двинуться въ путь, чтобы добраться, по крайней мѣрѣ, до рѣки Саманки; нерѣшительность съ моей стороны могла-бы повредить

успѣху нашей экспедиціи. По предшествующему опыту, я зналъ, что вьюга не помѣшаетъ маіору привести въ исполненіе его намѣреніе, и если ему удастся достигнуть рѣки Саманки раньше меня, то я никогда не буду въ состояніи поправиться послѣ этого пораженія и убѣдить его, что англо-саксонская кровь не хуже славянской. Вслѣдствіе этого я велѣлъ готовиться къ походу и лишь только лошади были собраны, какъ мы двинулись къ подошвѣ горной цѣпи. Выѣхавъ изъ долины, мы не успѣли сдѣлать и двухъ сотъ шаговъ, какъ были встрѣчены сильнымъ ураганомъ съ С. В., который несъ ослѣпляющія массы снѣга съ горныхъ скатовъ прямо намъ въ лицо, такъ-что земля и небо смѣшались и исчезли въ огромномъ бѣломъ вихрѣ снѣга. Подъемъ сдѣлался вскорѣ такимъ крутымъ и утесистымъ, что нельзя было ѣхать далѣе: мы должны были сойти съ лошадей и, пробираясь осторожно черезъ глубокіе рыхлые сугробы и карабкаясь съ трудомъ по острымъ выдающимся скаламъ, которыя прорѣзывали наши сапоги изъ тюленьей кожи, медленно тащили за собой лошадей. Такимъ образомъ, мы прошли около тысячи футъ, но, наконецъ, я такъ усталъ, что долженъ былъ остановиться и сѣсть. Снѣгъ во многихъ мѣстахъ былъ до пояса и надобно было безпрестанно понуждать лошадь, чтобы заставить ее итти впередъ. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, мы пошли далѣе и черезъ часъ намъ удалось добраться, наконецъ, до вершины кряжа на высотѣ 2000 футъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь почти невозможно было противустоять ярости вѣтра. Густыя массы снѣга не позволяли различать предметы на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ; намъ казалось, что мы стояли на какомъ-то обломкѣ міра въ бурномъ вихрѣ снѣжныхъ хлопьевъ, рѣзавшемъ лицо. По временамъ черный вулканическій утесъ, неприступный, какъ вершина Маттергорна, по-

казывался въ бѣломъ туманѣ надъ нашими головами, точно повиснувъ на воздухѣ и, придавая на мгновеніе поразительно дикій видъ окружающей мѣстности; потомъ онъ снова исчезалъ въ вихрѣ снѣга и мы напрасно старались разглядѣть его въ пространствѣ. Длинная бахрома ледяныхъ сосулекъ украшала козырекъ моей шапки; мое платье, намоченное вчерашнимъ дождемъ, замерзло и превратилось въ твердую ледяную броню. Ослѣпленный снѣгомъ, съ окоченѣлыми членами и стуча зубами я сѣлъ на лошадь и далъ ей волю итти, куда ей вздумается, умоляя только проводника не медлить и поскорѣе увести насъ изъ этой открытой мѣстности. Но напрасно онъ старался заставить свою лошадь итти на встрѣчу вьюгѣ. Ни крики, ни удары не могли принудить ее обернуться и онъ долженъ былъ, наконецъ, уступить и поѣхать вдоль кряжа въ восточномъ направленіи. Мы спустились въ сравнительно защищенную долину, поднялись на другой хребетъ еще выше перваго, обогнули коническую вершину, на которой дулъ сильнѣйшій вѣтеръ, спустились въ другое глубокое ущелье, опять взобрались на горный кряжъ, пока наконецъ, я рѣшительно не потерялъ путеводной нити, не зналъ, въ какомъ направленіи мы шли и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ мы находились. Я сознавалъ только одно, что мы полузамерзли отъ холода и брели по какой-то гористой мѣстности.

Въ продолженіе послѣдняго получаса я замѣтилъ, что нашъ проводникъ часто и тревожно совѣтовался съ другими камчадалами на счетъ дороги; повидимому, онъ самъ не зналъ навѣрное, куда намъ итти. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ, съ мрачнымъ лицомъ и сознался, что сбился съ пути. Я не могъ укорять бѣднаго малаго за то, что онъ потерялъ дорогу въ такую вьюгу, и сказалъ ему только, чтобы онъ постарался итти

по направленію къ рѣкѣ Саманкѣ; если намъ удастся найти защищенную долину, то мы остановимся въ ней, въ ожиданіи лучшей погоды. Мнѣ хотѣлось также предостеречь его, чтобы онъ не велъ насъ слишкомъ близко къ краямъ обрывовъ, но я плохо зналъ по-русски и не могъ хорошо объяснить ему моего желанія.

Впродолженіе двухъ часовъ мы бродили безцѣльно, то поднимаясь на вершины, то спускаясь въ небольшія долины, повидимому, все больше и больше углубляясь въ горы, но все-таки не находя нигдѣ убѣжища отъ вьюги. Необходимо было принять какое-нибудь рѣшеніе, потому-что иначе намъ всѣмъ угрожала опасность замерзнуть на дорогѣ. Я позвалъ, наконецъ, проводника, сказалъ ему, что самъ буду указывать путь и, открывъ мой маленькій карманный компасъ, объяснилъ ему, въ какомъ направленіи находился морской берегъ. Онъ съ тупымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на маленькій мѣдный ящицекъ съ дрожащей въ немъ стрѣлкой и вскричалъ съ отчаяніемъ.

— Ахъ, баринъ! Какъ можетъ компасъ знать что-нибудь объ этихъ проклятыхъ горахъ? Вѣдь компасъ никогда еще не былъ здѣсь. Я всю жизнь брожу по этимъ горамъ и, прости мнѣ Господи, не знаю, гдѣ теперь море.

Несмотря на голодъ, страхъ и холодъ, я не могъ не улыбнуться, услыша мнѣніе проводника, что компасъ, никогда непутешествовавшій по Камчаткѣ, не можетъ знать и дороги по ней. Я увѣрялъ его, что компасъ молодецъ своего дѣла и всегда найдетъ дорогу къ морю во время бури, но онъ мрачно покачалъ головой, какъ-будто мало вѣрилъ въ его искусство, и отказался итти по тому направленію, которое я указывалъ. Не имѣя возможности заставить мою лошадь итти противъ вѣтра, я сошелъ съ нея и, съ компасомъ въ рукѣ, повелъ ее по направленію къ морю; за мной

слѣдовалъ Вьюшинъ, закутанный съ головой въ медвѣжью шкуру и походившій скорѣе на какого-то дикаго звѣря, чѣмъ на человѣка. Проводникъ, видя наше полное довѣріе къ компасу, согласился, наконецъ, слѣдовать за нами. Мы подвигались очень медленно, такъ-какъ снѣгъ былъ глубокъ, члены наши окоченѣли и сильный вѣтеръ дулъ прямо намъ въ лицо. Около полудня мы очутились на самомъ краю, занесеннаго снѣгомъ, обрыва, въ полтораста футъ глубины; у его подножія бушевало море и разъяренныя волны заглушали своимъ ревомъ вой вѣтра. Я никогда не могъ-бы себѣ представить такого дикаго пустыннаго ландшафта. Позади и вокругъ насъ виднѣлись бѣлыя вершины, надъ которыми повисло сѣрое, безжалостное небо; мѣстами торчали сосновые сучья и черные обломки траповыхъ скалъ, представляя рѣзкую противуположность съ мертвенной бѣлизной снѣжныхъ горъ. Передъ нами внизу волновалось и пѣнилось море, а волны разбивались съ глухимъ плескомъ о черный утесъ.

Снѣгъ, вода, горы, а на переднемъ планѣ маленькая группа обледенѣлыхъ людей и косматыхъ лошадей, устремившихъ взоры на море съ высоты могущественнаго утеса,—это была незатѣйливая, простая, но красноречивая картина. Проводникъ нашъ, глядя пристально на темный обрывистый берегъ, въ надеждѣ найти какой-нибудь знакомый предметъ, обратился, наконецъ, ко мнѣ, съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ и попросилъ показать ему компасъ.

Я развинтилъ крышку и показалъ ему синюю дрожащую стрѣлку, обращенную къ сѣверу. Онъ осмотрѣлъ ее съ любопытствомъ и съ очевиднымъ уваженіемъ къ ея таинственной силѣ и, наконецъ, сказалъ, что это дѣйствительно «мастеръ своего дѣла»; онъ пожелалъ узнать всегда-ли компасъ указываетъ море. Я старался объяснить ему свойство и употребленіе

этого снаряда, но это было выше его разумѣнія, и онъ отошелъ съ твердою увѣренностью, что въ маленькомъ мѣдномъ ящичкѣ заключается что-то сверхъестественное, почему стрѣлка всегда можетъ указывать путь къ морю, даже въ странѣ, въ которой онъ никогда не бывалъ прежде.

Послѣ полудня, мы поѣхали по направленію къ сѣверу, стараясь не удаляться отъ морского берега, огибая отдѣльныя вершины и перейдя черезъ девять невысокихъ горныхъ кряжей.

Въ продолженіе всего этого дня я имѣлъ случай наблюдать странное явленіе, о которомъ читалъ въ „Альпійскихъ ледникахъ“ Тиндалля; это тотъ голубоватый свѣтъ, который, кажется, наполняетъ каждое маленькое углубленіе въ снѣгѣ. Углубленіе, сдѣланное длинной, тонкой палкой, такъ свѣтилось, какъ-будто было наполнено темно-голубымъ паромъ. Въ теченіе моего трехлѣтняго путешествія на сѣверѣ, это явленіе никогда не было такъ замѣтно, какъ въ этотъ разъ.

Когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы спустились въ глубокую, пустынную долину, которая, по словамъ нашего проводника, выходила къ морю возлѣ устья рѣки Саманки. Здѣсь не было снѣга, но шелъ проливной дождь. Нельзя было предполагать, чтобы маіоръ и Доддъ могли достигнуть назначеннаго сборнаго пункта въ такую бурю; но, приказавъ людямъ разбить палатку, я все-таки поѣхалъ съ Вьюшинымъ къ устью рѣки, чтобы удостовѣриться, тамъ-ли китоловная лодка или нѣтъ. Было слишкомъ темно для того, чтобъ можно было ясно различать предметы, но мы не нашли никакихъ слѣдовъ человѣческихъ существъ на берегу и возвратились обратно. Никогда еще мы не садились въ палаткѣ за ужинъ и не завертывались въ наши медвѣжьи шкуры съ такимъ удовольствіемъ, какъ послѣ этого утомительнаго дня. Въ продолженіе сорока вось-

ми часовъ, мы пробыли въ мокрыхъ и обледенѣлыхъ платьяхъ и около четырнадцати часовъ кряду или ѣхали верхомъ или шли пѣшкомъ безъ горячей пищи и безъ отдыха.

ГЛАВА XV.

Продолженіе бури.—Голодъ.—Извѣстія о китоловной лодкѣ.—Возвращеніе въ Лѣсновокъ.

Въ субботу, рано по утру, мы направились ко входу въ долину и разбили тамъ палатку такъ, чтобы намъ было видно устье Саманки; кромѣ того мы укрѣпили палатку такъ, чтобы вѣтеръ ее не снёсъ и рѣшились ждать появленія китоловной лодки въ теченіе двухъ дней, какъ у насъ это было условлено заранѣе.

Буря продолжалась, и свирѣпые волны, разбивавшіяся о берегъ цѣлый день, убѣдили меня, что мы напрасно поджидаемъ китоловнаго судна. Я надѣялся, что оно успѣло укрыться гдѣ-нибудь въ бухтѣ еще до начала бури. Если-же не успѣло, то оно должно было непремѣнно или пойти ко дну со всѣмъ экипажемъ, или-же разбиться объ утесы.

Къ вечеру Вьюшинъ изумилъ и привелъ меня въ отчаяніе, объявивъ, что наши запасы совершенно истощились; говядина вся вышла, а отъ хлѣба остались только корки. Вьюшинъ и всѣ камчадалы твердо надѣялись застать китоловное судно уже въ устьѣ Саманки, а потому захватили съ собой продовольствія всего на три дня, ничего не сказавъ мнѣ объ этомъ.

Мы были въ трехъ дняхъ пути отъ ближайшаго селенія. А какъ воротиться въ Лѣсновскъ? Теперь, вѣроятно, горы были непроходимы, потому-что шелъ постоянно снѣгъ. Но какъ ни опасенъ этотъ переходъ черезъ горы,все-таки необходимо было попытать счастья, не теряя ни минуты. Правда, мнѣ приказано было

ждать китоловнаго судна два дня, но я полагалъ, что обстоятельства совершенно оправдывали мое ослушаніе и приказалъ камчадаламъ приготовиться къ отъѣзду въ Лѣсновскъ на слѣдующее-же утро. Затѣмъ, я написалъ маіору записку и, положилъ ее въ жестяную фляжку, которую намѣревался оставить на мѣстѣ нашего лагеря. Покончивъ эти дѣла, я залѣзъ въ свой мѣховой мѣшокъ и заснулъ, думая подкрѣпить свои силы для труднаго путешествія черезъ горы.

Слѣдующее утро было холодное и бурное, снѣгъ валилъ въ горахъ, а дождь лилъ въ долинахъ. На разсвѣтѣ, мы сняли палатку, раздѣлили между собою багажъ, какъ могли добросовѣстнѣе, и приняли всѣ мѣры, необходимыя для борьбы со снѣгомъ и непроходимыми дорогами по горамъ.

Нашъ проводникъ, посовѣтовавшись со своими товарищами, предложилъ намъ отказаться отъ перехода черезъ горы, а попытаться проѣхать тридцать миль во время отлива по узкому берегу; онъ утверждалъ, что этотъ путь представлялъ менѣе опасности, чѣмъ проѣздъ через горы и болѣе шансовъ на успѣхъ, такъ-какъ тамъ мало было пунктовъ, по которымъ лошадь не могла-бы пройти, какъ по суху.

Было всего только тридцать миль до ущелья, находящагося въ южной цѣпи горъ, гдѣ намъ придется удалиться отъ берега и ѣхать по нашей старой дорогѣ, такъ-что въ одинъ день мы достигнемъ Лѣсновска. Конечно, все пойдетъ хорошо, если мы во время достигнемъ ущелья, а если нѣтъ, то вода зальетъ берегъ на десять футовъ глубины, и наши лошади, если не мы сами, будутъ унесены въ море, какъ легкія пробки. Дерзкая смѣлость этого предложенія дѣлала его гораздо привлекательнѣе труднаго странствованія по снѣжнымъ сугробамъ въ замерзшихъ платьяхъ безъ всякой пищи; я съ удовольствіемъ согласился на него и при-

писалъ нашему проводнику болѣе смысла и находчивости, чѣмъ до сихъ поръ встрѣчалъ между камчадалами. Отливъ только-что начинался, и намъ нужно было еще подождать три или четыре часа, пока вода сбудетъ настолько, что можно проѣхать по берегу. Время это не пропало даромъ у камчадаловъ; они поймали одну изъ собакъ, которыя провожали насъ изъ Лѣсновска, зарѣзали ее самымъ хладнокровнымъ образомъ своими длинными ножами и принесли ее тощее тѣло въ жертву злому духу, въ вѣдѣніи котораго, по ихъ понятіямъ, находились эти проклятыя горы. Бѣдному животному вскрыли животъ, вынули внутренности и бросили ихъ на всѣ четыре стороны, а тѣло его повѣсили за заднія ноги на вершину высокаго шеста, воткнутаго отвѣсно въ землю. Но гнѣвъ злого духа казался неукротимымъ, потому-что буря еще болѣе усилилась послѣ этихъ умилостивительныхъ обрядовъ, что, впрочемъ, не поколебало вѣру камчадаловъ въ дѣйствительность ихъ примирительныхъ жертвъ. Если буря не утихала, то единственной причиной тому былъ невѣрующій американецъ, который со своимъ дьявольскимъ мѣднымъ ящичкомъ, называемымъ „компасъ“, настоялъ на томъ, чтобы перейти черезъ горы, не смотря на „мѣстнаго духа“ и его грозныя предостереженія. Одна умерщвленная собака не могла служить достаточнымъ возмездіемъ за такое святотатственное нарушеніе воли злого духа! Впрочемъ, жертвоприношеніе уменьшило, кажется, опасенія туземцевъ на счетъ ихъ собственной безопасности, и хоть мнѣ было очень жаль бѣдную собаку, заколотую такъ безжалостно, но я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что это подѣйствовало благотворно на упавшій духъ моихъ столь суевѣрныхъ спутниковъ.

Около десяти часовъ, насколько я могъ судить, не имѣя часовъ, нашъ проводникъ осмотрѣлъ берегъ и

объявилъ, что пора итти въ путь; намъ оставалось четыре или пять часовъ, чтобъ доѣхать до ущелья. Мы поспѣшно вскочили на лошадей, и быстрымъ галопомъ пустились вдоль берега, подъ сѣнью грозныхъ, черныхъ утесовъ съ одной стороны, и подъ солеными брызгами волнъ съ другой. Огромныя массы зеленой тины, водорослей и раковинъ, тысячи медузъ и обломки деревъ, выброшенные бурею, лежали грудами вдоль берега; но мы неслись черезъ все это въ бѣшеномъ галопѣ, останавливая нашихъ лошадей только тогда, когда нужно было пробираться между огромными каменными глыбами, скатившимися съ вершины скалъ, которыя мѣстами загромождали берегъ сѣрыми покрытыми уткородками, обломками, въ семь и болѣе футовъ вышины.

Первыя восемнадцать миль мы проѣхали совершенно благополучно; но вдругъ Вьюшинъ, ѣхавшій впереди, остановился такъ внезапно, что едва не упалъ съ лошади, и мы услыхали знакомый крикъ: „медвѣдь! Медвѣдь! Два!“ Дѣйствительно, два медвѣдя, казалось, пробирались по берегу на четверть мили впереди насъ, но какъ попали медвѣди въ это отчаянное положеніе, гдѣ они должны были неизбѣжно потонуть черезъ два или три часа, этого мы не могли понять. Впрочемъ, для насъ это не дѣлало никакой разницы; ясно было, что медвѣди здѣсь, и мы должны проѣхать мимо нихъ. Очевидно, одна изъ двухъ партій должна была попасть на завтракъ другой. Разойтись было невозможно, такъ какъ между скалами и моремъ оставалась только узенькая полоска земли. Я всыпалъ новый зарядъ въ мой карабинъ и положилъ дюжину запасныхъ зарядовъ въ карманъ; Вьюшинъ вложилъ двѣ пули въ свою двухствольную винтовку, и мы стали осторожно пробираться вдоль скалъ, желая выстрѣлить въ медвѣдей прежде, чѣмъ они насъ увидятъ. Мы подъѣхали уже довольно

близко, какъ вдругъ Вьюшинъ разразился громкимъ смѣхомъ и закричалъ: „это люди!“ Когда они вышли изъ-за утеса, я тоже убѣдился, что это были люди. Но какъ они пришли сюда? Два туземца, одѣтые въ звѣриныя шкуры, приближались къ намъ, размахивая руками и крича намъ по русски, чтобъ мы не стрѣляли; въ то-же время они показывали намъ на что-то бѣлое, подобное парламентерскому флагу.

Когда они подошли поближе, одинъ изъ нихъ подалъ мнѣ съ низкимъ поклономъ сырой, грязный клочекъ бумаги, и я узналъ въ немъ одного изъ знакомыхъ мнѣ камчадаловъ изъ Лѣсновска. Они были посланы маіоромъ. Слава Богу, партія ихъ не погибла! Я развернулъ бумагу и прочелъ поспѣшно:

„Морской берегъ, 15 верстъ отъ Лѣсновска, 4-го октября. Выброшены сюда на берегъ бурею. Поѣзжайте назадъ, какъ можно скорѣе.“

«С. Абаза.»

Камчатскіе посланные выѣхали изъ Лѣсновска только днемъ послѣ насъ, но были задержаны вьюгой и дурными дорогами, и только въ прошлую ночь добрались до нашего второго лагеря. Не видя возможности переѣхать горы, вслѣдствіе глубокаго снѣга, они оставили своихъ лошадей и пытались дойти пѣшкомъ до рѣки Самалки по морскому берегу. Они не надѣялись исполнить этого во время одного отлива, но думали пріютиться на высокихъ скалахъ, когда начнется приливъ, и продолжать свое путешествіе, лишь только вода станетъ снова убывать. Нечего было тратить времени на дальнѣйшія объясненія. Вода быстро прибывала, а мы должны были сдѣлать двѣнадцать миль менѣе, чѣмъ въ часъ времени, или лишиться нашихъ лошадей. Мы посадили усталыхъ, промокшихъ камчадаловъ на двухъ свободныхъ коней и снова отправились въъ путь крупной

рысью. По мѣрѣ приближенія къ ущелью, наше положеніе дѣлалось все болѣе и болѣе критическимъ. У каждой выдающейся скалы вода становилась все выше, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, она уже покрывала брызгами и пѣной подножіе утесовъ. Наши лошади шли бодро впередъ, уже только одна выдающаяся скала отдѣляла насъ отъ ущелья. Море бурлило возлѣ нея такъ, что мы проскакали нѣсколько футовъ по водѣ, а черезъ пять минутъ бросили поводья у входа въ ущелье. Путешествіе было трудное, но мы пріѣхали на десять минутъ ранѣе, чѣмъ ожидали, и находились на южной сторонѣ снѣжнаго горнаго кряжа, менѣе чѣмъ на въ шестидесяти миляхъ отъ Лѣсновска. Безъ смѣтливости и смѣлости нашего проводника, мы-бы теперь еще вязли въ снѣгу и блуждали между дикими вершинами горъ, десять миль южнѣе Самашки. Ущелье, по которому пролегалъ нашъ путь, было завалено каменными глыбами, покрыто непроходимой чащей сосенъ и ольхъ; мы впродолженіи двухъ часовъ должны были прорубать себѣ топорами дорогу съ страшнымъ трудомъ.

До сумерекъ, впрочемъ, мы достигли того мѣста, гдѣ останавливались на второй день нашего отъѣзда изъ Лѣсновска; около полуночи мы пріѣхали въ юрту, въ которой завтракали пять дней тому назадъ. Утомленные четырнадцати-часовой ѣздой безъ отдыха и пищи, мы не могли итти далѣе. Я надѣялся найти что-нибудь съѣстное у камчадаловъ, посланныхъ изъ Лѣсновска, но оказалось, что ихъ запасы уничтожены совершенно, еще накануне. Вьюшинъ собралъ горсть грязныхъ хлѣбныхъ крошекъ изъ нашего пустого мѣшка съ хлѣбомъ, обжарилъ ихъ въ ворвани, которую употреблялъ, кажется для смазки своего ружья, и предложилъ мнѣ это кушанье, но несмотря на голодъ, я не рѣшился отвѣдать этой черной, жирной массы, такъ-что онъ раздѣлилъ ее между камчадалами.

Второй день уже я ничего не ѣлъ, что не замедлило оказать на меня свое дѣйствіе; я почувствовалъ сильную, жгучую боль въ желудкѣ. Я старался успокоить голодъ сѣменами сосновыхъ шишекъ и огромнымъ количествомъ воды, но ничто не помогало; я такъ ослабѣлъ къ вечеру, что не могъ держаться на лошади.

Около двухъ часовъ послѣ того, какъ смерклось, мы услышали вой собакъ въ Лѣсновскѣ, и черезъ двадцать минутъ въѣхали въ селеніе, явились къ маленькому бревенчатому домику старосты и предстали передъ маіоромъ и Доддомъ въ то время, когда они сидѣли за ужиномъ. Такъ окончилась наша неудачная экспедиція въ Саманскія горы — самое трудное путешествіе, которое я когда - либо совершалъ въ Камчаткѣ.

Два дня спустя, тревоги и страданія, которыя маіоръ претерпѣлъ за свою пятидневную стоянку на морскомъ берегу во время бури, явились причиною сильнаго ревматизма и лихорадки, и всякая мысль о дальнѣйшемъ путешествіи была покуда невозможна. Почти всѣ лошади въ селеніи были неспособны къ продолженію пути; нашъ саманскій горный проводникъ почти ослѣпъ отъ воспалительной рожи, сдѣлавшейся у него отъ сильнаго вѣтра, которому онъ подвергался цѣлыхъ пять дней; — словомъ, половина нашей партіи никуда не годилась. При такихъ обстоятельствахъ, нечего было и думать о переходѣ черезъ горы до наступленія зимы. Доддъ и казакъ Мироновъ были посланы обратно въ Тагиль за докторомъ и новыми съѣстными припасами, а Вьюшинъ остался со мной въ Лѣсновскѣ, чтобы не оставить маіора одного, такъ-какъ онъ, вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія, нуждался въ посторонней помощи.

ГЛАВА XVI.

Вечернія развлеченія камчадаловъ.—Народъ.—Рыба.—Мѣха.—Языкъ.—Музыка.—Пѣсни.—Сани, запряженныя собаками.—Одежда.

Послѣ нашей неудачной попытки перебраться черезъ Саманскія горы, намъ не оставалось другого выбора, какъ только терпѣливо ждать въ Лѣсновскѣ, пока рѣки замерзнутъ и снѣгъ будетъ настолько глубокъ, что намъ можно будетъ отправиться въ Гижигинскъ въ саняхъ, запряженныхъ собаками. Это была продолжительная и скучная задержка; я почувствовалъ въ первый разъ одиночество во всей его силѣ и тоску по родинѣ, по домашнему очагу и по цивилизованному міру. Маіоръ все еще былъ очень боленъ и въ бреду постоянно говорилъ объ успѣхѣ нашей экспедиціи, о переѣздѣ черезъ горы, о путешествіи въ Гижигинскъ на китоловномъ суднѣ и давалъ несообразныя приказанія Вьюшину, Додду и мнѣ на счетъ лошадей, саней, лодокъ и съѣстныхъ припасовъ. Мысль пріѣхать въ Гижигинскъ до начала зимы исключительно занимала его мозгъ. Впродолженіе его болѣзни, время, до возвращенія Додда, казалось мнѣ очень длиннымъ и скучнымъ; дѣлать мнѣ было рѣшительно нечего; почти все время я сидѣлъ въ бревенчатой комнатѣ, въ окнахъ которой вмѣсто стеколъ были натянуты рыбьи пузыри и углублялся въ чтеніе Шекспира и Библіи, пока не выучилъ ихъ наизуть. Въ хорошую-же погоду я съ ружьемъ за плечами, бродилъ цѣлые дни въ горахъ, преслѣдуя сѣверныхъ оленей и лисицъ; но охота рѣдко мнѣ удавалась.

Моими единственными трофеями во все это время были: одинъ олень и нѣсколько арктическихъ песцовъ. По вечерамъ я сидѣлъ на обрубкѣ бревна въ нашей

маленькой кухнѣ, при свѣтѣ грубаго камчатскаго ночника, состоящаго изъ кусочка мха и жестяной чашечки съ тюленьимъ жиромъ и слушалъ, впродолженіе цѣлыхъ часовъ, пѣніе и игру на гитарѣ камчадаловъ, и простые разсказы объ опасныхъ приключеніяхъ въ горахъ, которыя они такъ любили передавать. Во время этихъ вечернихъ бесѣдъ съ камчадалами я узналъ много любопытныхъ подробностей о ихъ жизни, обычаяхъ и нравахъ, о которыхъ еще не имѣлъ ни малѣйшаго понятія: вѣроятно, впослѣдствіи мнѣ не придется говорить объ этомъ народѣ, малоизвѣстномъ цивилизованному міру, и я разскажу теперь, что узналъ о ихъ музыкѣ, языкѣ, удовольствіяхъ, предразсудкахъ и образѣ жизни.

Я уже говорилъ о камчадалахъ, какъ о спокойномъ, безобидномъ, гостепріимномъ, полудикомъ племени, отличающемся честностью и привѣтливостью; кромѣ того, камчадалы относятся съ уваженіемъ къ властямъ и законамъ. Даже мысль о возмущеніи, или сопротивленіи совершенно чужда характеру камчадала. Они, кажется, готовы переносить и притѣсненія съ полною покорностью. Камчадалы незлопамятны и вѣрны, какъ собаки. Если вы съ ними обращаетесь хорошо, то ваше малѣйшее желаніе будетъ для нихъ закономъ; они употребятъ всѣ усилія, чтобы доказать, по своему, свою признательность за вашу доброту, предупреждая даже ваши невысказаныя желанія. Во время нашего пребыванія въ Лѣсновскѣ, маіоръ какъ-то попросилъ молока. Староста не сказалъ ему, что въ селеніи нѣтъ ни одной коровы, но отвѣтилъ, что постарается достать желаемое. Добродушный камчадалъ тотчасъ-же послалъ человѣка верхомъ въ сосѣднее селеніе Кликилъ и къ вечеру посланный вернулся съ шампанской бутылкой въ рукахъ и маіору было привезено къ чаю молоко. Съ этого времени и до нашего отъѣзда въ Гижигинскъ болѣе мѣсяца, верховой проѣзжалъ каждый день по двадцати

миль, чтобы доставить намъ бутылку свѣжаго молока. Это дѣлалось просто, по сердечной добротѣ, безъ желанія и безъ надежды на будущее вознагражденіе и можетъ служить образчикомъ того, какъ съ нами вообще обращались въ Камчаткѣ.

Осѣдлые жители сѣверной Камчатки имѣютъ обыкновенно два различныхъ мѣста жительства, смотря по временамъ года. Одни называются „зимними поселеніями", другія—„лѣтними рыболовными стоянками" и находятся одни отъ другихъ на разстояѣіи отъ одной до пяти миль. Въ первомъ, расположенномъ обыкновенно подъ защитою лѣсистыхъ холмовъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ морского берега, они живутъ отъ сентября до іюня. Лѣтнее—построено всегда у устья ближайшей рѣки, большой, или малой и состоитъ изъ нѣсколькихъ «юртъ» или покрытыхъ землею хижинъ, изъ восьми или десяти коническихъ „балагановъ", построенныхъ на сваяхъ и изъ множества деревянныхъ срубовъ, куда вѣшаютъ рыбу для сушенья. Камчадалы перебираются въ эти рыболовныя стоянки въ началѣ іюня, оставляя свои зимнія жилища въ совершенномъ запустѣніи. Даже собаки и вороны покидаютъ ихъ для болѣе привлекательной и болѣе обильной добычи, которую находятъ возлѣ лѣтнихъ „балагановъ". Въ началѣ іюня лососи приходятъ въ рѣки изъ моря въ огромномъ количествѣ и туземцы ловятъ ихъ въ сѣти, въ корзины, въ невода, въ верши, и посредствомъ десятка другихъ хитрыхъ изобрѣтеній: женщины разрѣзываютъ ихъ, потрошатъ и очищаютъ отъ костей съ изумительною ловкостью и быстротой, затѣмъ развѣшиваютъ длинными рядами на горизонтальныхъ шестахъ для сушенья. Рыба, довѣрчивая и неопытная, приходитъ въ рѣки, какъ морякъ на берегъ, надѣясь, вѣроятно, отдохнуть отъ тревожной морской жизни, но она не успѣваетъ еще опомниться, какъ попадаетъ уже

въ неводъ; ее вытаскиваютъ на берегъ съ сотней такихъ-же неразсудительныхъ и несчастныхъ страдальцевъ, разрѣзываютъ большимъ ножомъ, вынимаютъ спинной хребетъ, отрѣзываютъ голову, очищаютъ ее отъ внутренностей и вѣшаютъ ея обезображенные остатки на шесты, чтобы засушить ихъ на жаркомъ іюльскомъ солнцѣ.

Удивительно, въ какомъ громадномъ количествѣ появляются эти рыбы и какъ далеко заходятъ онѣ въ сибирскія рѣки. Всѣ маленькія рѣчки, которыя мы переѣзжали во внутренней Камчаткѣ, на разстояніи семидесяти миль отъ морского берага, были переполнены тысячами околѣвающихъ, мертвыхъ и разлагавшихся рыбъ, такъ-что вода становилась совершенно негодною къ употребленію. Даже въ маленькихъ горныхъ ручьяхъ, до того узкихъ, что ребенокъ могъ-бы перешагнуть черезъ нихъ, мы видѣли лососей въ восемнадцать или двадцать дюймовъ длины, которые съ трудомъ плыли вверхъ по теченію, потому-что вода едва могла покрывать ихъ тѣло. Мы часто спускались въ ручей и ловили ихъ просто руками цѣлыми дюжинами. Но странное дѣло, чѣмъ лососи болѣе углубляются во внутреннія рѣки, тѣмъ болѣе измѣняется ихъ внѣшній видъ. Когда эти рыбы только-что выходятъ изъ моря, то ихъ чешуя отличается блескомъ и твердостью, а мясо бываетъ краснаго цвѣта, жирно и вкусно; по мѣрѣ того, какъ лососи идутъ вверхъ по рѣкѣ, чешуя ихъ теряетъ свой блескъ и спадаетъ, а мясо блѣднѣетъ и, наконецъ, принимаетъ совершенно бѣлый цвѣтъ, становится тощимъ, сухимъ и безвкуснымъ. Поэтому всѣ рыбныя стоянки въ Камчаткѣ находятся, по возможности, ближе къ устьямъ рѣкъ. Всѣ поселенія сѣверо-восточной Сибири обязаны своимъ возникновеніемъ инстинкту, заставляющему лососей заходить въ рѣки для метанія икры. Безъ этого изобилія рыбы, вся страна

не имѣла-бы другого населенія, кромѣ Оленьихъ Коряковъ. Какъ только кончится періодъ рыбной ловли, камчадалы складываютъ свою сушеную рыбу въ „балаганы“, возвращаются на зимнія квартиры и готовятся къ охотѣ за соболями. Почти цѣлый мѣсяцъ они проводятъ все время въ лѣсахъ и въ горахъ въ приготовленіи и въ постановкѣ западней. Чтобы сдѣлать западню для соболя, вырѣзываютъ въ стволѣ большого дерева узкую, отвѣсную щель въ четырнадцать дюймовъ длины, четыре дюйма ширины и пять дюймовъ глубины; но при этомъ необходимо, чтобы нижняя часть щели находилась на вышинѣ головы соболя, если онъ стоитъ на заднихъ лапахъ. Тогда срубаютъ другое небольшое дерево, одинъ изъ концовъ котораго поднимаютъ на три фута вышины и подпираютъ рогатиной, воткнутой въ землю, а другой обтачиваютъ такъ, что онъ можетъ свободно скользить по щели, вырубленной для него въ большомъ деревѣ. Конецъ этотъ поднимаютъ до верхней части щели и поддерживаютъ его тамъ простой защелкой, оставляя почти четырехъугольное отверстіе внизу для головы соболя. Къ защелкѣ привѣшиваютъ приманку и западня готова. Соболь поднимается на заднія лапы, кладетъ голову въ отверстіе, дергаетъ приманку вмѣстѣ съ защелкой и тяжелое бревно падаетъ и раздробляетъ черепъ животнаго, нисколько не портя цѣнныхъ частей его шкуры. Туземцы ставятъ массу такихъ западней въ теченіе зимы и часто ходятъ наблюдать за ними. Бывали случаи, что одинъ камчадалъ поставитъ сотню такихъ западней. Не довольствуясь, впрочемъ, этой обширной и хорошо организованной системой ловли соболей, туземцы охотятся за ними на лыжахъ съ дрессированными собаками, загоняютъ соболей въ ямы, которыя окружаютъ сѣтями и, выгоняя ихъ оттуда огнемъ и топорами, убиваютъ животныхъ дубинами.

Число соболей, добываемыхъ ежегодно на Камчатскомъ полуостровѣ, колеблется между шестью и девятью тысячами; всѣ они отправляются въ Россію и развозятся оттуда по всей сѣверной Европѣ. Большая часть всѣхъ русскихъ соболей на европейскомъ рынкѣ добывается жителями Камчатки и отправляются американскими купцами въ Москву. В. Г. Бордмэнъ изъ Бостона и американская торговая фирма въ Китаѣ, извѣстная кажется, подъ названіемъ Россель и К°, держатъ въ своихъ рукахъ всю пушную торговлю въ Камчаткѣ и по берегу Охотскаго моря. Приблизительная цѣна, получаемая камчадаломъ за соболинную шкуру въ 1864 г. доходила до 15 р. сер., но плата производилась чаемъ, сахаромъ, табакомъ и разными другими товарами, по оцѣнкѣ самого торговца, такъ-что, въ сущности, туземцы получали только немногимъ болѣе половины номинальной цѣны. Почти всѣ жители средней Камчатки занимаются зимою прямо или косвенно торговлей соболями и многіе давно уже пріобрѣли себѣ вполнѣ независимое положеніе.

Звѣроловство и рыболовство составляютъ, такимъ образомъ, главныя занятія камчадаловъ лѣтомъ и зимою; къ этому побуждаетъ ихъ, скорѣе, природа и климатъ страны, чѣмъ ихъ собственная наклонность, поэтому-то эти промыслы и не могутъ дать намъ точнаго понятія о нѣкоторыхъ особенностяхъ характера камчадаловъ и о ихъ жизни. Языкъ, музыка, развлеченія и суевѣрія народа вѣрнѣе могутъ обрисовать ихъ настоящій характеръ, чѣмъ обыденныя занятія.

Камчатскій языкъ кажется мнѣ самымъ достопримѣчательнымъ изъ всѣхъ нарѣчій дикихъ племенъ Азіи, не по содержанію словъ, но просто по страшнымъ звукамъ, которыми онъ изобилуетъ и по своему горловому акценту. Бѣглый разговоръ всегда напоминалъ мнѣ шумъ воды, льющейся изъ кувшина съ узкимъ горлышкомъ.

Одинъ русскій путешественникъ по Камчаткѣ выразился, что «камчатскія слова произносятся на половину горломъ, на половину ртомъ»; но мнѣ кажется, вѣрнѣе было-бы сказать, что они говорятся на-половину горломъ и на-половину желудкомъ. Въ этомъ нарѣчіи болѣе горловыхъ звуковъ, чѣмъ въ какомъ-либо изъ извѣстныхъ мнѣ азіатскихъ языковъ, чѣмъ оно рѣзко отличается отъ нарѣчій коряковъ и чукчей. Оно составлено, кажется, изъ постоянныхъ неизмѣнныхъ корней, съ измѣняющимися приставками. Тѣмъ не менѣе, сколько я могъ замѣтить, въ немъ нѣтъ перемѣны окончаній, и грамматика его должна быть проста и легка. Значительная часть камчадаловъ въ сѣверной части полуострова говоритъ, кромѣ собственнаго своего языка, еще по-русски и по-корякски, такъ-что, по своему, они прекрасные лингвисты.

Пѣсни народа, въ особенности такого, который самъ ихъ создалъ, а не позаимствовалъ отъ другихъ, могутъ, я думаю, служить вѣрнымъ образцомъ его характера; присуще-ли пѣснямъ, какъ полагаетъ одинъ писатель, рефлективное вліяніе на характеръ, или онѣ являются только его выраженіемъ,—это безразлично и во всякомъ случаѣ между тѣми и другими существуетъ взаимное отношеніе. Ни у одного сибирскаго племени это такъ не замѣтно, какъ у камчадаловъ. Они, навѣрное, никогда не были воинственнымъ народомъ, ибо у нихъ нѣтъ пѣсенъ въ память героическихъ дѣяній или охотничьихъ подвиговъ ихъ предковъ, какъ у многихъ индѣйскихъ племенъ Америки. Весь ихъ эпосъ имѣетъ печальный, фантастическій характеръ и создался, вѣрнѣе, подъ вліяніемъ нѣжныхъ, грустныхъ наслажденій, любовныхъ или семейныхъ, чѣмъ подъ давленіемъ болѣе грубыхъ страстей, какъ-то: гнѣва, гордости и мести. Для слуха чужестранца ихъ музыка имѣетъ въ себѣ нѣчто дикое и страшное, она навѣ-

ваетъ на душу грустное чувство, въ ней слышится какое-то смутное, безполезное сожалѣніе о чемъ-то невозвратномъ, подобно тому чувству, которое охватываетъ душу человѣка при пѣніи панихиды на могилѣ дорогого существа. Объ этомъ можно сказать то-же, что говоритъ Оссіанъ о музыкѣ Карриллы; «она, подобно воспоминанію о прошедшихъ радостяхъ—и сладко и грустно дѣйствуетъ на душу». Особенно памятна мнѣ одна пѣсня подъ названіемъ „Пенжинская", пѣтая однажды туземцами въ Лѣсновскѣ, напѣвъ которой положительно представлялъ самое пріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо грустное сочетаніе звуковъ, какое мнѣ когда-либо доводилось слышать,—вопль погибшей души, отчаявающейся, но все-таки не перестающей умолять о помилованіи. Попытка моя достать переводъ этой пѣсни осталась тщетною, не смотря на всѣ мои старанія. Содержитъ-ли она разсказъ о какой-нибудь кровавой бѣдственной стычкѣ съ свирѣпыми сѣверными сосѣдями, или плачъ надъ тѣломъ дорогого сына, брата или мужа, я не могъ узнать; но сама музыка вызывала слезы на глаза, и доводила легко возбуждаемое чувство почти до изступленія. Плясовые мотивы камчадаловъ носятъ, разумѣется, совершенно иной характеръ и состоятъ вообще изъ оживленныхъ, энергическихъ, отрывистыхъ переходовъ, повторяемыхъ нѣсколько разъ безъ всякихъ варіацій. Всѣ почти туземцы аккомпанируютъ себѣ на трехъугольной гитарѣ, называемой „балалайкой" о двухъ струнахъ и нѣкоторые изъ нихъ очень хорошо играютъ на самодѣльныхъ скрипкахъ грубой работы. Всѣ они страстно любятъ музыку.

Прочія ихъ удовольствія заключаются въ пляскѣ, игрѣ ножнымъ мячикомъ на снѣгу и въ бѣгѣ на санкахъ, запряженныхъ собаками.

Зимнія путешествія камчадаловъ совершаются исключительно на собакахъ и нигдѣ этотъ народъ не выка-

ываетъ лучше своего природнаго искусства и смѣтливости. Можно даже сказать, что они сами создали свою породу собакъ, такъ-какъ настоящая сибирская собака есть ничто иное, какъ полуприрученный арктическій волкъ и сохраняетъ всѣ свои волчьи инстинкты и привычки. Нужно-ли говорить, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ болѣе закаленаго, выносливаго животнаго? Эту собаку можно заставить спать на снѣгу при температурѣ 70° ниже нуля, навѣсить на нее такія тяжести, что кожа на ея лапахъ трескается и оставляетъ кровавые слѣды на снѣгу, или морить ее голодомъ до того, что она начнетъ ѣсть свою сбрую, но ея сила и бодрость остаются непобѣдимыми. Мнѣ приходилось упряжку, состоящую изъ девяти собакъ, заставлять дѣлать въ сутки болѣе ста миль и работать впродолженіе сорока восьми часовъ, причемъ не было возможности дать имъ ни крошки пищи. Обыкновенно, ихъ кормятъ одинъ разъ въ день и порція ихъ состоитъ изъ одной сушеной рыбы, вѣсящей не болѣе полутора, или двухъ фунтовъ. Эта кормежка дѣлается на ночь, такъ-что на другой день онѣ приступаютъ къ работѣ съ пустыми желудками.

Сани, въ которыя запрягаютъ этихъ животныхъ, имѣютъ десять футовъ длины и два ширины: они сшиты изъ березовой коры и соединяютъ въ себѣ въ замѣчательной степени два самыя важныя качества: прочность и легкость. Ихъ остовъ состоитъ изъ брусьевъ, связанныхъ ремнями изъ тюленьей шкуры и поставленныхъ на широкіе, выгнутые полозья. Въ нихъ совсѣмъ нѣтъ желѣза и онѣ вѣсятъ не болѣе двадцати фунтовъ тогда-какъ въ нихъ можно положить тяжесть въ четыреста или пятьсотъ фунтовъ и самыя скверныя горныя дороги не причиняютъ имъ ни малѣйшаго поврежденія. Число собакъ, запрягаемыхъ въ эти сани, колеблется между семью и пятнадцатью, смотря по до-

рогѣ и по вѣсу клади. Ихъ запрягаютъ въ сани попарно къ длинному ремню изъ тюленьей шкуры, къ которому каждая собака привязана коротенькой постромкой за ошейникъ. Ими управляютъ криками и съ помощью покрикиваній и передовой собаки, которую нарочно дрессируютъ для этого. Камчадалъ вмѣсто кнута, употребляетъ толстую палку, около четырехъ футъ длины и двухъ дюймовъ въ діаметрѣ. Съ одной стороны она снабжена длиннымъ желѣзнымъ острымъ наконечникомъ и служитъ для того, чтобы удерживать сани во время спуска съ горъ и останавливать собакъ, когда онѣ сворачиваютъ съ дороги для преслѣдованія оленей и лисицъ, что случается довольно часто. Острый конецъ втыкаютъ передъ однимъ изъ полозьевъ и тащутъ его такъ по снѣгу, держа другой конецъ крѣпко въ рукѣ. Такимъ образомъ, палка служитъ сильнымъ тормазомъ, съ помощью котораго, при нѣкоторой ловкости, можно остановить сани очень быстро. Искусство управлять такими санями есть самая обманчивая вещь на свѣтѣ. Сначала путешественнику кажется, что управлять ими такъ-же нетрудно, какъ телѣжкой на улицѣ, но это прямой самообманъ и неопытный человѣкъ въ первыя-же десять минутъ вывалится въ снѣжный сугробъ и его опрокинутыя сани отбрасываются на четверть мили отъ дороги; тогда онъ по опыту узнаетъ, что дѣло не такъ легко, какъ ему казалось и черезъ день, можетъ быть, онъ придетъ къ тому выводу, что надо родиться съ способностью управлять хорошо собаками, а пріобрѣсти ее трудно.

Одежда камчадаловъ и лѣтомъ и зимою сдѣлана, большею частью, изъ звѣриныхъ шкуръ. Ихъ зимній костюмъ состоитъ изъ сапогъ изъ тюленьей кожи, называемыхъ „торбассами", которые надѣваются поверхъ чулокъ изъ оленьей шкуры и доходятъ до колѣнъ, изъ мѣховыхъ панталонъ шерстью внутрь, изъ лисьяго кукуля или

капора съ длинной бахромой изъ кости и изъ толстой кухлянки, или двойной мѣховой рубашки, покрывающей тѣло до колѣнъ. Эта рубашка сшита изъ самой толстой и мягкой оленьей шкуры, окрашенной въ разные цвѣта, вышита снизу шелками, обшита у ворота и на рукавахъ лоснящимся бобромъ; къ ней пришивается у подбородка четырехугольный лоскутъ, которымъ закрываютъ носъ, а сзади—нѣчто вродѣ башлыка, такъ называемой „кукуль“, который надѣваютъ на голову во время дурной погоды. Въ такомъ одѣяніи камчадалы впродолженіи цѣлыхъ недѣль подвергаются страшному холоду, и спятъ спокойно и удобно на снѣгу при температурѣ въ двадцать, тридцать и даже сорокъ градусовъ ниже 0.

Значительную часть нашего время въ Лѣсновскѣ мы провели въ заготовленіи только-что описанныхъ костюмовъ, предназначаемыхъ для насъ самихъ, въ устройствѣ крытыхъ саней для защиты отъ зимнихъ вьюгъ, въ шитьѣ просторныхъ мѣшковъ изъ медвѣжьей шкуры для спанья въ нихъ ночью, и, вообще говоря, въ приготовленіяхъ къ тяжелому зимнему странствованію.

ГЛАВА XVII.

Русское леченіе.—Саманкскія горы.—Лагерь кочующихъ коряковъ.—Собаки и сѣверные олени.—Наружность коряковъ.—«Пологи».—Лакомства коряковъ.

Въ концѣ Октября прибылъ изъ Тагиля русскій докторъ и принялся истощать послѣднія силы маіора паровыми ваннами, кровопусканіями и шпанскими мушками, пока осталась, наконецъ, только слабая тѣнь его прежняго, здороваго тѣлосложенія. Лихорадка, впрочемъ, уступила этому энергическому лѣченію и нашъ маіоръ сталъ постепенно поправляться. Вскорѣ послѣ того, на

той-же недѣлѣ, Доддъ и Мироновъ возвратились изъ Тагиля съ новыми запасами чая, сахара, рома, табаку и сухарей и мы начали набирать собакъ изъ сосѣднихъ селеній Кинъ-Килля и Поляны, для вторичной переправы черезъ Саманкскія горы. Снѣгъ выпалъ всюду на глубину двухъ футовъ, погода стояла ясная и морозная, и только болѣзнь маіора служила препятствіемъ къ нашему отъѣзду изъ Лѣсновска, но, какъ-бы то ни было 28 октября маіоръ объявилъ намъ, что въ состояніи продолжать путешествіе и мы начали укладывать наши вещи. 1 ноября мы обрядились въ наши тяжелыя мѣховыя одѣянія, которыя превратили насъ, по наружности, въ самыхъ страшныхъ дикихъ звѣрей, простились съ гостепріимными жителями Лѣсновска и отправились въ территоріи кочующихъ коряковъ въ числѣ восемнадцати человѣкъ на шестнадцати саняхъ, съ двумя стами собакъ и съѣстными припасами на сорокъ дней. На этотъ разъ мы положили во что-бы ни стало, или добраться до Гижигинска или, какъ говорится въ газетахъ, пасть жертвою своего предпріятія.

3-го ноября, послѣ обѣда, когда долгій сѣверный полусвѣтъ началъ исчезать въ стальной синевѣ, присущей только арктическимъ ночамъ, наши собаки медленно поднимались на послѣднюю вершину Саманкскихъ горъ, и мы озирали съ высоты болѣе чѣмъ 2.000 футовъ однообразное снѣжное пространство, начинавшееся у подошвы горъ, на которыхъ мы стояли, и сливавшееся съ горизонтомъ. То была земля кочевыхъ коряковъ. Холодный вѣтеръ дулъ съ моря на вершины горъ и грустно завывалъ въ вѣтвяхъ сосенъ, нарушая своимъ свистомъ молчаніе зимней природы. Блѣдный, потухающій свѣтъ исчезающаго солнца дрожалъ еще на болѣе высокихъ верхушкахъ, дикія ущелья поросшія ольховыми рощами и густой чащей малорослыхъ сосенъ, были уже погружены въ ночной мракъ. У по-

дошвы горъ прихотливо раскинулся передовой лагерь коряковъ. Предъ тѣмъ, какъ начать спускаться въ равнину, мы рѣшили дать нашимъ собакамъ отдохнуть немного на вершинѣ, сами-же старались разсмотрѣть сквозь вечерній сумракъ черныя палатки, которыя, по нашему ожиданію, должны были размѣститься у нашихъ ногъ; но мы видѣли лишь сосновые кусты и ничто иное не нарушало мертвенной бѣлизны снѣжной степи. Лагерь былъ скрытъ за выдающейся горой.

Едва лишь восходящая луна освѣтила черныя, изрытыя очертанія вершинъ правѣе нашего привала, какъ мы подняли собакъ и пустили ихъ въ темное ущелье, которое спускалось въ степь. Обманчивыя ночныя тѣни и массы утесовъ, загораживающія узкій проходъ, дѣлали спускъ очень опаснымъ, и требовалось приложить все искусство опытныхъ камчадаловъ, чтобы избѣжать опасныхъ случаевъ. Цѣлыя облака снѣга летѣли изъ подъ острыхъ кольевъ, которыми наши проводники тщетно старались удержаться на стремительномъ спускѣ: предостережительные крики передовыхъ, удесятеренныя горнымъ эхомъ, подгоняли еще болѣе нашихъ собакъ, и намъ казалось, видя какъ утесы и деревья летѣли мимо насъ, что мы сами катились на стремительной лавинѣ, которая уносила насъ съ захватывающей духъ скоростью къ вѣрной гибели.

Впрочемъ, мало-по-малу быстрота эта начала уменьшаться и мы выѣхали на твердый, обмерзлый снѣгъ, въ открытую степь, освѣщенную луной. Послѣ получасовой ѣзды, мы должны были, по нашимъ соображеніямъ, быть возлѣ лагеря коряковъ, но до сихъ поръ нигдѣ не было видно и слѣда оленей или палатокъ. Взрытый снѣгъ обыкновенно предупреждаетъ путешественника о близости юртъ, такъ-какъ олени на много миль въ окружности, взрываютъ ногами снѣгъ, отыскивая мохъ, который представляетъ собою единственную

пищу этихъ животныхъ. Но ввиду отсутствія столь необходимыхъ примѣтъ, мы начали подозрѣвать, что намъ даны были невѣрныя указанія, какъ вдругъ наши передовыя собаки насторожились, обнюхали вокругъ себя воздухъ и съ рѣзкимъ отрывистымъ тявканьемъ помчались къ высокому холму, находившемуся почти подъ прямымъ угломъ отъ пройденнаго нами пути. Тщетно камчадалы сдерживали бѣгъ разгоряченныхъ собакъ, ихъ волчій инстинктъ былъ возбужденъ и вся дисциплина забыта, когда вѣтеръ донесъ до ихъ обонянія свѣжій запахъ оленьихъ стадъ. Мы быстро очутились на верху холма и передъ нами въ ясномъ лунномъ свѣтѣ стояли коническія палатки коряковъ, окруженныя по меньшей мѣрѣ четырьмя тысячами сѣверныхъ оленей; ихъ вѣтвистые рога напоминали настоящую рощу засохшихъ кустовъ. Всѣ собаки залаяли въ одинъ голосъ, подобно стаѣ гончихъ, при видѣ дичи и шумно бросились съ горы, совершенно не слушая восклицаній своихъ хозяевъ и угрожающихъ криковъ трехъ или четырехъ черныхъ фигуръ, которыя внезапно поднялись со снѣга между ними и испуганными оленями. Въ этой суматохѣ, я едва разслышалъ голосъ Додда, осыпающаго русскими ругательствами своихъ лающихъ собакъ, которыя несмотря на его самое усердное сопротивленіе, мчали его съ опрокинутыми санями по степи. Все огромное стадо оленей колебалось съ минуту и потомъ понеслось съ бѣшеными прыжками, преслѣдуемое камчадалами, сторожевыми коряками и двумя-стами собакъ.

Стараясь избѣгнуть этого всеобщаго смятенія я соскочилъ съ моихъ саней и наблюдалъ за толпой, которая мчалась съ криками и лаемъ черезъ равнину. Весь лагерь, дремавшій въ своемъ тихомъ одиночествѣ, какъ будто онъ былъ необитаемымъ, проявилъ мгновенно, необыкновенную дѣятельность. Изъ палатокъ торопливо

выходили темныя фигуры и, схвативъ длинныя копья, воткнутыя въ снѣгу у входа, присоединялись къ остальной погонѣ, крича и бросая арканы изъ моржевой кожи на сабакъ, надѣясь этимъ остановить ихъ бѣгъ. Стукъ тысячи роговъ другъ о друга, среди смятенія бѣгства, частые удары безчисленныхъ копытъ на твердомъ снѣгѣ, глухой хриплый крикъ испуганныхъ оленей и непонятныя восклицанія коряковъ, старающихся собрать пораженное паническимъ страхомъ стадо,—создали цѣлый хоръ рѣжущихъ слухъ звуковъ, которые раздавались далеко въ тихомъ морозномъ ночномъ воздухѣ. Эта картина напоминала скорѣе полуночное нападеніе Каманчей на враждебный лагерь, чѣмъ мирное прибытіе трехъ или четырехъ американскихъ путешественниковъ и я съ удивленіемъ прислушивался къ смятенію и тревогѣ, которую мы невольно создали.

Но вотъ шумъ началъ стихать и собаки, усталыя отъ неестественныхъ усилій, послушались-таки увѣщававшихъ ихъ хозяевъ и свернули къ палаткамъ. Собаки Додда, высунувъ языки отъ чрезмѣрной усталости, ковыляя, мрачно плелись назадъ, бросая нерѣдко тоскливые взгляды по направленію къ оленямъ, какъ-будто они раскаявались въ слабости, побудившей ихъ прекратить столь заманчивое преслѣдованіе.

— Какъ-же вы ихъ не сдержали? спрашивалъ я, смѣясь, Додда. Такому опытному ѣздоку, какъ вы, слѣдовало-бы лучше сдерживать свою стаю!

— Сдержать ихъ! воскликнулъ онъ съ сердцемъ, желалъ-бы я посмотрѣть, какъ вы-бы ихъ сдержали съ ременнымъ арканомъ вокругъ шеи и здоровымъ корякомъ, тащущимъ, подобно паровому вороту, за другой его конецъ! Хорошо вамъ кричать: „остановите ихъ", но когда этотъ дикарь тащитъ васъ съ саней, какъ дикое животное, интересно знать, что внушила-бы вамъ ваша великая мудрость? У меня на шеѣ навѣрное ос-

тался теперь слѣдъ аркана и онъ осторожно ощупывалъ руками рубецъ отъ ремня возлѣ ушей.

Когда, наконецъ, собрали оленей и приставили къ нимъ караульныхъ, коряки тотчасъ-же съ любопытствомъ столпились вокругъ гостей, столь внезапно нарушившихъ ихъ покой и спросили черезъ нашего переводчика, Миронова, кто мы были и чего хотѣли. Они представляли собою дикую, живописную группу при бѣловатомъ свѣтѣ луны, озарявшемъ ихъ темныя лица и блестѣвшемъ на ихъ металлическихъ украшеніяхъ и на полированныхъ клинкахъ ихъ длинныхъ копьевъ. Выдающіяся скулы, ихъ темныхъ лицъ, смѣлые живые глаза и прямые, черные, какъ смоль, волосы обнаруживали близкое родство ихъ съ американскими индѣйцами, но далѣе этого сходство не простиралось. Выраженіе прямой, искренней честности, которой не достаетъ краснокожимъ и которую мы инстинктивно сочли за достаточную гарантію ихъ дружелюбія и искренности, составляетъ наиболѣе замѣтное выраженіе ихъ лицъ. Вопреки нашей предвзятой идеѣ о сѣверныхъ дикаряхъ, это были атлетическіе, хорошо сложенные люди, неуступающіе въ ростѣ американцамъ. Грубыя кукляики или рубашки изъ пятнистой оленьей шкуры, съ поясомъ и обшитыя внизу длинной бахромой изъ черныхъ волчьихъ волосъ, укутывали ихъ тѣло отъ шеи до колѣнъ и были украшены мѣстами нитями мелкаго цвѣтнаго бисера, красными сафьяновыми кистями и кусочками полированнаго металла. Мѣховые панталоны, длинные сапоги изъ тюленьей кожи, доходящіе до колѣнъ и капоты изъ волчьей шкуры съ волчьими ушами, торчавшими по обѣимъ сторонамъ головы, служили дополненіемъ костюма, который, несмотря на свою оригинальность, какъ-то живописно гармонировалъ съ этой пустынной мѣстностью, освѣщенной луною. Поручивъ нашему казаку Миронову

вмѣстѣ съ маіоромъ объяснять наши дѣла и нужды, мы съ Доддомъ, отправились осматривать лагерь. Онъ представлялъ собою ряды большихъ коническихъ палатокъ, составленныхъ, кажется, изъ деревянныхъ шестовъ и покрытыхъ оленьими шкурами, которыя поддерживались на своихъ мѣстахъ длинными ремнями изъ кожи тюленей или моржей; ремни были крѣпко натянуты отъ верхушки конуса до земли. Сначала, строенія эти казались неспособными противустоять бурнымъ вѣтрамъ, дующимъ зимою въ степи со стороны Сѣвернаго океана; но послѣдствія доказали, что сильнѣйшія бури не въ состояніи снести ихъ. Затѣйливыя сани, разной формы и величины, были разбросаны по снѣгу и двѣсти или триста вьючныхъ сѣделъ для оленей были собраны въ кучу и симметрически разложены у самой большой палатки. Производя нашъ бѣглый осмотръ и чувствуя нѣкоторую неловкость въ обществѣ пятнадцати или двадцати коряковъ, которые взяли на себя роль членовъ наблюдательнаго комитета за нашими движеніями, мы вернулись къ тому мѣсту, гдѣ представители цивилизаціи и варварства вели свои переговоры. Казалось, они пришли къ дружескому соглашенію, такъ-какъ при нашемъ приближеніи высокій туземецъ, съ бритой головой, выступилъ изъ толпы и ведя насъ къ самой большой палаткѣ, поднялъ занавѣсь изъ шкуры и показалъ черное отверстіе, около двухъ футъ съ половиною въ діаметрѣ приглашая насъ движеніемъ руки войти въ это незатѣйливое жилище.

Если Вьюшинъ могъ гордиться какой-нибудь особенностью сибирскаго воспитанія, такъ это несомнѣнно была его способность влѣзть въ самыя тѣсныя норы. Многолѣтняя практика сообщила его спинному хребту такую необыкновенную гибкость, которой мы могли только удивляться, но отнюдь не подражать; и хотя такое преимущество было не изъ завидныхъ, но Вью-

шица всегда посылали осматривать всѣ темныя углубленія и подземныя проходы, которые встрѣчались на нашемъ пути. Предстоявшій намъ входъ былъ однимъ изъ наиболѣе необычайныхъ изъ всѣхъ, попадавшихся намъ до сихъ поръ; но Вьюшинъ, твердо исповѣдывающій аксіому, что никакая часть его тѣла не должна быть больше отверстія, въ которое ему предстояло войти, принялъ горизонтальное положеніе и, попрося Додда дать его ногамъ первоначальный толчокъ, началъ осторожно влѣзать въ него. Спустя нѣсколько секундъ за его исчезновеніемъ и предполагая, что онъ уже устроился въ палаткѣ, я рѣшился всунуть мою голову въ отверстіе и поползъ съ большими усиліями за нимъ. Темнота была ужасная, но руководимый дыханіемъ Вьюшина, я подвигался довольно быстро, какъ вдругъ дикое ворчаніе и громкій лай раздались изъ передняго угла и вслѣдъ за тѣмъ Вьюшинъ всей массой своего тѣла ударился объ мою голову; я поспѣшилъ назадъ и Вьюшинъ съ неловкостью ползущаго вспять рака, быстро послѣдовалъ за мной.

— Что за чорта вы тамъ увидали? спросилъ Доддъ по-русски, освобождая голову Вьюшина отъ занавѣски изъ шкуры, въ которую она запуталась. Вы идете назадъ, какъ будто шайтанъ со всѣми своими чертенятами бѣжитъ за вами!

— Вы не думаете, надѣюсь,—отвѣчалъ взволнованный Вьюшинъ—что я останусь въ этой ямѣ, на съѣденье карякскими собаками! Хотя я и былъ настолько глупъ, чтобы войти въ нее, но все-таки я сохранилъ настолько разума, чтобъ знать, когда мнѣ выйти. Я не думаю, чтобъ оттуда былъ еще другой выходъ кудa-нибудь, сказалъ онъ въ извиненіе—а здѣсь куча собакъ.

Смекнувъ о затруднительности положенія Вьюшина и смѣясь надъ его смущеніемъ, нашъ карякскій хозяинъ вошелъ въ палатку, выгналъ собакъ и поднялъ

внутреннюю занавѣсъ. Тогда красный свѣтъ очага освѣтилъ насъ всѣхъ. Мы проползли на рукахъ и ногахъ двѣнадцать или пятнадцать футъ по низкому проходу, и вошли въ просторный кругъ внутри палатки. Вязки смолистыхъ сосенъ, съ трескомъ горѣли на землѣ по серединѣ, бросая красный отблескъ на густыя глянцовитыя жерди, отражаясь на темныхъ шкурахъ, которыми была покрыта крыша и на смуглыхъ татуированныхъ лицахъ женщинъ, сидящихъ вокругъ. Громадный мѣдный котелъ, наполненный какой-то бурдой сомнительнаго запаха и достоинства, висѣлъ надъ огнемъ; двѣ худощавыя женщины съ голыми руками суетились у огня; онѣ одной и той-же палочкой поочередно мѣшали содержимое въ котлѣ, поправляя угольи и ударяя по головамъ двухъ или трехъ слишкомъ назойливо-любознательныхъ собакъ. Дымъ, медленно поднимающійся надъ огнемъ, висѣлъ голубымъ прозрачнымъ облакомъ на вышинѣ пяти футъ отъ пола, раздѣляя атмосферу палатки на нижній этажъ, сравнительно чистаго воздуха и на верхній, туманный слой, гдѣ преобладали дурныя испаренія и дымъ.

Въ виду недостатка чистаго воздуха, въ юртѣ, я убѣждался, что способность дѣтей стоять на головѣ была завиднымъ свойствомъ; когда ѣдкій дымъ пробралъ меня до слезъ, я посовѣтовалъ Додду попробовать принять обратное положеніе, — такимъ образомъ онъ избавился-бы отъ дыма и искръ и въ то-же время могъ-бы насладиться новымъ и любопытнымъ оптическимъ явленіемъ. Съ презрительной насмѣшкой, съ какой онъ обыкновенно встрѣчалъ мои самые разумные совѣты, онъ возразилъ, что я могу самъ сначала сдѣлать этотъ опытъ и, растянувшись на полу во всю длину, онъ предался интересному занятію — дѣлать рожи корякскому ребенку. Вьюшинъ проводилъ время, лишь только глаза его немного привыкли къ дыму, между приготовленіемъ

нашего ужина и мстительными колотушками собакамъ, которыя время отъ времени дерзали приблизиться къ нему; а маіоръ, кажется, самый полезный членъ нашей партіи, въ это время торговался за исключительное владѣніе „пологомъ". Температура корякской палатки зимой бываетъ рѣдко 20° или 25° выше нуля по Фаренгейту, а такъ-какъ постоянно находиться въ такомъ холодѣ не очень-то пріятно, то коряки дѣлаютъ вокругъ внутренней стѣны палатки маленькія, почти непроницаемыя для воздуха помѣщенія, называемыя „пологами", раздѣленыя между собой кожанными занавѣсками и обладающія двумя важными преимуществами, а именно: замкнутостью и бо́льшимъ тепломъ. „Пологи" имѣютъ около четырехъ футъ вышины и пяти или восьми длины и ширины. Ихъ дѣлаютъ изъ толстыхъ шкуръ, сшитыхъ так плотно, что туда не проникаетъ воздухъ; согрѣваются и освѣщаются они кускомъ мха, горящимъ въ деревянной чашкѣ, наполненной тюленьимъ жиромъ. Тѣмъ не менѣе законъ уравновѣшиванія силъ, имѣющій мѣсто во всей природѣ, даетъ себя знать и въ пологѣ корякской юрты и за бо́льшее количество тепла награждаетъ васъ въ то-же время болѣе душной и дымной атмосферой. Зажженная свѣтильня почника, плавающяя подобно крошечному горящему кораблю въ маленькомъ озерцѣ прогорклаго жира, поглощаетъ кислородъ воздуха въ пологѣ и возвращаетъ его въ видѣ углекислаго газа, маслянистаго чада и разныхъ міазмовъ. Но, впрочемъ, вопреки всѣмъ извѣстнымъ законамъ гигіены, такой испорченный воздухъ оказывается здоровымъ, или точнѣе нѣтъ очевидныхъ доказательствъ его зловредности. Корякскія женщины, проводящія бо́льшую часть своего времени въ этихъ по́логахъ, достигаютъ обыкновенно преклонныхъ лѣтъ и, если не считать ихъ угловатыхъ формъ и худощавости, онѣ не отличаются ни въ чемъ отъ старухъ другихъ странъ.

Тревожимый опасеніемъ задохнуться, я проспалъ цѣлую ночь въ корякской юртѣ, но мои опасенія оказались напрасными и понемногу я отъ нихъ отказался. Чтобы избавиться отъ толпы коряковъ, которые усѣлись вокругъ насъ на земляномъ полу, и любопытство которыхъ дѣлалось назойливымъ, мы съ Доддомъ приподняли мѣховую занавѣску полога, уступленнаго намъ, благодаря дипломатіи маіора, и въ ожиданіи ужина сѣли за него. Любознательные коряки, не видя возможности помѣститься въ узкомъ пологѣ во всемъ своемъ составѣ, улеглись съ наружной его стороны и, просунувъ свои безобразныя, полу-обритыя головы подъ занавѣсъ, продолжали свои молчаливыя наблюденія. Зрѣлище девяти головъ, широко открытые глаза которыхъ поворачивались одновременно и слѣдили изъ стороны въ сторону за всѣми нашими движеніями, было такъ смѣшно, что мы невольно разразились громкимъ смѣхомъ. Въ отвѣтъ на это появилась улыбка на каждомъ изъ девяти смуглыхъ лицъ, одновременныя движенія которыхъ производили впечатлѣніе какого-то огромнаго чудовища съ девятью головами и одной волей. По наущенію Додда, мы придумали удалить ихъ табачнымъ дымомъ и вотъ я вынулъ изъ кармана мою трубку изъ черенка шиповника и началъ зажигать ее спичкой, воспламеняющейся съ особеннымъ трескомъ, коробочку которыхъ я берегъ, какъ драгоцѣнную память о цивилизаціи. Лишь только спичка, послѣ нѣкотораго подобія крошечнаго фейерверка, вдругъ загорѣлась, девять изумленныхъ головъ разомъ исчезли и изъ-за занавѣски послышались удивленныя восклицанія и оживленныя объясненія дьявольскаго способа добывать огонь; всѣ говорили за разъ, какъ при вавилонскомъ столпотвореніи. Опасаясь, вѣроятно, лишиться какого-нибудь зрѣлища, свидѣтельствующаго о сверхъестественной силѣ бѣлыхъ людей, головы снова появились вмѣстѣ съ нѣ-

сколькими другими, которыя очевидно, были привлечены разсказомъ о чудесномъ событіи. Баснословная бдительность стоглазаго Аргуса была ничто въ сравненіи съ тѣмъ вниманіемъ, которому мы теперь были подвергнуты. За каждымъ колечкомъ дыма, выходившимъ изъ нашего рта, любопытные глаза слѣдили такъже внимательно, какъ за какимъ-нибудь сладоносимымъ испареніемъ, поднимающимся изъ бездонной пропасти и, готовымъ разразиться выстрѣлами и пламенемъ. Громкое и сильное чиханіе Додда снова послужило сигналомъ къ внезапному, испуганному исчезновенію головъ и новымъ толкамъ за занавѣсью. Все это было довольно смѣшно; но утомленные этими пристальными взглядами и голодомъ, мы выползли изъ-за нашего полога и стали слѣдить съ живымъ интересомъ за приготовленіемъ ужина. Вьюшинъ превратилъ маленькій сосновый ящикъ съ нашими телеграфными приборами въ простой обѣденный столъ безъ ножекъ и уставилъ его сухарями, ломтями сырой ветчины и кружками горячаго чая. Таковы прихоти цивилизаціи, а рядомъ съ нами на полу, въ длинномъ деревянномъ корытцѣ и большой чашкѣ изъ того же матеріала, находились соотвѣтствующія лакомства варварства. Объ ихъ составѣ мы, разумѣется, не могли имѣть надлежащаго понятія; но аппетитъ усталыхъ путниковъ бываетъ не очень разборчивъ; мы усѣлись по-турецки на полу между корытцемъ и ящикомъ съ приборами и рѣшились доказать нашу признательность корякскому гостепріимству, дѣлая честь всему предлагаемому. Чашка со своимъ страннымъ содержимымъ остановила вниманіе наблюдательнаго Додда и, запустивъ въ нее длинную ложку, онъ обратился къ Вьюшину, который, въ качествѣ главнаго повара, обязанъ былъ все знать относительно ѣды, и спросилъ:

— Что это вы тутъ настряпали?

— Это?—замѣтилъ Вьюшинъ поспѣшно,—это рисовая каша!

— Каша!—воскликнулъ Доддъ сомнительно.—Это скорѣе похоже на матеріалъ, изъ котораго сыны Израиля приготовляли кирпичи. Однако, имъ, кажется, не нужна была солома, прибавилъ онъ, вытаскивая нѣсколько стебельковъ сухой травы.—Что-же это въ сомомъ дѣлѣ?

— Это,—снова отвѣтилъ Вьюшинъ съ видомъ знатока, это знаменитое „Ямукъ-чи à la Пустерельскъ“, національное кушанье коряковъ, приготовленное по первоначальному рецепту его высочества Улкота Утку Минечиткина, великаго послѣдяго Тіона.

— Постойте, воскликнулъ Доддъ, съ нетерпѣливымъ движеніемъ, — этого достаточно, я буду ѣсть и зачерпнувъ полъ ложки черной, липкой массы, онъ поднесъ ее къ губамъ.

— Ну какъ,—спросили мы, послѣ минутнаго ожиданія,—на что это похоже вкусомъ?

— На пирожки изъ грязи, которые мы дѣлали въ ребячествѣ! — отвѣчалъ онъ наставительно, — немного соли, перцу и масла и побольше мяса и луку съ нѣкоторыми овощами по вкусу, вѣроятно, приправили-бы это; но впрочемъ, оно и такъ не очень-то дурно!

Въ виду такой двусмысленной рекомендаціи, я попробовалъ кушанье. Въ силу его страшнаго землянистаго вкуса, оно не было ни особенно пріятно, ни особенно непріятно. Всѣ его качества были отрицательныя, за исключеніемъ травянитости, придававшей особенное свойство и плотность этой массѣ.

Такая смѣсь, приготовляемая коряками подъ именемъ „маніаллы“, употребляются всѣми сибирскими племенами, какъ суррогатъ хлѣба, и туземная изобрѣтательность не могла придумать легчайшаго и простѣйшаго способа для поддержанія своего существованія.

Утверждаютъ, что она цѣнится больше за свои гигіеническія качества, чѣмъ за пріятный вкусъ и нашъ недолгій опытъ заставляетъ насъ этому вѣрить. Она состоитъ изъ запекшейся крови, сала и полупереваренпаго мха, добываемаго изъ желудка оленей, гдѣ онъ, по общему мнѣнію, долженъ былъ подвергнуться важному измѣненію, которое дѣлаетъ его годнымъ для вторичнаго употребленія. Столь необыкновенныя и разнородныя составныя части варятся вмѣстѣ съ нѣсколькими пригоршнями сухой травы, чтобы придать смѣси нѣкоторую плотность и потомъ изъ этой темной массы дѣлаютъ маленькіе хлѣбцы, которые замораживаютъ для храненія въ прокъ.

По всей вѣроятности, хозяинъ нашъ хотѣлъ принять насъ какъ можно лучше и въ знакъ особеннаго уваженія откусилъ нѣсколько кусковъ отъ дичины, которую держалъ въ своей грязной рукѣ и вынувъ изо рта предложилъ ихъ мнѣ. Я любезно отклонилъ его предложеніе и указалъ на Додда, какъ на достойный предметъ такого знака уваженія; но послѣдній отомстилъ за это, приказавъ какой-то старухѣ подать мнѣ сырого сала, увѣряя, что это была моя единственная пища дома. Мои опроверженія по-англійски, полныя негодованія не были поняты, и женщина, въ восторгѣ, что нашла американца, вкусы котораго такъ подходили къ ея собственнымъ, принесла сало. Я являлся безпомощной жертвой и могъ только прибавить эту послѣднюю обиду къ длинному списку оскорбленій, которыя числились за Доддомъ и за которыя я надѣялся когда-нибудь отомстить.

Ужинъ у коряковъ, это—ихъ главная ѣда за весь день. Къ котлу съ „маніаллой“ или корытцу съ олениной стекаются всѣ мужчины, бывшіе днемъ въ отсутствіи и толкуютъ, между глотками мяса или мха о разныхъ предметахъ ихъ одинокой жизни. Такой обы-

чай далъ намъ возможность собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о племенахъ, обитающихъ на сѣверѣ, о пріемѣ, который вѣроятнѣе всего намъ слѣдовало ожидать и о подробностяхъ предстоящаго путешествія.

ГЛАВА XVIII.

Другія черты характера кочующихъ коряковъ.—Неизвѣстность.—Гостепріимство.—Жилища. — Завтракъ.—Путешествіе на оленяхъ.—Понятія коряковъ о разстояніи.—Таинственный посѣтитель.

Коряки, кочующіе по Камчаткѣ, составляютъ до сорока отдѣльныхъ шаекъ и бродятъ по обширнымъ степямъ сѣверной части полуострова, между 58° и 63°. Южный предѣлъ ихъ странствованія лежитъ въ въ Тагилѣ на западномъ берегу, куда они приходятъ ежегодно для торговли и ихъ рѣдко можно встрѣтить сѣвернѣе Пенжины, двѣсти миль на сѣверъ отъ Охотскаго моря. Въ этихъ предѣлахъ они почти постоянно странствуютъ съ своими многочисленными стадами сѣверныхъ оленей и настолько непостоянны и подвижны, что рѣдко остаются на одномъ мѣстѣ долѣе недѣли. Тѣмъ не менѣе, нельзя приписать это исключительно ихъ подвижности и страсти къ перекочевкамъ. Стадо, состояще изъ четырехъ или пяти тысячъ головъ втеченіе нѣсколькихъ дней взроетъ весь снѣгъ и уничтожитъ мохъ на цѣлую милю въ окружности, и тогда, разумѣется, коряки должны переходить на новое мѣсто. Въ виду этого ихъ кочующій образъ жизни является слѣдствіемъ не ихъ характера, но скорѣе нужды, ставящей ихъ въ полную зависимость отъ сѣвернаго оленя. Они должны странствовать, иначе ихъ олени умрутъ съ голода, а за этимъ настаетъ естественно и ихъ собственная голодная смерть. Кочевой образъ ихъ жизни былъ, вѣроятно, первымъ слѣдствіемъ прирученія оле-

ня и необходимости, заставившей ихъ сообразоваться прежде всего съ нуждами этого животнаго; но теперь страсть къ бродяжничеству вошла въ плоть и кровь коряка, такъ-что едва-ли онъ могъ-бы жить другой жизнью, даже если-бы имѣлъ возможность къ этому. Такое кочующее, одинокое, независимое существованіе развило въ характерѣ коряковъ смѣлость, независимость и полнѣйшую самонадѣянность, которыя отличаютъ ихъ отъ камчадаловъ и другихъ осѣдлыхъ жителей Сибири. Было-бы маленькое стадо оленей и тундра, гдѣ можно было-бы странствовать и имъ ничего болѣе не требуется. Цивилизація и правительство не касаются ихъ. Каждый человѣкъ считаетъ себя вольнымъ господиномъ, если онъ владѣетъ дюжиной оленей; и онъ можетъ удалиться, если пожелаетъ отъ всего остального человѣчества и не заботиться о другихъ интересахъ, кромѣ своихъ собственныхъ и своего оленя. Въ цѣляхъ общаго удобства они соединяются въ шайки, состоящія изъ шести или восьми семействъ; но эти шайки связаны только взаимнымъ соглашеніемъ и не признаютъ никакого начальника. Они имѣютъ предводителя, называемаго Тіономъ, владѣющаго самымъ многочисленнымъ стадомъ оленей во всей шайкѣ, который рѣшаетъ вопросы относительно расположенія лагеря и перекочевокъ на новыя мѣста, но лишенъ всякой другой власти и во всѣхъ, болѣе важныхъ вопросахъ о личныхъ правахъ и взаимныхъ обязательствахъ, долженъ обращаться ко всѣмъ членамъ шайки. Что касается ихъ религіи, то они почитаютъ преимущественно злыхъ духовъ, которые накликаютъ на нихъ разныя бѣдствія и „шамановъ“ или жрецовъ, которые служатъ посредниками между этими духами и ихъ жертвами. Они презираютъ всякую земную власть и мы вскорѣ сами видѣли блистательное подтвержденіе этой черты ихъ характера. Маіору почему-то вздумалось, что для полу-

ченія отъ этихъ туземцевъ всего нужнаго для насъ, онъ долженъ убѣдить ихъ въ своемъ могуществѣ, богатствѣ и важномъ положеніи въ свѣтѣ и тѣмъ внушить имъ уваженіе къ его приказаніямъ и желаніямъ. Поэтому-то онъ призвалъ однажды самаго старшаго и самаго вліятельнаго члена всей шайки и началъ разсказывать ему черезъ переводчика о своемъ богатствѣ, о своей власти назначать наказанія и награды, о своемъ высокомъ положеніи, о важномъ мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ Россіи и о томъ, съ какой сыновней почтительностью и уваженіемъ бѣдные, кочующіе язычники должны обращаться съ такой знаменитой личностью. Престарѣлый корякъ, сидя на корточкахъ на землѣ, спокойно слушалъ перечисленіе всѣхъ превосходныхъ качествъ и совершенствъ нашего предводителя и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ; когда-же переводчикъ кончилъ, онъ медленно поднялся, подошелъ къ маіору съ невозмутимой важностью и съ самымъ добродушнымъ и покровительствующимъ снисхожденіемъ похлопалъ его тихонько по головѣ! Маіоръ покраснѣлъ и громко захохоталъ, но никогда болѣе не пытался чѣмъ-бы то ни было привести коряка въ раболѣпствующій трепетъ.

Такая демократическая независимость коряковъ, ничуть не мѣшаетъ имъ быть гостепріимными, услужливыми и добрыми и изъ перваго-же знакомства съ ними мы были увѣрены, что всѣ они безъ затрудненій повезутъ насъ на оленяхъ отъ одного кочевья до другого, пока, наконецъ, мы не достигнемъ сѣверной части Пенжинскаго залива. Обстоятельно объяснившись съ коряками, собравшимися вокругъ насъ, пока мы сидѣли у огня, мы почувствовали усталость и дремоту и влѣзли въ нашъ маленькій пологъ, произведши на этотъ новый для насъ и странный народъ самое благопріятное впечатлѣніе. Въ другомъ углу юрты кто-то пѣлъ

тихую, грустную пѣсню въ минорномъ тонѣ, пока я засыпалъ и печальный, часто повторяемый напѣвъ, столь непохожій на обыкновенную музыку, какъ-то странно убаюкалъ меня въ мою первую ночь подъ корякской палаткой.

Возстать отъ сна съ припадкомъ кашля, возбужденнаго густымъ, ѣдкимъ дымомъ, вылѣзти изъ спальни, сдѣланной изъ шкуръ, шести футовъ въ квадратѣ, въ еще болѣе душную и дымную атмосферу палатки, завтракать сушеной рыбой, мерзлымъ саломъ и дичиной изъ грязнаго деревяннаго корыта рядомъ съ тощими собаками, стоящими на заднихъ лапахъ по сторонамъ и жадно слѣдящими за каждымъ глоткомъ,— вотъ прелести корякскаго образа жизни, долго выносить которой могутъ только одни коряки. Сангвиникъ, быть можетъ, найдетъ въ новизнѣ этой жизни нѣкоторое вознагражденіе за ея неудобства, но ощущеніе новизны рѣдко продолжается до второго дня, а неудобства съ каждымъ днемъ, кажется, все болѣе увеличиваются. Стоики могутъ увѣрять, что бодрый духъ долженъ стоять выше всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но двѣ недѣли въ корякской палаткѣ разубѣдили-бы ихъ въ этомъ заблужденіи скорѣе, чѣмъ всякія логическія доказательства. Я не могу похвастаться, что обладаю необыкновенно веселымъ нравомъ и печальная обстановка, встрѣтившая меня, когда я на другое утро вылѣзъ изъ своего мѣхового мѣшка, несовсѣмъ пріятно подѣйствовала на меня. Первые лучи разсвѣта врывались мутными, синеватыми полосами въ дымную атмосферу палатки. Огонь, только-что разведенный не горѣлъ, а дымился; воздухъ былъ холоденъ и не привѣтливъ; двое ребятъ кричали въ сосѣднемъ пологѣ; завтракъ не былъ готовъ, всѣ были не въ духѣ и не желая нарушать общее недовольное выраженіе лицъ, я самъ сдѣлался угрюмымъ. Три или четыре чашки

горячаго чая, скоро, впрочемъ, появившіяся, произвели свое обычно-благопріятное дѣйствіе, и мы начали какъ-то веселѣе смотрѣть на наше положеніе. Призвавъ „Тіона“ и задобривъ его сначала трубкой крѣпкаго табаку, намъ удалось уговориться съ нимъ на счетъ доставленія насъ въ ближайшій лагерь коряковъ на сѣверѣ, на рязстояніи приблизительно сорока верстъ. Сейчасъ-же были отданы приказанія о поимкѣ двадцати оленей и о приготовленіи саней. Проглотивъ наскоро нѣсколько кусковъ сухарей и вядчины въ видѣ завтрака, я поспѣшилъ надѣть мѣховой капоръ и рукавицы, и вылѣзъ черезъ низкій выходъ взглянуть, какъ двадцать ручныхъ оленей будутъ отдѣлены отъ цѣлаго стада дикихъ.

Во всѣхъ направленіяхъ кругомъ палатки можно было видѣть бродящихъ оленей; нѣкоторые взрывали снѣгъ своими острыми копытами, отыскивая мохъ, другіе съ хриплымъ крикомъ, сцѣпившись рогами, отчаянно дрались между собою или преслѣдовали другъ друга въ бѣшенномъ галопѣ по степи. Человѣкъ двадцать съ арканами въ рукахъ выстроились возлѣ палатки въ двѣ параллельныя линіи, между тѣмъ какъ другіе двадцать, съ длиннымъ ремнемъ изъ тюленьей кожи, въ двѣстя или триста сажень длины, окружили часть большого стада и, крича и махая арканами, начали загонять ихъ къ палаткѣ. Отчаянными прыжками старались олени спастись изъ постепенно съуживающагося круга, но ремень, за который держались туземцы въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, всякій разъ заставлялъ ихъ ворочаться обратно, и они, не смотря на все свое сопротивленіе, должны были прыгать въ узкій проходъ, оставленный для нихъ между двумя линіями людей, вооруженныхъ арканами. Длинная веревка взвивалась временами въ воздухѣ, и петля падала на рога того или другого несчастнаго оленя, развѣтвленныя уши ко-

тораго служили признакомъ его прирученности, хотя его ужасные прыжки и бѣшенныя усилія вырваться на волю заставляли сильно сомнѣваться въ степени его прирученности. Во избѣжаніе того, чтобъ рога оленей не сцѣплялись, когда они будутъ запряжены парой въ сани, туземецъ безжалостно срѣзалъ одинъ рогъ большимъ ножемъ плотно у головы, оставивъ только красный корешокъ, изъ котораго кровь текла тоненькой струйкой на ухо животнаго. Послѣ того ихъ запрягли попарно въ сани посредствомъ хомута и постромки, пропущенной между передними ногами; веревки были привязаны къ маленькимъ острымъ гвоздямъ у оглоблей, которые кололи правую и лѣвую сторону головы, въ зависимости оттого, за какую возжу дергали, и экипажъ былъ уже запряженъ.

Распростившись съ камчадалами изъ Лѣсновска, провожавшими насъ до этихъ поръ, мы завернулись въ самые толстые мѣха, чтобъ защититься отъ рѣзкаго холода, усѣлись въ сани, и, послѣ лаконическаго „тотъ“ (ступай) Тіопа, двинулись въ путь; небольшая группа палатокъ все болѣе походила на группу коническихъ островковъ, по мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ безграничную, снѣжную степь. Замѣтивъ, что я вздрагивалъ въ морозномъ воздухѣ, мой возница указалъ на сѣверъ и воскликнулъ съ выразительнымъ движеніемъ „Тамъ шибко холодно“. Но не было никакой надобности сообщать намъ объ этомъ фактѣ; быстро падающая ртуть въ термометрѣ, указывала о приближеніи къ царству вѣчныхъ морозовъ, и я не безъ ужаса размышлялъ о ночахъ, которыя намъ придется проводить на открытомъ воздухѣ, при такомъ ужасномъ холодѣ, о которомъ я читалъ, но который мнѣ никогда не приводилось испытать.

Мнѣ впервые пришлось путешествовать на оленяхъ, и я порядочно разочаровался, увидя, что оно не со-

всѣмъ опрадывало тѣ понятія, которыя я составилъ въ дѣтствѣ, глядя на скачущихъ лапландскихъ оленей на картинкахъ въ старой географіи. Олени были передо мною, но это не были идеальные олени юношескихъ лѣтъ и я чувствовалъ себя будто обиженнымъ и обманутымъ, увидя, что добрыя, быстроногія животныя моей дѣтской фантазіи замѣнились въ дѣйствительности такими неуклюжими созданіями. Они тяжело и неловко шагали и низко держали головы; ихъ затрудненное дыханіе и разинутые рты выражали постоянно полное утомленіе и возбуждали скорѣе жалость къ ихъ замѣтно тяжелымъ усиліямъ, чѣмъ удивленіе къ ихъ быстрому бѣгу.

Олень, котораго я себѣ представлялъ въ воображеніи никогда-бы не унизился на столько, чтобъ бѣжать съ широко разинутымъ ртомъ. Когда я впослѣдствіи узналъ, что они принуждены дышать ртомъ по тому случаю, что ноздри ихъ скоро индивѣютъ, я пересталъ бояться, что они выбьются изъ силъ, но не измѣнилъ моего глубокаго убѣжденія, что мой идеальный олень былъ неизмѣримо выше дѣйствительнаго животнаго съ эстетической точки зрѣнія. Но такъ или иначе, я не могъ признать той неоцѣненной услуги, которую олень оказываетъ своимъ кочующимъ владѣльцамъ. Кромѣ того, что онъ перевозитъ ихъ съ мѣста на мѣсто, онъ даетъ имъ одежду, пищу и покрышку для ихъ палатокъ; рога его идутъ на разную грубую утварь; изъ его сухожилій дѣлаютъ нитки; его кости, пропитанные тюленьимъ жиромъ, употребляются, какъ топливо; его внутренности очищаются, начиняются саломъ и употребляются въ пищу; изъ его крови, смѣшанной съ содержимымъ его желудка, приготовляется „маніалла“, его мозгъ и языкъ считаются самыми лакомыми блюдами; жестокая, щетинистая кожа его ногъ употребляется на обшивку лыжъ; и, помимо того, все его

тѣло, принесенное въ жертву корякскимъ богамъ, низводитъ на его обладателей всѣ духовныя и мірскія блага, въ которыхъ они нуждаются. Не такъ-то легко найти другое животное, которое играло-бы такую важную роль въ жизни человѣка, какъ сѣверный олень въ жизни и хозяйственной экономіи сибирскихъ коряковъ. Тѣмъ не менѣе, я не знаю такого, которое удовлетворяло-бы первымъ четыремъ потребностямъ человѣка, т. е. доставляло бы ему пищу, одежду, кровь и средство къ переѣзду. Непонятно только то, что сибирскіе туземцы, единственный народъ, который, насколько мнѣ извѣстно, приручилъ сѣвернаго оленя, за исключеніемъ лапландцевъ—не употребляютъ его молока. Въ силу какихъ обстоятельствъ такой важный и полезный предметъ потребленія находится въ пренебреженіи, между тѣмъ, какъ изъ всѣхъ другихъ частей тѣла оленя извлекается столько выгодъ, я положительно не понимаю. Вѣрно, однако, что ни одно изъ четырехъ великихъ кочующихъ племенъ сѣверной Сибири, т. е. Коряки, Чукчи, Тунгузы и Самоѣды, не употребляютъ оленье молоко ни въ какомъ видѣ.

Около двухъ часовъ пополудни начало смеркаться; мы разсчитали, что сдѣлали по меньшей мѣрѣ половину нашего дневного пути и остановились на нѣсколько минутъ, чтобы дать оленямъ поѣсть. Вторая половина путешествія казалось нескончаемой. Мѣсяцъ взошелъ круглый и ясный, какъ щитъ Ахиллеса, и освѣтилъ огромную, пустынную тундру почти дневнымъ свѣтомъ; но это молчаніе и запустѣніе, отсутствіе малѣйшаго темнаго предмета, на которомъ глазъ могъ-бы отдохнуть и безграничное протяженіе этого мертваго моря снѣга давила насъ какимъ-то новымъ и страстнымъ ощущеніемъ ужаса. Густыя облака пара, непремѣнные спутники сильнаго холода, поднимались отъ тѣла оленей и висѣли надъ дорогой долго послѣ нашего про-

ѣзда. Бороды наши напоминали собою безпорядочныя массы замерзшей желѣзной проволоки; рѣсницы отяжелѣли отъ инея и слипались при миганіи; носы принимали бѣлый восковой цвѣтъ при малѣйшемъ неосторожномъ прикосновеніи воздуха, и мы могли сохранить нѣкоторое чувство въ нашихъ окоченѣлыхъ ногахъ только тѣмъ, что часто бѣжали возлѣ саней по снѣгу. Возбуждаемые холодомъ и голодомъ, мы повторяли двадцать разъ съ отчаяніемъ: „Далеко-ли еще?" и двадцать разъ получали одинаковый, но неопредѣленный отвѣтъ „чай-мукъ" — близко, или изрѣдка ободряющее увѣреніе, что сію минуту пріѣдемъ. Мы прекрасно знали, что не только черезъ минуту, но и черезъ сорокъ минутъ мы едва-ли доберемся до мѣста, но подобный отвѣтъ насъ все-таки утѣшалъ. Безпрестанное повтореніе вопросовъ побудило, наконецъ, моего возницу попробовать выразить разстояніе ариѳметически, и, повидимому, гордясь своимъ знаніемъ русскаго языка, онъ увѣрялъ меня, что остается всего „двѣ версты", Я тотчасъ ободрился въ ожиданіи яркаго очага и безчисленнаго множества чашекъ горячаго чая, и умѣлъ заглушить настоящее чувство страданія воображаемымъ представленіемъ будущихъ удовольствій. Но по прошествіи сорока пяти минутъ, не видя и признаковъ обѣщаннаго жилья, я освѣдомился еще разъ о разстояніи. Одинъ изъ коряковъ осмотрѣлся съ увѣреннымъ видомъ кругомъ, ища какихъ-нибудь знакомыхъ примѣтъ и, обратясь ко мнѣ, повторилъ слово: „верста", и поднялъ четыре пальца. Я въ отчаяніи откинулся въ мои сани. Разъ-что въ три четверти часа проѣхали только двѣ версты, сколько-же времени нужно было-бы употребить, чтобы возвратиться къ тому мѣсту, откуда мы выѣхали? Эта задача, приводила меня въ отчаяніе, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ рѣшить ее, я бросилъ это занятіе. На пользу будущихъ путеше-

ственниковъ, я передамъ нѣсколько туземныхъ выраженій разстоянія съ ихъ численнымъ значеніемъ.

„Чаймукъ"—близко, двацать верстъ; „немного"—пятнадцать верстъ: „сейчасъ пріѣдемъ" — равняется всякому времени дня и ночи; „далеко" — значитъ недѣльное путешествіе. Ознакомившись со всѣми этими простыми выраженіями, путешественникъ избѣгнетъ многихъ горькихъ разочарованій и, можетъ быть, не совсѣмъ потеряетъ вѣру въ человѣческую искренность.

Почти въ шесть часовъ вечера, усталые, голодные и полузамерзшіе, мы увидали искры и красный дымъ поднимавшіеся надъ палатками второго лагеря и, среди всеобщаго лая собакъ и крика людей, мы въѣхали въ него. Поспѣшно соскочивъ съ саней, не имѣя другой мысли, какъ добраться поскорѣе до огня, я влѣзъ въ первый входъ, представившійся мнѣ съ полной увѣренностью, основанной на вчерашнемъ опытѣ, что это должна была быть дверь. Двигаясь нѣкоторое время ощупью въ темнотѣ, споткнувшись на двухъ мертвыхъ оленей и на кучу сушеной рыбы, я долженъ былъ наконецъ громко просить о помощи. Велико было удивленіе владѣльца, который явился на зовъ съ огнемъ, увидя бѣлаго незнакомца, бродящаго безцѣльно по его кладовой. Предварительно вскрикнувъ отъ изумленія, онъ указалъ мнѣ, наконецъ, дорогу во внутренность палатки, гдѣ я нашелъ маіора, старающагося отрѣзать плохимъ корякскимъ ножомъ свою бороду отъ мѣхового кукуля и освободить свой ротъ отъ слоя льда и волосъ. Котелокъ съ чаемъ скоро закипѣлъ надъ яркимъ огнемъ, бороды наши оттаяли, носы были освидѣтельствованы и черезъ полчаса мы тихо сидѣли вокругъ стола, импровизированнаго изъ свѣчного ящика, пили чай и разсуждали о событіяхъ дня. Только-что Вьюшинъ наполнилъ по третьему разу наши чашки, какъ кожаная занавѣсь низкой входной двери возлѣ насъ

приподнялась и самое необыкновенное существо, какое я когда-либо видѣлъ въ Камчаткѣ, молча вползло въ нее, поднялось во весь свой шестифутовый ростъ и величествено стало передъ нами. Это существо представляло собою уродливаго человѣка, съ темнымъ лицомъ, лѣтъ тридцати отъ роду. Его одежда состояла изъ краснаго платья, съ голубыми отворотами и мѣдными пуговицами, съ длинными золотыми снурками, висящими на груди, и изъ черныхъ, сальныхъ панталонъ изъ оленьей шкуры и мѣховыхъ сапоговъ. Его волосы были старательно выбриты на макушкѣ и только на вискахъ и за ушами висѣли жидкими, неровными прядями. Множество нитокъ мелкихъ цвѣтныхъ бусъ украшало его уши и за однимъ изъ нихъ торчалъ большой пучокъ табаку для будущаго употребленія. Онъ былъ подпоясанъ изорваннымъ ремнемъ изъ тюленьей кожи, на которомъ висѣла великолѣпная шпага съ серебрянымъ эфесомъ въ рѣзныхъ ножнахъ. Его закоптѣлое, чистое, корякское лицо, бритая голова, красное платье, сальные кожаные панталоны, золотые снурки, ременный поясъ, шпага съ серебрянымъ эфесомъ и мѣховые сапоги—представляли такую противоположную смѣсь, что мы долго смотрѣли на него съ величайшимъ удивленіемъ. Онъ напомнилъ мнѣ „Талипота, безсмертнаго державнаго государя Манакаба, Посланника утра, Просвѣтителя Солнца, Владѣтеля всей земли и Могущественнаго Монарха шпаги съ мѣдной рукояткой“.

— Что вы за человѣкъ? спросилъ, наконецъ, маіоръ по-русски.

Низкій поклонъ былъ единственнымъ отвѣтомъ.

— Откуда вы явились?

Вторичный поклонъ.

— Гдѣ достали вы это платье? Можете-ли вы говорить что-нибудь?

— Эй! Мироновъ! Поди поговори съ этимъ молодцомъ, я не могу добиться отъ него ни слова.

Доддъ вызсказалъ предположеніе, что онъ, можетъ быть, принадлежитъ къ экспедиціи сэра Джона Франклина и присланъ сообщить новѣйшія свѣдѣнія о полюсѣ и сѣверо-западномъ проходѣ; и молчаливо владѣлецъ шпаги кивнулъ утвердительно головой, какъ будто это была настоящая разгадка тайны.

— Вы можетъ быть ничто иное какъ мариновая капуста? вдругъ спросилъ Доддъ по-русски.

Незнакомецъ съ большою важностью кивнулъ утвердительно головой.

— Онъ ничего не понимаетъ! сказалъ Доддъ съ нескрываемой досадой.

— Куда дѣвался Мироновъ?

Мироновъ вскорѣ явился и предложилъ таинственному незнакомцу въ красномъ платьѣ вопросы о его мѣстожительствѣ, имени и происхожденіи.

Наконецъ-то онъ заговорилъ.

— Что онъ говоритъ? — спросилъ маіоръ, — какъ его зовутъ?

— Онъ говоритъ, что его зовутъ Ханальпучиникъ.

— Гдѣ взялъ онъ это платье и эту шпагу?

— Онъ говоритъ, что „Великій Бѣлый Начальникъ“ далъ ихъ ему за убитаго оленя. Такой отвѣтъ былъ несовсѣмъ удовлетворителенъ и Миронову было поручено добиться болѣе подробныхъ свѣдѣній.

Кто былъ этотъ „Великій Бѣлый Начальникъ“ и почему онъ далъ красное платье и серебряную шпагу за убитаго оленя,—были вопросы, которые мы не могли рѣшить. Но вскорѣ недоумѣвающее лицо Миронова, прояснилось и онъ сказалъ намъ, что платье и шпага были пожалованы незнакомцу императоромъ въ награду за оленей, пожертвованныхъ во время голода нуждающимся русскимъ въ Камчаткѣ. Мы предложили коряку

вопросъ, не получилъ-ли онъ какой бумаги вмѣстѣ съ этими дарами и онъ тотчасъ-же вышелъ изъ палатки и возвратился черезъ минуту съ листомъ бумаги, старательно завязаннымъ оленьими жилами между двухъ тоненькихъ дощечекъ. Принесенная бумага объяснила намъ все. Платье и шпага пожалованы были отцу настоящаго владѣльца ихъ въ царствованіе Александра I, русскимъ губернаторомъ Камчатки въ награду за помощь, оказашую этимъ корякомъ русскимъ во время голода. Отъ отца ее наслѣдовалъ сынъ и этотъ послѣдній, гордясь своими унаслѣдованными знаками отличія, представился намъ, лишь только услыхалъ о нашемъ пріѣздѣ. Ничего большаго онъ не желалъ, какъ только показать себя; и освидѣтельствовавъ его шпагу, которая была дѣйствительно великолѣпной работы, мы дали ему нѣсколько пучковъ табаку и простились съ нимъ. Такимъ образомъ, мы совершенно нечаянно натолкнулись въ дебряхъ Камчатки на воспоминаніе объ императорѣ Александрѣ I.

ГЛАВА XIX.

Скучное путешествіе.--Свадьба у коряковъ.--Не желаете-ли скушать поганку?—Однообразная жизнь.

На слѣдующій день, послѣ разсвѣта, мы стали продолжать нашъ путь; мы ѣхали цѣлый день и опять уже начало смеркаться; прошло часа четыре съ тѣхъ поръ, какъ стемнѣло, а мы все ѣхали по безграничной равнинѣ, не встрѣчая впродолженіи всего времени ни малѣйшаго признака, могущаго указать намъ дорогу. Я удивлялся, какъ наши проводники умѣли вѣрно опредѣлять страны свѣта и направлять путь, соображаясь только съ расположеніемъ снѣга. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, господствующій въ

этой мѣстности впродолженіе зимы, сметаетъ снѣгъ въ длинныя, волнообразныя борозды, называемыя „застругами“, которыя лежатъ всегда перпендикулярно направленію вѣтра, т.-е. отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Только-что выпавшій снѣгъ иногда засыпаетъ ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней; но опытный корякъ, раскопавъ верхній слой, всегда можетъ сказать гдѣ сѣверъ, и идетъ къ своей цѣли днемъ и ночью почти по прямой линіи.

Мы достигли третьяго стана около шести часовъ и, войдя въ самую большую палатку, были крайне удивлены, увидя цѣлую толпу туземцевъ, собравшихся какъ будто, въ ожиданіи какой-нибудь церемоніи или какого-либо интереснаго зрѣлища. Переводчикъ сообщилъ намъ, что здѣсь готовятся къ совершенію свадебнаго обряда; сначала мы хотѣли было искать себѣ другого помѣщенія въ болѣе свободной палаткѣ, но потомъ рѣшились остаться, чтобы посмотрѣть, какимъ образомъ этотъ обрядъ совершается у такого грубаго и непросвѣщеннаго народа.

Свадебная церемонія у коряковъ замѣчательна своей полнѣйшей своеобразностью, полнымъ пренебреженіемъ къ чувствамъ жениха. Ни въ какой другой странѣ не существуетъ такой странной смѣси здраваго смысла и нелѣпости, какъ у коряковъ при свадебномъ обрядѣ; мы полагаемъ, что ни у какого другого народа несчастный женихъ не подвергается такимъ унизительнымъ оскорбленіямъ, какъ у коряковъ. Женитьба есть или должна была-бы быть серьезнымъ предметомъ размышленія для всякаго молодого человѣка, но тутъ, у коряковъ, свадебный обрядъ положительно долженъ приводить жениха въ ужасъ въ особенности, если онъ обладаетъ нѣкоторой долей чувствительности. Свидѣтельство о бракосочетаніи (если только подобный документъ существуетъ у коряковъ) можетъ служить несомнѣн-

нымъ признакомъ храбрости, и храбрость это доходитъ до положительнаго героизма, если человѣкъ женится два или три раза. Я зналъ въ Камчаткѣ одного коряка, у котораго было четыре жены, и почувствовалъ такое-же уваженіе къ его геройской храбрости, какъ-будто онъ былъ въ числѣ шестисотъ, бывшихъ у Балаклавы.

Полагаю, что этотъ обрядъ никѣмъ еще не былъ описанъ, и хотя всякое описаніе бываетъ много блѣднѣе дѣйствительности, но все-таки, можетъ быть, американскіе влюбленные поймутъ, какого несчастія они избѣгаютъ, родясь въ Америкѣ, а не въ Камчаткѣ. Бѣдствія молодого коряка начинаются съ той самой минуты, какъ онъ влюбляется; любовь, подобно гнѣву Ахиллеса, есть ужасный источникъ безчисленныхъ бѣдствій. Если его намѣренія серьезны, онъ является къ отцу своей возлюбленной съ формальнымъ предложеніемъ, удостовѣряется въ количествѣ ея приданнаго, состоящаго изъ оленей, и узнаетъ назначенную за нее цѣну. Ему тогда предлагаютъ работать за свою жену два или три года. Очень тяжелое испытаніе для привязанности молодого человѣка. Тогда онъ ищетъ свиданія съ самой молодой дѣвушкой и исполняетъ пріятную или непріятную обязанность, называемую въ цивилизованныхъ странахъ „объясненіемъ".

Мы старались узнать у коряковъ о лучшемъ способѣ приступать къ этому деликатному вопросу; но не узнали ничего, что можно было-бы примѣнить къ цивилизованному обществу. Если чувства молодого человѣка взаимны и онъ получаетъ рѣшительное согласіе на бракъ, то бодро принимается за работу, какъ Фердинандъ въ „Бурѣ" для отца Миранды; въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ рубитъ и таскаетъ дрова, караулитъ оленей, заготовляетъ сани и вообще всячески способствуетъ благосостоянію своего будущаго тестя. По истеченіи этого періода испытанія настаетъ

великій „experimentum crucis“, которое рѣшаетъ его судьбу и успѣшность или неуспѣшность его долгихъ стараній.

За этимъ интереснымъ кризисомъ мы застали нашихъ корякскихъ друзей въ третьемъ станѣ.

Палатка, въ которую мы вошли, была необыкновенно просторна и заключала въ себѣ двадцать шесть „пологовъ“, устроенныхъ вокругъ ея внутренней стѣны. На свободномъ пространствѣ, по срединѣ, у очага сидѣла толпа коряковъ съ темными лицами и полуобритыми головами; все ихъ вниманіе, казалось, раздѣлялось между разными котелками и корытцами съ „маніаллой“, вареннымъ мясомъ, мозгомъ, замороженнымъ саломъ и т. п. лакомствами и споромъ на счетъ какихъ-то пунктовъ брачнаго обряда. По моему незнанію языка, я не былъ въ состояніи вполнѣ вникнуть въ достоинство обсуждаемаго вопроса; повидимому, доводы обѣихъ сторонъ имѣли свои основанія. Наше внезапное появленіе, казалось, на время отвлекло ихъ вниманіе отъ главнаго предмета. Татуированныя женщины и мущины съ обритыми головами съ удивленіемъ смотрѣли на блѣднолицыхъ гостей, явившихся незванно на свадебный пиръ не въ фрачныхъ одеждахъ. Наши лица были безспорно грязны, наши синія рубашки и лосинныя панталоны носили слѣды двухмѣсячнаго утомительнаго путешествія въ видѣ дыръ и лохмотьевъ, которыя только отчасти скрывались подъ толстымъ слоемъ оленьихъ волосъ, приставшихъ къ нимъ отъ мѣховыхъ „укляпокъ“. Вся наша наружность дѣйствительно свидѣтельствовала скорѣе о нашемъ близкомъ знакомствѣ съ грязными юртами, горными проходами и сибирскими вьюгами, чѣмъ съ цивилизующимъ вліяніемъ мыла, воды, бритвъ и иголокъ. Мы выдержали любопытные взгляды всѣхъ сидѣвшихъ у очага коряковъ съ полнымъ равнодушіемъ людей, при-

вшихъ къ этому, затѣмъ мы стали прихлебывать горячій чай въ ожиданіи начала церемоніи. Я съ любопытствомъ озирался вокругъ, чтобы угадать счастливыхъ кандидатовъ на брачныя узы; но они, вѣроятно, скрывались въ одномъ изъ пологовъ. Но вотъ окончилось угощеніе и недоумѣніе. Вдругъ раздался мѣрный барабанный бой, наполнившій палатку оглушительными звуками. Въ эту самую минуту въ палатку вошелъ высокій, суровый корякъ съ охабкой ивовыхъ прутьевъ и ольховыхъ вѣтокъ, которыя онъ началъ раздавать по всѣмъ пологамъ палатки.

— Къ чему это? спросилъ Доддъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ, я—сидите смирно, увидимъ что будетъ дальше.

Оглушительный барабанный бой продолжался во время раздачи ивовыхъ прутьевъ; наконецъ, барабанщикъ запѣлъ тихій речитативъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ и воодушевляясь, пока пѣніе не превратилось въ какіе-то дикіе звуки, а барабанъ отбивалъ тактъ. Затѣмъ замѣтно было маленькое волненіе, передняя занавѣсъ у всѣхъ пологовъ отдернулась, у входа каждаго полога помѣстились по двѣ или по три женщины и взяли въ руки приготовленныя заранѣе ивовыя вѣтви. Черезъ минуть, почтенный туземецъ, котораго мы приняли за отца одного изъ брачующихся, вышелъ изъ одного изъ пологовъ возлѣ двери, ведя за собой красиваго молодого коряка и его темнолицую невѣсту. При ихъ появленіи, общее возбужденіе дошло почти до изступленія, музыка удвоила свой быстрый темпъ, мущины по срединѣ палатки присоединили свои голоса къ громкому пѣнію и по временамъ сопровождали его рѣзкими, дикими вскрикиваніями. При знакѣ, данномъ туземцемъ, введшемъ чету, невѣста стремительно бросилась въ первый пологъ и начала быстро бѣгать вокругъ палатки, поднимая послѣдовательно за-

навѣсы между пологами и пробѣгая черезъ нихъ. Женихъ горячо преслѣдовалъ ее, но женщины, находящіяся у каждаго полога, всячески старались задержать его, подставляя ему ноги, опуская занавѣсы, чтобы помѣшать ему пройти и, осыпая его безпощадными ударами ивовыхъ и ольховыхъ прутьевъ по самымъ чувствительнымъ частямъ его тѣла, когда онъ наклонялся, чтобы поднять занавѣски.

Воздухъ оглашался барабаннымъ боемъ, одобрительными и насмѣшливыми возгласами и звуками тяжелыхъ ударовъ, которыми каждая кучка женщинъ угощала несчастнаго жениха, прогоняя его сквозь строй. Очевидно было, что, не смотря на всѣ усилія, ему не удастся настигнуть бѣдную Атланту, прежде чѣмъ она обѣжитъ кругомъ всей палатки. Даже золотыя яблоки Гесперидъ не могли-бы помочь ему при такомъ неравенствѣ шансовъ; но онъ съ невозмутимымъ рвеніемъ продолжалъ стремиться къ своей цѣли, спотыкаясь о подставленныя ему ноги преслѣдовальницъ и постоянно запутываясь въ складки занавѣсокъ изъ оленьей шкуры, которыя онѣ бросали ему на голову и на глаза съ искусствомъ матадора. Но вотъ невѣста вошла въ послѣдній пологъ у дверей, а несчастный женихъ все еще боролся со всѣми безчисленными препятствіями на половинѣ дороги вокругъ палатки. Я ожидалъ, что онъ откажется, наконецъ, отъ состязанія послѣ исчезновенія невѣсты и готовился громко протестовать противъ несправедливости такого испытанія; но, къ моему удивленію, онъ продолжалъ борьбу, пока наконецъ не ворвался въ послѣдній пологъ и не настигъ своей невѣсты. Музыка вдругъ замолкла и толпа начала выходить изъ палатки. Церемонія, повидимому, кончилась. Обратясь къ Миронову, слѣдившему съ довольной улыбкой за всей этой сценой, мы спросили, что все это означало.

— Что-же, свадьба кончена?

— Да-съ, сказалъ онъ утвердительно.

— Но, возразили мы, вѣдь онъ ее не поймалъ?

— Она ждала его, ваше благородіе, въ послѣднемъ пологѣ и достаточно, если онъ тамъ поймалъ ее.

— А если-бы онъ ее вовсе не поймалъ, чтобы тогда было?

— Тогда, отвѣчалъ казакъ съ видомъ состраданія, это значило-бы, что бѣдный малый проработалъ два года даромъ!

Это было забавно—для жениха. Работать два года за жену, подвергнуться мучительному сѣченью ивовыми прутьями по окончаніи срока и потомъ не имѣть никакой гарантіи противъ вѣроломства невѣсты. Его вѣра въ ея постоянство должна быть безгранична. Цѣль всего обряда заключалась въ томъ, чтобы предоставить дѣвушкѣ свободу выбора идти за этого молодого человѣка, или нѣтъ, такъ-какъ ему положительно невозможно было-бы догнать ее при такихъ обстоятельствахъ, если она добровольно не подождетъ его въ одномъ изъ пологовъ. Обычай этотъ доказываетъ болѣе рыцарское отношеніе къ желаніямъ и предпочтеніямъ прекраснаго пола, чѣмъ можно было-бы ожидать при такомъ низкомъ уровнѣ развитія; но мнѣ, какъ безпристрастному зрителю, казалось, что тотъ-же результатъ могъ-бы быть достигнутъ съ меньшими непріятностями для несчастнаго жениха! Можно было-бы отнестись съ большимъ уваженіемъ къ его человѣческому достоинству. Я не могъ достовѣрно узнать смысла наказанія ивовыми прутьями, которыми ежеминутно подвергаютъ жениха. Доддъ высказалъ предположеніе, что оно могло быть символомъ супружеской жизни— родъ предзнаменованія будущихъ семейныхъ испытаній; но, судя по мужественному характеру коряковъ, это казалось мнѣ невѣроятнымъ.

Ни одна женщина, въ здравомъ разсудкѣ, не попробовала-бы повторить подобные опыты надъ однимъ изъ суровыхъ рѣшительныхъ мущинъ, присутствовавшихъ при церемоніи и смотрѣвшихъ на нее, какъ на священный обрядъ. Вѣроятно, роли перемѣнились-бы при другихъ обстоятельствахъ.

Мистеръ А. С. Бикморъ, въ „American journal of Science" за май мѣсяцъ 1868 г., упоминая объ этомъ странномъ обычаѣ коряковъ, говоритъ, что эта обрядная экзекуція приготовляетъ человѣка къ перенесенію всѣхъ трудностей жизни; но едва-ли трудности жизни являются кому-нибудь въ такомъ видѣ; сѣченье человѣка ивовыми прутьями есть весьма странное приготовленіе къ какимъ-бы то ни было житейскимъ непріятностямъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ обычай есть, конечно, полное нарушеніе всѣми признанныхъ преимуществъ сильнѣйшаго пола и его слѣдовало-бы уничтожить корякамъ, которые стояли за превосходство мужчинъ.

По окончаніи церемоніи, мы перешли въ сосѣднюю палатку и, выйдя на дворъ, увидали трехъ или четырехъ коряковъ, которые кричали и шатались совершенно пьяные, празднуя, вѣроятно, только-что совершившееся событіе. Я зналъ, что во всей сѣверной Камчаткѣ не существовало вовсе спиртныхъ напитковъ и ничего такого, изъ чего можно было-бы ихъ приготовить, потому я никакъ не могъ понять, какъ они могли такъ внезапно и скоро охмѣлѣть. Возбуждающее снадобье, ими принятое, очевидно, производило такое-же быстрое дѣйствіе и имѣло такіе-же результаты, какъ лучшій алкоголь, извѣстный новѣйшей цивилизаціи. Освѣдомившись, мы узнали, къ величайшему нашему удивленію, что они поѣли одного растенія, извѣстнаго въ общежитіи подъ именемъ поганки. Въ Сибири растутъ особенные грибы этого вида, называемые мухоморами, которые обладаютъ охмѣляющими свойствами, и упо-

требляются съ этой цѣлью почти всѣми сибирскими племенами. Употребляемые въ большомъ количествѣ, они дѣйствуютъ, какъ сильный наркотическій ядъ; но незначительная доза ихъ производитъ всѣ дѣйствія алькогольной жидкости. Его постоянное употребленіе, впрочемъ, совершенно потрясаетъ нервную систему; русскіе купцы, продающіе это растеніе туземцамъ, подвергаются, по русскимъ законамъ, строгому взысканію. Но, несмотря на всѣ запрещенія, торговля производится тайкомъ; мнѣ самому довелось видѣть, какъ за одинъ такой грибъ коряки давали, по крайней мѣрѣ, долларовъ на двадцать цѣнныхъ шкуръ. Сами коряки не могутъ собирать мухоморовъ, потому-что они растутъ только въ лѣсахъ и никогда не встрѣчаются на голыхъ степяхъ, по которымъ они кочуютъ; поэтому они принуждены покупать ихъ у русскихъ купцовъ за баснословныя цѣны. Для американскаго уха покажется приглашеніе гостепріимнаго коряка своему проѣзжему пріятелю крайне страннымъ; вмѣсто того, чтобы сказать ему: „Зайди-ка выпить стаканчикъ“, онъ говоритъ: „Не хочешь-ли отвѣдать поганки?“ Такое предложеніе вовсе не соблазнительно для цивилизованнаго пьяницы, но оно имѣетъ волшебное дѣйствіе на гуляку-коряка. Такъ-какъ запросъ на мухоморы значительно превосходитъ привозъ ихъ, то изобрѣтательность коряковъ всячески изощрялась, чтобы сберечь это драгоцѣнное возбудительное средство и продлить его дѣйствіе, какъ можно долѣе. Иногда является у всего табора потребность напиться, а между тѣмъ во всемъ станѣ имѣется только одна поганка. Чтобы узнать способъ, посредствомъ котораго вся партія ухитряется охмѣлѣть отъ одного мухомора и пробыть въ такомъ состояніи цѣлую недѣлю, мы отсылаемъ любознательнаго читателя къ „Гражданамъ Свѣта“ Гольсмита, письмо 32. Нужно, впрочемъ, сказать, что этотъ отвратительный обычай

существуетъ только у осѣдлыхъ коряковъ Пенжинскаго залива—у самаго неразвитаго и притупленнаго народца этого племени. Можетъ быть, онъ встрѣчается, но только въ меньшей мѣрѣ у нѣкоторыхъ кочующихъ туземцевъ, но мнѣ всего разъ только случилось слышать объ немъ внѣ поселеній Пенжинскаго залива.

Наше путешествіе впродолженіи слѣдующихъ дней послѣ нашего отъѣзда изъ третьяго стана, было утомительно и однообразно. Неизмѣнная рутина нашей ежедневной жизни въ дымныхъ корякскихъ палаткахъ и вѣчно одинаковая, пустынная, ровная мѣстность—страшно намъ прискучили; мы съ тоскливымъ нетерпѣніемъ думали о русскомъ городѣ Гижигинскѣ, на сѣверѣ Гижигинскаго залива, которая была Меккой нашего долгаго странствованія. Для того, чтобы провести болѣе недѣли съ кочующими корябами и не почувствовать тоски по роднинѣ и тяжелаго одиночества, надобно имѣть почти неистощимый запасъ умственной силы. Вы принуждены находить развлеченіе въ самомъ себѣ. Ни газеты, со свѣжимъ матеріаломъ для размышленій и споровъ, которые оживляли-бы долгіе, невеселые вечера у бивуачнаго огня; ни слухи о войнѣ, или о государственныхъ переворотахъ, или о политическихъ событіяхъ—не возмущаютъ никогда стоячую умственную атмосферу корякскаго существованія. Удаленный и въ физическомъ, и въ умственномъ отношеніяхъ на безграничное разстояніе, отъ всѣхъ интересовъ и тревогъ, которые волнуютъ міръ, корякъ существуетъ, какъ человѣческая улитка, въ стоячей водѣ своей однообразной жизни. Случайное рожденіе или свадьба, принесеніе въ жертву собаки или въ рѣдкихъ случаяхъ человѣка корякскому Аринаку и нечастыя посѣщенія русскаго купца—вотъ важнѣйшія событія его исторіи отъ колыбели до могилы. Иногда мнѣ было трудно представить себѣ, сидя у очага въ корякской палаткѣ, что

я еще принадлежу къ міру желѣзныхъ дорогъ, электричества, телеграфовъ и ежедневныхъ газетъ. Мнѣ представлялось, что я дѣйствіемъ какого-то волшебства перенесенъ за цѣлыя тысячелѣтія назадъ, къ обитателямъ палатокъ во времен Сима и Іафета, къ которымъ точно принадлежу и я самъ. Все, что только окружало насъ, нисколько не напоминало намъ развитія и цивилизаціи девятнадцатаго вѣка; но въ то время, какъ приходилось намъ привыкать къ первобытнымъ обычаямъ варварства и невѣжества, воспоминанія о цивилизованной жизни представлялись намъ не болѣе, какъ туманными образами сновидѣній.

ГЛАВА XX.

Языкъ коряковъ.—Религія, нравы и обычаи.

Наши продолжительныя сношенія съ кочующими коряками дали намъ возможность изучить многія изъ ихъ особенностей, которыя легко могутъ ускользнуть при бѣгломъ знакомствѣ съ ними; наше путешествіе до Пенжинскаго залива было лишено всякихъ интересныхъ событій, и я закончу эту главу свѣдѣніями, которыя я могъ собрать относительно языка, религіи, суевѣрій, обычаевъ и образа жизни камчатскихъ коряковъ.

Не можетъ быть сомнѣнія, что коряки и могущественное племя чукчей произошли отъ одного корня и вмѣстѣ выселились изъ своей первоначальной родины въ тѣ мѣста, гдѣ они живутъ теперь. Уже нѣсколько столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ они отдѣлились другъ отъ друга, но до сихъ поръ между ними такъ много сходства, что ихъ трудно различить и между ихъ нарѣчіями менѣе разницы, чѣмъ между португальскимъ и испанскимъ языками. Нашъ корякскій переводчикъ не встрѣтилъ никакихъ затрудненій, разгова-

ривая съ чукчами, а сравнительный словарь, который мы впослѣдствіи составили, указываетъ на самыя незначительныя діалектическія измѣненія, происшедшія вслѣдствіе недавняго раздѣленія племенъ. Ни у одного изъ знакомыхъ мнѣ сибирскихъ языковъ нѣтъ азбуки, а потому, не имѣя прочной опоры въ письменности, они измѣняются очень быстро. Это видно изъ сравненія новѣйшаго словаря чукчей со словаремъ, составленнымъ г. Лессенсомъ въ 1788 г. Многія слова такъ измѣнились, что ихъ трудно узнать. Другія-же, напротивъ, какъ напр. типъ-типъ—ледъ, утттутъ—лѣсъ, унигей—нѣтъ, ай—да, и большая часть чиселъ до десяти совсѣмъ не измѣнились. И коряки и чукчи считаютъ пятками вмѣсто десятковъ, особенность свойственная только природнымъ жителямъ Аляски. Вотъ названія корякскихъ чиселъ:

Иннинъ	одинъ.
Ни-акъ	два.
Ни-óкхъ	три.
Не-áкхъ	четыре.
Миллингенъ	пять.
Иннинъ миллингенъ	пять-одинъ.
Ни-акъ	пять-два.
Ни-óкхъ	пять-три.
Не-áкхъ	пять-четыре.
Мин-іе-гитъ-кхипъ	десять.

Послѣ этого они считаютъ десять-одинъ, десять-два и т. д. до пятнадцати, и потомъ десять-пять-одинъ; но ихъ счисленіе дѣлается такимъ сложнымъ, когда они дойдутъ до двадцати, что гораздо легче носить пригоршню камешковъ и считать посредствомъ нихъ, чѣмъ произнести соотвѣтствующее число.

Напримѣръ, ни - акъ - клин - кин - мин - іе - гит - кин - пар - оль - инини - миллингенъ—означаетъ всего пятьде-

сять шесть! Можно подумать, что это значитъ, по крайней мѣрѣ, двѣсти шестьдесятъ три милліона девятьсотъ четырнадцать тысячъ семьсотъ одинъ и то еще было-бы слишкомъ мало. Впрочемъ, корякамъ рѣдко случается употреблять такія большія числа, а если и приходится, то лишняго времени у нихъ всегда немало. Много труда стоило-бы мальчику объяснить по-корякски одну изъ задачъ высшей ариометики Рея. Выговорить 324+5260=1,704,240, дало-бы ему право на часовой отдыхъ и награду. Мы никогда не были въ состояніи отыскать какое-нибудь сходство между коряко-чукскимъ нарѣчіемъ и нарѣчіями туземцевъ, живущихъ по ту сторону Берингова пролива. Если и существуетъ какое-нибудь сходство, то, вѣроятно, въ грамматикѣ, а не въ разговорѣ.

У всѣхъ племенъ сѣверо-восточной Сибири, какъ кочующихъ, такъ и осѣдлыхъ, господствующая религія;—„шаманизмъ". Эта религія очень разнообразится у разныхъ народовъ и въ разныхъ мѣстностяхъ; у коряковъ и у чукчей она заключается преимущественно въ почитаніи злыхъ духовъ, которые, по ихъ вѣрованію, воплощены во всѣхъ таинственныхъ силахъ и проявленіяхъ природы, какъ-то: эпидеміяхъ и заразительныхъ болѣзняхъ, разрушительныхъ буряхъ, голодѣ, затмѣніяхъ солнца и луны и сѣверныхъ сіяніяхъ. Она заимствовала свое названіе отъ „шамановъ" или жрецовъ, которые служатъ изъяснителями воли злыхъ духовъ и посредниками между ними и человѣкомъ. Всѣ сверхъестественныя явленія, въ особенности, разрушительныя и страшныя, приписываются прямому дѣйствію этихъ злыхъ духовъ и принимаются, какъ очевидныя доказательства ихъ неудовольствія. Многіе утверждаютъ, что вся система шаманизма есть ничто иное, какъ огромный обманъ, изобрѣтенный нѣсколькими хитрыми жрецами для извлеченія себѣ выгодъ

изъ легковѣрія суевѣрныхъ туземцевъ. Но я увѣренъ, что этотъ взглядъ ошибоченъ. Человѣкъ, пожившій нѣкоторое время съ сибирскими туземцами, изучившій ихъ характеръ, подвергавшійся тѣмъ-же вліяніямъ, которыя окружаютъ ихъ, и пытавшійся стать на ихъ точку зрѣнія, насколько это было возможно, не можетъ сомнѣваться въ искренности жрецовъ и ихъ послѣдователей, или удивляться, что поклоненіе злымъ духамъ составляетъ основу ихъ религіи. Это единственное вѣрованіе, возможное для такихъ людей и при такихъ обстоятельствахъ. Одинъ современный писатель, справедливость и безпристрастіе котораго не подлежатъ сомнѣнію, прекрасно описалъ сибирскихъ коряковъ, происхожденіе и свойство ихъ религіозныхъ вѣрованій, что я не нахожу болѣе лучшаго, какъ привести его собственныя слова: *)

„Ужасъ служитъ у дикарей основаніемъ религіи. Въ умѣ дикаря не тѣ явленія запечатлѣваются сильнѣе всего, которыя входятъ въ обычный порядокъ законовъ природы и проявляютъ благодѣтельныя послѣдствія, а тѣ которыя дѣйствуютъ разрушительно и считаются сверхъестественными. Благодарность не такъ живуча, какъ страхъ; малѣйшее нарушеніе законовъ природы производитъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ самыя чудесныя проявленія ея обыденной дѣятельности.

Поэтому, если природа является уму дикаря въ своемъ самомъ ужасающемъ видѣ, если страшныя болѣзни или естественные перевороты опустошаютъ его страну, онъ непремѣнно выводитъ изъ нихъ представленіе о діавольскомъ присутствіи. Въ темнотѣ ночи, передъ зіяющей бездной и среди дикихъ отголосковъ горнаго ущелья, въ сіяніи кометы или въ торжествен-

*) В. Е. Леккм. Исторія раціонализма въ Европѣ.

номъ мракѣ солнечнаго или луннаго затмѣнія, во время свирѣпствующаго голода, землетрясенія съ его разрушительною силою, во время чумы, уносящей тысячи жертвъ—словомъ, при несчастіи, которое на время заглушаетъ голосъ разсудка, является что-то ужасное, зловѣщее и смертоносное, дикарь ощущаетъ при этомъ присутствіе сверхъестественной силы и преклоняется передъ нею. Вполнѣ предоставленный всѣмъ вліяніямъ природы, не зная той послѣдовательной цѣпи законовъ, которой связаны ея различныя проявленія, онъ живетъ въ постоянномъ страхѣ того, что считаетъ прямыми и самостоятельными дѣйствіями злыхъ духовъ. Ощущая ихъ постоянно возлѣ себя, онъ естественно старается войти въ сношенія съ ними. Дикарь силится умиротворить ихъ жертвами. Если какое-нибудь несчастіе обрушивается на него, если какая-нибудь страсть овладѣваетъ его разсудкомъ, онъ пытается самъ облечься ихъ властью, а его возбужденное воображеніе скоро убѣждаетъ его, что онъ достигъ желаемаго". Эти, полныя глубокаго смысла, слова служатъ ключомъ къ религіи сибирскихъ туземцевъ и представляютъ единственное удовлетворительное объясненіе возникновенію шамановъ.

Если нужно еще какое-нибудь доказательство того, что эта система вѣрованія есть естественный продуктъ человѣческой природы на извѣстной степени варварства, то его можно найти въ фактѣ всеобщаго преобладанія шаманизма въ сѣверо-восточной Сибири, между племенами, совершенно различнаго происхожденія и различнаго характера. Такъ, напримѣръ, племя тунгусовъ, безъ сомнѣнія китайскаго происхожденія, а племя якутовъ—туркменскаго. Оба имѣли, конечно, въ началѣ различныя религіи, обряды, понятія и суевѣрія; но когда всякое постороннее вліяніе было устранено отъ нихъ и они подверглись одинаковымъ внѣшнимъ усло-

віямъ, оба народа развили одну и ту-же систему религіозныхъ вѣрованій. Если толпа невѣжественныхъ магометанъ была-бы выселена въ сѣверо-восточную Сибирь и ей пришлось-бы жить одиноко въ палаткахъ, столѣтія за столѣтіями среди дикой, мрачной природы Станового хребта, переносить страшныя бури, причины которыхъ она не могла-бы себѣ объяснить, терять своихъ оленей отъ повальной болѣзни, противъ которой она не имѣла-бы силъ бороться, видѣть поражающія великолѣпныя сѣверныя сіянія, освѣщающія весь міръ своимъ огненнымъ свѣтомъ, быть свидѣтелями эпидемій, свойства которыхъ они не понимали и пагубныхъ послѣдствій которыхъ они не могли-бы избѣжать, уничтожавшихъ десятую часть изъ нихъ,—они по немногу стали-бы утрачивать вѣру въ Аллаха и Магомета и сдѣлались-бы такими-же точно приверженцами шаманства, какъ сибирскіе коряки и чукчи нашихъ дней. Совокупное вліяніе цивилизаціи и христіанства впродолженіе цѣлаго столѣтія не могло вполнѣ искоренить слѣды шаманизма, поддерживаемаго могущественными естественными силами въ этой пустынной и негостепріимной мѣстности.

Камчадалы, провожавшіе меня въ Саманскихъ горахъ, были дѣти христіанскихъ родителей и съ дѣтства воспитаны въ правилахъ православной церкви; они твердо вѣрили въ Божественное искупленіе и въ божественное Провидѣніе; каждое утро и вечеръ молились христіанскому Богу; но когда буря застигла ихъ въ этихъ суровыхъ горахъ, страхъ передъ естественными силами одержалъ верхъ надъ ихъ религіозными убѣжденіями, и они принесли въ жертву собаку, подобно самымъ закоснѣлымъ язычникамъ, чтобы умилостивить гнѣвъ злого духа, проявленіемъ котораго была для нихъ настоящая буря. Я могъ-бы привести много примѣровъ, гдѣ самая твердая, повидимому и искрен-

няя вѣра въ существованіе Божественнаго Промысла и Всемогущества была побѣждена вліяніемъ на воображеніе какого-нибудь поражающаго, необычайнаго явленія природы. Поступки человѣка управляютя не столько его разсудкомъ, сколько впечатлѣніемъ минуты; вслѣдствіе этого-то минутнаго впечатлѣнія и возникъ шаманизмъ.

Обязанности шамановъ или жрецовъ у коряковъ заключаются въ заклинаніяхъ надъ больными, въ сообщеніи съ злыми духами и въ истолкованіи ихъ воли людямъ. Если какое-нибудь несчастіе, какъ напр., болѣзнь, голодъ или буря, обрушивается надъ племенемъ, это приписывается, конечно, гнѣву злого духа; тогда совѣтуются съ шаманомъ о лучшемъ способѣ укротить его гнѣвъ. Жрецъ, къ которому съ этимъ обратились, собираетъ народъ въ одну изъ самыхъ большихъ палатокъ, облекается въ длинную одежду, испещренную фантастическими фигурами птицъ, животныхъ и странными іероглифическими знаками, распускаетъ свои длинные черные волосы и, взявъ большой туземный барабанъ, начинаетъ пѣть вполголоса, сопровождая свою пѣсню медленнымъ, торжественнымъ барабаннымъ боемъ. По мѣрѣ того, какъ пѣніе дѣлается все энергичнѣе и быстрѣе, глаза жреца принимаютъ странное выраженіе, тѣло его начинаетъ искривляться и его дикая пѣсня смѣшивается съ звуками барабана въ одинъ оглушительный непрерывный гулъ. Тогда, вскочивъ на ноги и, потрясая конвульсивно головой, пока его длинные волосы не начинаютъ издавать легкій трескъ, онъ пускается въ бѣшеную пляску вокругъ палатки и опускается, наконецъ, въ изнеможеніи на скамью. Черезъ нѣсколько минутъ онъ объявляетъ пораженнымъ ужасомъ, туземцамъ сообщеніе, полученное имъ отъ злого духа, которое заключается, по большей части, въ приказаніи принести въ жертву извѣстное число собакъ или

оленей, или пожалуй, человѣка оскорбленнымъ богамъ. Во время этихъ дикихъ заклинаній, жрецы иногда вводятъ въ обманъ своихъ легковѣрныхъ послѣдователей, показывая имъ фокусы вродѣ проглатыванія горячихъ углей или прокалыванія своего тѣла ножами, но въ большинствѣ случаевъ, шаманъ самъ искренно вѣритъ, что онъ руководимъ и употребляемъ сверхъестественной силой. Впрочемъ, иногда сами туземцы, кажется, сомнѣваются въ мнимомъ вдохновеніи своего жреца, и сильно его бичуютъ, чтобъ испытать истину его словъ и подлинность его откровеній. Если онъ настолько твердъ, что во время истязанія не выкажетъ человѣчейской слабости и страданій, его власть, какъ служителя злыхъ духовъ, считается доказанной, а его приказанія исполняются въ точности. Кромѣ жертвоприношеній, требуемыхъ шаманами, коряки приносятъ жертвы, по крайней мѣрѣ, два раза въ годъ, чтобы обезпечить себѣ хорошій уловъ рыбы, тюленей и благопріятную погоду. Намъ часто случалось видѣть въ одномъ только кочевьѣ двадцать или тридцать собакъ, повѣшенныхъ за заднія ноги на длиныхъ шестахъ. Огромое количество травы собирается всякое лѣто и сплетается въ вѣники, которые вѣшаютъ на шею убитыхъ животныхъ; приношенія въ видѣ табаку постоянно бросаются злымъ духамъ, когда коряки переходятъ черезъ вершины горъ. Тѣла умершихъ сожигаются у всѣхъ кочующихъ племенъ, вмѣстѣ со всѣмъ ихъ имуществомъ, въ надеждѣ на конечное воскрешеніе духа и матеріи; больныхъ, на выздоровленіе которыхъ не осталось ни малѣйшей надежды, побиваютъ камнями и прокалываютъ копьемъ. Мы сами убѣдились въ томъ что слѣшали отъ русскихъ и камчадаловъ, а именно что коряки сами убиваютъ стариковъ, лишь только болѣзни или преклонныя лѣта дѣлаютъ ихъ неспособными къ перенесенію всѣхъ трудностей кочевой жизни.

Изъ долгаго опыта они пріобрѣли страшное умѣнье лишать жизни лучшимъ и скорѣйшимъ способомъ; они часто объясняли намъ съ ужасающими подробностями, въ длинные вечера, которые мы проводили въ ихъ дымныхъ пологахъ, различные способы убивать человѣка и указывали на самыя чувствительныя части тѣла, гдѣ единственная рана копьемъ или ножомъ бываетъ смертельна. Я подумалъ о знаменитыхъ опытахъ Де-Кенсея объ „Убійствѣ, разсматриваемомъ, какъ изящное искусство", и о томъ, сколько свѣдѣній это „Общество знатоковъ въ дѣлѣ убійства" могла-бы пріобрѣсти въ корякскомъ станѣ. Коряки пріучаются смотрѣть на такую смерть, какъ на естественный конецъ ихъ существованія, встрѣчая ее совершенно спокойно. Рѣдко случается, чтобы человѣкъ желалъ пережить періодъ своей физической дѣятельности и силы. Ихъ умерщвляютъ въ присутствіи всей орды, съ особенными церемоніями; потомъ тѣла ихъ сжигаютъ, а пепелъ разносится по волѣ вѣтра.

Этотъ обычай умерщвлять старыхъ и больныхъ и сожигать тѣла умершихъ произошелъ вслѣдствіе кочующей жизни коряковъ и служитъ новымъ доказательствомъ могущественнаго вліянія физическихъ законовъ на дѣйствія и нравственныя чувства человѣка. И тѣ и другія прямо и почти неизбѣжно проистекаютъ изъ свойства страны и климата. Безплодность почвы сѣверо-восточной Азіи и суровость продолжительной зимы побудили человѣка приручить сѣвернаго оленя, какъ единственное средство къ поддержанію жизни, кочевая жизнь сдѣлала болѣзнь и старость слишкомъ тяжелымъ бременемъ, какъ для самихъ страждущихъ, такъ и для тѣхъ, которымъ приходится заботиться о нихъ; все это окончательно повело за собою умерщвленіе старыхъ и больныхъ, какъ мѣру, благодѣтельную для обѣихъ сторонъ. Тѣ-же причины ввели въ обычай сожиганіе

мертвыхъ. Имъ невозможно было, при ихъ кочевой жизни, имѣть какое-либо общее для всѣхъ мѣсто погребенія; только съ величайшимъ трудомъ могли-бы они рыть могилы, въ вѣчно мерзлой землѣ. Нельзя также было оставлять трупы на съѣденіе волкамъ, — такимъ образомъ, сожженіе оказалось единственнымъ средствомъ. Ни одинъ изъ этихъ обычаевъ не заставляетъ предполагать какую-нибудь врожденную жестокость или варварство со стороны коряковъ. Это только естественное слѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, доказывающихъ что сильнѣйшія душевныя движенія человѣческой натуры, какъ-то: сыновнее почтеніе, братская привязанность, любовь къ жизни и уваженіе къ дорогимъ останкамъ, не въ силахъ противустоять дѣйствію великихъ законовъ природы. Православная церковь старается посредствомъ миссіонеровъ, обратить въ христіанство всѣ сибирскія языческія племена; и хотя, повидимому, оно имѣло нѣкоторый успѣхъ между осѣдлыми народами, но кочующія племена продолжаютъ придерживаться шаманизма, такъ-что въ скудно населенной Сибири насчитываютъ болѣе 70,000 послѣдователей этой религіи. Для обращенія кочующихъ племенъ въ христіанство необходимо прежде всего распространить между ними просвѣщеніе и измѣнить изъ образъ жизни.

Между разными предразсудками кочующихъ коряковъ и чукчей замѣчательно, между прочимъ, ихъ упорство разставаться съ живымъ оленемъ. Вы можете купить у нихъ сколько угодно убитыхъ оленей, хоть пятьсотъ, за самую ничтожную плату; но живого оленя вамъ не отдадутъ ни изъ дружбы, ни за деньги. Предлагайте имъ огромное количество табаку, мѣдныхъ котловъ, бусъ и красныхъ платьевъ за одного живого оленя, они рѣшительно откажутся продать его; но если вы позволите имъ убить то-же животное, то вы можете получить трупъ его за одну нитку простыхъ стеклян-

ныхъ бусъ. Напрасно было-бы имъ доказывать нелѣпость этого предразсудка. Они не дадутъ вамъ другого объясненія, какъ „продать живого оленя было-бы аткинъ - дурно“. Для проведенія нашей предполагаемой телеграфной линіи, намъ необходимо было имѣть нѣсколькихъ ручныхъ оленей, и мы предлагали корякамъ какое угодно вознагражденіе за одно только животное, но всѣ наши усилія остались тщетными. Они уступали намъ сотню убитыхъ оленей за сто фунтовъ табаку, но пятьсотъ фунтовъ не могли ихъ соблазнить разстаться съ однимъ животнымъ, пока въ немъ былъ еще признакъ жизни.

Впродолженіи двухъ съ половиною лѣтъ, проведенныхъ нами въ Сибири, ни одной изъ нашихъ партій, насколько я знаю, не удалось купить у коряковъ или у чукчей ни одного живого оленя. Всѣ олени, которыми мы владѣли, впослѣдствіи, около восьми сотъ головъ, были пріобрѣтены отъ кочующихъ тунгусовъ.

Коряки, конечно, самые богатые владѣльцы оленьихъ стадъ во всей Сибири, а слѣдовательно, и во всемъ свѣтѣ. Многія стада, которыя мы видѣли въ сѣверной Камчаткѣ, доходили до восьми или двѣнадцати тысячъ головъ; намъ говорили, что какой-то богатый корякъ, живущій посреди великой „Тундры“, владѣлъ тремя огромными стадами сѣверныхъ оленей въ различныхъ мѣстахъ; у него было около 30,000 головъ. Забота о стадахъ оленей составляетъ почти единственное занятіе коряковъ. Они принуждены постоянно перекочевывать съ мѣста на мѣсто, чтобы отыскивать кормъ этимъ животнымъ и стеречь ихъ день и ночь, оберегая отъ волковъ. Каждый день восемь или десять коряковъ, вооруженные копьями и ножами, выходятъ передъ сумерками изъ стана, отправляются за милю или за двѣ къ тому мѣсу, гдѣ насутся олени и строютъ тамъ себѣ маленькія шалаши изъ сосновыхъ вѣтвей, около трехъ

футовъ вышины и двухъ въ діаметрѣ; тамъ они и проводятъ всю долгую, холодную, арктическую ночь, подкарауливая волковъ. Чѣмъ хуже погода, тѣмъ бдительность становится необходимѣе. Иногда среди зимней ночи, когда страшный сѣверо-восточный вѣтеръ гонитъ, завывая, цѣлыя облака снѣга, стая волковъ внезапно нападаетъ на оленье стадо и разгоняетъ его на всѣ четыре стороны. Обязанность караульныхъ именно и заключается въ томъ, чтобы предупредить такого рода случай. Одинъ и почти безъ крова среди этого безграничнаго океана снѣга, человѣкъ сидитъ, скорчившись въ своемъ непрочномъ шалашѣ, похожемъ на пчелиный улей, и проводитъ долгія зимнія ночи, глядя на великолѣпныя сѣверныя сіянія, которыя, покрываютъ землю пурпуромъ, и прислушивается къ біенію своего собственнаго сердца и къ слабому вою волковъ, раздающемуся въ отдаленіи. Терпѣливо переноситъ онъ такой холодъ, отъ котораго мерзнетъ ртуть и такія вьюги, которыя уносятъ его убогій шалашъ, подобно соломенкѣ въ облакѣ снѣжнаго вихря. Онъ никогда не унываетъ, ничто не пугаетъ его и ничто не заставляетъ его вернуться въ палатку. Я видѣлъ, какъ эти люди караулили оленей съ отмороженными до-бѣла щеками и носомъ и находилъ ихъ въ холодныя, зимнія утра скорчившимися подъ охабкой вѣтвей, съ лицами закрытыми ихъ мѣховыми одеждами, точно они были мертвыми. Я никогда не могъ проѣхать мимо одного изъ этихъ шалашей среди пустынной, безграничной тундры, не подумавъ о человѣкѣ, который когда-то сидѣлъ въ ней одиноко, и старался представить себѣ его мысли, когда онъ ждалъ въ продолженіи долгой, утомительной ночи перваго, слабаго луча разсвѣта. Не размышлялъ-ли онъ иногда, видя огненные столбы сѣвернаго сіянія надъ своей головой, о причинѣ этого таинственнаго свѣта? Не пробуждали-ли въ немъ далекія звѣзды, по-

стоянно обращающiяся надъ снѣговой равниной, сознанiе о возможности другого болѣе свѣтлаго, болѣе счастливаго мiра? Горе безпомощному человѣческому сердцу! Сверхъестесвенное влiянiе оно можетъ ощущать и ощущаетъ; но барабанный бой и дикiе крики шамановъ показали, какъ оно съумѣло понять книгу природы.

Кочующiе коряки, по своей природѣ, вообще, добры. Онѣ обращаются очень мягко съ женщинами и дѣтьми; впродолженiи двухъ лѣтъ, которые я провелъ съ ними, я никогда не видалъ, чтобы они били женщину или ребенка. Ихъ честность замѣчательна. Неразъ, послѣ нашего отъѣзда они запрягали нарочно оленей и догоняли насъ на разстоянiи пяти или десяти миль отъ стана, чтобъ отдать ножикъ, трубку или другую бездѣлицу, забытую нами у нихъ въ поспѣшности. Сани наши, нагруженныя табакомъ, бусами и другими предметами торговли оставались безъ всякаго караула внѣ палатокъ, но никогда, насколько мнѣ извѣстно, ничего не было украдено. Нѣкоторыя орды принимали насъ съ такимъ радушiемъ и гостепрiимствомъ, какого трудно было-бы даже ожидать въ цивилизованной странѣ отъ христiанскихъ народовъ; если-бы у меня не было денегъ или друзей, я съ бо́льшимъ довѣрiемъ обратился-бы за помощью къ шайкѣ кочующихъ коряковъ, чѣмъ ко многимъ американскимъ семействамъ. Они, можетъ быть, жестоки, согласно нашимъ понятiямъ о жестокости и варварствѣ, но измѣна между ними неизвѣстна; я также безусловно ввѣрилъ-бы имъ мою жизнь, какъ всякому другому непросвѣщенному народу.

Ночь за ночью, по мѣрѣ нашего приближенiя къ сѣверу, полярная звѣзда все ближе и ближе подходила къ зениту, пока наконецъ, подъ шестьдесятъ второй параллелью, мы увидали бѣлыя вершины Становыхъ горъ, у верхней части Пенжинскаго залива; это самая сѣверная граница Камчатки. Подъ сѣнью снѣжныхъ

склоновъ этихъ горъ, мы въ послѣдній разъ въ дымныхъ палаткахъ камчатскихъ коряковъ, поѣли изъ ихъ деревянныхъ корытъ и безъ особаго сожалѣнія простились съ однообразными и скучными степями полуострова и съ ихъ кочевымъ населеніемъ.

ГЛАВА XXI.

Пенжина.—25° мороза.—Каменскъ.—Корякская юрта.—Путешествіе въ Гижигинскъ.—Повозки.—Микина.—Осѣдлые коряки.

22-го ноября при 25° мороза, мы прибыли къ устью большой рѣки, называемой „Пенжина", которая впадаетъ въ Пенжинскій заливъ, въ сѣверной части Охотскаго моря; погода стояла, хотя морозная, но ясная; только вдали, надъ срединою залива повисло густое облако тумана, что доказывало, что именно тамъ вода еще не замерзла, тогда-какъ устье рѣки было все завалено огромными земляными глыбами, шероховатыми, покрытыми плѣсенью камнями и безпорядочной массой льдинъ, прибитыхъ сюда юго-западнымъ вѣтромъ и примерзшихъ одна къ другой. Сквозь сѣрый туманъ мы смутно различили на высокой противоположной крутизнѣ странныя очертанія юртъ Каменскихъ коряковъ въ формѣ буквы Х.

Маіоръ, Доддъ и я предоставили нашимъ проводникамъ переправляться черезъ рѣку съ оленями и санями, какъ они найдутъ болѣе удобнымъ, а мы отправились пѣшкомъ, пробираясь между огромными неправильными глыбами прозрачнаго зеленоватаго льда, цѣпляясь руками и ногами за громадные уступы, проваливаясь въ широкія и глубокія разсѣлины, и спотыкаясь объ острые обломки льдинъ. Мы уже почти достигли другого берега, какъ вдругъ Доддъ закричалъ:

— О, Кеннанъ! Вашъ носъ совсѣмъ побѣлѣлъ, потрите его снѣгомъ! Скорѣе! Скорѣе!

Я нисколько не сомнѣвался, что и остальная часть моего лица также вся побѣлѣла при этомъ страшномъ сообщеніи; утрата моего носа при самомъ началѣ моего поприща арктическаго путешественника—была-бы для меня очень серьезнымъ несчастіемъ. Я схватилъ пригоршню снѣга, смѣшаннаго съ острыми осколками льда и началъ тереть лишенный чувства органъ, пока на кончикѣ его не осталось ни малѣйшей частички кожи, а потомъ продолжалъ треніе рукавицей, пока не устала рука. Если энергическое лѣченіе могло спасти мой носъ, то на этотъ разъ съ моей стороны было сдѣлано все. Почувствовавъ, наконецъ, что кровообращеніе въ носу возстановились, я пересталъ его тереть и влѣзъ за Доддомъ и маіоромъ по крутому берегу въ корякское селеніе Каменскъ.

Это селеніе напоминало собраніе гигантскихъ деревянныхъ песочныхъ часовъ, сброшенныхъ и разрушенныхъ землетрясеніемъ. Дома, — если только ихъ можно было назвать домами, — были около двадцати футъ вышины, грубо построены изъ лѣса, выброшеннаго моремъ на берегъ и формой своей могли только сравниться съ песочными часами. У нихъ совершенно не было ни оконъ, ни дверей и входить въ нихъ можно было только по шесту, поставленному съ наружной стороны, спускаясь по другому шесту черезъ трубу; удобства этого страннаго способа вхожденія вполнѣ зависѣли отъ дѣятельности и силы огня, разведеннаго внутри юрты. Дымъ и искры, хотя и довольно непріятные сами по себѣ, были сущими бездѣлицами въ сравненіи съ другими неудобствами. Я помню, мнѣ разсказывали въ дѣтствѣ, что одинъ древній пустынникъ всегда входилъ въ домъ черезъ трубу; тогда я принималъ этотъ фактъ съ неразсуждающей, ребяческой вѣ-

рой, но все-же никакъ не могъ понять, какъ такое странное событіе, какъ пролѣзаніе черезъ трубу могло быть приведено въ исполненіе безъ всякой опасности. Желая удовлетворить такое любопытство, я каждыя святки чувствовалъ непреодолимое желаніе испытать это на себѣ, но узкія трубы англійскихъ печей останавливали меня въ этомъ намѣреніи. Я надѣялся вполнѣ на успѣхъ, если-бы то была обыкновенная труба, но войти въ комнату черезъ восьми-дюймовое отверстіе и узкую печную дверку—было рѣшительно невозможно, такъ-что мнѣ пришлось отказаться отъ такого опаснаго опыта и мое любопытство такъ и осталось неудовлетвореннымъ. Мой первый входъ въ корякскую юрту въ Каменскѣ разрушилъ, впрочемъ, всѣ мои дѣтскія сомнѣнія и доказалъ возможность войти въ домъ такимъ оригинальнымъ способомъ, какой практиковался древнимъ пустынникомъ. Большая толпа, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры туземцевъ, съ дикимъ видомъ, собралась вокругъ насъ, когда мы вошли въ селеніе и смотрѣла на насъ съ тупымъ любопытствомъ при нашей первой попыткѣ влѣзть по шесту въ домъ. Изъ уваженія къ сану и положенію маіора мы предоставили ему войти первому. Онъ очень удачно влѣзъ по первому шесту и съ неподражаемой самоувѣренностью началъ спускаться въ темное, узкое отверстіе трубы, изъ котораго выходили клубы дыма; но въ ту критическую минуту, когда голова его еще виднѣлась сквозь облоко дыма, а тѣло уже исчезло въ трубѣ, съ нимъ случилась большая непріятность. Ноги его, обутые въ тяжелые, мѣховые сапоги, не могли цѣпляться за зарубки, сдѣланныя въ бревнѣ, чтобы было удобнѣе спускаться; онъ повисъ въ трубѣ, боясь провалиться и не въ силахъ былъ оттуда выкарабкаться. Слезы текли изъ его глазъ, зажмуренныхъ отъ дыма, окружавшаго его голову и вмѣсто криковъ о помощи, слышались только удуш-

ливый кашель и хрипѣнье. Наконецъ, какой-то туземецъ изнутри юрты, пораженный тщетными усиліями маіора высвободиться изъ трубы пришелъ къ нему на помощь и благополучно спустилъ его на землю. Наученные его опытомъ, мы съ Доддомъ не обратили вниманіе на зарубки, устроенныя для того, чтобы было удобнѣе спускаться, схватили руками гладкое бревно, и начали быстро по немъ спускаться, пока не достигли ногами до пола. Когда я раскрылъ мои наполненные слезами глаза, меня привѣтствовали въ одинъ голосъ громкимъ „здорово" полдюжины худыхъ, грязныхъ старухъ, сидѣвшихъ, поджавши ноги, на возвышеніи вокругъ огня и шившихъ мѣховыя одежды.

Внутренность корякской юрты, т. е. одной изъ деревянныхъ юртъ осѣдлыхъ коряковъ, представляетъ странную и далеко непривлекательную картину для человѣка, непривыкшаго къ ея грязи, дыму и холоду. Въ этой юртѣ все мрачно и непривѣтливо; свѣтъ проникаетъ въ нео единственно только черезъ круглое отверстіе, находящееся на двадцать футовъ отъ пола, которое служитъ въ то-же время и окномъ и дверью и трубою; до него добираются по круглому столбу съ зарубками, стоящему перпендикулярно по серединѣ юрты. Перекладины, стропила и бревна, изъ которыхъ построена юрта, стали совершенно черными отъ постояннаго дыма. Вокругъ стѣнъ внутри юрты на одинъ футъ отъ пола возвышается платформа, имѣющая шесть футовъ въ ширину; по срединѣ-же остается кругъ въ восемь или десять футовъ въ діаметрѣ для огня и большого мѣднаго котла съ тающимъ снѣгомъ. На платформѣ устроены три или четыре четыреугольныхъ полога изъ шкуръ, служащихъ спальнями для хозяевъ и убѣжищами отъ дыма, выносить которой иногда нѣтъ никакой возможности. Маленькій кругъ изъ каменныхъ плитъ на землѣ, по серединѣ юрты, образуетъ очагъ,

надъ которымъ обыкновенно виситъ котелокъ съ рыбой или олениной, составляющими вмѣстѣ съ сушеной семгой, ворванью и прогорклымъ жиромъ всю пищу коряковъ. Все, что вы видите или до чего дотрогиваетесь, носитъ на себѣ отличительные слѣды корякскаго вкуса, а именно,—сала и копоти. О чьемъ-нибудь появленіи въ юртѣ вы узнаете по совершенному закрытію отверстія на потолкѣ и внезапному мраку, воцаряющемуся вокругъ насъ и если вы посмотрите на верхъ, то увидите сквозь облако дыма и оленьихъ волосъ, которые летятъ отъ одежды пришельца, пару тонкихъ ногъ, спускающихся по шесту. Вы скоро привыкните различать ноги вашихъ знакомыхъ по ихъ различной формѣ или обуви, такъ-что лица ихъ играютъ при этомъ второстепенную роль. Если вы видите ноги Ивана, спускающагося изъ трубы, вы увѣрены, что голова его гдѣ-нибудь недалеко въ облакѣ дыма и сапоги Николая, появляясь въ отверстіи, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ его прибытія. Когда снѣгъ настолько занесетъ юрту, что собаки могутъ по немъ добраться до трубы, то онѣ съ особеннымъ удовольствіемъ располагаются вокругъ отверстія, заглядывая въ юрту и наслаждаясь запахомъ рыбы, варящейся въ котлѣ надъ очагомъ. Очень часто случается, что эти собаки заводятъ между собою драку; каждой изъ нихъ непремѣнно требуется быть по-ближе къ отверстію. Въ ту минуту, какъ вы готовитесь снять съ огня обѣдъ изъ вареной семги, одна изъ собакъ, побѣжденная въ дракѣ, летитъ въ котелъ, а ея торжествующій противникъ смотритъ внизъ черезъ отверстіе трубы, наслаждаясь своимъ мщеніемъ надъ несчастной жертвой. Корякъ вытаскиваетъ за-шиворотъ полу-обваренную собаку, поднимается съ ней на крышу, бросаетъ ее въ какой-нибудь снѣжный сугробъ и возвращается съ невозмутимымъ спокойствіемъ ѣсть свою уху, которая была такъ

некстати приправлена собакой и волосами. Волосы и особенно оленья шерсть служатъ необходимой составной частью всякаго кушанья, приготовленнаго въ корякской юртѣ и мы вскорѣ привыкли смотрѣть на нихъ съ полнымъ равнодушіемъ. Не смотря на всѣ предосторожности, они непремѣнно попадались въ нашемъ чаѣ и супѣ и приставали къ нашей жареной говядинѣ. Кто-нибудь постоянно входилъ или уходилъ надъ очагомъ и цѣлое облако короткихъ сѣрыхъ волосъ отъ одеждъ изъ оленьей шкуры постоянно носилось надъ всѣмъ, что варилось внизу. Такимъ образомъ, нашъ первый обѣдъ въ корякской юртѣ въ Каменскѣ былъ далеко неаппетитенъ. Не прошло еще и двадцати минутъ послѣ нашего пріѣзда въ селеніе, какъ занимаемая нами юрта совершенно переполнилась людьми съ тупымъ и звѣрскимъ выраженіемъ на лицахъ, одѣтыхъ въ запачканныя платья изъ оленьихъ шкуръ, съ нитками разноцвѣтнаго бисера въ ушахъ и съ большими ножами въ два фута длины, которые они носили въ ножнахъ, привѣшанныхъ къ бедру. Очевидно, они принадлежали къ туземному племени, совершенно различному отъ тѣхъ, которыхъ мы до сихъ поръ видѣли и ихъ дикій, звѣрскій видъ не внушалъ намъ большого довѣрія. Вслѣдъ за ними вошелъ очень красивый русскій съ самой добродушной физіономіей, который, снявъ шапку, подошелъ къ намъ, поклонился и отрекомендовался намъ; это былъ казакъ изъ Гижигинска, посланный намъ на встрѣчу русскимъ исправникомъ.

Курьеръ, отправленный нами изъ Лѣсновска, пріѣхалъ въ Гижигинскъ за десять дней до насъ; исправникъ послалъ тотчасъ-же казака встрѣтить насъ въ Каменскѣ и проводить черезъ поселенія осѣдлыхъ коряковъ, обогнувъ верхнюю часть Пенжинскаго залива; казакъ тотчасъ-же разогналъ всѣхъ туземцевъ изъ юрты, а маіоръ сталъ разспрашивать его о характерѣ мѣст-

ности на сѣверъ и на западъ отъ Гижигинска, о разстояніи между Каменскомъ и русскимъ форпостомъ Анадырскомъ; объ удобствахъ путешествія зимою и о времени, которое надо употребить на эту поѣздку. Безпокоясь о партіи изслѣдователей, которая, какъ онъ предполагалъ, должна была высадиться, по распоряженію главнаго инженера, у устья Анадыри, маіоръ Абаза намѣревался отправиться изъ Каменска прямо въ Анадырскъ, чтобы разыскать эту партію. Онъ хотѣлъ послать Додда и меня на западъ, вдоль берега Охотскаго моря, на встрѣчу Могуда и Бёша. Казакъ сообщилъ намъ, что партія людей пріѣхали въ саняхъ на собакахъ съ Анадыри въ Гижигинскъ, передъ самымъ его отъѣздомъ и что она не привезла никакихъ извѣстій объ американцахъ, высадившихся въ той мѣстности. Полковникъ Бёлькли, главный инженеръ, обѣщалъ намъ, при нашемъ отъѣздѣ изъ С.-Франциско, выслать партію людей на китоловномъ суднѣ къ устьямъ Анадыри еще ранней осенью, такъ-что она могла-бы подняться вверхъ по рѣкѣ до Анадырска и соединиться съ нами по первому зимнему пути. Вѣроятно, онъ не исполнилъ этого обѣщанія, потому-что если-бы такая партія прибыла въ тѣ мѣста, жители Анадырска, конечно, слышали-бы о ней что-нибудь. Неблагопріятная мѣстность у Берингова пролива, или позднее время года заставили его, вѣроятно, отказаться отъ этого первоначальнаго плана. Маіоръ Абаза все время былъ противъ намѣренія высадить партію у Берингова пролива, но онъ противъ воли почувствовалъ неудовольствіе, узнавъ, что партія дѣйствительно не была выслана и что ему предстояло съ четырьмя людьми изслѣдовать тысячу восемьсотъ миль земли между проливомъ и рѣкою Амуромъ. Казакъ увѣрилъ насъ, что мы не встрѣтимъ въ Гижигинскѣ затрудненій относительно собакъ, саней и людей, для изслѣдованія мѣстности

на сѣверъ и на западъ отъ этого поселенія и что русскій исправникъ окажетъ намъ полное содѣйствіе съ своей стороны При такомъ положеніи дѣлъ, намъ оставалось только продолжать нашъ путь къ Гижигинску, куда, по словамъ казака, мы должны были пріѣхать черезъ два или три дня. Каменскимъ корякамъ было приказано тотчасъ-же приготовить двѣнадцать саней съ собаками и свезти насъ въ ближайшее селеніе Шестаково; вскорѣ все населеніе, подъ надзоромъ казака, было занято перекладкой нашихъ вещей и провизіи съ саней кочующихъ на длинныя узкія сани ихъ осѣдлыхъ единоплеменниковъ. Нашимъ прежнимъ проводникамъ было заплочено за ихъ труды не деньгами, а табакомъ, бусами и ситцами; послѣ долгихъ споровъ о поклажѣ между коряками и нашимъ новымъ казакомъ Кирилловымъ, намъ доложили, что все было готово; хотя было уже около полудня, но морозъ не унимался; завернувъ наши лица и головы въ большіе мѣховые воротники, мы размѣстились въ саняхъ, а сильныя корякскія собаки понесли насъ по селенію и спустились съ холма въ цѣломъ облакѣ снѣга, поднимаемаго острыми жердями управлявшихъ ими коряковъ.

Маіоръ, Доддъ и я ѣхали въ повозкахъ; но неосторожная ѣзда Каменскихъ коряковъ заставила насъ вскорѣ пожалѣть, что мы не придумали себѣ какого-нибудь другого экипажа, изъ котораго намъ удобнѣе было-бы выпрыгнуть, въ случаѣ несчастія. Въ настоящемъ-же нашемъ положеніи мы были такъ разбиты, что едва могли двинуться безъ посторонней помощи. Наши повозки очень походили на длинные, узкіе гробы, обтянутые тюленьей кожей и поставленные на полозья съ верхомъ, подъ которымъ могъ только едва помѣщаться одинъ человѣкъ. Большой фартукъ былъ прикрѣпленъ къ краямъ этого верха; онъ опускался въ дурную погоду и такъ плотно застегивался, что не

пропускалъ ни воздуха, ни снѣга. Усѣвшись въ эти сани, мы протянули ноги вдоль длиннаго грибообразнаго ящика, на которомъ сидѣли наши возницы, между тѣмъ какъ наши головы и плечи были защищены кожанымъ верхомъ. Представьте себѣ восьми-футовой гробъ на полозьяхъ и сидящаго въ немъ человѣка съ опрокинутой корзиной надъ головой, то вы будете имѣть точное понятіе о сибирской повозкѣ. Наши ноги такъ плотно лежали въ ящикахъ, а мы сами такъ были завалены подушками и тяжелыми мѣхами, что не могли ни выйти изъ саней, ни повернуться въ нихъ. При этомъ безпомощномъ положеніи, мы были совершенно во власти нашихъ возницъ; если-бы имъ даже вздумалось мчаться съ нами во весь опоръ по краю пропасти, то и тогда единственно, что мы могли-бы только сдѣлать, такъ это закрыть глаза, чтобы не видѣть грозящей намъ ежеминутно опасности полетѣть вмѣстѣ съ повозкой въ бездонную пропасть.

Втеченіи какихъ-нибудь трехъ часовъ, мой возница со своими четырнадцатьею бѣшеными собаками и со своей остроконечной палкой, семь разъ опрокинулъ мою повозку; при этомъ онъ тащилъ меня по снѣгу головою вверхъ, а ногами въ ящикъ и лицомъ въ снѣжномъ сугробѣ; самъ-же принимался курить и, вѣроятно, размышлять о неудобствахъ горнаго путешествія и о неустойчивости саней. Это приводило въ неистовство. Я грозилъ ему револьверомъ и клялся всѣми чертями корякской реогоніи, что если онъ еще разъ меня опрокинетъ я убью его какъ собаку, оставлю его дѣтей сиротами и причиню горе всѣмъ его сродникамъ. Но все было безполезно. Корякъ не имѣлъ достаточно свѣдѣній, чтобы бояться пистолета и не понималъ моихъ угрозъ. Онъ продолжалъ сидѣть на снѣгу, скорчившись набиралъ въ себя дымъ и смотрѣлъ на меня съ тупымъ удивленіемъ, точно я представлялъ изъ себя какого-ни-

будь особеннаго звѣря, проявляющаго странную способность болтать и махать руками самымъ смѣшнымъ образомъ безъ всякой видимой причины. Потомъ, когда ему нужно было покрывать льдомъ полозья его саней, что случалось три раза въ часъ, то онъ совершенно равнодушно опрокидывалъ повозку, подпиралъ ее своей остроконечной палкой, а я лежалъ головой внизъ все время, пока натиралъ полозья водой и кускомъ оленьей шкуры. Все это приводило меня въ сильное отчаяніе; наконецъ, мнѣ удалось высвободиться изъ моего гробообразнаго ящика и усѣсться рядомъ съ моимъ невозмутимымъ возницей. Тутъ мой ничѣмъ незащищенный носъ сталъ опять мерзнуть и до самаго Шестакова я все одной рукой теръ эту злополучную часть моего тѣла, а другой держался за сани, или въ случаѣ несчастья выкарабкивался съ помощью обѣихъ рукъ изъ снѣжнаго сугроба.

Единственнымъ утѣшеніемъ послужило мнѣ то обстоятельство, что положеніе маіора было еще печальнѣе, чѣмъ мое; конечно, этимъ онъ былъ обязанъ глупости и упрямству своего возницы. Лишь только маіоръ приказывалъ ѣхать, какъ корякъ останавливался и настаивалъ на томъ, чтобы покурить и самымъ искуснымъ образомъ опрокидывалъ маіора въ снѣжный сугробъ; когда возница намѣревался сойти пѣшкомъ съ крутой горы, то соскакивалъ съ своего сидѣнья и начиналъ кричать на собакъ, а тѣ несли маіора, подобно лавинѣ, до самой подошвы, подвергая опасности его жизнь; если коряку хотѣлось спать, то онъ самыми безстыдными жестами заставлялъ выходить изъ саней своего сѣдока и итти пѣшкомъ по склону горы; наконецъ маіоръ позвалъ Кириллова и велѣлъ ему объяснить коряку, что если онъ не будетъ слушаться, то его привяжутъ къ санямъ, свезутъ въ Гижигинскъ и передадутъ въ руки русскому исправнику. На это онъ обратилъ

нѣкоторое вниманіе; но всѣ наши корякскіе проводники выказывали такую дерзость и грубость, какую мы еще никогда не встрѣчали въ Сибири и которая выводила насъ изъ терпѣнія. Маіоръ объявилъ, что когда начнетъ вооружаться наша мненія и когда онъ будетъ имѣть на то право, онъ даетъ такой урокъ Каменскимъ корякамъ, который они не скоро забудутъ.

Послѣ обѣда намъ пришлось ѣхать по неровной и лишенной всякой растительности мѣстности, лежавшей между обнаженнымъ горнымъ кряжемъ и моремъ и только передъ самыми сумерками мы добрались до Шестакова, расположеннаго на берегу у устья маленькаго лѣсного потока. Остановившись здѣсь только на нѣсколько минутъ, чтобы дать отдохнуть нашимъ собакамъ, мы отправились въ другое корякское селеніе, называемое Микина, десять миль западнѣе Шестакова, гдѣ мы остановились ночевать.

Микина была копіей Каменскаго, только въ меньшей мѣрѣ; тѣ-же самыя юрты, на подобіе песочныхъ часовъ, тѣ-же коническіе балаганы на сваяхъ и тѣ-же большіе остовы „байдаръ", или морскихъ лодокъ, обтянутыхъ тюленьей кожей, лежали рядами на берегу. Мы подъѣхали къ лучшей юртѣ селенія, надъ которой висѣла убитая, выпотрошенная собака съ вѣнкомъ изъ зеленой травы вокругъ шеи и спустились по трубѣ въ плохую комнату, наполненную синеватымъ дымомъ, освѣщенную только слабымъ огнемъ по серединѣ землянаго пола и пропитанную запахомъ испорченной рыбы и прогорклаго жира. Вьюшинъ заварилъ котелокъ съ чаемъ надъ огнемъ и черезъ двадцать минутъ мы сидѣли по-турецки, на возвышенной платформѣ у одной изъ стѣнъ юрты, жуя черствый хлѣбъ и запивая его чаемъ; около двадцати мужчинъ съ дикими отвратительными лицами сидѣли, скрючившись вокругъ насъ и слѣдили зо всѣми нашими малѣйшими движеніями.

Осѣдлые коряки Пенжинскаго залива, безъ сомнѣнія, представляютъ самое худшее, самое безобразнѣйшее и стоящее на нисшей ступени развитія, племя изъ всѣхъ туземцевъ Сѣверо-восточной Азіи. Ихъ насчитываютъ не болѣе трехъ или четырехъ сотъ человѣкъ; они живутъ въ пяти отдѣльныхъ селеніяхъ вдоль морского берега; но они причинили намъ болѣе непріятностей, чѣмъ всѣ жители Сибири и Камчатки вмѣстѣ взятые. Сначала они также вели кочевую жизнь, подобно остальнымъ корякамъ; но лишившись своихъ оленей, вслѣдствіе какого-то несчастья или эпидеміи, они построили себѣ дома изъ лѣса, выбрасываемаго моремъ на берегъ, поселились въ нихъ и поддерживаютъ теперь свое жалкое существованіе рыбной и тюленьей ловлей и отыскиваніемъ остововъ китовъ, которые были убиты американскими китоловными промышленниками для полученія ворвани и прибиты потомъ моремъ къ берегу. Они имѣютъ жестокій и звѣрскій нравъ, грубы, мстительны, безчестны и вѣроломны—словомъ, у нихъ нѣтъ ни одного изъ качествъ кочующихъ коряковъ. Причины такой рѣзкой противуположности между обоими племенами весьма разнообразны. Во-первыхъ „осѣдлые“ живутъ постоянно въ селеніяхъ, которыя часто посѣщаются русскими купцами и отъ этихъ купцовъ и русскихъ крестьянъ они получили большую часть пороковъ цивилизованнаго общества, не усвоивъ ни одного изъ его достоинствъ. Къ этому надо прибавить развращающее вліяніе американскихъ китолововъ, которые познакомили осѣдлыхъ коряковъ съ ромомъ и внесли къ нимъ страшныя болѣзни, которыя еще увеличиваются отъ ихъ образа жизни и ихъ бѣдности. Они заимствовали отъ русскихъ—ложь, обманъ и воровство; отъ китолововъ—пьянство и распущенность нравовъ. Кромѣ всѣхъ этихъ пороковъ, они уничтожаютъ въ огромномъ количествѣ опьяняющій сибирскій мухоморъ, а этотъ образъ жизни можетъ

развратить и низвести каждаго человѣка до самаго низкаго уровня. Образъ жизни кочующихъ коряковъ спасаетъ ихъ отъ всѣхъ этихъ пагубныхъ вліяній. Они проводятъ бо̀льшую часть своего времени на открытомъ воздухѣ, обладаютъ болѣе здоровымъ и правильно развитымъ тѣлосложеніемъ, рѣдко видятъ русскихъ купцовъ и русскую водку и вообще умѣренны, цѣломудренны и человѣчны. Слѣдовательно, кочевыя племена сѣверо-восточной Азіи въ нравственномъ, физическомъ и умственномъ отношеніяхъ стоятъ много выше осѣдлыхъ туземцевъ; эти послѣдніе никогда не будутъ въ состояніи сравниться съ ними. Я питаю искреннее и полное уваженіе ко многимъ кочующимъ корякамъ, которыхъ мнѣ доводилось встрѣчать на обширныхъ сибирскихъ тундрахъ, но ихъ осѣдлые сосѣди—самые худшіе образцы людей, которыхъ я когда-либо видѣлъ во всей сѣверной Азіи отъ Берингова пролива до Уральскихъ горъ. Быть можетъ, эти люди мало и виноваты въ томъ низкомъ уровнѣ нравственности, до которой они дошли, а причиною этому служитъ ихъ частое общеніе съ пріѣзжими купцами, которые, соблюдая свои меркантильныя выгоды, стараются пріучить этихъ людей къ водкѣ и къ пьянству, что главнымъ образомъ и имѣетъ на нихъ такое пагубное вліяніе.

ГЛАВА XXII.

Путешествіе на собакахъ.—Происшествіе съ оленями.—Гижигинскъ.—Исправникъ и его гостепріимство.—Планы на счетъ телеграфа. — Наша партія отправляется въ Анадырскъ.

Мы выѣхали изъ Микины рано утромъ 23-го ноября и снова понеслись по огромной снѣжной равнинѣ, гдѣ невидно другой растительности, кромѣ травы и нѣсколькихъ тощихъ экземпляровъ малорослой сосны.

Съ самаго отъѣзда изъ Лѣсновска я изучалъ искусство управлять собаками съ рѣшительнымъ, но невысказаннымъ намѣреніемъ; я брался за это дѣло при всякомъ благопріятномъ случаѣ, думая удивить управленіемъ моей стаи Додда и туземцевъ, выказывая при этомъ ловкость опытнаго „кіура".

Я уже давно замѣтилъ, по собственному опыту, что эти невѣжественные коряки цѣнятъ человѣка не столько по превосходству его познаній надъ ихъ собственными, сколько по его умѣнью взяться за ихъ исключительныя занятія; потому-то я и рѣшился доказать этимъ неразвитымъ умамъ, что сила цивилизаціи имѣетъ большое значеніе, а бѣлый человѣкъ, несмотря на цвѣтъ его кожи, можетъ управлять собаками, единственно по соображенію, лучше, чѣмъ они вслѣдствіе накопленнаго вѣками опыта; въ случаѣ необходимости, онъ можетъ дѣйствительно развить правила управленія собаками изъ глубины своего нравственнаго сознанія. Я долженъ признаться, впрочемъ, что самъ несовсѣмъ былъ проникнутъ справедливостью своихъ идей, а вслѣдствіе этого и не пренебрегалъ пользоваться результатами туземной опытности, насколько они соотвѣтствовали моимъ собственнымъ убѣжденіямъ. Я слѣдилъ за каждымъ движеніемъ моего корякскаго спутника и теоретически изучалъ, какъ онъ, вмѣсто тормаза, вонзалъ остроконечную палку въ снѣгъ между полозьями и мысленно зубрилъ односложныя, горловыя слова, означавшія „направо и налѣво", а также и многіе другіе, странные для меня звуки; въ глубинѣ души, я льстилъ себя надеждой, что съумѣю управлять не хуже, если не лучше коряка. Моимъ неопытнымъ глазамъ это казалось такъ-же легко, какъ раззориться на Калифорнскихъ золотыхъ пріискахъ. На этотъ разъ дорога была достаточно сносная, погода стояла хорошая и я рѣшился привести въ исполненіе мое намѣреніе. Согласно

съ этимъ, я сдѣлалъ знакъ моему корякскому возницѣ сѣсть въ повозку и передать мнѣ знаки своего достоинства. Когда онъ вручилъ мнѣ свою остроконечную палку, я замѣтилъ на его губахъ худо скрытую насмѣшку, свидѣтельствующую о его недовѣріи къ моему искусству; но я принялъ это такъ, какъ человѣку науки слѣдуетъ принимать улыбку невѣждъ, т. е. съ молчаливымъ презрѣніемъ и, усѣвшись верхомъ на санки, я крикнулъ: „ну! Пошелъ!“ Мой голосъ не произвелъ того устрашающаго дѣйствія, котораго я ожидалъ, вѣроятно, потому, что былъ далеко не такъ рѣзокъ и грубъ, какъ у коряковъ. Передовая собака, угрюмое, суровое животное, беззаботно оглянулась на меня и очень замѣтно убавила рыси. Это внезапное и очевидное недовѣріе къ моей власти со стороны собакъ подѣйствовало на мою самоувѣренность гораздо болѣе всѣхъ насмѣшекъ коряковъ. Но мои средства не были еще совсѣмъ истощены и я обрушалъ на всѣхъ собакъ кучу односложныхъ, двухсложныхъ и многосложныхъ восклицаній въ родѣ слѣдующихъ: „Ахъ, ты, шельма, проклятая такая! Смотри! Я тебѣ дамъ!“ Но моя ругань и мои крики были совершенно напрасны; собаки оставались нечувствительными къ такому риторическому фейерверку словъ и восклицаній и доказывали полное равнодушіе ко мнѣ и даже все болѣе и болѣе замедляли ходъ. Когда я излилъ на нихъ до дна чашу всего своего гнѣва, Доддъ, понимавшій смыслъ словъ, которыми я такъ злоупотреблялъ, подъѣхалъ ко мнѣ и замѣтилъ небрежно:

— Вы божитесь довольно хорошо для начинающаго.

Если-бы пропасть разверзлась вдругъ подъ моими ногами, я, кажется, не пришелъ-бы въ такое изумленіе, какъ теперь, услыша слова Додда.

— Божусь? Я божусь? Вѣроятно, вы не то хотѣли сказать?

— Конечно, вы божились, какъ морской разбойникъ, совершенно равнодушно отвѣчалъ мнѣ Доддъ.

Я въ смущеніи выпустилъ изъ рукъ остроконечную палку. Развѣ это было умѣнье управлять собаками, почерпнутое мной изъ глубины моего нравственнаго сознанія?

Оно, казалось, возникло скорѣе въ глубинѣ моей безнравственной безсознательности.

— Какъ, безсовѣстный богохульникъ, вскричалъ я, не вы-ли сами научили меня этимъ словамъ?

— Разумѣется, я, отвѣчалъ онъ, нисколько не стѣсняясь,—но вы у меня не спрашивали ихъ смысла; вы спрашивали, какъ ихъ выговаривать правильно я и сказалъ вамъ. Я полагалъ, что вы дѣлаете только изслѣдованія по сравнительной филологіи,—пытаясь доказать единство человѣческаго рода по сходству клятвъ и брани, или по сравненію богохульствъ, доказать законное происхожденіе индѣйцевъ отъ китайцевъ. Я знаю, что ваша голова (во всѣхъ другихъ отношеніяхъ прекрасная) всегда была наполнена вздоромъ такого рода.

— Доддъ, — возразилъ я съ торжественностью, которая должна была пробудить раскаяніе въ его очерствѣломъ сердцѣ,—я безсознательно былъ введенъ въ грѣхъ, но такъ-какъ согрѣшить немножко болѣе или немножко менѣе рѣшительно все равно, то мнѣ очень хочется наградить васъ нѣсколькими подобными эпитетами.

Доддъ тихо засмѣялся и проѣхалъ мимо. Этотъ маленькій случай значительно умѣрилъ мой восторгъ, я сдѣлался крайне остороженъ въ употребленіи иностранныхъ словъ, если не понималъ ихъ настоящаго смысла. Я опасался существованія какихъ-нибудь страшныхъ ругательствъ въ самой простой рѣчи и подозрѣвалъ богохульство даже въ односложныхъ восклицаніяхъ „Рэта“ и „Хугъ“, которыя означали, какъ мнѣ объяснили, „направо“ и „налѣво“. Собаки, пользующія

малѣйшимъ невниманіемъ своего руководителя, были очень довольны моимъ молчаніемъ и высказали необыкновенную склонность останавливаться и отдыхать, что совершенно противорѣчило дисциплинѣ и на что онѣ никогда не осмѣлились-бы съ болѣе опытнымъ возницею. Рѣшившись доказать имъ свою власть болѣе ощутительными мѣрами, я пустилъ въ передовую собаку своей остроконечной палкой, какъ багромъ, разсчитывая поднять ее когда сани будутъ проѣзжать мимо. Но собака ловко увернулась отъ палки, а послѣдняя отлетѣла на десять футовъ отъ дороги. Въ эту самую минуту, три или четыре дикихъ оленя выскочили изъ-за маленькаго возвышенія въ двухъ или трехъ стахъ аршинахъ отъ насъ и понеслись по степи къ глубокому крутому оврагу, на днѣ котораго протекалъ притокъ рѣки Микины. Собаки, вѣрныя своему волчьему инстинкту, разгорячились и погнались за ними съ громкимъ лаемъ. Я былъ въ отчаяніи и хотѣлъ схватить свою злополучную остроконечную палку, пока мы неслись мимо нея, но не успѣлъ и мы помчались по тундрѣ къ оврагу; сани бо̀льшую часть времени лежали на боку и такъ подпрыгивали на жесткихъ затругахъ и снѣжныхъ сугробахъ, что грозили совершенно разломиться. Корякъ съ удивительной догадливостью скатился съ саней за нѣсколько секундъ передъ этимъ и, оглянувшись назадъ я увидалъ странную фигуру, катящуюся вслѣдъ за мной по снѣгу. Видя передъ собой неминуемую гибель, мнѣ некогда было обращать вниманіе на его положеніе. Всѣ мои усилія были обращены на то, чтобы умѣрить ту страшную быстроту, съ которой мы приближались къ оврагу. Безъ остроконечной палки я былъ совсѣмъ безпомощенъ и черезъ минуту мы были на краю пропасти. Я закрылъ глаза, крѣпко схватился за дугу полозьевъ и мы помчались внизъ. Почти на полдорогѣ спускъ дѣлался круче и

передовая собака бросилась въ сторону, опрокинувъ сани и отбросивъ меня, подобно огромному, живому метеору, въ глубокій, мягкій снѣжный сугробъ на дно оврага. Я упалъ съ высоты, по крайней мѣрѣ, восемнадцати футъ и весь погрузился въ сугробъ, за исключеніемъ моихъ крайнихъ конечностей, которыя выглядывали изъ снѣга, точно взывая о помощи. Закутанный въ тяжелые мѣха, я съ трудомъ могъ выбраться наружу и когда мнѣ удалось, наконецъ, снова выглянуть на свѣтъ, я увидалъ круглое лицо моего возницы, которое, широко улыбаясь, глядѣло на меня черезъ кусты съ края скалы. Мнѣ казалось, что этотъ человѣкъ точно радуется моей неудачѣ.

— Ума! закричалъ онъ.

— Что? спросила снѣжная фигура, стоящая по поясъ въ сугробѣ.

— У американцевъ нѣтъ хорошихъ кіуровъ; не правда-ли?

— Совсѣмъ нѣтъ хорошихъ,—печально отвѣчалъ я, выбравшись изъ оврага.

Сани оказались въ кустахъ возлѣ меня, зацѣпившимися за сучья, а собаки выли въ одинъ голосъ, доведенныя почти до бѣшенства такой неожиданной для нихъ обстановкою.

Я былъ на столько недоволенъ своимъ опытомъ, что не желалъ повторить его снова и не возражалъ ничего, когда корякъ опять занялъ свое первоначальное мѣсто. Логика событій вполнѣ убѣдила меня, что искусство управлять собаками требуетъ болѣе внимательнаго и серьезнаго изученія, чѣмъ я думалъ до сихъ поръ; вслѣдствіе этого, я рѣшился старательно усвоить элементарныя правила управленія собаками отъ корякскихъ профессоровъ, прежде-чѣмъ вторично попробовать приложить свои идеи къ практикѣ.

Когда мы снова выбрались изъ оврага на открытую

степь я увидалъ, что вся наша партія опередила насъ на цѣлую милю, быстро приближаясь къ корякскому селенію Куиль. Мы миновали Куиль поздно за полдень и расположились на ночь въ рощѣ изъ березъ, тополей и осинъ, на берегу рѣки Парены.

Мы были теперь на разстояніи только семидесяти миль отъ Гижигинска. На слѣдующую ночь мы достигли небольшой, построенной здѣсь правительствомъ у одного изъ притоковъ рѣки Гижиги, бревенчатой юрты для пріюта путешественниковъ; въ пятницу утромъ, 25 ноября, около одиннадцати часовъ, мы увидали красныя колокольни русскаго города Гижигинска. Кто не путешествовалъ впродолженіе трехъ долгихъ мѣсяцевъ по такой дикой странѣ, какъ Камчатка, не располагался лагеремъ среди пустынныхъ горъ въ бурныя ночи, не спалъ въ продолженіе трехъ недѣль въ дымныхъ палаткахъ и еще болѣе дымныхъ и грязныхъ юртахъ коряковъ и не жилъ совершенно дикой и варварской жизнью—кто не испыталъ всего этого, тотъ не можетъ понять, съ какимъ радостнымъ сердцемъ мы привѣтствовали эти красныя колокольни, служившія признакомъ цивилизаціи. Да, мы радовались, какъ дѣти, что видимъ улицы, дома, церкви съ ихъ колокольнями, а не занесенную снѣгомъ пустыню и грязныя юрты коряковъ.

Почти цѣлый мѣсяцъ намъ приходилось спать или на голой землѣ, или на снѣгу, или-же подъ душными пологами въ юртахъ коряковъ. Мы не видали ни стула, ни стола, ни кровати, ни зеркала; не раздѣвались ни ночью, ни днемъ и умывались не болѣе одного раза въ недѣлю! Мы были покрыты грязью и копотью отъ пролѣзанія въ корякскія трубы; наши волосы висѣли нечесанными прядями за ушами, кожа лупилась на отмороженныхъ носахъ и скулахъ; наше платье и панталоны были покрыты сѣрыми оленьими волосами нашихъ кухлянокъ; вообще, у насъ былъ самый неряш-

ливый и дикій видъ, какой только можно себѣ представить. Мы, впрочемъ, не успѣли даже осмотрѣться хорошенько, потому-что наши собаки неслись бѣшенымъ галопомъ по городу съ громкимъ воемъ, возбудившимъ отвѣтный вой двухъ или трехъ сотъ другихъ собакъ; возницы наши кричали: „Кхта! кхта! гухъ! гухъ!" поднимая при этомъ своими остроконечными палками цѣлыя облака снѣга по улицамъ; все поселеніе выбѣжало къ воротамъ, чтобы узнать причину такого адскаго шума. Наши пятнадцать саней, одни за другими мчались по городу и остановились, наконецъ, передъ большимъ удобнымъ домомъ, сь двойными рамами въ окнахъ, который былъ приготовленъ, по словамъ, Кириллова, для нашего пріѣзда. Едва только мы успѣли войти въ большую, чистую комнату и сбросить наши тяжелыя замерзшія одежды, какъ вошелъ живой, бодрый господинъ съ густыми каштановыми усами и свѣтлыми, коротко остриженными волосами, одѣтый въ платье изъ толстаго сукна и безукоризненную полотняную рубашку, съ перстнями на пальцахъ, съ толстой цѣпочкой на жилетѣ и тростью въ рукахъ. Мы тотчасъ-же узнали въ немъ здѣшняго исправника. Доддъ и я хотѣли сначала скрыться изъ комнаты, но было уже поздно; поздоровавшись съ нашимъ хозяиномъ, мы довольно неловко усѣлись на стулья, завернули наши закоптѣлыя руки въ красные и желтые бумажныя платки и, живо сознавая грязь на нашихъ лицахъ и вообще нашу непривлекательную наружность, мы старались принять видъ, достойный участниковъ великой экспедиціи россійско-американскаго телеграфа. Но мы потерпѣли жалкую неудачу, потому-что, не смотря на всѣ наши старанія, мы не походили ни на что иное, какъ на кочующихъ коряковъ въ бѣдственномъ положеніи. Исправникъ, впрочемъ, не замѣчалъ, кажется, ничего особеннаго въ нашей наружности и осыпалъ

насъ градомъ быстрыхъ нервическихъ вопросовъ вродѣ слѣдующихъ:

— Когда вы оставили Петропавловскъ? Прямо-ли вы изъ Америки? Я послалъ казака. Встрѣтили-ли вы его? Какъ вы переѣхали тундры,—съ коряками? Ахъ, эти проклятые коряки! Нѣтъ-ли извѣстій изъ Петербурга? Вы должны сегодня у меня обѣдать. Долго-ли вы останетесь въ городѣ? Вы можете отправиться въ баню сейчасъ-же послѣ обѣда. Эй! Люди! (громко и повелительно) подите, велите Ивану поскорѣе истопить баню! Ахъ! Чортъ ихъ возьми!

Безпокойный маленькій человѣкъ замолчалъ, наконецъ, въ полномъ истощеніи и началъ нервно шагать по комнатѣ. Маіоръ разсказывалъ о нашихъ похожденіяхъ, сообщалъ новѣйшія вѣсти изъ Россіи, объяснялъ наши планы, цѣль нашей экспедиціи, говорилъ ему объ убійствѣ Линкольна, объ окончаніи возмущенія, о послѣднихъ событіяхъ французскаго вторженія въ Мексику, о слухахъ объ Императорскомъ Дворѣ и, вообще, о разныхъ происшествіяхъ, которыя намъ были извѣстны уже полгода тому назадъ, но о которыхъ бѣдный исправникъ не слыхалъ ни слова въ своемъ изгнаніи. Онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій изъ Россіи почти одиннадцать мѣсяцевъ. Взявъ съ насъ вторично слово, что мы сейчасъ-же придемъ къ нему обѣдать, онъ вышелъ изъ комнаты и далъ намъ возможность приступить къ умыванью и одѣванью.

Два часа спустя, во всемъ блескѣ нашихъ синихъ мундировъ и мѣдныхъ пуговицъ, съ выбритыми лицами, въ накрахмаленномъ бѣльѣ и лакированныхъ сапогахъ, „Первая сибирская партія изслѣдователей“ отправилась на обѣдъ къ исправнику. Русскіе крестьяне, которыхъ мы встрѣчали, инстинктивно снимали свои обледенѣлыя мѣховыя шапки и смотрѣли на насъ съ изумленіемъ, проходя мимо, какъ будто мы чудомъ упали на землю,

изъ небеснаго пространства. Никто не узналъ-бы въ насъ грязныхъ, закоптѣлыхъ, оборванныхъ бродягъ, которые только два часа тому назадъ въѣзжали въ городъ. Куколки развернулись въ голубыя съ золотомъ бабочки!

Исправникъ ожидалъ насъ въ свѣтлой просторной комнатѣ, убранной со всей роскошью цивилизаціи. Стѣны были оклеены обоями и украшены дорогими картинами и литографіями; на окнахъ висѣли занавѣси, полъ былъ покрытъ мягкимъ ковромъ съ яркими цвѣтами; большой письменный столъ орѣховаго дерева занималъ одинъ уголъ комнаты, а по серединѣ стоялъ обѣденный столъ, покрытый чистой скатертью и уставленный китайскимъ фарфоромъ и серебромъ. Мы были пріятно поражены при видѣ такого необычнаго и неожиданнаго великолѣпія. Послѣ неизбѣжной рюмки водки и закуски, состоящей изъ копченой рыбы, ржанаго хлѣба и икры, предшествующихъ каждому русскому обѣду, мы заняли наши мѣста вокругъ стола и провели полтора часа за щами, кулебякой съ семгой, котлетами, дичью, маленькими пирожками съ говядиной, пуддингомъ и пирожнымъ; всѣ эти блюда послѣдовательно ставились передъ нами. За обѣдомъ мы разсуждали о всевозможныхъ предметахъ, начиная отъ бревенчатыхъ селеній Камчатки и до императорскихъ дворцовъ Москвы и Петербурга. Потомъ нашъ хозяинъ велѣлъ подать шампанскаго и сидя передъ прозрачными высокими бокалами холоднаго шипучаго клико, мы размышляли о случайностяхъ сибирской жизни. Вчера еще мы сидѣли на голой землѣ въ корякской палаткѣ и ѣли пальцами оленину изъ деревяннаго корыта, а сегодня мы обѣдаемъ у русскаго исправника, въ роскошномъ домѣ, наслаждаемся котлетами, пуддингомъ и шампанскимъ. Исключая нашей замѣтной, но подавляемой склонности поджать ноги и сѣсть на полъ, мнѣ кажется, въ на-

шемъ обращеніи, не было ничего изобличающаго дикую свободную жизнь, которой мы такъ недавно жили. Мы владѣли ножами и вилками и глотали наше кушанье съ граціей, которая возбудила-бы зависть самого лорда Честерфильда. Но все это утомляло насъ.

Лишь только мы возвратились въ нашу квартиру, какъ сейчасъ-же сбросили наши мундиры, разостлали на полу медвѣжьи шкуры и усѣлись на нихъ, поджавши ноги, чтобы покурить и по старому насладиться свободой. Если-бы наши лица были немного погрязнѣе, мы были-бы совершенно счастливы.

Слѣдующіе десять дней нашего пребыванія въ Гижигинскѣ были проведены, сравнительно, въ праздности. Мы гуляли немного, когда не было очень холодно, принимали формальные визиты мѣстныхъ русскихъ купцовъ, посѣщали исправника, по вечерамъ пили его восхитительный цвѣточный чай и курили его папиросы, вознаграждая себя за три мѣсяца утомительной жизни и наслаждаясь въ избыткѣ всѣми удовольствіями, которыя намъ доставилъ этотъ маленькій городокъ.

Но эта пріятная праздная жизнь была вскорѣ прервана приказаніемъ маіора готовиться къ зимнему путешествію, чтобы при первомъ распоряженіи отправиться къ полярному кругу или на западный берегъ Охотскаго моря. Онъ рѣшился изслѣдовать путь для нашей предположенной линіи отъ Берингова пролива до Амура. прежде наступленія весны,—а слѣдовательно, нечего было терять времени. Свѣдѣнія, которыя мы могли собрать въ Гижигинскѣ относительно внутренности страны, были крайне сбивчивы, неясны и неопредѣленны. По словамъ туземцевъ, между Охотскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ было всего два поселенія и ближайшее изъ нихъ, Пенжинскъ, находился на разстояніи четырехсотъ верстъ; почва состояла изъ огромныхъ тундръ, поросшихъ мхомъ и совершенно

безлѣсныхъ; лѣтомъ такія тундры непроходимы; страна, лежащая на сѣверо-востокѣ отъ послѣдняго поселенія, была необитаема отъ недостатка въ ней лѣса. Одинъ русскій чиновникъ, по имени Филиппеусъ, хотѣлъ изслѣдовать эту тундру зимою 1860 года, но возвратился безуспѣшно въ самомъ жалкомъ видѣ съ извѣстіемъ, что на пространствѣ 800 верстъ, между Гижигинскомъ и устьемъ Анадыра, въ четырехъ или пяти мѣстахъ, только можно найти довольно большія деревья для телеграфныхъ столбовъ и что, кромѣ того, можно встрѣтить на пути только изрѣдка мѣстечки, поросшія малорослой сосной. Отъ Гижигинска до послѣдняго поселенія, русскаго форпоста Анадырска, у полярнаго круга, должно было быть ѣзды отъ двадцати до тридцати дней, смотря по погодѣ, а далѣе этого не было никакой возможности продолжать путь. Мѣстность на западъ отъ Гижигинска, вдоль берега Охотскаго моря, была, по общему отзыву, лучше, но гориста и съ самымъ суровымъ климатомъ; тутъ встрѣчаются густые лѣса сосенъ и лиственницъ. До Охотска, отстоящаго отсюда на восемьсотъ верстъ, можно было доѣхать на собакахъ втеченіе мѣсяца. Это были, въ немногихъ словахъ, всѣ свѣдѣнія, которыя мы могли только собрать и, конечно, они не внушили намъ большого довѣрія къ успѣшному окончанію нашего предпріятія. Я въ первый разъ только сообразилъ громадность труда, предпринятаго компаніей россійско-американскаго телеграфа. Но, взявшись разъ за такое дѣло, мы были обязаны изслѣдовать страну вполнѣ добросовѣстно, собрать вѣрныя свѣдѣнія объ ея площади и свойствѣ почвы и избрать легчайшій способъ для сооруженія нашей линіи. Русскія поселенія Охотскъ и Гижигинскъ раздѣляли страну между Беринговымъ проливомъ и рѣкою Амуромъ на три, почти равныя, части, изъ которыхъ двѣ были гористы и лѣсисты, а одна, сравнительно, низменна и

почти безлюдна. Первая изъ этихъ частей, между Амуромъ и Охотскомъ, была поручена Мегуду и Бёшу и мы предполагали, что они уже приступили къ ея изслѣдованію. Остальныя двѣ части, заключающія въ себѣ все пространство между Охотскомъ и Беринговымъ проливомъ, должны были быть раздѣлены между маіоромъ, Доддомъ и мною. Имѣя въ виду пустынность необитаемой территоріи на западъ отъ Берингова пролива, мы рѣшились оставить ее неизслѣдованной до весны, а, можетъ быть, и до слѣдующаго года. Мы не получили обѣщаннаго содѣйствія со стороны анадырскаго отдѣленія партіи и, за недостаткомъ людей; для этого, маіоръ не находилъ возможности предпринять изслѣдованіе страны, представляющей такія большія препятствія для зимняго путешествія. Разстояніе, которое мы должны были пройти, простиралось, такимъ образомъ, на тысячу четыреста верстъ отъ Охотска до Анадырска, почти у самаго полярнаго круга. Послѣ нѣкоторыхъ преній, маіоръ рѣшился послать Додда и меня съ партіей туземцевъ, въ Анадырскъ, а самому отправиться на собакахъ къ Охотску, гдѣ онъ ожидалъ встрѣтить Мегуда и Бёша. Такимъ образомъ, мы надѣялись довольно вѣрно обозрѣть весь путь предполагаемой линіи втеченіе пяти мѣсяцевъ. Съѣстные припасы, привезенные нами изъ Петропавловска, были всѣ уничтожены, за исключеніемъ небольшого количества чая, сахара и нѣсколькихъ кадочекъ соленаго мяса; въ Гижинскѣ мы получили два или три пуда ржаного хлѣба, четыре или пять мерзлыхъ оленей, соли и огромное количество „юколы“ или сушеной рыбы. Въ этомъ, вмѣстѣ съ чаемъ и сахаромъ и нѣсколькими брусками мороженнаго молока, заключались всѣ наши съѣстные припасы. Мы запаслись также шестью или восемью пудами черкаскаго табаку въ листьяхъ, для расплаты съ туземцами вмѣсто денегъ, раздѣлили

поровну нашъ маленькій запасъ бусъ, трубокъ, костей и другихъ предметовъ торговли, купили новыя, полныя мѣховыя одежды и приготовились къ трехъ или четырехмѣсячной кочевой жизни въ сѣверномъ климатѣ. Русскій исправникъ приказалъ шести казакамъ перевезти Додда и меня на собакахъ въ корякское селеніе Шестаково и послать сказать въ Пенжину черезъ возвращающихся въ Анадырскъ людей, чтобы намъ были готовы три или четыре человѣка съ собаками къ 20-му декабрю, для доставленія насъ изъ Пенжины въ Анадырскъ. Мы пригласили стараго и опытнаго казака Григорія Зиновьева быть нашимъ проводникомъ у чукчей, наняли молодого русскаго, по имени Егора, въ повара и адъютанты (въ полномъ смыслѣ слова), уложили наши вещи въ сани, увязали ихъ ремнями изъ тюленьей кожи и 13-го декабря были совсѣмъ готовы отправиться въ путь. Вечеромъ мы получили наши инструкціи отъ маіора. Они заключались въ томъ, чтобы слѣдовать по прямому пути въ Анадырскъ, черезъ Шестаково и Пенжину, удостовѣриться въ удобствахъ почвы, въ возможности достать строевой лѣсъ для сооруженія телеграфной линіи и нанять туземцевъ для приготовленія столбовъ въ Пенжинѣ и Анадырскѣ и изслѣдовать, гдѣ возможно близъ - лежащія мѣстности, для отысканія мѣстныхъ рѣкъ по сосѣдству Пенжинскаго залива и Берингова моря. Поздней весною мы должны были возвратиться въ Гижигинскъ со всѣми тѣми свѣдѣніями, которыя намъ удастся собрать о странѣ между этимъ пунктомъ и полярнымъ кругомъ. Маіоръ самъ долженъ былъ остаться въ Гижигинскѣ, приблизительно, до 17 декабря, а потомъ отправиться на собакахъ съ Вьюшинымъ и маленькой партіей казаковъ въ Охотскъ. Если онъ соединится въ этомъ городѣ съ Мегудомъ и Бёшомъ, онъ тотчасъ-же поѣдетъ обратно и встрѣтитъ насъ въ Гижигинскѣ.

ГЛАВА XXIII.

Путешествіе по полярнымъ странамъ зимою.—Мальмовка.—Ночныя картины.—Шестаково.

13-го декабря утромъ было 31° мороза, а между тѣмъ утро было ясное и тихое; но такъ-какъ въ это время года солнце восходитъ на горизонтѣ не ранѣе половины одинадцатаго, то мы только около полудня успѣли собрать нашихъ проводниковъ съ собаками. Наша маленькая партія, состоящая изъ десяти человѣкъ, представляла совсѣмъ новый и весьма живописный видъ; всѣ были въ пестро-вышитыхъ мѣховыхъ одеждахъ, красныхъ кушакахъ и лисьихъ капорахъ, когда мы собрались во всемъ своемъ составѣ передъ нашимъ домомъ, чтобы проститься съ исправникомъ и маіоромъ. Восемь тяжело нагруженныхъ саней стояли врядъ у крыльца и около сотни собакъ бѣшенно рвались въ сбруяхъ и оглушительно лаяли отъ нетерпѣнія, когда мы вышли изъ комнаты на тихій морозный воздухъ. Мы простились со всѣми и послѣ сердечнаго восклицанія маіора: „Богъ съ вами, ребята!“ исчезли въ облакахъ снѣга, рѣзавшаго намъ лицо. Сѣдой старикъ Падеринъ, начальникъ Гижигинскихъ казаковъ, съ заиндивѣвшей бородой, стоялъ на крыльцѣ своего маленькаго, краснаго бревенчатаго домика, когда мы проѣзжали мимо и махалъ намъ мѣховой шапкой въ знакъ послѣдняго прощанія, пока мы не выѣхали на большую гладкую степь за городомъ.

Было ровно двѣнадцать часовъ, но солнце, не смотря на это, стояло все еще низко на южномъ горизонтѣ, въ видѣ краснаго огненнаго шара; надъ бѣлымъ снѣжнымъ пейзажемъ былъ разлитъ какой-то странный сѣрый полусвѣтъ. Мнѣ все казалось, что солнце только-

что восходило и что скоро будетъ совершенно свѣтло. Какая-то бѣлая птица, по временамъ, пролетала мимо насъ, шумно махая крыльями и издавала рѣзкій испуганный „кверкъ, кверкъ, кверкъ" и, отлетѣвъ на нѣсколько саженъ, усаживалась гдѣ-нибудь на снѣгу и вскорѣ исчезала изъ виду. Нѣсколько сорокъ сидѣли неподвижно въ сосновыхъ кустахъ, когда мы проѣзжали мимо; онѣ, казалось, совсѣмъ замерзли отъ страшнаго холода. Далекія очертанія синѣющейся полосы лѣса вдоль рѣки Гижиги колебались и дрожали, точно сквозь паръ, а бѣлыя горы, какъ привидѣнія, на тридцать миль южнѣе насъ, отражались въ воздухѣ тысячами фантастическихъ формъ, которыя незамѣтно сливались и переходили однѣ въ другія, подобно ряду туманныхъ картинъ. Во всякой чертѣ этого пейзажа было что-то странное, причудливое, полярное, а вмѣстѣ и что-то суровое, величественное, грозное; точно эти горы не то манили насъ къ себѣ, не то угрожали намъ своею таинственностью. Красное солнце медленно катилось по южному горизонту, пока не остановилось, какъ кажется, надъ бѣлой, снѣжной вершиной, далеко на юго-западѣ и потомъ, пока мы все еще ожидали дня, внезапно исчезло и пасмурный полусвѣтъ постепенно перешелъ въ мракъ. Только три часа прошло послѣ восхода солнца, а уже звѣзды первой величины были ясно видны на небѣ.

Мы остановились на ночь въ домѣ русскаго крестьянина, живущаго на берегу Гижиги, пятнадцать верстъ восточнѣе поселенія. Пока мы пили чай, нарочный пріѣхалъ изъ города и привезъ намъ два замороженныхъ пирога съ брусникой, какъ прощальный знакъ вниманія со стороны маіора и послѣднее воспоминаніе о цивилизаціи. Изъ опасенія, чтобы что-нибудь не случилось съ этими лакомствами, если мы попытаемся взять ихъ съ собою, Доддъ, въ видѣ предостерегательной мѣры,

съѣлъ одинъ изъ нихъ до послѣдней ягодки; не желая чтобы онъ изъ самопожертвованія, въ виду исполненія невѣрно понимаемой обязанности, съѣлъ и другой пирогъ, я позаботился самъ о его сохраненіи и на всегда застраховалъ его отъ всякой непріятной случайности

На слѣдующій день, мы достигли маленькой бревенчатой юрты на Мальмовкѣ, гдѣ мы уже ночевали дорогой въ Гижигу; такъ-какъ холодъ былъ все еще очень силенъ, то мы были рады пріютиться въ ней и посидѣть вокругъ яркаго огня, разведеннаго Егоромъ посреди комнаты на какомъ-то глиняномъ очагѣ. На грубомъ, досчатомъ полу не было мѣста для всей нашей партіи и потому наши люди зажгли большой костеръ на дворѣ, повѣсили надъ нимъ чайный котелокъ, оттаяли свои замерзшія бороды, стали есть сушеную рыбу, пѣть удалыя русскія пѣсни и были такъ веселы, что мы готовы были оставить нашу комнату, чтобы принять участіе въ ихъ забавахъ и шумномъ весельѣ. Термометры показывали, впрочемъ, 35° мороза; мы отважились выйти наружу только тогда, когда особенно громкій взрывъ смѣха извѣщалъ насъ о какой-нибудь удивительной сибирской шуткѣ которую стоило послушать. Воздухъ казался именно достаточно холоднымъ, чтобы произвести возбуждающее дѣйствіе на нашихъ веселыхъ казаковъ, но для непривычной американской организаціи онъ былъ слишкомъ суровъ. Согрѣвшись, впрочемъ, у яркаго очага и напившись вдоволь горячаго чая, мы нашли нашу юрту очень уютной и, длинный вечеръ прошелъ незамѣтно въ пѣніи американскихъ пѣсенъ, въ куреніи черкасскаго табаку съ сосновой корой, въ разсказываніи исторіи и въ подшучиваніи надъ добродушнымъ, но простоватымъ Мироновымъ.

Было уже очень поздно, когда мы, наконецъ, забрались въ наши мѣховые мѣшки, чтобы спать; но долго до разсвѣта мы продолжали прислушиваться къ

пѣснямъ, шуткамъ и смѣху нашихъ проводниковъ, пока они сидѣли вокругъ бивуачнаго огня и разсказывали забавныя приключенія изъ своихъ путешествій по Сибири.

На слѣдующее утро мы встали за долго до разсвѣта и послѣ завтрака, на скорую руку, состоявшаго изъ чернаго хлѣба, сушеной рыбы и чая, мы запрягли нашихъ собакъ, облили полозья саней водою изъ котла, чтобы они покрылись ледяной корою, уложили наши походныя вещи и, оставивъ юрту, поѣхали по огромной снѣжной Сахарѣ, лежащей между рѣкой Мальмовкой и Пенжинскимъ заливомъ. Эта мѣстность была настоящей пустыней. Обширная, ровная степь, безграничная и утомительная для взора, какъ океанъ, продолжалась кругомъ во всѣ стороны до самаго горизонта безъ малѣйшаго деревца или кустарника, которые разнообразили-бы эту бѣлую снѣжную поверхность. Нигдѣ не видно было слѣда животной или растительной жизни, ничего, что напоминало-бы лѣто, или цвѣты, или теплое солнце чтобы оживить это пустынное пространство. Бѣлый, холодный и молчаливый, точно покойникъ въ саванѣ, лежалъ передъ нами этотъ снѣжный океанъ, слабо освѣщаемый съ восточной стороны луною, которая была уже на убыли и зловѣщими голубыми лучами сѣвернаго сіянія, то исчезающими, то снова появляющимися на полярномъ горизонтѣ. Даже когда солнце восходило огромнымъ огненнымъ шаромъ въ морозномъ туманѣ на югѣ, оно, казалось, не согрѣвало и не оживляло холоднаго, мрачнаго зимняго пейзажа. Свѣтило дня теперь только поглощало своимъ густымъ краснымъ свѣтомъ голубые дрожащіе лучи сѣвернаго сіянія, между тѣмъ, какъ бѣловатый свѣтъ мѣсяца и звѣздъ, окрашивая снѣгъ бѣлыми тѣнями, напоминающими солнечный закатъ, представляетъ глазамъ нашимъ на сѣверо-западѣ какой-то чудный миражъ, который насмѣшливо дразнилъ насъ знакомыми картинами. Жезлъ полуноч-

наго чародѣя, казалось, коснулся до пустынной снѣжной степи и она внезапно превращалась въ голубое, тропическое озеро, на далекомъ берегу котораго поднимались стѣны, куполы и стройные минареты большого восточнаго города. Массы роскошной зелени, казалось, наклонялись надъ прозрачной, голубой водой и отражались въ ея глубинѣ; высокія-же стѣны только-что окрашивались первыми лучами восходящаго солнца. Обманъ не могъ быть полнѣе и совершеннѣе. Вы невольно оглядывались вокругъ себя, чтобы убѣдиться, ощущая вокругъ знакомые предметы, что это не сонъ и не бредъ вашей воспаленной фантазіи; но когда вы снова обращали взоры на сѣверо-западъ къ темно-голубому озеру, дрожащія очертанія миража вставали опять передъ вами во всей своей неземной красотѣ, а увѣнчанныя облаками башни и пышные дворцы, своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ, казалось, отвергали всякое сомнѣніе, которое могло-бы приписать ихъ сну или разгоряченной фантазіи. И это лучезарное явленіе то блѣднѣло, то снова оживало, пока, наконецъ, не исчезло совсѣмъ, а изъ его развалинъ поднялись два колосальныхъ столба, высѣченные изъ розоваго кварца, верхушки которыхъ постоянно сближались и образовали наконецъ гигантскую арку, подобно огромному входу на небо. Эта, въ свою очередь, преобразилась въ обширную крѣпость, съ массивными бастіонами и подпорами, боковыми башнями и глубокими бойницами и выдающимися и вдающимися углами, съ самыми естественными оттѣнками и перспективой. Такіе обманчивые миражи образовывались не только въ отдаленіи, но даже и вблизи. Воронъ, стоявшій на снѣгу на разстояніи не болѣе двухъсотъ аршинъ, принималъ такіе увеличенные и уродливые размѣры, что былъ неузнаваемъ; однажды, мнѣ пришлось отстать немного отъ партіи и я былъ пораженъ, увидя длинный рядъ саней, двигающійся быстро

въ воздухѣ на высотѣ восьми или десяти футъ отъ земли. Призрачныя сани были въ обратномъ положеніи, а призрачныя собаки бѣжали вверхъ ногами; но ихъ очертанія были такъ-же ясны, какъ очертанія настоящихъ саней и собакъ внизу. Это любопытное явленіе продолжалось только съ минуту, за нимъ послѣдовали другія, столь-же удивительныя, пока, наконецъ, мы совсѣмъ перестали довѣрять своимъ глазамъ и вѣрили только тому, что могли осязать руками. Каждый пустынный бугорокъ, каждый темный предметъ на снѣгу становился ядромъ, вокругъ котораго образовывались самые обманчивые образы; два или три раза мы хватались за наши карабины, чтобы преслѣдовать волковъ и черныхъ лисицъ, которыя при ближайшемъ осмотрѣ оказывались простыми воронами. Я никогда прежде не думалъ, что свѣтъ и воздухъ такъ благопріятствовали преломленію лучей и никогда такъ не ошибался относительно величины, формы и разстоянія предметовъ на снѣгу, какъ во время путешествія по снѣжнымъ пустынямъ крайняго сѣвера. Въ полдень термометръ показывалъ 35°, а послѣ солнечнаго заката 38° и продолжалъ понижаться. Мы не встрѣчали лѣса съ самой юрты у рѣки Мальмовки и, не отваживаясь остановиться безъ огня, мы ѣхали еще впродолженіе пяти часовъ послѣ наступленія ночи, направляясь только по звѣздамъ и по блеску сѣвернаго сіянія. Отъ сильнаго холода, сосульки льда образовывались на всемъ, до чего касалось наше дыханіе. Бороды походили на перепутанныя нити желѣзной проволоки, рѣсницы превратились въ ледяную бахрому и вѣки примерзали, когда мы мигали, а наши собаки, окруженныя густымъ облакомъ пара, походили на полярныхъ волковъ. Намъ часто приходилось бѣжать возлѣ саней, чтобы сохранить какую-нибудь чувствительность въ ногахъ. Около восьми часовъ нѣсколько деревьевъ зачернѣли на во-

сточномъ горизонтѣ и радостный крикъ съ передовыхъ саней извѣстилъ насъ о близости лѣса. Мы достигли до небольшого потока, называемаго Узинова, въ семидесяти верстахъ восточнѣе Гижигинска; этотъ потокъ струился по самой серединѣ степи. Мы пріѣхали будто на островъ, послѣ долгаго плаванія по морю. Наши собаки остановились и свернулись клубками на снѣгу, какъ будто сознавая, что ихъ долгое дневное путешествіе было окончено, между тѣмъ какъ наши проводники начали быстро и систематично сооружать лагерь по сибирскому способу. Трое саней были сдвинуты вмѣстѣ, такъ чтобы составить съ трехъ сторонъ, изгородь имѣющую около десяти футъ въ квадратѣ; весь снѣгъ былъ выгребенъ изнутри, изъ него сдѣланъ валъ вокругъ трехъ загороженныхъ сторонъ, какъ у крѣпости и большой огонь изъ сосновыхъ сучьевъ разведенъ у четвертой, открытой стороны. Дно этого маленькаго снѣжнаго погреба усыпали слоемъ ивовыхъ и ольховыхъ вѣтокъ на три или четыре дюйма толщины, разостлали сверху мохнатыя, медвѣжьи шкуры, въ видѣ теплаго, мягкаго ковра и приготовили намъ мѣховые мѣшки на ночь. Егоръ вскорѣ поставилъ на маленькій столъ, устроенный изъ свѣчного ящика, двѣ чашки дымящагося, горячаго чая и двѣ сушеныя рыбы. Тогда, растянувшись съ наслажденіемъ на медвѣжьихъ коврахъ, протянувъ ноги къ огню, и прислонясь къ подушкамъ, мы стали курить, пить чай, разсказывать разныя происшествія. Послѣ ужина, наши проводники набросали цѣлую кучу сухихъ сосновыхъ сучьевъ на костеръ, пока пламя не поднялось краснымъ столбомъ на десять футовъ въ вышину и, собравшись живописной группой вокругъ огня, впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, пѣли свои дикія, заунывныя, камчатскія пѣсни и разсказывали безконечныя исторіи объ опасностяхъ и приключеніяхъ, случившихся на обширныхъ степяхъ

и у береговъ Ледовитаго моря. Наконецъ, яркое созвѣздіе Оріона указало намъ время ложиться спать. Съ ворчаніемъ и дракой собаки получили каждая свою двойную порцію, состоящую изъ одной сушеной рыбы, мы сняли наши отсырѣвшіе мѣховые чулки и повѣсили ихъ сушить у огня и, надѣвъ самыя толстыя кукалянки, всунули сначала ноги въ мѣшки изъ медвѣжьей шкуры, потомъ завернулись въ нихъ съ головами и заснули.

Лагерь среди ясной, зимней ночи представляетъ странный, дикій видъ. Я проснулся вскорѣ послѣ полуночи, почувствовавъ, что ноги мои озябли и, приподнявшись на локтяхъ, высунулъ голову изъ мѣхового мѣшка, чтобы узнать о времени по звѣздамъ. Костеръ превратился въ красную кучу тлѣющихся угольевъ. Было достаточно свѣтло, чтобы различить темныя очертанія нагруженныхъ саней, людей нашихъ, одѣтыхъ въ шкуры и лежащихъ группами у огня и промерзшихъ собакъ, свернувшихся сотней маленькихъ клубочковъ на снѣгу. За границей лагеря простиралась пустынная степь, рядомъ длинныхъ, снѣжныхъ валовъ, которые постепенно сливались въ одинъ огромный бѣлый океанъ и терялись въ отдаленіи и ночной темнотѣ. Высоко надъ головами, на черномъ небѣ, сіяли яркія созвѣздія Оріона и Плеядъ; эти небесные часы показывали долгое утомительное время между закатомъ и восходомъ солнца. Голубоватые, таинственные лучи сѣвернаго сіянія мерцали на сѣверѣ, то доставая своими лучезарными полосами до зенита, то колеблясь величественными дугами надъ нашимъ тихимъ лагеремъ, какъ-бы предостерегая отважнаго путешественника противъ невѣдомыхъ полярныхъ странъ. Кругомъ царило подавляющее, глубокое молчаніе. Только біеніе нерва въ моихъ ушахъ и тяжелое дыханіе людей, спящихъ у моихъ ногъ, нарушали всеобщее безмолвіе. Внезапно, среди тихаго,

ночного воздуха, раздался долгій, слабый, жалобный крикъ, похожій на вопль человѣческаго существа, находящагося при послѣдней степени страданія, постепенно онъ дѣлался все громче и громче, пока, наконецъ, наполнилъ воздухъ массой раздирающихъ криковъ, переходящихъ въ тихое отчаяное рыданіе. Это былъ сигнальный вой сибирской собаки; но онъ казался такимъ дикимъ и сверхъестественнымъ въ тишинѣ полярной ночи, что кровь застыла въ моихъ жилахъ при этомъ звукѣ. Черезъ минуту другая собака подхватила этотъ раздирающій душу крикъ, къ ней присоединились двѣ-три другія, потомъ еще десять, двадцать, сорокъ, шестьдесятъ, восемьдесятъ и наконецъ вся сотня собакъ завыла въ одинъ голосъ такъ, что воздухъ дрожалъ отъ этихъ звуковъ, какъ отъ низкихъ басовыхъ нотъ какого-нибудь огромнаго органа. Впродолженіе болѣе минуты земля и небо, казалось, были наполнены криками и воемъ. Потомъ собаки начали одна за другою понемногу утихать, ужасный гвалтъ дѣлался съ каждой минутой все слабѣе и слабѣе, пока не закончился наконецъ тѣмъ-же, чѣмъ и начался, т.-е. долгимъ невыразимо-жалобнымъ воплемъ, а затѣмъ опять водворилась мертвая тишина. Одинъ или двое изъ нашихъ людей безпокойно повернулись во снѣ, какъ будто раздирающій крикъ непріятно смѣшался съ ихъ сновидѣніями; но ни одинъ изъ нихъ не проснулся. Внезапно сѣверное сіяніе заблистало съ новой силой, большими огненными полукругами прорѣзало во всѣхъ направленіяхъ темное звѣздное небо и освѣщало по временамъ снѣжную степь потоками свѣта, какъ-будто небесныя врата отворялись и затворялись передъ ослѣпительнымъ сіяніемъ волшебнаго города. Наконецъ, оно начало слабѣть и снова превратилось въ слабый свѣтъ на сѣверѣ, и только одинъ блѣдно-зеленый лучъ, тонкій и блестящій, медленно поднимался къ зениту, пока

не достигъ своей прозрачной вершиной до алмазнаго пояса Оріона, потомъ онъ также погасъ и изчезъ; только блѣдная, туманная полоса на сѣверномъ горизонтѣ указывала еще мѣсто небеснаго арсенала, откуда полярные духи вынимаютъ свои сверкающіе мечи и копья, которыми они потрясаютъ ночью надъ одинокими сибирскими степями. Спрятавшись опять въ мой мѣшокъ послѣ изчезновенія сѣвернаго сіянія, я заснулъ и не просыпался до утра. Съ первыми лучами разсвѣта, въ нашемъ станѣ появились признаки жизни. Собаки выбрались изъ глубокихъ ямъ, которыя оттаяли подъ ними въ снѣгѣ; казаки высунули головы изъ мѣховыхъ одеждъ и палочками отчистили иней, накопившійся на нихъ отъ дыханія, развели огонь, заварили чай и мы вылѣзли изъ мѣшковъ, дрожа у огня, чтобы поскорѣе поѣсть чернаго хлѣба съ сушеной рыбой и напиться чаю. Черезъ двадцать минутъ собаки были запряжены, сани увязаны, полозья политы водой и мы поѣхали крупной рысью изъ стана по пустынной степи.

Медленно проходили дни за днями среди этой однообразной ѣзды, лагерной жизни и спанья на снѣгу, но наконецъ, 20 декабря, мы пріѣхали въ поселеніе осѣдлыхъ коряковъ, Шестаково, лежащее у верхней части Пенжинскаго залива. Отсюда наши гижигинскіе казаки должны были возвратиться домой, а намъ надобно было дожидаться прибытія саней изъ Пенжинска. Мы спустили наши постели, подушки, лагерныя принадлежности и провизію черезъ трубу самой просторной юрты маленькаго селенія, размѣстили ихъ съ возможнымъ изяществомъ на большой деревянной платформѣ, находящейся у одной изъ стѣнъ и устроились на столько удобно, на сколько позволили намъ это мракъ, дымъ и холодъ, господствующіе въ юртѣ. И опять насъ окружила грязь, копоть, запахъ прогорклаго жира и дикія лица коряковъ, слѣдившихъ за всѣми нашими движе-

ніями, о чемъ я уже упоминалъ въ одной изъ предъидущихъ главъ. Но несмотря на эту грязь и копоть юрты, мы все-же были довольны и тѣмъ, что спали не на открытомъ воздухѣ и не на лютомъ морозѣ, который такъ жестоко давалъ себя чувствовать.

ГЛАВА XXIV.

Плохія помѣщенія. — Извѣстія отъ полковника Белькли. — Поиски за потерянной партіей американцевъ. — Любопытное дерево. — Сибирская «Пурга».—Вьюга.

Долгое пребываніе въ Шестаковѣ, въ ожиданіи пенжинскихъ саней, показалось намъ невыразимо скучнымъ и тяжелымъ. 20-го числа, въ полдень, началась страшная вьюга; сильный вѣтеръ съ сѣвера наносилъ на деревню такія облака снѣга изъ степи, что даже стало темно вокругъ, какъ во время солнечнаго затменія: воздухъ, на высотѣ ста футовъ отъ земли, былъ буквально переполненъ снѣжными хлопьями. Я попробовалъ было взобраться на верхъ трубы, но вѣтеръ почти снесъ меня на землю: ослѣпленный и засыпанный снѣгомъ, я поспѣшно спустился обратно, радуясь, что мнѣ не пришлось пролежать цѣлый день на какой-нибудь пустынной равнинѣ и подвергаться полной ярости такой ужасной бури. Чтобы снѣгъ не попалъ-бы въ хижину, мы должны были потушить огонь и закрыть трубу какой-то деревянной западней, такъ-что мы остались въ совершенной темнотѣ, дрожа отъ холода. Мы зажгли свѣчи и прилѣпили ихъ растопленнымъ саломъ къ чернымъ, закоптѣлымъ бревнамъ надъ нашими головами, чтобы имѣть возможность читать: но холодъ было слишкомъ ощутителенъ и мы принуждены были отказаться отъ литературныхъ занятій, одѣлись въ мѣховыя рубашки и кукляпки, влѣзли въ мѣшки и попробовали про-

спать цѣлый день. Конечно, мы не могли придумать ничего лучшаго, потому-что были заключены въ мрачную подземную тюрьму и еще при 10° мороза.

Я не могу понять, какъ человѣческія существа, одаренныя какой-нибудь чувствительностію, могутъ довольствоваться, подобно осѣдлымъ корякамъ, жизнью въ этихъ ужасныхъ, отвратительныхъ юртахъ. Въ нихъ нѣтъ ни одной привлекательной черты. Входятъ въ нихъ черезъ трубу; солнце заглядываетъ туда только одинъ мѣсяцъ въ году, а именно, въ іюнѣ; зимою онѣ холодны, лѣтомъ душны и неудобны, и круглый годъ дымны. Въ нихъ господствуетъ запахъ прогорклаго жира и тухлой рыбы; стѣны ихъ черны, какъ уголь, отъ копоти, а земляной полъ состоитъ изъ неописанной смѣси оленьихъ волосъ и всякой дряни, которая высохла и отвердѣла. У нихъ нѣтъ другой мебели, кромѣ деревянныхъ чашекъ съ тюленьимъ жиромъ, въ которыхъ горятъ кусочки мха и черныхъ деревянныхъ корытъ, употребляемыхъ то вмѣсто посуды, то вмѣсто сидѣній. Печальна участь дѣтей, родившихся въ такихъ жилищахъ. Пока они недостаточно велики, чтобы самимъ вскарабкаться по шесту въ трубу, они не видятъ свѣта Божьяго.

Погода на другой день, послѣ нашего прибытія въ Шестаково, значительно улучшилась и казакъ Мироновъ, который долженъ былъ возвратиться въ Тагиль, простился съ нами и отправился съ двумя или тремя туземцами въ Каменскъ. Мы съ Доддомъ провели день, разъ десять принимаясь за питье чая, въ видѣ развлеченія, читая разрозненный томъ романовъ Купера, который мы нашли въ Гижигинскѣ и бродя съ револьверами по высокимъ скаламъ надъ заливомъ, охотясь за лисицами. Вскорѣ послѣ того, какъ смеркалось, когда мы въ полномъ отчаяніи въ седьмой разъ принимались за чай, наши собаки, привязанныя вокругъ юрты, подняли оглу-

шительный вой и Егоръ явился изъ трубы въ самомъ безпорядочномъ видѣ, съ извѣстіемъ, что русскій казакъ только-что пріѣхалъ изъ Петропавловска съ письмомъ отъ маіора. Доддъ вскочилъ въ величайшемъ волненіи, спотыкнулся о котелокъ съ чаемъ, уронилъ свою чашку вмѣстѣ съ блюдечкомъ и бросился къ шесту: но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ схватиться за него, чьи-то ноги начали спускаться въ юрту и черезъ минуту появилась высокая фигура въ запачканномъ платьѣ изъ оленьей шкуры, перекрестилась два или три раза, какъ-бы въ благодарность за благополучное прибытіе и обратилось къ намъ съ обычнымъ „здравствуйте!“

— Откуда? спросилъ Доддъ поспѣшно.

— Изъ Петропавловска, съ письмами къ маіору, отвѣтилъ тотъ; три корабля прибыли туда, а меня послали съ важными письмами отъ американскаго начальника; я ѣхалъ тридцать девять сутокъ изъ Петропавловска.

Это была важная новость. Полковникъ Бёлькли, очевидно, высадился на южномъ берегу Камчатки, вернувшись изъ Берингова моря; письма-же, привезенныя курьеромъ, вѣроятно, объясняли намъ, почему онъ не оставилъ партіи у устья Анадыри, какъ это предполагалось вначалѣ. Мнѣ хотѣлось распечатать этотъ пакетъ, но убѣдясь, что онъ былъ адресованъ не ко мнѣ, я рѣшился отослать его немедленно въ Гижигинскъ, съ слабой надеждой, что маіоръ еще не успѣлъ уѣхать въ Охотскъ. Черезъ двадцать минутъ казакъ уже продолжалъ свой путь, а намъ оставалось изобрѣтать самыя нелѣпыя догадки относительно содержанія писемъ и движенія партій, высаженныхъ полковникомъ Бёлькли у Берингова пролива. Я сто разъ раскаявался, что не распечаталъ писемъ, такъ-какъ тогда могъ-бы удостовѣриться, что партія не была высажена у Анадырской рѣки. Но теперь было уже поздно и мы могли только

надѣяться, что курьеръ застанетъ въ Гижигинскѣ маiора, а этотъ послѣднiй пошлетъ къ намъ кого-нибудь съ полученными извѣстiями въ Анадырскъ.

О пенжинскихъ саняхъ не было и слуха, и мы провели еще ночь и еще одинъ долгiй, скучный день въ дымной шестаковской юртѣ, въ ожиданiи ихъ. 22 декабря, Егоръ, исполнявшiй должность караульнаго, явился изъ трубы опять съ новой вѣстью. Онъ услыхалъ вой собакъ по направленiю къ Пенжинску. Мы вышли на крышу юрты и прислушивались нѣсколько минутъ, но не слыша ничего, кромѣ воя вѣтра, рѣшили, что Егоръ или ошибся, или слышалъ вой стаи волковъ въ долинѣ, на востокъ отъ селенiя. Однако, Егоръ былъ правъ; онъ дѣйствительно слышалъ голоса собакъ по пенжинской дорогѣ; черезъ десять минутъ давно ожидаемыя сани подъѣхали среди криковъ и лая къ нашей юртѣ. Прислушиваясь къ разговору новоприбывшихъ, мнѣ показалось, что пенжинскiе люди разсказывали что-то о партiи, таинственно появившейся у устья Анадыри и строившей тамъ домъ, какъ-будто съ намѣренiемъ провести зиму. Я плохо понималъ по-русски, но сейчасъ-же догадался, что дѣло шло о давно ожидаемой анадырской партiи и, вскочивъ въ волненiи съ своего мѣста, позвалъ Додда для объясненiя. Изъ всѣхъ свѣдѣнiй, которыми могли снабдить насъ прiѣзжiе изъ Пенжины, мы узнали, что небольшая партiя американцевъ таинственно появилась въ началѣ зимы близъ устья Анадыри и принялась за постройку дома изъ лѣса, прибитаго моремъ къ берегу и изъ нѣсколькихъ досокъ, привезенныхъ на кораблѣ, на которомъ они прiѣхали. Чего они хотѣли, кто они были и долго-ли они намѣревались остаться, никто не зналъ, такъ-какъ это извѣстiе получилось отъ кочующихъ чукчей, которые сами ни разу не видали американцевъ, но слышали о нихъ отъ другихъ. Извѣстiе это

передавалось изъ одного кочевья въ другое, пока дошло, наконецъ, до Пенжины, а оттуда принесено было къ намъ въ Шестаково, отстоящее болѣе, чѣмъ на пятьсотъ миль отъ того мѣста, гдѣ, по разсказамъ, находились американцы. Мы съ трудомъ могли повѣрить, что полковникъ Бёлькли высадилъ партію изслѣдователей въ пустынную мѣстность на югѣ Берингова пролива, въ началѣ полярной зимы; но зачѣмъ-же явились сюда американцы, если они не принадлежали къ нашей экспедиціи? Цивилизованныя существа не избрали-бы такого мѣста для зимней резиденціи, если-бы не имѣли въ виду какого-нибудь важнаго предпріятія. Ближайшее поселеніе Анадырскъ отстояло на двѣсти пятьдесятъ миль, мѣстность по низовьямъ Анадыри была, говорятъ, совершенно безлѣсна и обитаема только бродячими шайками чукчей, а партія, высаженная туда безъ переводчика, не имѣла-бы даже никакого способа сообщаться съ этими дикими, необузданными туземцами или получить отъ нихъ какія-нибудь средства къ перевозкѣ. Если тамъ были дѣйствительно американцы, то они должны были находиться въ самомъ непріятномъ положеніи.

Мы съ Доддомъ обсуждали этотъ вопросъ почти до полуночи и рѣшили, наконецъ, что лишь только пріѣдемъ въ Анадырскъ, какъ соберемъ партію изъ опытныхъ туземцевъ, возьмемъ провизіи на тридцать дней и отправимся на собакахъ вдоль берега Тихаго океана для отысканія этихъ таинственныхъ американцевъ. Это предпріятіе было достаточно ново и рискованно, чтобы возбудить въ насъ живѣйшій интересъ; если-бы намъ удалось достигнуть устья Анадыри зимой, то это былъ-бы такой подвигъ, который до сихъ поръ еще никому не удавался. Съ этимъ рѣшеніемъ мы завернулись въ мѣховые мѣшки и мечтали о путешествіи по Ледовитому океану въ поискахъ за сэромъ Джономъ Франклиномъ.

Утромъ, 23-го декабря, лишь только разсвѣло, мы принялись за укладку нашей провизіи: табаку, чаю, сахару и другихъ товаровъ на пенжинскія сани и поѣхали по неглубокой, поросшей кустами, долинѣ Шестаковской бухты, къ горному хребту, отрогу великой Становой цѣпи, изъ котораго вытекала рѣчка. Передъ полуднемъ мы переѣхали горы на высотѣ тысячи футовъ и быстро спустились по ихъ сѣверному склону въ узкую долину, кончающуюся огромными степями, по которымъ протекаетъ рѣка Акланъ. Погода была ясная и не очень холодная, но снѣгъ въ долинѣ былъ такъ глубокъ и рыхлъ, что мы медленно подвигались впередъ. Мы надѣялись къ ночи достигнуть Аклона, но день былъ такъ коротокъ, а дорога такъ дурна, что мы ѣхали пять часовъ послѣ того, какъ смерклось и все-таки принуждены были остановиться въ десяти верстахъ южнѣе рѣки. Но въ награду за это, мы любовались зрѣлищемъ двухъ прекрасныхъ ложныхъ лунъ и нашли большую рощу малорослой сосны, которая снабдила насъ въ изобиліи хворостомъ для великолѣпнаго костра. Любопытное дерево или кустарникъ, извѣстный у русскихъ подъ именемъ „кедровника“ и названный въ путешествіи Врангеля низкорослымъ кедромъ, представляетъ одно изъ самыхъ необыкновенныхъ произведеній Сибири. Я не знаю, назвать-ли его деревомъ или кустарникомъ, или лозой, такъ-какъ онъ обладаетъ характеристическими признаками всѣхъ трехъ, а между тѣмъ походитъ, скорѣе, на малорослую сосну, съ замѣчательно узловатымъ и искривленнымъ стволомъ, который тянется горизонтально по землѣ, подобно запущенной виноградной лозѣ съ перпендикулярными отростками, торчащими изъ-подъ снѣга. Его хвои и шишки напоминаютъ обыкновенныя сосновыя, но онъ никогда не растетъ прямо, подобно дереву, а занимаетъ большія пространства земли, отъ немногихъ аршинъ до

нѣсколькихъ десятинъ. Человѣкъ можетъ пройти по мѣсту, густо поросшему такимъ кустарникомъ и замѣтить только нѣсколько пучковъ зеленыхъ иголъ, торчащихъ мѣстами изъ снѣга. Онъ встрѣчается на самыхъ пустынныхъ степяхъ и утесистыхъ горныхъ склонахъ, отъ Охотскаго моря до Ледовитаго океана; чѣмъ безплоднѣе почва и суровѣе климатъ и гдѣ бываютъ частыя бури, тамъ онъ, повидимому, роскошнѣе произрастаетъ. На огромныхъ равнинахъ, лишенныхъ всякой другой растительности эти низкорослыя хвойныя растенія выглядываютъ изъ-подъ снѣга и покрываютъ землю настоящей сѣтью узловатыхъ, переплетающихся стволовъ. Достигнувъ извѣстнаго возраста, они умираютъ, такъ-что, вмѣстѣ съ зелеными колючими хвоями, вы всегда найдете и сухіе, бѣлые сучья, которые воспламеняются такъ-же легко, какъ трутъ. Они доставляютъ единственное топливо кочующимъ корякамъ и чукчамъ и безъ этихъ растеній многія мѣста сѣверо-восточной Сибири были-бы совершенно необитаемы. Сколько ночей, впродолженіе нашего путешествія по Сибири, пришлось-бы намъ провести безъ огня, воды и горячей пищи, если-бы природа не позаботилась распространить здѣсь въ изобиліи малорослую сосну и сберечь ее подъ снѣгомъ для несчастныхъ путниковъ, которые хотя нѣсколько могутъ согрѣть у разведеннаго огня свои окоченѣлые члены.

Мы оставили нашъ станъ въ долинѣ рано утромъ, переѣхали черезъ широкую и богатую лѣсомъ рѣчку Акланъ и вступили въ обширную степь, простирающуюся отъ ея сѣверныхъ береговъ до Анадырска. Впродолженіе двухъ дней мы ѣхали по этой безплодной, снѣжной равнинѣ, не видя другой растительности, кромѣ захирѣвшихъ деревьевъ и кустовъ малорослой сосны вдоль береговъ потоковъ, — и другой жизни, кромѣ двухъ одинокихъ воронъ и одной красной ли-

сицы. Эту мрачную печальную мѣстность можно выразить въ двухъ словахъ: снѣгъ и небо. Я пріѣхалъ въ Сибирь съ полной вѣрой въ успѣхъ Россійско-Американской телеграфной линіи, но чѣмъ далѣе я проникалъ въ страну и тѣмъ болѣе и болѣе падалъ духомъ. Мы сдѣлали около трехсотъ верстъ съ тѣхъ поръ, какъ выѣхали изъ Гижигинска и нашли только четыре мѣста, гдѣ можно было достать столбовъ и проѣхали только три поселенія. Если мы не найдемъ лучшаго пути, чѣмъ тотъ, по которому уже проѣхали, то Сибирская телеграфная линія останется несбыточной мечтой, а всѣ наши труды и перенесенныя нами непріятности утомительнаго путешествія пропадутъ даромъ.

Сначала намъ благопріятствовала необыкновенно хорошая погода; но это время года вообще отличается вьюгами и я нисколько не удивился, когда въ ночь на Рождество былъ разбуженъ воемъ вѣтра и шумомъ падающихъ хлопьевъ снѣга, которые обрушивались на нашъ незащищенный станъ и засыпали собакъ и сани. Намъ предстояло небольшое знакомство съ сибирской „пургой“. Рядъ деревьевъ, растущихъ вдоль маленькаго потока, у котораго мы расположились станомъ защищалъ насъ отчасти отъ вѣтра, но въ степи была настоящая буря. Мы встали, по обыкновенію, на разсвѣтѣ и попытались продолжать путь; но лишь только мы выѣхали изъ подъ деревьевъ, какъ съ нашими собаками невозможно было справиться и, ослѣпленные снѣгомъ, мы должны были снова возвратиться въ лѣсъ. На тридцать шаговъ нельзя было ничего различить и вѣтеръ такъ неистово дулъ намъ навстрѣчу, что собаки не могли выносить его. Мы сдвинули наши сани въ видѣ брустверовъ противъ снѣга, разостлали за ними мѣховые мѣшки, влѣзли на нихъ, покрыли головы оленьими шкурами и одѣялами и приготовились къ продолжительной скучной остановкѣ. Нѣтъ ничего безнадежнѣе, тяжелѣе и не-

пріятнѣе, какъ оставаться среди сибирской степи въ такую погоду. Вѣтеръ такъ силенъ, что самая прочная палатка не можетъ устоять противъ него; костеръ засыпается снѣгомъ, а если и продолжаетъ горѣть, то наполняетъ глаза дымомъ и золой; всякій разговоръ дѣлается невозможнымъ отъ сильнаго воя вѣтра и снѣга, который бьетъ вамъ прямо въ лицо; медвѣжьи шкуры, подушки и мѣховое платье мокнутъ и замерзаютъ, сани невидимы подъ снѣгомъ, несчастному путешественнику остается только забраться въ свой мѣшокъ, покрыться съ головой и дрожать отъ холода въ продолженіе многихъ утомительныхъ часовъ.

Такимъ образомъ мы пролежали на снѣгу два дня, пока продолжалась вьюга, и почти не выходили изъ мѣховыхъ мѣшковъ, сильно страдая отъ холода въ долгія, темныя ночи. 28-го, около четырехъ часовъ утра, буря стала нѣсколько стихать, а въ шесть мы открыли наши сани и были уже на пути. Верстахъ въ десяти на сѣверъ отъ стана виднѣлась низкая вѣтвь Становыхъ горъ; наши люди увѣряли, что если намъ удастся перебраться черезъ нее до разсвѣта, то дурная погода не застигнетъ насъ, вѣроятно, до самаго Пенжинска. Кормъ собакамъ весь вышелъ, и намъ необходимо было пріѣхать въ селеніе черезъ сутки.

Вѣтеръ сдулъ много снѣга, собаки освѣжились двухдневнымъ отдыхомъ, и мы до разсвѣта переѣхали горный кряжъ и остановились напиться чаю и отдохнуть въ маленькой долинѣ на сѣверномъ склонѣ горъ. Когда сибирскимъ туземцамъ приходится провести въ дорогѣ цѣлую ночь, то у нихъ вошло въ привычку останавливаться передъ восходомъ солнца, чтобы дать собакамъ заснуть. Они полагаютъ, что если собака заснетъ, пока темно, и, проснувшись черезъ часъ, увидитъ, что солнце уже взошло, она подумаетъ, что проспала цѣлую ночь, и впродолженіи всего слѣдующаго дня не вспомнитъ

объ отдыхѣ. Часовая-же остановка въ другое время будетъ совершенно безполезна. Когда намъ показалось, что собаки достаточно обмануты продолжительностью своего сна, мы ихъ подняли и спустились по долинѣ къ Ускапову, притоку Пенжины. Погода была ясная и не очень холодна и всѣ мы, впродолженіи двухъ часовъ, наслаждались лучами солнца, которыми оно наградило насъ прежде, чѣмъ скрылось за бѣлыми вершинами становыхъ горъ. Когда смерклось, мы переѣхали рѣку Кондру, въ пятнадцати миляхъ отъ Пенжины, и черезъ два часа снова ѣхали по другой обширной равнинѣ, раздѣляясь на нѣсколько отдѣльныхъ партій. Переѣхавъ Кондру, я вскорѣ заснулъ и нисколько не сознавалъ, ѣдемъ-ли мы впередъ или назадъ, какъ вдругъ Доддъ потрясъ меня за плечи и вскричалъ.

— Кеннанъ, мы заблудились!

Болѣе поразительнымъ извѣстіемъ невозможно было разбудить человѣка, но видя, что Доддъ неособенно встревоженъ, я увѣрилъ его, что мнѣ все равно и, положивъ голову на подушки, заснулъ снова, увѣренный въ томъ, что мой возница найдетъ въ теченіи ночи Пенжинскъ какимъ-бы то ни было способомъ.

Руководствуясь звѣздами, Доддъ, Григорій и я, мы поворотили съ другими санями, ѣхавшими за нами, къ востоку, и девять часовъ спустя добрались до рѣки Пенжины, немного ниже поселенія. Мы поѣхали вверхъ по льду и черезъ нѣсколько времени увидѣли двое или трое саней, ѣхавшихъ внизъ по рѣкѣ. Пораженные тѣмъ, что эти люди оставляли деревню въ такой часъ ночи, мы ихъ окликнули.

Они отвѣчали намъ тѣмъ-же.

— Вы куда ѣдете?

— Въ Пенжинскъ! А вы кто?

— Мы Гижигинскіе, тоже ѣдемъ въ Пенжинскъ.

— Зачѣмъ-же вы ѣдете внизъ по рѣкѣ?

— Мы ищемъ поселеніе, чортъ возьми! Проѣздили всю ночь и не можемъ его найти!

Доддъ громко расхохотался и, когда таинственныя сани приблизились, мы узнали въ нихъ нашихъ спутниковъ, которые отдѣлились отъ насъ при наступленіи сумерокъ, и которые теперь сбились съ пути и отыскивали Пенжинскъ, спускаясь по рѣкѣ къ Охотскому морю. Мы едва могли ихъ убѣдить, что поселеніе лежало не въ этомъ направленіи. Наконецъ, они рѣшились вернуться за нами и, послѣ полуночи, мы въѣхали въ Пенжинскъ, разбудили спящихъ жителей нашими неистовыми криками, подняли десятковъ пять или шесть собакъ, которыя встрѣтили насъ громкимъ воемъ и привели все селеніе въ страшный переполохъ.

Десять минутъ спустя мы сидѣли на медвѣжьихъ шкурахъ передъ яркимъ огнемъ въ уютномъ русскомъ домикѣ, пили чашку за чашкой душистаго чаю и разговаривали о нашихъ ночныхъ приключеніяхъ, которыя теперь казались намъ смѣшными, тогда-какъ во время нашего продолжительнаго странствованія намъ было далеко не до шутокъ.

ГЛАВА XXV.

Пенжинскъ.—Телеграфные столбы.—Арктическая температура.—Астрономическія наблюденія. — Прибытіе въ Анадырскъ. — Гостепріимный священникъ

Поселеніе Пенжинскъ, состоящее изъ нѣсколькихъ бревенчатыхъ домиковъ, юртъ съ плоскими крышами и балагановъ на четырехъ столбахъ, расположено на сѣверномъ берегу рѣки, которая носитъ его имя, почти на полпути между Охотскимъ моремъ и Анадырскомъ. Жители состоятъ преимущественно изъ мѣщанъ, но въ число ея скуднаго народонаселенія входятъ также не-

много чуванцевъ, сибирскихъ туземцевъ, покоренныхъ русскими казаками въ восемнадцатомъ вѣкѣ; эти покоренныя племена говорятъ теперь языкомъ своихъ завоевателей и поддерживаютъ свое жалкое существованіе рыбной ловлей и пушной торговлей. Городъ защищенъ съ сѣвера отвѣсной скалой, около ста футовъ вышины, на вершинѣ которой, какъ и на всѣхъ холмахъ близъ русскихъ поселеній, поставленъ православный крестъ. Рѣка передъ городомъ имѣетъ около ста аршинъ ширины, и берега ея густо заросли березой, лиственницей, тополемъ, ивой и осиной. Благодаря теплымъ ключамъ въ ея руслѣ, она никогда не замерзаетъ совершенно въ этомъ мѣстѣ даже и при 40° мороза.

Мы прожили въ Пенжинскѣ три дня, собирая свѣдѣнія объ окрестной мѣстности и нанимая людей для сооруженія столбовъ по нашей линіи.

Жители оказались веселыми, добродушными, гостепріимными, и были вполнѣ расположены сдѣлать все, что было въ ихъ власти для успѣха нашего предпріятія; конечно, они никогда не слыхали ничего о телеграфѣ, не имѣли о немъ положительно никакого понятія, и не могли представить, для чего намъ нужны столбы, о которыхъ мы такъ хлопочемъ. Нѣкоторые говорили, что мы намѣрены построить деревянную дорогу изъ Гижигинска въ Анадырскъ, по которой можно было-бы ѣздить лѣтомъ; другіе несовсѣмъ довѣряли, чтобы два человѣка, хотя даже и истые американцы, могли построить деревянную дорогу въ шестьсотъ верстъ длины; они говорили, что настоящей нашей цѣлью было соорудить что-то въ родѣ огромнаго дома. Когда-же, впрочемъ, ихъ спрашивали о цѣли этого обширнаго зданія, защитники теоріи дома приходили въ смущеніе и могли только настаивать на физической невозможности дороги и убѣждали своихъ противниковъ или согласиться съ ихъ предположеніемъ, или придумать

что-либо другое, болѣе вѣроятное. Намъ удалось, впрочемъ, нанять шестнадцать способныхъ людей для обтесыванія столбовъ за приличное вознагражденіе, обозначить требуемые размѣры—двадцать одинъ футъ въ вышину и пять дюймовъ въ діаметрѣ въ ширину, поручивъ нарубить ихъ въ возможно большомъ количествѣ и сложить грудами на берегу рѣки.

Я упомяну здѣсь, что въ мартѣ, по возвращеніи изъ Анадырска, я отправился посмотрѣть эти столбы, которые были заготовлены въ числѣ 500 штукъ жителями Пенжинска. Я увидалъ, къ моему величайшему удивленію, что едва-ли одинъ изъ нихъ имѣлъ менѣе двѣнадцати дюймовъ въ діаметрѣ на вершинѣ; большая-же часть изъ нихъ были такъ тяжелы и неудобны для перевозки, что двѣнадцать человѣкъ не могли сдвинуть ихъ съ мѣста. Я сказалъ туземцамъ, что такіе столбы никуда не годятся и спросилъ: „почему они не нарубили болѣе тонкихъ т. е. указаннаго мною размѣра?“ Они предполагали, отвѣтили они, что я желаю построить что-то въ родѣ дороги по верхъ этихъ столбовъ, и что они знаютъ навѣрное, что пяти дюймовые столбы недостаточно крѣпки для этого. Поэтому они и нарубили деревьевъ такихъ толстыхъ, что они годились-бы на колонны для какого угодно громаднаго сооруженія. Они еще и до сихъ поръ лежатъ тамъ засыпанные полярными снѣгами; я нисколько не сомнѣваюсь, что много лѣтъ спустя, когда новозеландецъ, наконецъ, окончитъ описаніе развалинъ св. Павла и отправится въ Сибирь довершать образованіе, проводники-туземцы будутъ разсказывать ему исторію двухъ сумасшедшихъ американцевъ, задумавшихъ однажды построить желѣзную дорогу на сваяхъ отъ Охотскаго моря до Берингова пролива. Я надѣюсь также, что новозеландецъ напишетъ книгу, которая прославитъ и обезсмертитъ обоихъ сумасшедшихъ американцевъ, какъ

того заслуживаютъ ихъ труды, чего имъ не удалось достигнуть въ видѣ желѣзной дороги на сваяхъ.

Мы уѣхали изъ Пенжинска въ Анадырскъ 31 декабря. Пропутешествовавъ, по обыкновенію, цѣлый день по пустынной степи, мы расположились на ночь у подошвы уединенной вершины, называемой Налѣгимъ, при 53° мороза. Это былъ канунъ Новаго года; и, сидя у костра, одѣтый въ самыя толстыя мѣховыя платья, покрытый инеемъ съ головы до ногъ, я размышлялъ о рѣзкой перемѣнѣ, происшедшей во всемъ, меня окружающемъ, въ продолженіе одного только года. Канунъ новаго 1864 года я провелъ въ центральной Америкѣ; я ѣхалъ на мулѣ съ озера Никарагуа къ Тихому океану по великолѣпной тропической рощѣ. Новый 1865 годъ застаетъ меня сидящимъ, скорчившись, на обширной снѣжной равнинѣ, близь полярнаго круга; я старался при 53° мороза доѣсть свой супъ прежде, чѣмъ онъ примерзнетъ къ тарелкѣ. Едва-ли можно было придумать бо́льшую противоположность.

Мѣстность возлѣ горы Налѣгима изобиловала малорослой сосной; мы развели такой огонь, что яркое пламя поднималось столбомъ на 10 футовъ вышины; но оно, кажется, не имѣло большого вліянія на воздухъ. Наши рѣсницы смерзались въ то время, какъ мы пили чай; горячій супъ, налитый прямо изъ котелка, застывалъ въ оловянныхъ тарелкахъ прежде, чѣмъ мы успѣвали съѣсть его; наши платья были покрыты бѣлымъ инеемъ хотя мы сидѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ огромнаго пылающаго костра. Оловянныя тарелки, и ложки жгли голую руку, какъ раскаленнымъ желѣзомъ, когда до нихъ дотрогивались; вода, вылитая на доску всего въ четырнадцати футахъ отъ огня, превращалась въ ледъ менѣе, чѣмъ черезъ двѣ минуты. Надъ теплыми тѣлами собакъ стояли облака пара; даже голая рука, вытертая до суха, испускала испареніе, когда была вы-

ставлена на воздухъ. Никогда намъ еще не случалось испытывать такого холода. Но мы мало отъ него страдали, у насъ зябли только ноги; Доддъ объявилъ, что съ хорошимъ огнемъ и обильной жирной пищей, онъ не испугался-бы, еслибъ ртуть понизалась еще на 15°.

Но вѣтеръ причиняетъ гораздо больше страданій для путешественниковъ по Сибири, чѣмъ самый лютый морозъ. Двадцать градусовъ мороза, при свѣжемъ вѣтеркѣ, почти невыносимы, а сильный вѣтеръ при 40° въ состояніи убить всякое живое существо. Холодъ самъ по себѣ неособенно опасенъ для жизни. Человѣкъ, съѣвшій до сыта за ужиномъ сушеной рыбы и сала, одѣвшійся въ сибирскій костюмъ и закутавшійся въ тѣсный мѣховой мѣшокъ, можетъ провести цѣлую ночь на дворѣ при 70° мороза, безъ всякой серьезной опасности; но если онъ утомленъ долгимъ путешествіемъ, или голоденъ, если его одежда влажна отъ испарины, онъ можетъ замерзнуть даже тогда, когда ртуть стоитъ на нулѣ. Важнѣйшія правила для путешественника по полярнымъ странамъ слѣдующія: ѣсть въ изобиліи жирную пищу, избѣгать слишкомъ большого утомленія, ѣзды ночью, никогда не вызывать въ себѣ излишнюю испарину усиленными движеніями, ради временнаго согрѣванія. Я видѣлъ кочующихъ чукчей въ мѣстности, совершенно безлѣсной и при очень низкой температурѣ, которые предпочитали путешествовать цѣлый день съ сильно ноющими ногами, чѣмъ согрѣвать ихъ бѣганьемъ и тѣмъ истощать свои силы. Они дѣлали движеніе ногами только тогда, когда это было крайне необходимо, чтобы предохранить ихъ отъ отмораживанія. Вслѣдствіе такой предосторожности, эти люди были къ ночи почти такъ-же свѣжи, какъ и утромъ; если имъ не удавалось найти лѣсу для костра, или случалось пропутешествовать почему-нибудь цѣлыя сутки подрядъ, у нихъ всегда являлось для этого

достаточно силы. Неопытный путешественникъ, при тѣхъ-же обстоятельствахъ истощилъ-бы всю свою энергію, въ продолженіи дня, придумывая различныя средства, чтобы согрѣться; ночью-же, вспотѣвшій и утомленный слишкомъ сильными движеніями, путникъ, конечно, неминуемо замерзнетъ. Впродолженіе двухъ часовъ, послѣ ужина, мы сидѣли съ Доддомъ и наблюдали за погодой. Около восьми часовъ, небо вдругъ покрылось облаками и менѣе, чѣмъ черезъ часъ, термометръ поднялся до 30°. Обрадовавшись такой счастливой перемѣнѣ погоды, мы влѣзли въ наши мѣховые мѣшки и проспали всю долгую полярную ночь.

Всѣ слѣдующіе дни наша жизнь шла той-же однообразной колеей, къ которой мы уже совершенно привыкли. Мѣстность, гдѣ мы ѣхали, была вообще пустынна и неинтересна; погода хотя стояла и холодная, но это не вредило нашему физическому благосостоянію; дни продолжались всего два или три часа, а ночи казались намъ безконечными. Останавливаясь на ночлегъ вскорѣ послѣ полудня, намъ предстояла двадцати часовая ночь, впродолженіе которой мы должны были или придумывать какія-нибудь развлеченія или спать. Двадцать часовъ сна для всякаго другого, кромѣ Рипъ-Ванъ-Винкля, было уже слишкомъ много; на половину времени намъ не оставалось другого занятія, какъ сидѣть на медвѣжьихъ шкурахъ у костра и разговаривать. Съ самаго отъѣзда изъ Петропавловска, бесѣды были главнымъ нашимъ развлеченіемъ, и хотя мы вполнѣ довольствовались ими въ первую сотню ночей, но теперь онѣ стали уже слишкомъ однообразными, а наши умственныя средства положительно истощались. Не было ни одного предмета изъ извѣстныхъ намъ, котораго мы не обсудили-бы и не разобрали-бы со всѣхъ сторонъ. Мы разсказали другъ другу съ подробностями, свою жизнь вмѣстѣ съ жизнью всѣхъ нашихъ предковъ, о

которыхъ что-нибудь знали. Мы обсудили вполнѣ всѣ извѣстные вопросы о войнѣ, любви, наукѣ, политикѣ и религіи, вмѣстѣ со многими другими, о которыхъ не имѣли ни малѣйшаго понятія, и наконецъ, дошли до такихъ предметовъ разговора, какъ численность арміи, съ которой Ксерксъ вторгнулся въ Грецію, и даже о потопѣ, о постройкѣ Ноемъ ковчега, и о его пребываніи въ немъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

Такъ-какъ не было никакой возможности притти какому-нибудь взаимному соглашенію относительно послѣднихъ двухъ важныхъ вопросовъ, то пренія наши послѣдовательно продолжались двадцать или тридцать ночей, но вопросъ все еще остался открытымъ для дальнѣйшаго обсужденія. Мы знали, что при послѣдней крайности, когда намъ не останется болѣе ни одного сюжета для разговора, мы можемъ снова возвратиться къ Ксерксу, и поэтому, по безмолвному соглашенію обѣихъ сторонъ, предметы эти были оставлены немедленно по выѣздѣ изъ Гижигинска и береглись, какъ послѣднія средства для бурныхъ ночей въ корякскихъ юртахъ. Однажды, когда мы расположились станомъ въ огромной степи на сѣверѣ отъ Шестакова, мнѣ пришла въ голову счастливая мысль проводить эти длинные вечера на дворѣ и читать лекціи моимъ туземнымъ спутникамъ о чудесахъ современной науки. Это заняло-бы меня и, въ то же время, принесло-бы намъ пользу, какъ я надѣялся, и я тотчасъ-же сталъ приводить этотъ планъ въ исполненіе. Сначала я обратилъ вниманіе на астрономію. Проводя ночи въ открытой степи, не имѣя надъ собой другого крова, кромѣ звѣзднаго неба, мнѣ ненужны были никакіе рисунки для моего предмета; ночь за ночью, во время нашего путешествія на сѣверъ, я просиживалъ, окруженный толпою любознательныхъ туземцевъ; ихъ смуглыя лица освѣщались краснымъ пламенемъ костра и они слушали съ дѣтскимъ любо-

пытствомъ, какъ я имъ объяснялъ о временахъ года, объ обращеніи планетъ вокругъ солнца и о причинахъ лунныхъ затмѣній. Я долженъ былъ, какъ Джонъ Фениксъ, изготовлять собственноручно мои планеторіи, причемъ комокъ мерзлаго сала изображалъ землю, кусокъ чернаго хлѣба—луну, а маленькіе кусочки сушенаго мяса—меньшія планеты. Я долженъ сознаться, что и сало, и мясо, и черный хлѣбъ очень мало походили на солнце, луну и звѣзды, но за неимѣніемъ лучшаго мнѣ пришлось довольствоваться и этимъ; но не смотря на это, дѣла шли порядочно. Постороннему зрителю показалась-бы смѣшна та серьезность, съ которой я заставлялъ хлѣбъ и сало обращаться въ своихъ орбитахъ: затѣмъ слѣдовали удивленныя восклицанія туземцевъ, когда съ хлѣбомъ произошло затмѣніе за комкомъ сала. Моя первая лекція имѣла-бы громадный успѣхъ, еслибы туземная аудиторія была въ состояніи понять символическое значеніе хлѣба и сала. Главное препятствіе заключалось въ томъ, что ихъ сообразительныя способности были слишкомъ слабы. Имъ нельзя было втолковать, что хлѣбъ замѣнялъ луну, а сало—землю; они продолжали смотрѣть на нихъ, какъ на простыя земныя произведенія, имѣющія свое собственное существенное значеніе. Вслѣдствіе этого они растапливали сало для питья, пожирали луну и требовали немедленно другой лекціи. Я старался объяснить имъ, что эти лекціи имѣли астрономическую, а не гастрономическую цѣль, и уничтоженіе небесныхъ тѣлъ такимъ безцеремоннымъ способомъ—было вовсе неприлично. Я увѣрялъ ихъ, что астрономическая наука не признаетъ такихъ затмѣній, при которыхъ проглатываются планеты, и что хотя такой курсъ и удовлетворяетъ ихъ, но онъ унизителенъ для моего планетарія. Выговоры не производили, однако, своего дѣйствія; мнѣ приходилось опять запасаться новымъ солнцемъ, луной и

землей для каждой лекціи. Для меня вскорѣ стало очевидно, что эти астрономическія пиршества становились слишкомъ популярными, такъ-какъ моя аудиторія думала только о томъ, чтобы съѣдать каждую ночь всю мою солнечную систему, а матеріалъ для планетъ началъ убывать. Я долженъ былъ, наконецъ, употреблять камни и комья снѣга для изображенія небесныхъ тѣлъ, вмѣсто хлѣба и сала; съ этого времени интересъ къ астрономическимъ явленіямъ началъ постепенно уменьшаться, а популярность моихъ лекцій быстро упадала, пока, наконецъ, не исчезъ и послѣдній слушатель.

Короткій, зимній, трехчасовой день давно уже уступилъ мѣсто ночи, когда мы, послѣ двадцати трехдневнаго, труднаго пути, приблизились къ цѣли нашихъ странствованій—къ ultima Thule русской цивилизаціи.

Я лежалъ полусонный въ саняхъ, совсѣмъ погруженный въ толстые мѣха, когда далекій лай собакъ возвѣстилъ намъ о близости Анадырска. Я хотѣлъ поспѣшно смѣнить мѣховые „торбасы" и верхнюю обувь на американскіе сапоги, но не успѣлъ окончить этого занятія, какъ сани мои подъѣхали къ дому русскаго священника, гдѣ мы предполагали остановиться, пока не найдемъ себѣ отдѣльнаго помѣщенія. Толпа любопытныхъ собралась къ дверямъ дома, чтобы посмотрѣть на удивительныхъ американцевъ, о которыхъ они уже слышали; среди этой группы людей, въ мѣховыхъ одеждахъ, выдѣлялась фигура священника съ длинными, развѣвающимися волосами и бородой, въ широкомъ черномъ одѣяніи, держащая надъ своей головой длинную сальную свѣчу, пламя которой сильно колебалось въ холодномъ ночномъ воздухѣ. Лишь только мнѣ удалось высвободить ноги изъ мѣховыхъ чулокъ, какъ я вышелъ изъ саней, привѣтствуемый низкими поклонами и „здраствуйте" толпы и сердечнымъ „добро пожаловать" священника.

Полагаю, что три недѣли суровой жизни въ пустынѣ не улучшили мою наружность, а мой костюмъ вездѣ былъ-бы замѣченъ, кромѣ Сибири. Лицо мое, неособенно чистое, украшалось бородой, которую я не брилъ три недѣли, всклокоченные волосы висѣли длинными неровными прядями по лбу, а бахрома изъ косматой, черной медвѣжьей шерсти, обрамляя мое лицо,—придавала мнѣ необыкновенно дикій и суровый видъ. Американскіе сапоги, которые я быстро надѣлъ при въѣздѣ въ деревню, одни только свидѣтельствовали о моемъ прежнемъ знакомствѣ съ цивилизаціей. Отвѣчая на почтительныя привѣтствія чуванцевъ, юкагировъ и русскихъ казаковъ, которые, въ желтыхъ мѣховыхъ капорахъ и платьѣ изъ оленьихъ шкуръ, толпились у дверей, я послѣдовалъ за священникомъ въ домъ. Это было второе жилище, заслуживающее названіе дома, въ которое я не входилъ въ продолженіе двадцати двухъ дней, послѣ дымныхъ корякскихъ юртъ въ Куэлѣ, Микинѣ и Шестаковѣ; домикъ священника мнѣ показался настоящимъ дворцомъ. Полъ былъ устланъ мягкими, темными оленьями шкурами, въ которыхъ нога утопала при каждомъ шагѣ, яркій огонь горѣлъ на красивомъ очагѣ, въ одномъ углу, и привѣтливо освѣщалъ комнату; крошечная восковая свѣчка съ позолотой горѣла передъ массивнымъ вызолоченнымъ образомъ, противъ двери; въ окнахъ были стекла, вмѣсто льда и закоптѣлыхъ рыбьихъ пузырей, къ которымъ я такъ привыкъ; нѣсколько иллюстрированныхъ газетъ лежали на столикѣ въ углу. Словомъ, въ домѣ все было убрано со вкусомъ и разсчитано на комфортъ; это было очень пріятно для усталаго путешественника, и являлось совершенно неожиданнымъ сюрпризомъ въ этихъ пустынныхъ степяхъ и среди невѣжественныхъ народовъ. Доддъ, правящій самъ своими санями, еще не пріѣзжалъ, но черезъ дверь намъ былъ слышенъ го-

лось, распѣвающій въ ближайшей рощѣ: „какъ буду я радъ, когда выѣду изъ этой пустыни, изъ этой пустыни, изъ этой пустыни!“ Пѣвецъ и не подозрѣвалъ, что онъ такъ близокъ къ селенію и что его, мелодично выраженное, желаніе „выѣхать изъ пустыни“—было кѣмъ-нибудь услышано.

Мои познанія въ русскомъ языкѣ не были на столько обширны и точны, чтобы я могъ вести разговоръ съ священникомъ; поэтому, я былъ отъ души радъ, когда Доддъ выѣхалъ изъ пустыни и явился избавить меня отъ затрудненія. Его внѣшній видъ былъ нелучше моего, и это меня утѣшило. Лишь только мой спутникъ вошелъ въ комнату, я мысленно провелъ это сравненіе между нами и убѣдился, что мы оба одинаково походили на коряковъ, и что каждый изъ насъ могъ одинаково заявлять свои права на цивилизацію, относительно изящества костюмовъ. Мы пожали руки женѣ священника—блѣдной, высокой женщинѣ, съ бѣлокурыми волосами и темными глазами, познакомились съ двумя или тремя хорошенькими малютками, которыя въ испугѣ убѣжали отъ насъ, лишь только мы ихъ выпустили изъ рукъ; послѣ этого мы усѣлись, наконецъ, къ столу—пить чай.

Радушное обращеніе хозяина нѣсколько подбодрило насъ и черезъ десять минутъ Доддъ краснорѣчиво разсказывалъ о нашихъ приключеніяхъ и страданіяхъ, смѣялся, шутилъ и пилъ водку со священникомъ такъже безцеремонно, какъ будто онъ былъ съ нимъ знакомъ десять лѣтъ, а не десять минутъ. У Додда была особенная способность, которой я часто завидовалъ, скоро знакомиться и сходиться на короткую ногу съ совершенно посторонними людьми, которыхъ онъ видѣлъ первый разъ къ жизни. Черезъ пять минутъ, съ помощью водки, онъ сломилъ-бы церемонность самаго строгаго патріарха греческой церкви и взялъ-бы его,

если можно такъ выразиться, приступомъ; мнѣ-же оставалось только сидѣть и улыбаться, такъ-какъ я не могъ сказать ни одной фразы. Великое дѣло краснорѣчіе!

Послѣ прекраснаго ужина, состоящаго изъ щей, котлетъ, бѣлаго хлѣба и масла, мы разостлали наши медвѣжьи шкуры на полу, раздѣлись во второй разъ впродолженіи трехъ недѣль и легли спать. Ощущеніе, что мы, наконецъ, спали безъ мѣховой одежды и съ непокрытыми головами, было такъ странно, что мы долго не могли заснуть, глядя на красноватый отблескъ на стѣнѣ и наслаждаясь пріятной теплотой мягкихъ шерстяныхъ одѣялъ, роскошью необутыхъ ногъ и ничѣмъ не стѣсненныхъ движеній. Вѣроятно, каждый изъ насъ мысленно переносился на далекую, покинутую нами, родину и на время забывалъ о всѣхъ перенесенныхъ нами опасностяхъ, затрудненіяхъ, забывалъ и о холодѣ, и о голодѣ, и даже о всемъ томъ, что еще предстояло намъ впереди; по тѣлу разливалась пріятная теплота, чувствовалась какая-то истома и, наконецъ, мы забылись въ сладкомъ укрѣпляющемъ снѣ.

ГЛАВА XXVI.

Анадырскъ.—Крайній пунктъ русской колонизаціи на Сѣверѣ.—Рождество у русскихъ.—Балъ.—Праздникъ.—Сибирская учтивость.

Четыре маленькія русскія и туземныя поселенія нѣсколько южнѣе полярнаго круга, извѣстныя подъ общимъ названіемъ Анадырска, образуютъ послѣднее звено того великаго поселенія, которое тянется почти одной непрерывной линіей отъ Уральскихъ горъ до Берингова пролива.

Благодаря своему уединенному положенію и трудности путешествія, которое возможно только въ продолженіе одной части года, ихъ никогда не посѣщалъ

до нашего прiѣзда ни одинъ иностранецъ, исключая одного шведскаго офицера, состоящаго на русской службѣ, который велъ партiю изслѣдователей изъ Анадырска къ Берингову проливу, зимою 1859—60 года. Это небольшое поселенiе, отрѣзанное въ продолженiе года отъ остальнаго мiра и посѣщаемое только изрѣдка немногими полу-образованными купцами, было также независимо и самостоятельно, какъ если-бы оно находилось посреди Арктическаго океана. Даже самое существованiе этого поселенiя долгое время было сомнительно для тѣхъ, кто не имѣлъ съ ними никакого дѣла; оно было основано въ началѣ XVIII столѣтiя бродячей шайкой отважныхъ казаковъ, которые, покоривъ почти всю Сибирь, прошли черезъ горы отъ Колымы къ Анадыри, вытѣснили чукчей, которые противились ихъ нашествiю и утвердили военный постъ на рѣкѣ, нѣсколько верстъ выше настоящаго поселенiя. Съ этихъ поръ начались частыя столкновенiя между чукчами и русскими пришельцами, продолжавшiяся съ перемѣннымъ успѣхомъ, много лѣтъ. Въ теченiе значительнаго перiода времени, въ Анадырскѣ стоялъ гарнизонъ въ 600 человѣкъ и артиллерiйская батарея; но послѣ открытiя и занятiя Камчатки, онъ утратилъ большую часть своего значенiя; войска были отозваны и, наконецъ, онъ былъ разбитъ чукчами. Во время войны, окончившейся разрушенiемъ Анадырска, два туземные племени, чуванцы и юкагиры, принявшiя сторону русскихъ, были почти совершенно уничтожены чукчами; съ того времени они уже никогда болѣе не были въ состоянiи возвратить свою племенную индивидуальность. Немногiе оставшiеся потеряли всѣхъ своихъ оленей и все свое имущество, должны были оставить кочевую жизнь, поселиться со своими русскими союзниками и добывать средства къ жизни охотой и рыбной ловлей. Постепенно они переняли русскiе обычаи и утратили

отличительныя черты своего прежняго характера; нѣсколько лѣтъ спустя, ни одна живая душа не будетъ говорить языкомъ этихъ, когда-то могущественныхъ народовъ. Анадырскъ былъ снова выстроенъ русскими, чуванцами и юкагирами и сдѣлался со временемъ значительнымъ торговымъ пунктомъ. Табакъ, введенный русскими, пришелся по вкусу чукчамъ; для полученія этой, дорого-цѣнимой роскоши, они прекратили враждебныя дѣйствія противъ русскихъ и стали ежегодно посѣщать Анадырскъ для мѣховой торговли.

Они не утратили, впрочемъ, совершенно враждебнаго чувства къ русскимъ, вторгнувшимся въ ихъ территорію и долго вели съ ними 'дѣла не иначе, какъ на концѣ копья. Они вѣшали связку мѣховъ или моржовый клыкъ на полированное остріе чукотскаго копья и, если русскій купецъ снималъ ихъ и вѣшалъ на ихъ мѣсто равно-цѣнное количество табаку, то торгъ былъ заключенъ, если-же нѣтъ, то дѣло расходилось. Этотъ способъ служилъ гарантіей противъ всякаго обмана; во всей Сибири ни одинъ русскій не осмѣлился-бы обмануть кого-нибудь изъ этихъ свирѣпыхъ дикарей, видя острые копья въ десяти дюймахъ отъ груди. Честность служила лучшей политикой и нравственное убѣжденіе чукотскаго копья развивало самое безкорыстное 'добродушіе въ груди человѣка, стоящаго у его острія. Торговля, установившись такимъ образомъ, до сихъ поръ составляетъ значительный источникъ выгодъ для жителей Анадырска и русскихъ купцовъ, которые пріѣзжаютъ сюда ежегодно изъ Гижигинска.

Четыре небольшія селенія, сотавляющія городъ и носящія названія: Покоруковъ, Псалкинъ, Марково и Крѣпость насчитываютъ приблизительно до 200 человѣкъ жителей. Въ центральномъ селеніи, называемомъ Марково, живетъ священникъ и находится маленькая церковь грубой архитектуры, а зимой это очень печальное

мѣстечко. У его маленькихъ, бревенчатыхъ домиковъ нѣтъ оконныхъ стеколъ; они замѣняются толстыми плитами льда, наколотыми на рѣкѣ; большая часть этихъ домовъ до половины врыта въ землю для тепла; всѣ они болѣе или менѣе засыпаны снѣгомъ. Густая роща лиственницъ, тополей и осинъ окружаетъ деревню, такъ-что путникъ, ѣдущій изъ Гижигинска, часто отыскиваетъ Анадырскъ въ продолженіе цѣлаго дня, а если чужеземецъ незнакомъ съ сѣтью рукавовъ, на которые дѣлится Анадырь, то можетъ и вовсе не найти этого мѣстечка. Жители всѣхъ четырехъ селеній занимаются лѣтомъ рыбной ловлей и охотой за дикими оленями, которые огромными стадами ежегодно переходятъ черезъ рѣку. Зимой почти всѣ обитатели этого мѣстечка разъѣзжаются, посѣщая для торговли кочующихъ чукчей, отправляясь съ товарами на ежегодную большую ярмарку въ Колымскъ и нанимаясь въ услуженіе къ русскимъ купцамъ изъ Гижигинска. Берегъ Анадыря, вблизи поселенія и на семьдесятъ миль выше него, покрытъ густыми лѣсами, деревья которыхъ достигаютъ отъ восемнадцати до двадцати четыеръ футъ въ объемѣ, хотя и находятся подъ 66° с. ш. Климатъ очень суровъ; метеорологическія наблюденія, сдѣланныя нами въ Марковѣ, въ февралѣ 1867 г., показали, что впродолженіе шестнадцати дней этого мѣсяца термометръ показывалъ—40°; восемь дней болѣе 50° мороза; пять дней болѣе 60° и одинъ разъ—68°. Болѣе низкой температуры мы не испытали въ Сибири. Переходъ отъ сильнаго холода къ сравнительно теплой погодѣ бываетъ иногда очень рѣзокъ. 18 февраля въ 9 ч. утра термометръ показывалъ 52° мороза, а черезъ двадцать семь часовъ, онъ поднялся на семдесятъ три градуса и показывалъ + 21°. 21 февраля онъ показывалъ + 3°, а 22 — 49°; такая-же быстрая перемѣна бываетъ и въ обратномъ отношеніи. Несмотря, впрочемъ, на климатъ,

Анадырскъ такъ-же удобенъ для жилья, какъ и девять десятыхъ русскихъ поселеній въ сѣверо-восточной Сибири; мы одинаково наслаждались въ немъ различными удовольствіями жизни, зимою 1866 г., какъ и въ другихъ сибирскихъ мѣстностяхъ.

Слѣдующій за нашимъ пріѣздомъ день мы отдыхали и старались придать себѣ самый приличный видъ съ помощью тѣхъ небольшихъ средствъ, которыя нашли въ нашихъ чемоданахъ изъ тюленьей кожи.

Въ четвергъ, 25 декабря, у русскихъ праздновался день Рождества Христова; мы всѣ встали за четыре часа до разсвѣта, чтобы присутствовать при раннемъ богослуженіи въ церкви. Всѣ въ домѣ были на ногахъ; огонь ярко горѣлъ въ очагѣ; восковыя свѣчи были зажжены передъ образами и кіотами въ нашей комнатѣ и воздухъ былъ наполненъ запахомъ ладона. На дворѣ было совершенно темно. Плеяды стояли низко на западѣ; большое созвѣздіе Оріона начало закатываться и слабое сѣверное сіяніе блестѣло, надъ верхушкою деревьевъ на сѣверѣ селенія. Изъ каждой трубы поднимались клубы дыма и искръ; это доказывало, что всѣ жители уже встали. Мы поспѣшно отправились къ бревенчатой церкви; но служба уже началась, когда мы пришли; мы молча заняли мѣста въ толпѣ богомольцевъ. Стѣны зданія были украшены изображеніями патріарховъ и святыхъ, передъ которыми горѣли большія восковыя свѣчи, перевитыя спиралью золотыми полосками. Облака синеватаго, благоухающаго дыма поднимались къ потолку отъ кадилъ, и густыя ноты священника, въ блестящемъ облаченіи, составляли странный контрастъ съ высокимъ сопрано, поющимъ на клиросѣ.

Богослуженіе православной церкви производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ католической, но такъкакъ оно совершается на древнемъ-славянскомъ языкѣ,

то для насъ, американцевъ, оно почти непонятно. Но самое лучшее во всемъ богослуженіи православной церкви—это пѣніе. Его нельзя слушать безъ волненія даже и въ маленькой бревенчатой часовнѣ далекой Сибири; оно дышетъ глубокой набожностью; я часто простаивалъ службы, продолжающіяся два или три часа, чтобы слышать пѣніе нѣсколькихъ псалмовъ и молитвъ. Молящіеся стоятъ все время впродолженіе самыхъ долгихъ службъ и кажется вполнѣ погружены въ свою молитву. Всѣ крестятся и постоянно наклоняются въ отвѣтъ на слова священника и часто кладутъ земные поклоны. Видъ такой усердной, сосредоточенной молитвы невольно умиляетъ посторонняго зрителя,—будь то христіанинъ другого вѣроисповѣданія, или магометанинъ, или даже, пожалуй, язычникъ.

По окончаніи утренняго рождественскаго богослуженія на клиросѣ раздается ликующій гимнъ, выражающій радость ангеловъ при рожденіи Спасителя и среди нестройнаго трезвона колоколовъ, висѣвшихъ на маленькой колокольнѣ у дверей, мы вышли съ Доддомъ изъ церкви и возвратились домой пить чай. Едва я успѣлъ только допить послѣднюю чашку и докурить папироску, какъ дверь внезапно отворилась и съ полдюжины людей съ серьезными и безстрастными лицами, вошли вереницей, остановились за нѣсколько шаговъ до иконы, въ углу, перекрестились всѣ заразъ и запѣли чудную трогательную молитву, начинающуюся словами: „Христосъ рождается“. Не ожидая услышать рождественскіе гимны въ маленькомъ сибирскомъ поселеніи у полярнаго круга, я стоялъ совершенно пораженный и смотрѣлъ съ удивленіемъ сначала на Додда, чтобы угадать его мысли насчетъ этотъ, а потомъ и на пѣвшихъ. Эти послѣдніе, увлеченные своимъ пѣніемъ, кажется и не замѣчали нашего присутствія; только по окончаніи гимна обратились они къ намъ, поздорова-

лись и поздравили съ праздникомъ Рождества Христова. Доддъ далъ каждому по нѣсколько копѣекъ; пѣвчіе-же, пожелавъ веселыхъ праздниковъ, долгой жизни и счастія „нашимъ превосходительствамъ" пошли далѣе, посѣтить остальные дома въ селеніи. Одна толпа пѣвцовъ слѣдовала за другой, пока, наконецъ, вся молодежь города не перебывала у насъ и не получила на праздникъ по мелкой монетѣ. Нѣкоторые изъ маленькихъ мальчиковъ, болѣе заинтересованные пріобрѣтеніемъ денегъ, чѣмъ торжественностью событія, портили все впечатлѣніе, оканчивая свой гимнъ словами „Христосъ родился,—дайте мнѣ денегъ!" Но большая часть изъ нихъ вела себя очень прилично; мы остались очень довольны такимъ прекраснымъ обычаемъ. Когда солнце взошло, всѣ восковыя свѣчи были погашены, народъ нарядился въ свои лучшія одежды, и все поселеніе предалось ничѣмъ не стѣсненнымъ увеселеніямъ большого праздника. Колокола безъ умолку звонили на церковной колокольнѣ; сани, запряженныя собаками и наполненныя дѣвушками, неслись по улицамъ, опрокидываясь въ снѣжныхъ сугробахъ и затѣмъ мчались внизъ по холмамъ среди криковъ и смѣха; женщины, въ пестрыхъ ситцевыхъ платьяхъ, повязанныя пунцовыми шолковыми платками, ходили изъ дома въ домъ съ поздравительными визитами и съ разговорами о прибытіи знаменитыхъ американскихъ офицеровъ; толпы мужчинъ играли въ мячъ на снѣгѣ и все поселеніе представляло оживленный и веселый видъ.

Вечеромъ, на третій день Рождества, священникъ сдѣлалъ въ честь насъ большой вечеръ, на который были приглашены жители всѣхъ четырехъ селеній и къ которому были сдѣланы самыя тщательныя приготовленія. Вечеръ въ домѣ священника въ воскресенье поразилъ меня своею несообразностью; я долго не могъ согласиться на такое явное нарушеніе четвертой запо-

вѣди. Доддъ, впрочемъ, доказалъ мнѣ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что благодаря разницѣ во времени, въ Америкѣ была еще суббота, а не воскресенье, что наши друзья заняты въ эту минуту дѣлами и удовольствіями и что если мы случайно находимся на другомъ полушаріи, то это еще не значитъ, что мы не можемъ дѣлать то-же самое, что наши друзья—антиподы въ эту минуту. Я сознавалъ, что доводы эти были чистыми софизмами, но Доддъ такъ меня засыпалъ „долготами", „Гринвичскимъ меридіаномъ", „мореплавателемъ Боудитча", „русскими воскресеньями" и „американскими субботами", что я совершенно растерялся и ни за что на свѣтѣ не могъ-бы сказать, какой день былъ сегодня въ Америкѣ, или когда начнется сибирское воскресенье. Наконецъ, я пришелъ къ заключенію, что такъ-какъ русскіе празднуютъ ночь на воскресенье, а новую недѣлю начинаютъ послѣ солнечнаго заката въ субботу, то танцы въ настоящее время будутъ достаточно невиннымъ занятіемъ. Согласно сибирскимъ обычаямъ, я былъ совершенно правъ. Перегородка въ нашемъ домѣ была вынесена, ковры сняты, комната ярко освѣщена свѣчами, прилѣпленными къ стѣнѣ, а вокругъ трехъ сторонъ комнаты поставлены деревянныя скамьи для дамъ; около пяти часовъ любители удовольствій начали собираться. Это было немного рано для бала, но уже много времени прошло послѣ того, какъ смерклось. Вскорѣ гостей собралось около сорока человѣкъ, всѣ мужчины были одѣты въ тяжелыя мѣховыя кукдянки, мѣховые панталоны и сапоги, а дамы въ прозрачныя бѣлыя кисейныя или ситцевыя платья. Костюмы обоихъ половъ были неслишкомъ соотвѣтственны, такъ-какъ однѣ по своей легкости и воздушности одѣлись для африканскаго лѣта, а другіе—для полярной экспедиціи, отыскивающей сэра Джона Кранклина. Общій эффектъ, впрочемъ, былъ довольно живописенъ:

оркестръ состоялъ изъ двухъ, грубо сдѣланныхъ скрипокъ, двухъ балалаекъ, или треугольныхъ туземныхъ гитаръ съ двумя струнами и большого гребня съ листомъ бумаги—инструмента хорошо извѣстнаго всѣмъ мальчикамъ. Любопытствуя посмотрѣть, какъ дѣло такого рода, будетъ ведено по правиламъ сибирскаго этикета, я спокойно усѣлся въ уголъ и началъ свои наблюденія. Дамы тотчасъ-же по пріѣздѣ садились торжественно въ рядъ на деревянныя скамьи, у одной стѣны комнаты, а мужчины густой толпой стояли у другой. Всѣ были необыкновенно воздержаны. Никто не улыбался, никто не говорилъ ни слова; молчаніе нарушалось только случайно пискливымъ аккордомъ разбитой скрипки въ оркестрѣ или меланхолическимъ „тутъ-тутъ", когда одинъ изъ музыкантовъ вздумывалъ настраивать свой гребень. Если только въ этомъ и заключалось все увеселеніе, то я не видалъ въ немъ ничего неприличнаго для воскресенья. Оно походило скорѣе на похороны. Я мало зналъ еще, какая способность возбужденія заключалась подъ скромной наружностью этихъ туземцевъ. Черезъ нѣсколько минутъ, маленькое движеніе у двери возвѣстило о появленіи угощенія и молодой чуванецъ подесъ мнѣ большую деревянную чашку, содержащую около четырехъ гарнцевъ сырой замороженной брусники. Неужели предполагали что я могу съѣсть четыре гарнца сырой брусники! Я взялъ ложки двѣ и посмотрѣлъ на Додда за дальнѣйшими инструкціями. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я передалъ ее далѣе, эта брусника походила вкусомъ на кисловатыя градины, причинила мнѣ только зубную боль и я былъ очень радъ избавиться отъ нея.

Слѣдующее угощеніе состояло изъ другой деревянной чашки, наполненной, какъ мнѣ показалось, бѣлыми сосновыми стружками, и я взглянулъ на нихъ, исполненый удивленія. Замороженная брусника и сосно-

вые стружки были самымъ необыновеннымъ угощеніемъ, которое я когда-либо видѣлъ, даже и въ Сибири; но я хвастался своей способностью ѣсть почти все и если туземцы могли питаться брусникой и стружками—я не долженъ былъ уступать имъ. Что я принялъ за сосновыя стружки, оказалось при ближайшемъ изслѣдованіи наскобленной, сырой, мерзлой рыбой, любимымъ лакомствомъ сибиряковъ, которое впослѣдствіи я встрѣчалъ очень часто подъ названіемъ „струганины". Мнѣ удалось справиться и съ этими рыбными стружками безъ иныхъ, серьезныхъ результатовъ, кромѣ усиленія зубной боли. За ними слѣдовали бѣлый хлѣбъ съ масломъ, пироги съ брусникой и чай, которымъ и закончился ужинъ. Тогда мы были уже совершенно приготовлены къ началу удовольствія; послѣ нѣсколькихъ подготовительныхъ пиликаній и настраиваній музыкальныхъ инструментовъ, оркестръ разразился оживленнымъ, русскимъ, народнымъ танцемъ. Музыканты усердно били тактъ головой и правой ногой, человѣкъ съ гребнемъ покраснѣлъ, какъ ракъ, отъ усиленной натуги и все собраніе начало пѣть. Черезъ минуту, одинъ изъ мужчинъ въ платьѣ изъ пятнистой оленьей шкуры и въ лосинныхъ панталонахъ, выскочилъ на середину комнаты и низко поклонился одной дамѣ, сидѣвшей на концѣ скамьи. Дама встала съ граціознымъ поклономъ и оба начали родъ полу-пляски, полу-пантомимы по комнатѣ, приближаясь и удаляясь въ тактъ музыкѣ и бысто повертываясь; мужчина, повидимому, ухаживалъ за дамой, а дама отталкивала всѣ его любезности, отворачиваясь отъ него и закрывая себѣ лицо платкомъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ такихъ нѣмыхъ движеній, дама удалилась и другая заняла ея мѣсто; музыка удвоила тактъ, танцующіе пустились въ бѣшеную пляску и рѣзкія возбуждающія восклицанія: „Ахъ! Ахъ! валяй! Не отставай!" раздавались со всѣхъ концовъ комнаты

вмѣстѣ съ оглушающей музыкой гребня и топаньемъ полсотни ногъ на деревянномъ полу. Кровь закипѣла въ моихъ жилахъ,—такъ заразительно было это общее возбужденіе.

Вдругъ, пляшущій бросился на землю, къ ногамъ своей дамы и началъ въ присядку плясать вокругъ нее, напоминая мнѣ въ эту минуту своей фигурой хромую огромную стрекозу. Этотъ неожиданный поступокъ привелъ все общество въ дикій восторгъ, крики пѣсни заглушили всѣ музыкальные инструменты, исключая гребня, который продолжалъ трубить, подобно шотландской волынкѣ, при ея послѣдней агоніи. Такого пѣнія, такой пляски, такого возбужденія я никогда еще не видалъ. Оно разомъ уничтожило все мое самообладаніе. Наконецъ, танцоръ, проплясавъ поочереди со всѣми дамами въ комнатѣ, остановился, повидимому, истощенный—чему я вполнѣ вѣрю—потъ градомъ катился по его лицу и онъ отправился за мороженой брусникой, чтобы освѣжиться послѣ этой усиленной гимнастики. За этой пляской, называемой „русская“, послѣдовала другая, извѣстная подъ именемъ „казачка“, въ которой Доддъ, къ великому моему удивленію, не замедлилъ принять участіе. Я чувствовалъ себя способнымъ на каждый танецъ, на который способенъ былъ Доддъ; поэтому, пригласивъ даму въ ситцевомъ платьѣ, съ красными и голубыми цвѣтами, я занялъ мѣсто въ ряду танцующихъ. Восторгъ былъ неописанный, когда оба американца начали быстро кружиться по комнатѣ; музыканты приложили все твое стараніе, чтобы играть быстрѣе; человѣкъ съ гребнемъ закашлялся и долженъ былъ прекратить свою игру; но правильное притоптываніе пятидесяти или шестидесяти ногъ указывали тактъ музыкѣ вмѣстѣ съ одобряющими криками: „валяй американцы! Эхъ, эхъ, эхъ!“ и шумнымъ пѣніемъ всей толпы. Верхъ возбужденія, до ко-

тораго туземцы доводятъ себя впродолженіе этой пляски, почти невѣроятенъ и производитъ сильное впечатлѣніе даже и на иностранца. Если-бы я былъ въ полномъ разсудкѣ въ эту минуту, а не подъ вліяніемъ неестественнаго энтузіазма, я никогда не рѣшился-бы ни танцовать «казачка», ни выставлять себя въ смѣшномъ видѣ. Въ Сибири считается большимъ нарушеніемъ этикета если вы, пустившись разъ танцовать, не протанцуете, или по крайней мѣрѣ не предложите протанцовать со всѣми дамами въ обществѣ; если ихъ очень много, то такое удовольствіе становится крайне утомительнымъ. Исполнивши этотъ обычай, мы съ Доддомъ бросились вонъ изъ комнаты, сѣли на скамью, сдѣланную изъ снѣга и съѣли по гарнцу замороженной рыбы и брусничныхъ градинъ. Весь нашъ организмъ таялъ, кажется, отъ страшнаго жара.

Какъ доказательство того уваженія, которымъ американцы пользуются въ Анадырскѣ, я разскажу слѣдующій маленькій случай: танцуя казачка, я нечаянно наступилъ своими тяжелыми сапогами на ногу одного русскаго крестьянина. По выраженію его лица, я замѣтилъ, что причинилъ ему сильную боль; по окончаніи пляски, я отправился къ нему извиняться, взявъ Додда, какъ переводчика. Но онъ прервалъ меня кучей поклоновъ, увѣряя, что ему вовсе не было больно; только того недоставало, чтобы онъ сказалъ, что американецъ сдѣлалъ ему большую честь, наступивъ на ногу! Никогда до сихъ поръ я не сознавалъ того славнаго и завиднаго положенія, которымъ пользовался, какъ уроженецъ Америки, къ которой всѣ относились съ такимъ уваженіемъ.

Танцы, прерываемые оригинальными туземными играми и частыми угощеніями въ видѣ замороженной брусники, продолжались до двухъ часовъ, т. е. девять часовъ сряду. Я описалъ слишкомъ подробно этотъ

танцовальный вечеръ, потому что въ этомъ состоитъ главное развлеченіе полу-образованныхъ жителей всѣхъ русскихъ поселеній въ Сибири; это доказываетъ лучше, чѣмъ что другое, беззаботный, веселый нравъ этого народа крайняго сѣвера.

Впродолженіе всѣхъ святокъ все поселеніе занималось только визитами, приглашеніями на чай, плясками, катаньемъ на саняхъ и игрою въ мячъ. Каждый вечеръ отъ Рождества до Новаго года, толпы наряженныхъ въ самые фантастическіе костюмы, обходили съ музыкой всѣ дома въ селеніи и угощали хозяевъ пѣснями и танцами. Жители этихъ маленькихъ поселеній въ сѣверо-восточной Сибири самый беззаботный, добросердечный и гостепріимный народъ во всемъ мірѣ; эти качества проявляются всюду въ ихъ общественной жизни. Вы не встрѣтите ни церемоніи, ни напыщенности, ни желаній выставиться ни въ одномъ классѣ общества. Всѣ смѣшаны вмѣстѣ, всѣ обращаются другъ съ другомъ съ самой радушной откровенностью; мужчины часто цѣлуются при встрѣчѣ и прощаніи, какъ братья. Ихъ уединеніе отъ остального міра кажется, связало ихъ узами взаимной симпатіи и солидарности и изгнало изъ ихъ сердецъ всякое чувство зависти и мелочного эгоизма. Во все время нашего пребыванія у священника, съ нами обращались съ большимъ вниманіемъ и полнымъ уваженіемъ; маленькій запасъ роскоши священника, какъ-то: мука, сахаръ и масло, щедро тратился для нашего стола. Онъ былъ радъ дѣлить съ нами все, что у него было и никогда не дѣлалъ даже намека на какое-либо вознагражденіе; ему, кажется, и въ голову не приходило, что онъ дѣлаетъ болѣе того, чего требуетъ простое гостепріимство. Словомъ, онъ совершенно не считалъ насъ за постороннихъ людей, а обращался съ нами, какъ съ близкими родными, пріѣхавшими повидаться съ нимъ издалека на самое короткое время.

Первые десять дней нашего пребыванія въ Анадырскѣ навсегда останутся для насъ самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ изъ всей нашей жизни въ Сибири.

ГЛАВА XXVII.

Нѣкоторыя приключенія во время розыска нашихъ товарищей.

Пріѣхавъ въ Анадырскъ, мы навели справки о партіи американцевъ, которые, по слухамъ, высадились близъ устья Анадыри; но мы не могли добиться болѣе точныхъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, которыя уже намъ сообщили. Кочующіе чукчи принесли извѣстіе, что маленькая партія бѣлыхъ людей высадилась южнѣе Берингова пролива поздней осенью съ „огненнаго корабля“ т. е. съ парохода; эти люди вырыли въ землѣ родъ погреба, покрыли его вѣтвями и досками и такимъ образомъ остались на зимовку. Кто они были, зачѣмъ пришли и долго-ли предполагали остаться—вотъ вопросы, которые волновали все чукотское населеніе и на которые никто не могъ дать отвѣта. Ихъ маленькая подземная хижина была совершенно завалена, по словамъ туземцевъ, снѣжными сугробами и только странная желѣзная труба, изъ которой выходили дымъ и искры, указывало то мѣсто, гдѣ жили бѣлые люди. Эта странная желѣзная труба, которая такъ поражала чукчей, была, конечно, ничто иное, какъ англійская печная труба; такое сообщеніе подтверждало правдоподобность разсказа. Ни одинъ сибирскій туземецъ не могъ-бы выдумать понятія о желѣзной печной трубѣ—кто-нибудь изъ нихъ долженъ былъ дѣйствительно видѣть ее; одинъ этотъ фактъ убѣдилъ насъ, что американцы жили гдѣ-нибудь на берегу моря; вѣроятно, это партія изслѣдователей, высаженная полковникомъ Белли для одинаковой съ нами цѣли.

Инструкціи, данныя намъ маіоромъ, при отправленіи

изъ Гижигинска, не разсчитывали на такую случайность, какъ прибытіе партіи къ Берингову проливу; въ то время мы потеряли всякую надежду на такую помощь и думали изслѣдовать страну только собственными силами. При нашемъ отъѣздѣ изъ Санъ-Франциско, главный инженеръ положительно сказалъ намъ, что если онъ пошлетъ партію людей къ устью Анадыри, то никакъ не ранѣе начала осени и, кромѣ того, съ большой китоловной лодкой, на которой они могли-бы подняться къ поселенію до наступленія зимы. Поэтому, когда мы встрѣтили въ Гижигинскѣ пріѣзжихъ изъ Анадырска въ концѣ ноября и узнали отъ нихъ, что они ничего не слыхали объ этой партіи, то заключили, что полковникъ Бёльклн по какимъ-нибудь причинамъ отказался отъ своего первоначальнаго плана. Никто не предполагалъ, что онъ оставитъ горсть людей въ пустынной мѣстности, на югѣ отъ Берингова пролива, въ началѣ полярной зимы, безъ всякихъ средствъ къ передвиженію, безъ крова, окруженныхъ дикими племенами необузданныхъ туземцевъ и удаленныхъ болѣе, чѣмъ на двѣсти миль отъ ближайшаго цивилизованнаго человѣческаго существа. Что должна была дѣлать эта несчастная партія? Ей оставалось только жить въ бездѣйствіи, пока она не умретъ съ голода, или не будетъ перебита туземцами; если-же ей и удастся спастись, то это уже будетъ какимъ-то чудомъ. Таково было положеніе дѣлъ, когда мы съ Доддомъ пріѣхали въ Анадырскъ. Намъ приказано было оставить рѣку Анадырь неизслѣдованною до слѣдующаго года; но мы знали, что лишь только маіоръ получитъ письма, бывшія у насъ въ рукахъ въ Шестаковѣ, то узнаетъ, что партія высажена на югѣ Берингова пролива; онъ навѣрно пришлетъ намъ приказаніе черезъ нарочнаго курьера отправиться розыскивать эту экспедицію и привести ее въ Анадырскъ, гдѣ она можетъ быть намъ

полезна. Поэтому мы рѣшились предупредить эти распоряженія и взять на собственную отвѣтственность розыски американской печной трубы.

Однако, наше положеніе было одно изъ самыхъ затруднительныхъ. У насъ не имѣлось средствъ вѣрно опредѣлить ни наше собственное географическое положеніе, ни мѣстонахожденіе американской партіи. У насъ не было инструментовъ для астрономическихъ наблюденій, мы не могли опредѣлить съ точностью градусы широты и долготы того мѣста, гдѣ находились и не знали, что въ двухъ стахъ-ли миляхъ отъ насъ Тихій океанъ или въ пяти стахъ. По отчету лейтенанта Филиппеуса, который изслѣдовалъ часть Анадырской рѣки, поселеніе отстояло на 1,000 верстъ отъ Анадырской губы, между тѣмъ, какъ по разсчету жителей Гижигинска, оно находилось не болѣе, какъ въ 400 в. отъ него. Настоящее разстояніе было для насъ вопросомъ большой важности, потому-что мы должны были взять съ собою кормъ для собакъ на всю дорогу, а если намъ предстояло путешествіе въ тысячу верстъ, то собаки, вѣроятно, перемерли-бы отъ истощенія прежде, чѣмъ мы успѣемъ вернуться. Кромѣ этого, если мы и достигнемъ Анадырской губы, то какимъ образомъ узнаемъ о мѣстопребываніи американцевъ? И пока намъ удастся встрѣтить шайку чукчей, которые видѣли чужестранцевъ, придется цѣлый мѣсяцъ блуждать по этимъ безплоднымъ равнинамъ, не наткнувшись на печную трубу, которая была единственнымъ наружнымъ признакомъ подземнаго жилища американцевъ. Это будетъ много труднѣе, чѣмъ, согласно пословицѣ, найти иголку въ стогѣ сѣна.

Когда мы сообщили обывателямъ Анадырска о нашемъ намѣреніи отправиться къ берегу Тихаго океана, и стали приглашать охотниковъ сопутствовать намъ, то встрѣтили самую сильную оппозицію. Туземцы за-

явили въ одинъ голосъ, что такое путешествіе невозможно, что это неслыханная до сихъ поръ вещь, что у низовьевъ Анадыри бываютъ страшныя бури, что мѣстность у устья этой рѣки совершенно безлѣсна, что тамъ всегда сильный холодъ, и что мы неминуемо замерзнемъ или умремъ съ голода и лишимся всѣхъ собакъ. Они приводили въ примѣръ лейтенанта Филиппеуса, который едва избѣгнулъ голодной смерти въ этихъ мѣстностяхъ въ 1860 году, хотя и отправился туда весною, между тѣмъ, какъ мы хотимъ ѣхать среди зимы, когда морозы и вьюги свирѣпствуютъ во всей своей силѣ. Словомъ, они объявили, что такое предпріятіе должно окончиться неминуемымъ несчастіемъ. Нашъ казакъ, Григорій, честный и заслуживающій довѣрія старикъ, сопровождавшій лейтенанта Филиппеуса и служившій ему переводчикомъ у чукчей въ 1860 г. спускался уже по рѣкѣ на полтораста миль зимою, а слѣдовательно, былъ опытнѣе въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ многіе другіе. Поэтому мы не обратили вниманія на слова туземцевъ, а обсудили съ нимъ этотъ вопросъ. Казакъ сказалъ, что былъ близко отъ Анадырской губы и вездѣ встрѣчалъ достаточно малорослой сосны по берегамъ, чтобы снабдить насъ въ избыткѣ лѣсомъ для костровъ, а мѣстность была нехуже той, по которой мы ѣхали изъ Гижигинска въ Анадырскъ. Онъ заявилъ о своей полной готовности предпринять это путешествіе, и поѣхать на собственныхъ собакахъ, куда мы только пожелаемъ. Священникъ, который также путешествовалъ лѣтомъ по рѣкѣ, полагалъ, что эта поѣздка очень возможна и сказалъ, что самъ сопутствовалъ-бы намъ, если-бы могъ принести какую-нибудь пользу. Ободренные этими увѣреніями, мы сообщили туземцамъ наше окончательное рѣшеніе, показали имъ письмо, привезенное отъ Гижигинскаго исправника, дающее намъ право требовать людей и саней для всякаго рода услугъ и сказали имъ,

что если они откажутся ѣхать съ нами, то мы пошлемъ нарочнаго въ Гижигинскъ объявить объ ихъ непослушаніи. Эта угроза и примѣръ казака Григорія извѣстнаго за самаго опытнаго проводника отъ Охотскаго моря до Ледовитаго океана, произвели, наконецъ, желаемое дѣйствіе. Одинадцать человѣкъ согласились сопутствовать намъ и, мы начали тотчасъ запасать кормъ для собакъ и съѣстныя припасы для себя. До сихъ поръ, мы имѣли только самыя неопредѣленныя свѣдѣнія о положеніи американской партіи и рѣшились подождать еще нѣсколько дней возвращенія казака Кожевина, который поѣхалъ къ кочующимъ чукчамъ. Священникъ былъ увѣренъ, что казакъ привезетъ послѣднія и самыя достовѣрныя свѣдѣнія, такъкакъ кочующіе туземцы во всей странѣ знали о прибытіи таинственныхъ бѣлыхъ и могли приблизительно объяснить Кожевину мѣсто ихъ нахожденія. Въ это время мы заботились о нѣкоторыхъ прибавкахъ къ нашимъ мѣховымъ костюмамъ, объ изготовленіи масокъ изъ бѣличьей шкуры, чтобы надѣвать ихъ на лицо при слишкомъ сильномъ морозѣ и засадили всѣхъ женщинъ въ поселеніи за работу большой палатки изъ шкуръ.

Въ субботу, 20-го Января с. н. Кожевинъ возвратился отъ чукчей, расположившихся сѣвернѣе Анадырска и привезъ, какъ и ожидали, болѣе подробныя свѣдѣнія о партіи американцевъ, покинутой у Берингова пролива. Она состояла, по послѣднимъ извѣстіямъ, только изъ пяти человѣкъ, живущихъ на Анадыри, на разстояніи одного дня путешествія отъ ея устья. Эти пять человѣкъ жили въ подземной хижинѣ, грубо построенной изъ сучьевъ и досокъ и совершенно погребенной подъ снѣгомъ; говорили, что они въ изобиліи снабжены съѣстными припасами и у нихъ много боченковъ, содержащихъ, по предположенію туземцевъ, водку; но по всей вѣроятности въ этихъ боченкахъ была соло-

пива, а не водка. Они разводили огонь самымъ необыкновеннымъ способомъ, по словамъ чукчей, зажигая „черныя камни въ желѣзномъ ящикѣ“, между тѣмъ, какъ весь дымъ таинственно выходилъ изъ наклеенной желѣзной трубы, которая вертѣлась отъ вѣтра. Въ этомъ живомъ, но смѣшномъ описаніи, мы узнали, разумѣется, печь, топящуюся каменнымъ углемъ и трубу съ коловратнымъ движеніемъ. Кожевину сказали также, что они имѣютъ огромнаго чернаго ручного медвѣдя, который бѣгаетъ на свободѣ вокругъ ихъ жилища и который разогналъ чукчей самымъ энергичнымъ способомъ. Когда я услыхалъ это, я не могъ долѣе удержать торжествующаго крика. Партія состояла изъ нашихъ старыхъ товарищей изъ Санъ-Франциско, а ручной черный медвѣдь была ньюфаундленская собака Робинсона. Я ее ласкалъ столько разъ въ Америкѣ и между моими фотографическими карточками былъ даже снимокъ съ нея. Она принимала даже участіе въ экспедиціи. Теперь не могло быть болѣе сомнѣнія, что партія, погребенная подъ снѣгомъ въ обширныхъ степяхъ на югѣ Берингова пролива, была давно ожидаемая партія изслѣдователей, подъ начальствомъ лейтенанта Макри; наши сердца бились отъ волненія, когда мы думали, какъ изумятся наши старые друзья, и товарищи когда мы неожиданно явимся къ нимъ въ эту пустынную, Богомъ покинутую, страну, за двѣ тысячи миль отъ того мѣста, гдѣ, по ихъ разчетамъ, мы должны были высадиться. Такая встрѣча вознаградитъ насъ сторицею за всѣ трудности и непріятности сибирской жизни.

Вскорѣ все было готово къ отъѣзду. Сани были нагружены на пять футовъ вышины съѣстными припасами для насъ и для собакъ на тридцать дней; наша палатка изъ шкуръ, которою мы должны были пользоваться во время слишкомъ сильныхъ холодовъ, окончена и уложена, мѣшки, верхняя обувь, маски, толстая

одежда для спанья, лопаты, топоры, ножи и длинныя сибирскія лыжи были распредѣлены на каждыя сани; все, что мы только могли придумать съ Доддомъ и Григоріемъ, было сдѣлано для обезпеченія успѣха экспедиціи.

Въ понедѣльникъ утромъ, 22 января, вся партія собралась передъ домомъ священника. Для соблюденія экономіи и изъ желанія раздѣлить участь нашихъ людей, какая-бы она ни была, Доддъ и я не сѣли въ повозки, а сами стали управлять нашими нагруженными санями. Намъ не хотѣлось чтобы туземцы могли сказать, что мы заставляемъ ихъ ѣхать, а сами избѣгаемъ свою долю трудовъ и опасностей. Все населеніе города,—мужчины, женщины и дѣти собрались смотрѣть на нашъ отѣздъ, а улица передъ домомъ священника была переполнена толпой темнолицыхъ мужчинъ въ мѣховыхъ одеждахъ, красныхъ кушакахъ и большихъ лисьихъ капорахъ, и встревоженныхъ женщинъ, бѣгающихъ взадъ и впередъ и прощающимися съ мужьями и братьями; у крыльца стояли одиннадцать узкихъ длинныхъ саней, нагруженныхъ сушеной рыбой и увязанныхъ желтой лосиной кожей и ремнями; 125 мохнатыхъ, волкообразныхъ собакъ заглушали весь остальной шумъ громкимъ нетерпѣливымъ лаемъ.

Наши спутники вошли въ домъ священника, перекрестились и помолились передъ образомъ Спасителя, что они всегда дѣлали передъ отъѣздомъ въ долгій путь. Доддъ и я простились съ добродушнымъ священникомъ, на что онъ намъ отвѣчалъ „съ Богомъ", что у русскихъ замѣняетъ „прощайте"; потомъ, вскочивъ въ сани и пустивъ нашихъ бѣшенныхъ собакъ, мы понеслись изъ селенія въ облакахъ снѣга, блестѣвшихъ какъ алмазный порошокъ, въ красномъ свѣтѣ солнца.

За двумя или тремя стами милями снѣжной пустыни, мы представляли себѣ въ своемъ воображеніи закоптѣлую печную трубу, подымающуюся изъ снѣжна-

го сугроба—эту чашу Грааля, которую мы отыскивали, какъ странствующіе рыцари полярнаго полюса.

ГЛАВА XXVIII.

Продолженіе путешествія.—Открытіе партіи.

Я не стану распространяться о первой части нашего путешествія изъ Анадырска къ берегу Тихаго океана; это явилось-бы только повтореніемъ того, что намъ пришлось испытывать до сихъ поръ. Ѣзда по льду рѣки или по пустынной снѣжной степи, лагерныя стоянки ночью, несмотря ни на какую погоду — вотъ, въ чемъ состояла наша жизнь; это скучное утомительное однообразіе смягчилось только радостнымъ ожиданіемъ встрѣчи съ нашими друзьями-изгнанниками и полнымъ сознаніемъ, что мы направлялись въ такую страну, куда до насъ никогда еще не вступала нога цивилизованнаго человѣка. Съ каждымъ днемъ ольховые кусты по берегу рѣки становились все ниже и рѣже, а обширная степь, по которой протекала рѣка, все пустыннѣе, чѣмъ ближе мы подходили къ морю. Наконецъ, мы оставили за собой послѣдній признакъ растительности; на десятый день путешествіе началось по равнинамъ, совершенно лишеннымъ всякой жизни; онѣ простирались безграничнымъ бѣлымъ ковромъ и сливались съ далекимъ горизонтомъ. Рѣка достигала здѣсь мили ширины. Не безъ опасенія страшился я возможности быть застигнутымъ вьюгой въ такой мѣстности. По приблизительному разсчету мы сдѣлали, выѣхавъ изъ Анадырска, около 200 верстъ; но насколько мы подвинулись къ морскому берегу, мы никакъ не могли узнать. Погода впродолженіе этой недѣли, вообще, была ясная и не очень холодная; но въ ночь на 1-е фе-

вралл термометръ понизился до—35°, а намъ удалось найти только маленькій зеленый кустарникъ, достаточный лишь для того, чтобы вскипятить чай. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы раскапывали снѣгъ, ища лѣса, но не находили ничего, кромѣ мха и нѣсколькихъ кустовъ брусники, которые не годились для костра. Утомленные и измученные длиннымъ дневнымъ путешествіемъ, а болѣе всего безполезнымъ копаніемъ снѣга, думая найти подъ нимъ какую-либо растительность, удобную для того, чтобы развести костеръ, мы возвратились съ Доддомъ въ станъ, бросились на медвѣжьи шкуры и стали пить чай. Едва Доддъ поднесъ чашку къ губамъ, какъ странное выраженіе его лица поразило меня; онъ будто замѣтилъ какой-то особенный вкусъ въ чаѣ. Только-что я хотѣлъ спросить его о причинѣ, какъ онъ воскликнулъ съ особеннымъ удивленіемъ и нескрываемою радостью:

— Вода прилива! чай соленый!

Полагая, что соль могла случайно попасть въ чай, я послалъ людей внизъ по рѣкѣ за чистымъ льдомъ и мы старательно распустили его. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ водѣ былъ соленый вкусъ. Мы достигли Тихаго океана, онъ былъ недалекъ. Еще день— и мы достигнемъ жилища американской партіи или устья рѣки. По всей вѣроятности, мы не встрѣтимъ болѣе лѣса; желая воспользоваться ясной погодой, мы поспѣшили заснуть, чтобы шесть часовъ спустя отправиться далѣе въ самую полночь, при свѣтѣ полной луны.

На одиннадцатый день послѣ отъѣзда изъ Анадырска, по окончаніи тѣхъ долгихъ сумерекъ, которыя слѣдуютъ за полярнымъ днемъ, наши одиннадцать саней подъѣхали къ тому мѣсту, гдѣ, по словамъ чукчей, мы ожидали найти партію американцевъ. Ночь была ясная, тихая и очень холодная; термометръ при закатѣ солнца показывалъ 44° ниже нуля и быстро по-

низился до 50°, а розовый свѣтъ на западѣ становился все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, темнота распространилась по всей обширной степи. Много разъ въ Сибири и въ Камчаткѣ случалось мнѣ видѣть природу въ ея суровомъ, зимнемъ нарядѣ, но никогда, кажется, до сихъ поръ элементы холода, безплодности и запустѣнія не составляли такой мрачной картины, какъ та, которая лежала въ эту ночь передъ нами у Берингова пролива. Насколько глазъ могъ проникнуть черезъ этотъ мракъ, голая степь тянулась во всѣ стороны, подобно безграничному снѣжному океану съ волнообразными возвышенностями, остатками слѣдовъ прежнихъ бурь. Не было ни деревца, ни куста, никакого признака животной или растительной жизни, который служилъ-бы доказательствомъ, что мы ѣдемъ не по замерзшему океану. Всюду мертвенная тишина и запустѣніе. Казалось, что эта земля была покинута Богомъ и людьми и отдана во власть полярнаго духа, дрожащее знамя котораго безпокойно колебалось на небѣ, въ лучахъ сѣвернаго сіянія, какъ знакъ его побѣды, власти и силы. Около восьми часовъ полная луна взошла, круглая и красная, на востокѣ, бросая заманчивый свѣтъ на огромное снѣжное поле; но какъ-бы повинуясь также волѣ полярнаго духа, она вовсе не походила на настоящую луну и принимала постоянно самыя фантастическія и разнообразныя формы. То она растягивалась въ эллипсисъ, то опять съеживалась и принимала очертаніе большой, красной урны, то удлинялась въ перпендикулярную линію съ закругленными концами и сдѣлалась, наконецъ, треугольной.

Трудно себѣ представить, какое чудное и странное впечатлѣніе производила эта кроваво-красная, искаженная, луна среди этой дикой и странной мѣстности. Мы, казалось, вступили въ какой-то ледяной, покинутый міръ, гдѣ всѣ естественныя явленія и законы природы

теряли свою силу, гдѣ всякая животная и растительная жизнь была уничтожена. Страшный холодъ, уединеніе, давящее молчаніе и красный, зловѣщій свѣтъ луны, похожій на зарево далекаго, но огромнаго пожара, все это вмѣстѣ возбуждало въ душѣ чувство ужаса, которое можетъ быть увеличивалось еще сознаніемъ, что до сихъ поръ ни одно человѣческое существо, кромѣ нѣсколькихъ кочующихъ чукчей, не отваживалось зимою вступить въ это царство морозовъ. Не слышно было ни пѣсней, ни шутокъ, ни криковъ, которыми, бывало, наши возницы оживляли ночное путешествіе. Часы проходили за часами медленно и утомительно до полуночи. Мы проѣхали уже миль двадцать далѣе того мѣста гдѣ предполагалось встрѣтить партію американцевъ но нигдѣ не видно было ни малѣйшаго признака ихъ подземнаго жилища или его выдающейся трубы; передъ нами огромная степь простиралась все такая-же бѣлая, мертвенная, какъ и прежде. Мы уже ѣхали около сутокъ, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, не считая маленькаго отдыха, который мы дали усталымъ собакамъ передъ солнечнымъ закатомъ; ужасный холодъ, утомленіе, страхъ и недостатокъ въ горячей пищѣ стали уже отзываться на нашихъ ослабѣвшихъ спутникахъ. Намъ приходилось уже серьезно призадуматься надъ рискованностью нашего предпріятія и надъ вѣрной неудачей поисковъ, затѣянныхъ нами для открытія американской партіи. Изъ ста случайностей мы не имѣли ни одного вѣрнаго шанса, чтобы найти въ полночь, въ этой обширной, снѣжной пустынѣ, маленькую, засыпанную хижину, точнаго мѣста которой мы не знали и даже въ существованіи которой далеко не были увѣрены. Кто могъ сказать, что американцы не оставили своего подземнаго жилища два мѣсяца тому назадъ и не переселились съ какими-нибудь дружественными туземцами въ болѣе удобную и защищенную

мѣстность? Послѣднія свѣдѣнія о нихъ мы имѣли отъ перваго декабря, а теперь былъ уже февраль. Они, можетъ быть, ушли на сотню миль по берегу, отыскивая мѣсто для поселенія, или удалились глубоко во внутрь страны съ шайкой оленьихъ чукчей. Не было вѣроятности, чтобы они пробыли четыре мѣсяца въ этой печальной, пустынной мѣстности, не пытаясь выйти изъ нея. Даже если они и были еще на своей прежней стоянкѣ, какъ намъ найти ихъ? Мы, можетъ быть, проѣхали мимо ихъ подземной хижины уже нѣсколько часовъ тому назадъ, не замѣтя ее и удалялись теперь все болѣе и болѣе отъ нихъ, отъ лѣса, отъ крова. До отъѣзда изъ Анадырска ничего не казалось легче, какъ спуститься по рѣкѣ, пока не пріѣдемъ къ дому, построенному на ея берегу, или не увидимъ печной трубы, торчащей изъ снѣжнаго сугроба; но теперь въ двухъ-стахъ пятидесяти или трехъ-стахъ миляхъ отъ человѣческаго жилья, при температурѣ въ 50° мороза, когда наша жизнь, можетъ быть, зависѣла отъ открытія этой маленькой, занесенной снѣгомъ, хижины, мы поняли, какъ безумны были наши ожиданія и какъ слаба теперь надежда на успѣхъ. Ближайшій лѣсъ былъ въ пятидесяти миляхъ за нами и при томъ утомленіи и ознобѣ, который мы чувствовали, мы не отваживались остановиться безъ огня. Мы должны или подыматься впередъ или вернуться назадъ, слѣдовательно, или найти хижину, или отказаться отъ поисковъ и возвратиться къ ближайшему лѣсу, какъ можно скорѣе. Собаки выказывали вѣрные признаки усталости; ихъ ноги, распухшія отъ продолжительнаго пути, растрескались между пальцами и при каждомъ шагѣ оставляли на бѣломъ снѣгу слѣды крови. Не желая отказаться отъ поисковъ, пока была еще хотя тѣнь надежды, мы все продолжали ѣхать на востокъ, по окраинѣ высокихъ голыхъ скалъ, опоясывающихъ рѣку, въ возможно да-

лекомъ разстояніи другъ отъ друга, вытянувшись въ длинную линію, чтобы занять большее пространство земли. Полная луна поднялась теперь высоко на небѣ и освѣщала почти дневнымъ свѣтомъ пустынную равнину на сѣверной сторонѣ рѣки. Бѣлизна этой равнины нарушалась только мѣстами, маленькими бугорками мха или болотной травы, съ которыхъ снѣгъ былъ снесенъ сильнымъ вѣтромъ и эти мѣста имѣли видъ темныхъ пятенъ.

Всѣ мы страшно страдали отъ холода, а мѣховые кукули и переда нашихъ одеждъ превратились въ массы бѣлаго инея, образовавшагося отъ дыханія. Я, надѣвъ на себя двѣ тяжевыя кукляпки изъ оленьей шкуры, вѣсящія вмѣстѣ около тридцати фунтовъ, подпоясалъ ихъ туго поясомъ, надѣлъ ихъ толстые мѣховые капоры себѣ на голову и покрылъ лицо бѣличьей маской, но не смотря на все это, я предохранялъ себя отъ холода только тѣмъ, что бѣжалъ возлѣ саней. Доддъ ничего не говорилъ, но повидимому, пріунылъ и почти замерзъ, между тѣмъ, какъ туземцы молча сидѣли на своихъ саняхъ, какъ будто ничего больше не ждали и ни на что не надѣялись. Только Григорій и одинъ старый чукча, служившій намъ проводникомъ, выказывали нѣкоторую энергію и, повидимому, надѣялись напасть на слѣды партіи американцевъ. Они ѣхали впередъ, разрывая всюду снѣгъ, чтобы найти хоть топливо, разглядывая внимательно берега рѣки и сворачивая, по временамъ, въ снѣжную равнину на сѣверъ. Наконецъ Доддъ, не сказавъ мнѣ ни слова, отдалъ свою остроконечную палку одному изъ туземцевъ, спряталъ голову и руки въ свое мѣховое платье и легъ въ сани, собираясь спать, не смотря на мои предостереженія и не обращая вниманія на всѣ мои вопросы. Онъ очевидно начиналъ коченѣть отъ холода, отъ котораго не сберегли его и самыя теплыя одежды.

Онъ, конечно, не проживетъ ночи, если его не поднять тотчасъ-же; кто знаетъ, проживетъ-ли онъ и два часа. Его отчаянное положеніе привело меня въ уныніе; истощенный постоянными усиліями согрѣться, я потерялъ наконецъ всякую надежду и хотя неохотно, но согласился отказаться отъ поисковъ и расположиться на ночлегъ. Я надѣялся возвратить Додда къ жизни, остановившись, гдѣ мы теперь находились, разломивъ одни сани на дрова и напоивъ его чаемъ; ѣхать-же далѣе на востокъ и рисковать жизнью всѣхъ безъ всякой видимой надежды на то, что намъ удастся найти партію американцевъ, или отыскать хотя нѣсколько кустарниковъ, чтобы развести огонь, было совершенно безполезно. Только-что я далъ приказаніе ближайшимъ ко мнѣ туземцамъ остановиться, какъ мнѣ показалось, что вдали раздался слабый крикъ. Вся кровь въ моихъ жилахъ внезапно прилила къ сердцу, я сбросилъ мѣховой капоръ и сталъ прислушиваться. Снова слабый, долгій крикъ долетѣлъ до меня по тихому воздуху съ передовыхъ саней. Мои собаки навострили уши при этомъ звукѣ, рванулись впередъ и черезъ минуту я подъѣхалъ къ кучкѣ нашихъ людей, собравшихся вокругъ какого-то предмета, похожаго на опрокинутую китоловную лодку, занесенную снѣгомъ на берегу рѣки. Слѣдъ на пескѣ не былъ болѣе изумителенъ для Робинзона Крузое, чѣмъ эта поврежденная погодой, покинутая лодка для насъ, такъ-какъ она ясно свидѣтельствовала, что гдѣ-то вблизи долженъ былъ находиться пріютъ. Одинъ изъ возницъ, нѣсколько минутъ тому назадъ, наѣхалъ на какой-то темный, твердый предметъ въ снѣгѣ, который онъ принялъ сначала за бревно, выброшенное моремъ, но при ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что это была американская китоловная лодка. Если когда-нибудь мы благодарили Бога со всей искренностью нашего сердца, то это было въ эту минуту. Отчистивъ

рукавицей длинную бахрому инея, висѣвшую на моихъ вѣкахъ, я сталъ поспѣшно искать вокругъ признака дома, но Григорій былъ быстрѣе меня, и радостный крикъ объявилъ о новомъ открытіи. Я далъ собакамъ волю итти, куда имъ вздумается, бросилъ остроконечную палку и побѣжалъ по направленію къ звуку. Черезъ минуту я увидалъ Григорія и стараго чукчу, стоящихъ возлѣ низкаго, снѣжнаго вала въ ста аршинахъ отъ рѣчнаго берега и разглядывающихъ какой-то темный предметъ, который торчалъ на его гладкой, бѣлой поверхности. Это была давно жданная, давно искомая печная труба! Анадырская партія была найдена!

Неожиданное открытіе этихъ соотечественниковъ поздней ночью, когда мы уже потеряли всякую надежду на пріютъ и почти на жизнь—было настоящимъ посланіемъ Господнимъ для нашего упавшаго духа и въ сильномъ волненіи я положительно не сознавалъ, что дѣлалъ. Помню, что я быстро ходилъ взадъ и впередъ передъ снѣжнымъ сугробомъ, повторяя на каждомъ шагу вполголоса: „Слава Богу! Слава Богу!“ Я сознавалъ въ эту минуту только одинъ важный фактъ, что намъ не угрожало болѣе никакой опасности. Доддъ, очнувшійся изъ своей летаргіи отъ сильнаго волненія, причиненнаго нашимъ открытіемъ, замѣтилъ теперь, что нужно было-бы постараться найти входъ въ жилище и войти въ него, какъ можно скорѣе, такъ какъ онъ умиралъ отъ холода и истощенія. Въ одинокомъ снѣжномъ сугробѣ передъ нами не видно было признака жизни, обитатели его, если они и были, вѣроятно, спали. Не видя нигдѣ двери, я взошелъ на сугробъ и крикнулъ черезъ трубу громовымъ голосомъ. Удивленный голосъ изъ подъ моихъ ногъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Придите и посмотрите! Гдѣ дверь?

Мой голосъ, выходящій изъ печи, изумилъ амери-

канцевъ, такъ-какъ имъ еще не приходилось испытывать подобнаго явленія; но они разсудили очень правильно, что печь, способная среди ночи задавать вопросы на чистомъ англійскомъ языкѣ, имѣетъ полное право на отвѣтъ; и они сказали, запинаясь и полу-испуганно, что дверь была въ юго-восточномъ углу, что, впрочемъ, нисколько насъ не подвинуло впередъ. Во первыхъ, мы не знали, гдѣ былъ юго-востокъ, а во вторыхъ, трудно было найти уголъ въ снѣжномъ сугробѣ. Я оглядывался во всѣ стороны, въ надеждѣ увидать гдѣ-нибудь входъ. Обитатели выкопали глубокій ровъ около тридцати футовъ длины, вмѣсто входа, и покрыли его жердями и оленьими шкурами, чтобы предохранить отъ снѣга. Ступая неосторожно по этой непрочной крышѣ, я провалился именно въ ту самую минуту, когда одинъ изъ потревоженныхъ нами людей выходилъ въ одномъ бѣльѣ, держа высоко надъ головой свѣчу, и взглядывался въ темноту тунеля, чтобы разсмотрѣть новоприбывшихъ. Мое внезапное паденіе черезъ крышу въ такомъ именно видѣ, въ какомъ я былъ, конечно, не могло успокоить нервы испуганныхъ подземныхъ обитателей. На мнѣ были надѣты двѣ тяжелыя кукляпки, придававшія моей фигурѣ гигантскія размѣры, два толстыхъ кукуля изъ оленьей шкуры съ обледенѣлой бахрамой изъ чернаго медвѣдя; бѣличья маска, превратившаяся въ ледяной листъ, закрывала мнѣ лицо, и только глаза, выглядывавшіе изъ подъ этой всклокоченной массы мерзлыхъ волосъ, показывали, что всѣ эти звѣриныя шкуры заключали въ себѣ человѣческое существо. Встрѣтившій меня американецъ отступилъ испуганно нѣсколько шаговъ назадъ и едва удержалъ свѣчу въ рукахъ. Я явился въ такомъ сомнительномъ видѣ, что онъ имѣлъ-бы право спросить: „съ хорошими или дурными намѣреніями вы приходите?“ Когда-же я узналъ его и обратился къ нему снова по-англій-

ски, онъ остолбенѣлъ; тогда я снялъ маску, мѣховое платье и назвался. Не можетъ быть радости болѣе той, которую я ощутилъ въ этомъ маленькомъ погребѣ, узнавъ въ партіи изгнанниковъ двухъ изъ моихъ товарищей и друзей, съ которыми я простился восемь мѣсяцевъ тому назадъ, когда „Ольга“ поднимала паруса „въ Гольденъ-Гэтѣ“ въ Санъ-Франциско. Пожимая при прощаньѣ руки Гардеру и Робинсону, я не думалъ тогда, что мнѣ придется встрѣтиться съ ними ночью, въ маленькомъ, засыпанномъ снѣгомъ, погребѣ, на большой пустынной степи у низовьевъ Анадыри. Лишь только мы раздѣлись и усѣлись у яркаго костра, какъ тотчасъ-же внезапный переходъ отъ страданій, утомленія и страха втеченіи цѣлыхъ сутокъ далъ себя почувствовать. Наши напряженные нервы не выдержали и черезъ десять минутъ я едва могъ поднести чашку кофе къ губамъ. Стыдясь такой женской слабости, я старался скрыть ее отъ своихъ соотечественниковъ и полагаю, что они не знаютъ до сихъ поръ, что Доддъ и я едва не упали въ обмарокъ нѣсколько разъ въ продолженіе первыхъ двадцати минутъ, вслѣдствіе рѣзкаго перехода отъ 50° мороза къ теплу и нервнаго напряженія, причиненнаго недостаткомъ сна и тревожнымъ состояніемъ. Мы чувствовали непреодолимую потребность подкрѣпиться какимъ-нибудь сильнымъ возбудительнымъ средствомъ и попросили водки, но у нихъ не оказалось никакого спиртного напитка.Эта слабость, впрочемъ, скоро прошла; мы принялись разсказывать другъ-другу наши взаимныя приключенія, между тѣмъ, какъ наши спутники прижались кучкой къ другому углу маленькой хижины и подкрѣпляли свои силы горячимъ чаемъ.

Партія американцевъ, которую мы нашли такимъ образомъ погребенною подъ снѣгомъ, въ трехъ стахъ верстахъ слишкомъ отъ Анадырска, была привезена сюда на одномъ изъ кораблей компаніи еще въ сентябрѣ.

Они намѣревались подняться по рѣкѣ на китоловной лодкѣ до какого-нибудь поселенія и потомъ постараться открыть сообщеніе съ нами; но зима пришла такъ внезапно, и рѣка замерзла такъ неожиданно, что этотъ планъ не могъ быть осуществленъ. Не имѣя другихъ средствъ къ передвиженію, кромѣ лодки, имъ оставалось только построить себѣ жилище и зазимовать здѣсь съ слабой надеждой, что въ началѣ весны маіоръ Абаза пришлетъ имъ на выручку небольшую партію людей. Они выстроили себѣ родъ подземной норы съ помощью кустарника, лѣса, выброшеннаго моремъ и нѣсколькихъ досокъ, привезенныхъ на кораблѣ; такимъ образомъ, они жили вотъ уже пять мѣсяцевъ при свѣтѣ ночника, не видя ни одного цивилизованнаго человѣческаго существа. Кочующіе чукчи вскорѣ открыли ихъ убѣжище и часто посѣщали ихъ на оленяхъ, привозя имъ свѣжаго мяса и ворвани, которую они употребляли вмѣсто ламповаго масла; но эти туземцы, по предразсудку, о которыхъ я уже упоминалъ выше, ни за что не хотѣли продать имъ живого оленя, такъ-что всѣ старанія достать средства къ переѣзду отсюда были тщетны. Вначалѣ партія состояла изъ пяти человѣкъ—Макри, Арнольда, Робинсона, Гардера и Смита; но Макри и Арнольдъ, за три недѣли до нашего прибытія отправились на удачу съ большой шайкой кочующихъ чукчей искать какого-нибудь русскаго поселенія. Съ этого времени ничего не было о нихъ слышно, а Робинзонъ, Гардеръ и Смитъ жили совершенно одни.

Вотъ, въ какомъ положеніи была партія американцевъ, когда мы ее отыскали. Конечно, ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ свезти этихъ людей и всю ихъ кладь обратно въ Анадырскъ, гдѣ, вѣроятно, Макри и Арнольдъ уже ждали нашего прибытія. Я зналъ, что чукчи приходили въ Анадырскъ каждую зиму для торговли и, вѣроятно, привезли съ собою обоихъ американцевъ.

Послѣ трехдневнаго отдыха, въ продолженіи которыхъ намъ удалось исправить нѣкоторыя изъ нашихъ попорченныхъ вещей, мы отправились въ обратный путь вмѣстѣ съ нашими новыми товарищами и 6 февраля благополучно возвратились въ Анадырскъ.

ГЛАВА XIXX.

Сибирскіе племена и ихъ особенности.—Понятіе о чтеніи и искусствахъ

Когда мы вернулись обратно въ поселеніе, то всѣ его жители высыпали къ намъ на встрѣчу, но между ними мы не увидали знакомыхъ лицъ Макри и Арнольда. Много шаекъ чукчей пріѣзжали въ поселеніе съ низовьевъ Анадыри, но никто не слыхалъ ничего о двухъ американцахъ. Полтора мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ они оставили свою стоянку на рѣкѣ подъ снѣжнымъ сугробомъ, и если они не умерли или ихъ не убили, то они должны были-бы уже давно пріѣхать. Я хотѣлъ было послать партію розыскивать ихъ, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о направленіи, по которому они отправились, ни о намѣреніяхъ туземцевъ, уведшихъ ихъ съ собою; а искать шайку кочующихъ чукчей на этихъ обширныхъ степяхъ было-бы также безполезно, какъ отыскивать пропавшій корабль среди Тихаго океана и еще гораздо опаснѣе.

Намъ оставалось только ждать и надѣяться. Первую недѣлю послѣ нашего возвращенія мы употребили на отдыхъ, составленіе журнала и на приготовленіе отчета о нашихъ изслѣдованіяхъ для отправки его съ нарочнымъ къ маіору. Въ это время много дикихъ кочующихъ туземцевъ-чукчей, ломутовъ и коряковъ приходили въ поселеніе мѣнять свои звѣриныя шкуры и моржовые клыки на табакъ; это былъ для насъ пре-

красный случай изучить ихъ различные нравы и образъ жизни. Кочующіе чукчи, посѣщавшіе насъ чаще всѣхъ, составляли, очевидно, самое могущественное племя сѣверо-восточной Сибири и производили на насъ благопріятное впечатлѣніе своей наружностью и обращеніемъ. Кромѣ одежды, они мало чѣмъ отличаются отъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ — многіе изъ нихъ представляютъ прекрасные, могучіе образцы первобытнаго человѣчества. Въ главныхъ чертахъ они не многимъ отличаются отъ кочующихъ коряковъ, обычаи, вѣрованія и образъ жизни которыхъ я уже описывалъ.

Другой народецъ, ломуты, напротивъ принадлежатъ къ совершенно отдѣльному племени; они имѣютъ сходство съ чукчами только по своему кочевому образу жизни. Всѣ туземцы сѣверо-восточной Сибири, исключая камчадаловъ, чуванцевъ и юкагировъ, частью уже обрусѣвшихъ, принадлежатъ къ одному изъ трехъ великихъ племенъ. Къ первому изъ нихъ, которое можно назвать индѣйскимъ племенемъ, принадлежатъ кочующіе и осѣдлые чукчи и коряки, занимаетъ часть Сибири, лежащую между 16 меридіаномъ восточной долготы и Беринговымъ проливомъ. Это единственное племя, которое съ успѣхомъ сопротивлялось вторженію русскихъ; оно состоитъ, безъ сомнѣнія, изъ самыхъ храбрыхъ независимыхъ дикарей всей Сибири. Я не думаю, чтобы это племя заключало въ себѣ теперь болѣе шести или восьми тысячъ душъ, хотя русскіе и насчитываютъ ихъ значительно, болѣе.

Ко второму племени принадлежатъ всѣ туземцы китайскаго происхожденія, какъ-то: тунгузы, ломуты, манжуры и гиляки на Амурѣ. Оно одно занимаетъ большее пространство земли, чѣмъ оба другія племени, вмѣстѣ взятыя, такъ-какъ представители его встрѣчаются на западѣ до Енисея и на востокѣ до Анадырска, т. е. до 69° в. д. Единственныя вѣтви этого племени, съ

которыми мнѣ удалось познакомиться,—это ломуты и тунгузы. Они очень похожи другъ на друга; какъ ломуты, такъ и тунгузы отличаются стройнымъ тѣлосложеніемъ, прямыми черными волосами, темно-оливковымъ цвѣтомъ кожи, болѣе или менѣе узкими, косо-прорѣзанными глазами и безъ бороды. Они столько-же походятъ на чукча или на коряка, сколько китаецъ походитъ на каманча или на сіу. Ихъ одежда крайне своеобразная. Она состоитъ изъ мѣхового капора, узкихъ мѣховыхъ панталонъ, короткихъ оленьихъ сапогъ, мѣховыхъ фартуковъ, сдѣланныхъ изъ мягкой лосиной кожи, старательно украшенныхъ бусами и кусочками металла, именно, такихъ, какія носятъ массоны и верхняго платья необыкновеннаго покроя изъ оленьей кожи, похожаго на покрой европейскаго и отдѣланнаго длинными шнурками изъ окрашенной оленьей шерсти въ родѣ синели. Это производитъ на васъ такое впечатлѣніе, точно на нихъ надѣтъ какой-то мундиръ. Мужчины и женщины очень походятъ другъ на друга наружностью и одеждой, такъ-что иностранцу трудно бываетъ ихъ различить съ перваго раза. Подобно чукчамъ и корякамъ, они—кочующее племя, владѣющее оленями, но образомъ жизни они нѣсколько различаются отъ первыхъ. Ихъ палатки меньше и иначе построены; они не переносятъ съ собою палаточные шесты, какъ чукчи, но оставляютъ ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли лагеремъ, а срѣзываютъ себѣ новые или пользуются тѣми, которые были оставлены другими шайками. Такимъ образомъ, шесты палатокъ служатъ имъ придорожными знаками. Немногіе только изъ тунгузовъ и ломутовъ владѣютъ большими стадами оленей. Стадо въ двѣсти или триста головъ считается уже очень многочисленнымъ, а на человѣка, обладающаго имъ, смотрятъ, какъ у насъ милліонера. Стада, подобныя корякскимъ въ сѣверной Камчаткѣ, заключа-

ющія отъ пяти до десяти тысячъ головъ никогда не встрѣчаются на западѣ отъ Гижигинска. Тунгузы, несмотря на это, извлекаютъ болѣе выгодъ изъ своихъ оленей, чѣмъ коряки. Такъ, напримѣръ, эти послѣдніе очень рѣдко ѣздятъ верхомъ или навьючиваютъ на нихъ свои пожитки, между тѣмъ, какъ у тунгузовъ это самая обыкновенная вещь. Тунгузы кроткаго и тихаго нрава, легко управляемы и скоро подпадаютъ подъ постороннее вліяніе; они заняли такое большое пространство земли, скорѣй вслѣдствіе уступчивости другихъ племенъ, чѣмъ по своимъ завоевательнымъ наклонностямъ. Ихъ первоначальная религія была шаманизмъ, но теперь они всѣ почти исповѣдуютъ православную вѣру и получаютъ при крещеніи христіанскія имена. Они признаютъ верховную власть царя и платятъ ежегодную дань мѣхами. Почти всѣ бѣличьи шкуры, появляющіяся на европейскомъ рынкѣ, покупаются русскими торговцами у тунгузовъ, кочующихъ близъ Охотскаго моря. Когда я оставилъ Охотскъ, въ концѣ 1867 г., въ рукахъ одного русскаго купца было болѣе 70,000 бѣличьихъ шкурокъ, а это еще малая часть всего количества, привезеннаго тунгузами впродолженіе лѣта. Ломуты, болѣе всего родственные тунгузамъ, не такъ многочисленны, но они много походятъ на нихъ своими нравами и образомъ жизни. Впродолженіе двухъ лѣтъ моего постояннаго странствованія по сѣверо-восточной Сибири, я встрѣтилъ не болѣе трехъ и четырехъ шаекъ ломутовъ.

Къ третьему племени принадлежатъ одни только якуты; они турецкаго происхожденія и преимущественно живутъ по Ленѣ, отъ ея верховьевъ и до самаго Ледовитаго океана. Ихъ происхожденіе неизвѣстно въ точности; но говорятъ, что ихъ языкъ до такой степени похожъ на турецкій или на ново-османскій, что низшій классъ жителей Константинополя могъ-бы довольно

хорошо объясняться съ якутомъ, пріѣхавшимъ съ Лены. Жаль, что живя въ Сибири, я не занялся на столько сравнительной филологіей, чтобы составить словарь и грамматику якутскаго языка. Я имѣлъ на это прекрасный случай, но тогда я еще не зналъ о его близкомъ родствѣ съ турецкимъ и смотрѣлъ на него единственно, какъ на непонятный и трудный языкъ, свидѣтельствующій только о дѣятельномъ участіи якутовъ въ сооруженіи Вавилонской башни. Большая часть этого племени живетъ непосредственно у полярнаго круга и способно выносить самую низкую температуру съ меньшими страданіями, чѣмъ другіе уроженцы Сибири. Врангель называетъ ихъ „желѣзными людьми“ и они вполнѣ заслуживаетъ это названіе. Въ Якутскѣ, гдѣ живетъ ихъ нѣсколько тысячъ, термометръ впродолженіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ показываетъ среднимъ числомъ 37 ниже нуля; такой сильный холодъ, кажется, нисколько не безпокоитъ ихъ. Мнѣ случалось видѣть при 40° мороза якутовъ въ одной только рубашкѣ и овчинномъ полушубкѣ, стоящими спокойно на улицѣ, разговаривающими и смѣющимися, какъ въ прекрасный лѣтній день, когда воздухъ наполненъ ароматомъ цвѣтовъ! Это самые бережливые и самыя промышленные туземцы всей сѣверной Азіи. Въ Сибири существуетъ такого рода повѣрье, что если взять якута, раздѣть его до нага и оставить его среди большой пустынной степи, а потомъ вернуться на это самое мѣсто черезъ годъ, то найдешь его живущаго въ большомъ, удобномъ домѣ, окруженнаго скирдами хлѣба и стогами снѣга, владѣющаго табунами лошадей и стадами и наслаждающагося жизнью, какъ какой-нибудь патріархъ. Они болѣе или менѣе цивилизовались отъ сношеній съ русскими, усвоили русскій образъ жизни и православную вѣру. На Ленѣ они воздѣлываютъ рожь, косятъ сѣно, содержатъ стада рогатаго скота и табуны сибирскихъ лоша-

дей, а питаются преимущественно чернымъ хлѣбомъ, молокомъ, масломъ и кониной. Они очень жадны. Всѣ искусно владѣютъ топоромъ и только съ нимъ однимъ отправляются въ первобытные лѣса, срубаютъ деревья, обтесываютъ бревна и доски и сооружаютъ цѣлые дома съ оконницами и дверями съ панелями. Это единственные туземцы во всей сѣверо-восточной Сибири, которые способны на трудную, продолжительную работу и охотно занимаются ею.

Эти три великія племени, т. е. индѣйское, китайское и турецко-якутское, заключаютъ въ себѣ всѣхъ первобытныхъ жителей сѣверо-восточной Сибиро, исключая камчадаловъ, чуванцевъ и юкагировъ. Эти послѣдніе такъ измѣнились отъ вліянія русскихъ, что трудно сказать теперь, къ какому племени они принадлежатъ; этнологи скоро избавятся совершенно отъ труда рѣшать эту задачу, вслѣдствіе ихъ неминуемаго уничтоженія. Отъ чуванцевъ и юкагировъ существуетъ теперь только немногіе остатки, ихъ языкъ погибнетъ съ настоящимъ поколѣніемъ.

Большая часть туземцевъ, которыхъ мы видѣли въ Анадырскѣ, принадлежали, какъ я уже сказалъ, къ племени чукчей. Они часто посѣщали насъ большими партіями и очень насъ забавляли наивными и дѣтскими замѣчаніями на счетъ американцевъ, американскихъ инструментовъ и вообще удивительныхъ американскихъ вещей, которыя мы имъ показывали. Я никогда не забуду крайняго изумленія, съ которымъ одна шайка сморѣла въ мою зрительную трубу. Я вынесъ ее въ одинъ ясный, морозный день на дворъ; тотчасъ-же толпа чукчей и юкагировъ собралась вокругъ меня посмотрѣть, что я буду дѣлать. Замѣтивъ ихъ любопытство, я передалъ трубу одному изъ нихъ и велѣлъ ему смотрѣть черезъ нее на другого туземца, который случайно стоялъ на равнинѣ въ двухъ стахъ аршинахъ отъ насъ. Выраже-

ніе смущенія и полунедовѣрчиваго удивленія, появлявшихся все болѣе и болѣе на его лицѣ, когда онъ увидалъ туземца въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, было чрезвычайно смѣшно. Ему и въ голову не пришло, что это былъ простой оптическій обманъ; онъ вообразилъ, что удивительный снарядъ перенесъ человѣка съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, на нѣсколько аршинъ отъ него; держа трубу одной рукой передъ глазами, онъ протянулъ другою, чтобы схватить своего одноплеменника. Видя, къ своему величайшему удивленію, что это ему не удается, онъ отнялъ трубу и увидалъ человѣка, стоящаго также спокойно, какъ и прежде, въ двухъ стахъ аршинахъ отъ него. Ему пришла тогда мысль, что если онъ успѣетъ поднести таинственный инструментъ къ глазамъ, какъ можно быстрѣе, то онъ застигнетъ человѣка въ тотъ самый моментъ, когда тотъ будетъ подходить, поймаетъ его, можетъ быть, на полъдорогѣ и узнаетъ секретъ его приближенія. Поэтому онъ сталъ очень медленно подносить трубу къ глазамъ, наблюдая все время внимательно за человѣкомъ, чтобы тотъ не началъ двигаться, слишкомъ рано, и когда стекло было на одинъ дюймъ отъ его глаза, онъ быстро взглянулъ въ него. Но это оказалось безполезнымъ. Человѣкъ опять стоялъ прямо передъ нимъ и онъ не зналъ, какъ тотъ попалъ сюда. Можетъ быть, ему удастся поймать его, если онъ внезапно бросится на него,—онъ попытался и на эту уловку, но опять неудачно; а остальные туземцы смотрѣли на него удивленно, не понимая, чего онъ хочетъ достигнуть всѣми этими странными движеніями. Онъ старался объяснить имъ съ большимъ волненіемъ, что тотъ далекій человѣкъ внезапно являлся ему въ самомъ близкомъ разстояніи и что, несмотря на это, онъ не могъ схватить его. Товарищи начали, конечно, увѣрять съ негодованіемъ, что человѣкъ тотъ вовсе не двигался и на эту

тему начался между ними большой споръ. Туземецъ, утверждавшій, что человѣкъ на равнинѣ приближался къ нему, обратился ко мнѣ за поддержкой; но въ порывѣ смѣха, я не могъ отвѣчать; и онъ побѣжалъ, наконецъ, къ этому человѣку, чтобы узнать, двигался тотъ или нѣтъ, и какъ онъ чувствовалъ себя послѣ такого мгновеннаго перемѣщенія. Мы, свыкнувшіеся съ открытіями науки, едва можемъ понять то странное впечатлѣніе, которое онѣ производятъ на дикаря; но если-бы высшій видъ существа явился-бы къ намъ съ Юпитера и показалъ-бы намъ таинственный снарядъ, дающій человѣку возможность быть въ двухъ различныхъ мѣстахъ въ одно и то-же время, мы поняли-бы ощущеніе бѣднаго чукча, смотрящаго въ зрительную трубу.

Вскорѣ послѣ того, мнѣ случилось провести ночь на большой равнинѣ близъ Анадырска съ нѣсколькими туземцами; я получилъ въ это время записку отъ Додда съ нарочнымъ и читалъ ее у костра. На какомъ-то смѣшномъ мѣстѣ я громко расхохотался; тогда туземцы толкнули одинъ другого локтемъ и указывали на меня, какъ-бы говоря: „Посмотрите на этого сумасшедшаго американца! Что съ нимъ дѣлается?“ Наконецъ, одинъ почтенный сѣдовласый старецъ спросилъ меня, о чемъ я смѣюсь. „Вотъ надъ этимъ“, сказалъ я, указывая на бумажку. Старикъ задумался, поговорилъ что-то со своими товарищами, которые тоже, казалось, погрузились въ размышленіе; но ни одинъ, повидимому, не могъ объяснить себѣ причины моего непостижимаго смѣха. Черезъ нѣсколько минутъ, старикъ поднялъ полуобгорѣлую палку, лежащую у огня и сказалъ:

— Представь себѣ, что я стану смотрѣть на эту палку и потомъ расхохочусь; чтобы ты тогда объ этомъ подумалъ?

— „Что?“ отвѣтилъ я добродушно, „я подумалъ-бы, что ты сошелъ съ ума“.

— Такъ, возразилъ онъ съ важнымъ самодовольствомъ, „то-же самое я думалъ о тебѣ“.

Онъ, кажется, былъ очень доволенъ, что наши мнѣнія о такомъ предметѣ совпадали одно съ другимъ. Смотрѣть на палку и смѣяться, и смотрѣть на бумагу и смѣяться — казалось ему одинаково неразумнымъ. Языкъ чукчей и коряковъ никогда не имѣлъ письменныхъ знаковъ; на сколько мнѣ извѣстно, эти племена никогда не пробовали даже выражать свои мысли какими-нибудь знаками или изображеніями. Написанная мысль для многихъ изъ нихъ,—понятіе совершенно непостижимое. Можно себѣ представить поэтому, съ какимъ удивленіемъ и любопытствомъ они разглядываютъ иллюстрированныя газеты, завозимыя къ нимъ случайно посѣщающими эти берега матросами китоловныхъ судовъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ картинъ они узнаютъ изображеніе знакомыхъ имъ предметовъ; но большая часть иллюстрацій была для нихъ совершенно непонятна, какъ гіероглифы ацтековъ. Я помню, одинъ корякъ принесъ мнѣ старую изорванную модную картинку изъ „Иллюстрированной газеты Франка Лесли“, на которой были изображены три или четыре дамы во весь ростъ, въ кринолинахъ самыхъ громадныхъ размѣровъ, какъ это было тогда въ модѣ. Бѣдный корякъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ всякій разъ удивлялся, что могутъ изображать эти странные предметы, а я, какъ американецъ, можетъ быть, буду въ состояніи объяснить ему ихъ. Очевидно, онъ не подозрѣвалъ, что картинка изображала человѣческія существа. Я сказалъ ему, что эти любопытные предметы, какъ онъ ихъ называлъ, были американскія женщины. Онъ вскрикнулъ отъ удивленія и спросилъ:

— Неужели у васъ всѣ женщины такія толстыя внизу, какъ эти?

Въ виду такого строгаго сужденія коряка относи-

тельно костюма нашихъ барынь, я не рѣшился сказать ему, что толщина эта была искусственная, но отвѣтилъ печально, что онѣ всѣ такія. Тогда онъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на мои ноги, точно хотѣлъ провести сравненіе между американцемъ и американкой; но это ему не удалось, и онъ пришелъ къ мудрому заключенію, что американцы должны принадлежать къ двумъ различнымъ рассамъ.

Вообще, коряки плохо понимаютъ иллюстраціи и часто придаютъ имѣющимся на нихъ изображеніямъ превратное значеніе.

ГЛАВА XXX.

Сѣверное сіяніе.—Дальнѣйшія путешествія.—Пріѣздъ нашихъ товарищей.—Путешествіе къ Охотскому морю.

Путешественнику на крайнемъ сѣверѣ приходится выносить много опастностей и трудовъ: онъ почти на каждомъ шагу рискуетъ жизнію; но всѣ эти невзгоды и страданія отчасти вознаграждаются чуднымъ зрѣлищемъ сѣвернаго сіянія. Оно по временамъ прорѣзываетъ мракъ длинной полярной ночи и наполняетъ чуднымъ блескомъ весь лазоревый сводъ неба. Изъ всѣхъ естественныхъ явленій, нѣтъ ни одного такого величественнаго, такого таинственнаго, такого ужаснаго въ своемъ неземномъ великолѣпіи; кажется, что завѣса, скрывающая отъ глазъ смертнаго славу Предвѣчнаго Престола вдругъ разрывается, и пораженный ужасомъ человѣкъ возвышается изъ своей обыденной жизни въ непосредственное присутствіе божества.

Когда еще мы всѣ жили въ Анадырскѣ, произошло одно изъ самыхъ великолѣпныхъ сѣверныхъ сіяній, когда-либо наблюдаемыхъ впродолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ; оно было такъ необыкновенно ярко, что

удивило даже туземцевъ. Была холодная, темная, но ясная зимняя ночь; небо съ начала вечера не проявляло никакихъ признаковъ той великолѣпной иллюминаціи, которую оно подготовляло. Нѣсколько свѣтлыхъ полосъ время до времени появлялось, колеблясь на сѣверѣ, а слабый свѣтъ, похожій на восходящій мѣсяцъ, блестѣлъ надъ темной линіей кустарника, опоясывающаго рѣку; но это явленіе было такъ обыкновенно, что не возбудило въ насъ ни малѣйшаго вниманія.

Поздно вечеромъ, когда мы собрались ложиться спать, Доддъ случайно вышелъ на дворъ посмотрѣть на своихъ собакъ; но лишь только онъ отворилъ наружную дверь, какъ быстро возвратился взволнованный, крича:

— Кеннанъ! Робинсонъ! Идите сюда скорѣе!

Я выскочилъ на улицу, думая, что случился пожаръ, не надѣвъ на себя ничего теплаго; за мною послѣдовали Робинсонъ, Гардеръ и Смитъ. Не успѣли мы выйти, какъ нашимъ глазамъ внезапно представилось величайшее смѣшеніе самыхъ яркихъ и ослѣпительныхъ красокъ и свѣта, которые умъ едва-ли можетъ себѣ представить. Вся вселенная, казалось, была залита огнемъ. Широкая дуга изъ самыхъ блестящихъ цвѣтовъ призмы опоясывала небо отъ востока до запада, какъ гигантская радуга съ длинной бахромой малиновыхъ и желтыхъ лучей, простирающихся отъ ея выпуклаго края до самаго зенита. Черезъ короткіе промежутки отъ одной до двухъ секундъ, широкія лучезарныя полосы быстро и величественно проносились черезъ все небо, подобно волнамъ фосфорическаго блеска, которыя катились по какому-то безграничному океану въ пространствѣ.

Каждая отдѣльная часть огромнаго свода поминутно дрожала и измѣняла цвѣта, а блестящія полосы, окаймляющія край его, колеблясь, описывали большія

дуги, подобно огненному мечу ангела у вратъ Эдема. Черезъ нѣсколько минутъ, огромная радуга со всѣми своими дрожащими лучами начала медленно подвигаться къ зениту и вторая дуга, такая-же блестящая, образовалась непосредственно подъ нею, испуская второй рядъ тонкихъ, разноцвѣтныхъ стрѣлъ по направленію къ полярной звѣздѣ, подобно небесной рати, берущейся за оружіе по повелѣнію высшей силы. Неземное величіе этой картины возрастало съ каждой минутой. Лучезарныя полосы быстро вращались по небесному своду, какъ спицы огромнаго свѣтящагося колеса; лучи приближались и удалялись, дрожа, отъ концовъ дуги къ центру и время отъ времени, большая красная волна поднималась съ сѣвера и заливала все небо потоками свѣта, окрашивая бѣлоснѣжную землю своимъ розовымъ отраженіемъ. Но лишь только слова пророчества „и небеса обратятся въ кровь“, готовы были сорваться у меня съ языка, какъ пурпуръ внезапно исчезъ, а блестящая волна ярко оранжеваго цвѣта облила насъ своимъ свѣтомъ, простирающимся далеко до южнаго горизонта, какъ-будто вся масса воздуха воспламенилась въ одно мгновеніе. Я невольно притаилъ дыханіе, точно ожидая страшнаго раската грома, который неминуемо долженъ былъ послѣдовать за этимъ внезапнымъ потокомъ яркаго свѣта; но ни на землѣ, ни на небѣ ни одинъ звукъ не нарушалъ торжественнаго безмолвія ночи, исключая поспѣшно-нашептываемыхъ молитвъ испуганныхъ туземцевъ возлѣ меня, которые крестились и преклоняли колѣна передъ видимымъ величіемъ Творца. Я не могъ себѣ представить ничего, что можно было-бы еще прибавить къ великолѣпію этого сѣвернаго сіянія, которое явилось теперь передъ нами. Быстрые переходы краснаго, голубого, зеленаго и желтаго цвѣтовъ на небѣ отражались такъ живо на бѣлой поверхности снѣга, что вся вселенная

казалась поочередно то залитою кровью, то дрожащею въ мертвенно-блѣдныхъ зеленыхъ лучахъ, сквозь которые блестѣли въ чудномъ сіяніи могучія малиновыя и желтыя дуги. Но этимъ явленіе еще не кончилось. Пока мы слѣдили за быстрыми приливами и отливами этихъ небесныхъ волнъ свѣта, послѣдняя печать божественнаго откровенія была снята; обѣ дуги одновременно распались на тысячу параллельныхъ отвѣсныхъ полосъ, изъ которыхъ каждая представляла въ правильномъ порядкѣ всѣ семь основныхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра. Отъ одного края горизонта до другого тянулись два громадные, дугообразные моста изъ цвѣтныхъ полосъ, по которымъ, казалось, должны были пройти лучезарные обитатели другихъ міровъ. Среди удивленныхъ восклицаній пораженныхъ туземцевъ, твердившихъ поминутно: „Господи помилуй!“ эти безчисленныя полосы начали колебаться взадъ и впередъ вдоль всего протяженія обѣихъ дугъ съ такою изумительною быстротой, что глазъ напрасно старался слѣдить за ними. Весь сводъ неба превратился, кажется, въ одинъ огромный вертящійся калейдоскопъ изъ обломковъ радугъ. Мнѣ и не снилось никогда сѣверное сіяніе, подобное этому, и я не стыжусь признаться, что его величіе въ эту минуту наполнило меня невѣдомымъ ужасомъ. Весь небесный сводъ, отъ зенита до горизонта, представлялъ одно расплавленное смѣшанное море красокъ и огня, кармина и пурпура, лазури и малахита и такихъ цвѣтовъ, для которыхъ нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ и не подобрать никакихъ точныхъ выраженій, такъ-какъ нѣтъ понятій въ мозгу — предметовъ, которые можно вообразить только тогда, когда ихъ видишь! „Знаменія“ на небѣ были довольно величественны, чтобы предвѣщать разрушеніе міра; потоки самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, заливающіе половину неба на одно мгновеніе, тотчасъ-же исчезли,

какъ лѣтняя зарница; блестящіе зеленоватые потоки свѣта быстро пробѣгали по зениту. Тысячи разноцвѣтныхъ полосъ перегоняли другъ друга, образуя двѣ великолѣпныя дуги и огромныя, лучезарныя волны, катились между звѣздными пространствами и разбивались длинными, свѣтлыми линіями въ пустомъ воздухѣ, окружающемъ мрачную землю.

Послѣ распаденія обѣихъ дугъ на ихъ составныя полосы, сіяніе достигло своего высшаго великолѣпія; съ этого момента его сверхъестественная красота начала медленно, но постоянно уменьшаться. Сначала разорвалась первая дуга, а за ней вскорѣ и другая; цвѣтные лучи появлялись все рѣже и рѣже; лучезарныя полосы перестали колебаться по зениту, а черезъ часъ ничего не осталось на темномъ, звѣздномъ небѣ, что напоминало-бы намъ о сіяніи, кромѣ нѣсколькихъ блѣдныхъ облачковъ свѣтящагося тумана.

Мнѣ приходится съ грустью сознаться въ своей неспособности изобразить, какъ-бы слѣдовало, великолѣпное явленіе сѣвернаго сіянія; но такое чудное зрѣлище и не можетъ быть выражено словами такъ-же, какъ неопытный художникъ не можетъ воспроизвести кускомъ древеснаго угля яркій колоритъ пейзажей Тернера. Я набросалъ здѣсь только слабыя черты, которыя читатель можетъ дополнить своею фантазіею. Но будьте увѣрены, что самое вѣрное описаніе, самая пылкая фантазія не въ состояніи передать съ надлежащей точностью зрѣлище такого грандіознаго величія. Пока человѣкъ не освободится отъ своей бренной оболочки въ присутствіи божества, онъ не можетъ увидать болѣе поразительнаго явленія природы, чѣмъ это разноцвѣтное сверкающее сѣверное сіяніе.

Время тянулось для насъ очень медленно; прошелъ февраль, миновалъ и мартъ, а мы все еще были въ Анадырскѣ, такъ-какъ не получили никакихъ извѣстій

ни отъ маіора, ни отъ нашихъ пропавшихъ товарищей,— Арнольда и Макри. Пятьдесятъ семь дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ они оставили свое жилище у низовьевъ Анадыри и мы начали уже опасаться, что никогда ихъ болѣе не увидимъ. Погибли-ли они отъ голода или-же отъ морозовъ, были-ли они убиты чукчами — мы ничего объ этомъ не знали, но ихъ долгое отсутствіе было яснымъ доказательствомъ, что съ ними случилось какое-нибудь несчастіе.

Я былъ крайне недоволенъ дорогой, по которой мы ѣхали изъ Шестакова въ Анадырскъ; это была безплодная мѣстность, по которой нельзя было перевозить тяжелыхъ телеграфныхъ столбовъ; она представляла обширныя снѣжныя степи, по которымъ протекало очень мало лѣсистыхъ рѣкъ. Поэтому я отправился 4 марта изъ Анадырска съ пятью санями, желая попытаться найти лучшее сообщеніе между Анадырью и верховьями Пенжины. Послѣ трехъ дней пути, мы встрѣтили, по дорогѣ въ Пенжинскъ, посланнаго изъ Гижигинска съ письмомъ отъ маіора изъ Охотска отъ 19-го января. Тутъ-же были письма отъ полковника Белькли, извѣщавшаго насъ о высадкѣ партіи подъ начальствомъ лейтенанта Макри у Анадырской рѣки и карта, показывающая точное мѣсто ихъ стоянки. Маіоръ писалъ слѣдующее: „Въ случаѣ—чего Боже избави—Макри со своей партіей не прибылъ еще въ Анадырскъ, то вы должны немедленно по полученіи этихъ писемъ, сдѣлать все возможное, чтобы спасти ихъ отъ слишкомъ долгой зимовки у устья Анадыри, куда они были высажены въ сентябрѣ. Мнѣ было сказано, что Макри только въ такомъ случаѣ будетъ посланъ къ Берингову проливу, если будетъ несомнѣнная возможность достигнуть Анадырска на лодкахъ; признаюсь, мнѣ не нравятся такія неожиданности, какъ настоящая, приготовленная мнѣ полковникомъ Бёлькли. Теперь наша обя-

занность сдѣлать все возможное, чтобы вывести ихъ изъ критическаго положенія; вы должны достать гдѣ-бы то ни было саней, наполнить ихъ кормомъ для собакъ и съѣстными припасами и немедленно отправиться отыскивать лагерь Макри."

Всѣ эти распоряженія я уже предвидѣлъ и исполнилъ, а партія Макри, или, по крайней мѣрѣ, что осталось отъ нея, жила уже въ Анадырскѣ. Когда маіоръ писалъ это письмо, онъ не предполагалъ, что мы съ Доддомъ услышимъ о высадкѣ этой партіи отъ кочующихъ чукчей и догадаемся отправиться за ней до полученія приказаній. Онъ настоятельно запретилъ намъ всякую попытку изслѣдовать Анадырь до слѣдующаго времени года и не ожидалъ, что мы поѣдемъ дальше послѣдняго поселенія. Я поспѣшно написалъ записку Додду на обледенѣломъ полозѣ моихъ опрокинутыхъ саней—отморозивъ при этой операціи два пальца—и отправилъ посланнаго въ Анадырскъ съ письмами.

Въ полученномъ мною пакетѣ заключались также и письма ко мнѣ отъ капитана Скаммона, начальника флота кампаніи и отъ моего пріятеля, натуралиста Долля, который возвратился съ кораблями въ Санъ-Франциско и написалъ мнѣ во время остановки на нѣсколько дней въ Петропавловскѣ. Онъ умолялъ меня во имя интересовъ науки, чтобы ни одинъ клопъ или другое живое существо какого-бы то ни было вида не ускользнуло отъ моей бдительности, но читая вечеромъ его письмо у костра, я подумалъ съ улыбкой, что снѣжныя степи Сибири и 30° или 40° градусовъ мороза не особенно благопріятствовали для распространенія клоповъ и для стараній собрать и сохранить ихъ.

Считаю лишнимъ задерживать читателя подробнымъ отчетомъ объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ мною и лейтенантомъ Робинсономъ въ поискахъ болѣе удобнаго пути для нашей линіи между Пенжиной и Анадырскомъ.

Мы нашли, что рѣчная система Анадыри отдѣляется отъ Пенжинской только невысокимъ, горнымъ кряжемъ, черезъ который легко пройти и что, слѣдуя по притокамъ этой послѣдней и спустясь потомъ по притоку Анадыри, мы получимъ почти непрерывный водный путь между Охотскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ. По берегамъ этихъ рѣкъ лѣсъ растетъ въ изобиліи, а гдѣ его и нѣтъ, то нетрудно будетъ сплавить бревна въ плотахъ. Путь этотъ представлялъ всѣ удобства, которыя можно было только пожелать. Такимъ образомъ, считая, что наши труды по изслѣдованію, были вполнѣ вознаграждены такими результатами, мы вернулись обратно въ Анадырскъ 13-го марта.

Первый человѣкъ, встрѣтившійся намъ въ городѣ, обрадовалъ насъ извѣстіемъ о прибытіи Макри и Арнольда и, черезъ пять минутъ, мы уже дружески жали имъ руки, поздравляя ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ и осыпая вопросами о ихъ путешествіяхъ и приключеніяхъ и о причинахъ ихъ долгаго отсутствія.

Наши пріятели болѣе двухъ мѣсяцевъ жили съ кочующими чукчами и медленно подвигались окольными путями къ Анадырску. Съ ними вообще обращались хорошо, но шайка, съ которой они путешествовали, не спѣшила въ поселеніе, а странствовала съ ними, дѣлая по десяти и двѣнадцати миль въ день, по обширнымъ степямъ, лежащимъ на югъ отъ Анадыри. Имъ приходилось переносить большія лишенія; питаться впродолженіе нѣсколькихъ недѣль однѣми оленьими внутренностями и саломъ; большую часть двухъ долгихъ мѣсяцевъ они проводили въ чукотскихъ пологахъ и уже отчаявались достигнуть когда-нибудь русскаго поселенія или увидѣть цивилизованное существо; но надежда и мужество поддерживали ихъ все время и они наконецъ добрались до Анадырска здравы и невредимы. Весь ихъ багажъ, когда они въѣхали въ поселеніе, со-

стоялъ изъ четверти бутылки виски, завернутой въ американскій флагъ! Какъ только мы всѣ соединились, то тотчасъ-же повѣсили флагъ на шестъ надъ нашимъ маленькимъ бревенчатымъ домикомъ, сдѣлали пуншъ изъ того виски, который проѣхалъ половину сѣверо-восточной Сибири и выпили за здоровье личностей, прожившихъ два мѣсяца съ кочующими чукчами въ самыхъ дикихъ, невѣдомыхъ странахъ земного шара.

Такъ-какъ всѣ изслѣдованія относительно нашего предпріятія были окончены, то мы стали готовиться къ возвращенію въ Гижигинскъ. Маіоръ приказалъ мнѣ встрѣтить его тамъ съ Макри, Арнольдомъ, Робинсономъ и Доддомъ не позже 1-го апрѣля, а мартъ уже быстро приближался къ концу.

Наконецъ, мы уложили наши вещи и 20-го марта, простившись съ добродушными, гостепріимными обитателями Анадырска, отправились длинной вереницей саней къ берегу Охотскаго моря, чтобы опять съ новымъ мужествомъ переносить всѣ лишенія и опасности, странствуя по необозримымъ снѣжнымъ пустынямъ восточной Сибири.

Наше путешествіе не отличалось разнообразіемъ и было бѣдно приключеніями; поздно вечеромъ, 2-го апрѣля, мы оставили за собою безплодныя Пенжинскія степи и подъѣхали къ маленькой юртѣ съ плоской кровлей въ Мальмовкѣ, отстоящей всего на 25 верстъ отъ Гижигинска. Здѣсь мы нашли людей и сани съ собаками, высланныя намъ навстрѣчу маіоромъ; оставивъ наши тяжело-нагруженныя сани и усталыхъ собакъ, мы сѣли на легкія „оарты“ гижигинскихъ казаковъ и, при свѣтѣ яркаго сѣвернаго сіянія, помчались къ поселенію.

Часъ спустя, раздался далекій лай собакъ и черезъ нѣсколько минутъ мы съ шумомъ въѣхали въ тихое поселеніе и остановились передъ домомъ русскаго купца Воробьева, гдѣ уже жили въ нашъ послѣдній пріѣздъ

и гдѣ мы ожидали найти маіора. Я спрыгнулъ съ саней и, отыскивая ощупью дорогу, вошелъ въ теплую, темную комнату, закричавъ:

— Вставайте!

Я хотѣлъ разбудить спящихъ хозяевъ дома.

Вдругъ кто-то вскочилъ съ пола у моихъ ногъ и, схвативъ меня за руку, воскликнулъ поразительно знакомымъ голосомъ:

— Кеннанъ, вы-ли это?

Удивленный и несовсѣмъ довѣряя своему слуху, я могъ только отвѣтить:

— Бёшъ, вы-ли это?

Когда какой-то заспанный мальчикъ вошелъ со свѣчей, то съ изумленіемъ увидѣлъ, какъ человѣкъ, одѣтый въ толстыя, мѣховыя одежды, обнималъ другого, бывшаго въ одной только полотняной рубашкѣ. Какое веселье было въ этомъ бревенчатомъ домикѣ, когда маіоръ, Бешъ, Макри, Арнольдъ, Робинсонъ, Доддъ и я, собрались всѣ вокругъ кипящаго самовара на сосновомъ столѣ, посреди комнаты и разсуждали о приключеніяхъ, удачахъ и невзгодахъ нашей первой зимовки въ Сибири. Одни изъ насъ пріѣхали отъ льдовъ дальней Камчатки, другіе—отъ границъ Китая, нѣкоторые—отъ Берингова пролива и всѣ мы встрѣтились въ этотъ вечеръ въ Гижигинскѣ и поздравляли другъ друга съ удачнымъ изслѣдованіемъ всего пути предполагаемаго россійско-американскаго телеграфа, отъ Анадырской губы до Амура. Всѣ члены партіи, собравшейся теперь здѣсь, впродолженіи семи мѣсяцевъ изслѣдовали въ общей сложности около десяти тысячъ миль.

Вкратцѣ я сообщу читателямъ о результатахъ нашихъ зимнихъ работъ по изслѣдованію. Бёшъ и Мегудъ, оставивъ маіора и меня въ Петропавловскѣ, отправились въ русскій городъ Николаевъ, у устья Амура, и тотчасъ-же принялись за изслѣдованіе западнаго берега

Охотскаго моря. Они прошли съ кочующими тунгузами по густо-поросшей лѣсомъ странѣ, между Николаевскомъ и устьемъ Амура, проѣхавъ верхомъ на оленяхъ через горы Станового хребта, южнѣе Охотска, и наконецъ, 22-го февраля встрѣтили маіора въ этомъ послѣднемъ мѣстечкѣ. Маіоръ совершенно одинъ изслѣдовалъ весь сѣверный берегъ Охотскаго моря и поспѣшилъ въ Якутскъ, лежащій въ 600 верстахъ западнѣе Охотска, чтобы тамъ нанять необходимыхъ работниковъ и лошадей для нашего предпріятія. Онъ нашелъ возможнымъ нанять тысячу якутскихъ работниковъ въ поселеніяхъ по теченію Лены за шестьдесятъ долларовъ въ годъ каждому человѣку и купить сибирскихъ лошадей, въ количествѣ, нужномъ для нашихъ работъ, за весьма умѣренныя цѣны. Онъ начертилъ дорогу между Гижигинскомъ и Охотскомъ и вообще имѣлъ надзоръ за дѣйствіями всѣхъ партій. Макри и Арнольдъ изслѣдовали почти всю мѣстность на югъ отъ Анадыри и по низовьямъ Міака и пріобрѣли важныя свѣдѣнія о мало извѣстномъ племени кочующихъ чукчей. Доддъ, Робинсонъ и я изслѣдовали два пути отъ Гижигинска къ Анадырску и нашли систему лѣсистыхъ рѣкъ, соединяющую Охотское море съ Тихимъ океаномъ у Берингова пролива. Мы убѣдились, что всѣ туземцы мирно и хорошо расположены и многіе изъ нихъ были уже наняты для рубки столбовъ. Мѣстность, хотя и неблагопріятная для сооруженія телеграфа, не представляла, впрочемъ, такихъ препятствій, которыхъ нельзя было-бы побороть энергіей и устойчивостью; разсмотрѣвъ обстоятельно наши зимнія работы, мы остались ими довольны и нашли, что предпріятіе, въ которомъ мы были заинтересованы, хотя и представляло нѣкоторыя затрудненія, но во всякомъ случаѣ подавало большія надежды на полный успѣхъ. Повторяю, что мы всѣ остались довольны другъ другомъ, такъ-какъ каждый изъ насъ не сидѣлъ сложа

руки, а работалъ настолько, насколько это позволяли его силы.

ГЛАВА XXXI.

Общественная жизнь въ Гижигинскѣ.—Экспедицiя маiора Абазы.—Внезапный переходъ отъ зимы къ лѣту.—Народные нравы и обычаи.

Въ Сибири, въ апрѣлѣ и въ маѣ стоитъ сравнительно теплая погода и кромѣ того еще длинные дни, что очень удобно какъ для путешествiй, такъ и для работъ на чистомъ воздухѣ. Прибытiе въ Гижигинскъ кораблей компанiи нельзя было ожидать ранѣе начала iюня; въ виду это маiоръ Абаза рѣшился употребить остающееся время съ возможно большею пользою; отдохнувъ немного отъ своей прежней поѣздки, онъ снова отправился съ Бешемъ, Макри и русскимъ исправникомъ въ Анадырскъ, съ цѣлью нанять тамъ пятьдесятъ или шестьдесятъ туземныхъ рабочихъ и немедленно приступить къ постройкѣ станцiонныхъ домовъ и къ рубкѣ и распредѣленiю столбовъ вдоль Анадыри. Мои собственныя старанiя съ этою цѣлью, по лѣни анадырскихъ обывателей не имѣли никакого успѣха; оставалась одна надежда достигнуть чего-нибудь посредствомъ влiянiя и содѣйствiя представителя гражданской власти.

Въ началѣ мая маiоръ Абаза возвратился по послѣднему зимнему пути. Его поѣздка была вполнѣ успѣшна; Бешъ былъ назначенъ начальникомъ сѣвернаго участка отъ Пенжины до Берингова пролива и оставленъ на все лѣто въ Анадырскѣ вмѣстѣ съ Макри, Гардеромъ и Смитомъ. Тотчасъ по вскрытiи рѣки, было приказано этой партiи спуститься на лодкахъ къ ея устью и ждать тамъ прибытiя изъ Санъ-Франциско одного изъ кораблей компанiи съ подкрѣпленiемъ и новыми запасами. Въ то-же самое время пятьдесятъ туземныхъ рабочихъ, нанятыхъ въ Анадырскѣ и дру-

тихъ поселеніяхъ, были предоставлены въ ея распоряженіе; мы надѣялись, что ко времени, когда вода очистится отъ льда, они уже успѣютъ заготовить шесть или восемь станціонныхъ домовъ и нарубить нѣсколько тысячъ столбовъ, для сплавки ихъ въ плотахъ и для распредѣленія между Анадырскомъ и берегомъ Тихаго океана. Такимъ образомъ, приведя въ исполненіе все, что было возможно при ограниченныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи маіора Абазы, онъ возвратился въ Гижигинскъ ожидать прибытія изъ Америки обѣщанныхъ кораблей съ людьми, матеріалами и пособіями для продолженія работъ.

Теперь уже миновало время путешествій на собакахъ, потому-что снѣгъ почти стаялъ, но такъ-какъ въ этой странѣ не существовало иного способа внутренняго пути сообщенія, то наши работы должны были прекратиться, точно такъ-же, какъ и всякая связь между партіей анадырской и охотской, до прибытія нашихъ кораблей. Поэтому мы наняли небольшой домикъ надъ долиною рѣки Гижиги, меблировали его по возможности удобно нѣсколькими простыми, деревянными столами и стульями, увѣсили его бревенчатыя стѣны географическими и морскими картами, разложили въ одномъ углу нашу скудную библіотеку, состоящую изъ двухъ книгъ—Шекспира и Новаго Завѣта; устроившись такимъ образомъ, мы приготовились къ цѣлому мѣсяцу, по крайней мѣрѣ, сладкой лѣни и праздности.

Когда наступилъ іюнь, то снѣгъ быстро исчезалъ подъ вліяніемъ теплаго продолжительнаго дня; ледъ на рѣкѣ, по всѣмъ признакамъ, готовился уже тронуться, мѣстами голая земля показывалась на солнечной сторонѣ холмовъ и все предвѣщало приближеніе короткаго, но жаркаго полярнаго лѣта. Въ большей части сѣверовосточной Сибири только въ маѣ зима начинаетъ уступать мѣсто лѣту, которое тогда быстро

вытѣсняетъ ее, покрывая травой и цвѣтами землю, которую она отнимаетъ у тающихъ снѣжныхъ сугробовъ. Едва только почва освободится отъ снѣга, какъ нѣжные восковые лепестки брусники и астры и бѣлоснѣжные кисти лабрадорскаго чая начинаютъ уже бѣлѣть на мшистыхъ равнинахъ; березы, ивы, ольхи быстро одѣваются листвой; по берегамъ рѣки растелается зеленый мягкій коверъ, и теплый тихій воздухъ въ теченіе дня наполняется рѣзкими криками дикихъ лебедей и гусей, летящихъ въ видѣ большихъ треугольниковъ высоко подъ облаками отъ горъ на далекій сѣверъ. Три недѣли спустя послѣ исчезновенія послѣдняго снѣга вся природа облекается уже въ свой лѣтній нарядъ, и земля почти постоянно освѣщается солнцемъ. Здѣсь не бываетъ длинной, сырой весны, ни постепеннаго, продолжительнаго распусканія почекъ и листьевъ, какъ у насъ. Растительность, сдерживаемая въ ледяныхъ оковахъ впродолженіи восьми мѣсяцевъ, разомъ разрываетъ свои узы и съ неодолимой силой захватываетъ весь міръ. Ночей болѣе нѣтъ; одинъ день почти незамѣтно сливается съ другимъ, раздѣленный отъ него только короткими сумерками, дающими прохладу и покой ночи. При ихъ полусвѣтѣ, вы можете сидѣть у открытаго окна и читать до двѣнадцати часовъ, вдыхая благоуханіе цвѣтовъ, приносимое вамъ свѣжимъ ночнымъ вѣтромъ, прислушиваясь къ журчанію и плеску воды въ долинѣ надъ вами и слѣдя за приближеніемъ еще скрытаго отъ глазъ солнца по струѣ розоваго свѣта, разливающейся на сѣверъ изъ-за красноватыхъ горъ. Вотъ уже стало совсѣмъ свѣтло, а природа все еще спитъ; странная таинственная тишина, подобная той, которая предшествуетъ солнечному затмѣнію, царствуетъ на землѣ и на небѣ. Вы можете даже разслышать далекій ревъ буруна на утесистомъ берегу въ десяти миляхъ отъ васъ. По временамъ во-

робей, пріютившійся въ ольховой чащѣ на берегу рѣки, грезя, что уже утро, разражается быстрымъ безсознательнымъ чириканьемъ: но проснувшись, онъ останавливается внезапно и пищитъ тревожно, какъ-бы недоумѣвая, утро-ли это, или вечеръ и долженъ-ли онъ пѣть, или снова заснуть? Наконецъ, онъ рѣшается, на послѣднее и все кругомъ снова умолкаетъ, кромѣ журчанья рѣки въ ея каменистомъ ложѣ и едва слышнаго рева далекаго моря. Въ началѣ второго часа блестящая частичка солнца показывается между облачными вершинами отдаленныхъ горъ, внезапный потокъ золотистаго цвѣта заливаетъ зеленый, влажный пейзажъ, маленькій воробей въ ольховой чащѣ торжественно продолжаетъ свою неоконченную пѣсню: утки, гуси и разныя водяныя птицы возобновляютъ свои рѣзкіе, нестройные крики на болотистомъ прибрежьѣ рѣки; все,что живетъ въ природѣ, привѣтствуетъ появленіе дня, какъ будто въ первый только разъ сознательно ощутило его. Ночи не было, а между тѣмъ наступилъ другой день.

Незнакомый съ полярнымъ лѣтомъ путешественникъ, привыкшій думать о Сибири, какъ о землѣ вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, конечно, будетъ крайне удивленъ, что съ появленіемъ теплыхъ дней животная и растительная жизнь развиваются тамъ съ неимовѣрною быстротою въ теченіе іюня мѣсяца; лѣто въ сѣверо-восточной Сибири очень коротко и продолжается всего нѣсколько недѣль. Часто случается, что въ началѣ іюня въ окрестностяхъ Гижигинска можно еще ѣздить на саняхъ, а въ концѣ этого мѣсяца деревья уже всѣ покрыты листьями: скороспѣлки, бѣлыя буквицы, валеріанъ, лабрадорскій чай цвѣтутъ всюду на возвышенныхъ равнинахъ и рѣчныхъ берегахъ; термометръ въ полдень достигаетъ 60° по Реом. въ тѣни. Въ Сибири нѣтъ весны, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Изчезновеніе снѣга и появленіе растительности почти

одновременны; и хотя „тундры“ или степи, поросшіе мхомъ, продолжаютъ еще содержать въ себѣ нѣкоторое время воду, подобно насыщенной губкѣ, но онѣ также покрываются цвѣтами и распускающимися кустами брусники; нигдѣ невидно и слѣда долгой, холодной зимы, которая такъ недавно еще властвовала надъ всей природой. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ исчезновенія снѣга, въ 1866 г., я набралъ на высокой равнинѣ у устья рѣки Гижиги болѣе шестнадцати видовъ цвѣтовъ, на пространствѣ въ двѣ съ половиною десятины. Животная жизнь здѣсь одинаково быстро развивается. Много ранѣе, чѣмъ береговые заливы и бухты очистятся ото льда, перелетныя птицы уже начинаютъ появляться съ моря въ огромномъ количествѣ. Безчисленные виды утокъ, гусей и лебедей — многіе изъ нихъ неизвѣстные орнитологамъ — кишатъ на всякой маленькой лужѣ въ долинѣ и на низменностяхъ; чайки, ястребы и орлы постоянно вьются съ рѣзкими криками у устья многочисленныхъ рѣкъ; скалистые-же крутые берега моря буквально усѣяны милліонами птицъ съ краснымъ клювомъ, называемыхъ обыкновенно ипатками или морскими попугаями, которые вьютъ себѣ гнѣзда въ разщелинахъ и на выступахъ самыхъ недоступныхъ утесовъ; эти пернатыя при первомъ выстрѣлѣ изъ пистолета поднимаются тучами, которыя почти омрачаютъ воздухъ. Кромѣ этихъ хищныхъ и водяныхъ птицъ, здѣсь находятся также много другихъ, неживущихъ стаями, и потому на нихъ обращаютъ менѣе вниманія. Между ними самые многочисленные обыкновенно: домашняя ласточка, воронъ, сорока, зуекъ, дроздъ и тетеревъ. Изъ пѣвчихъ птицъ, насколько мнѣ извѣстно, только одна встрѣчается въ этой части Сибири, а именно, видъ маленькаго воробья, обитающаго на самыхъ сухихъ и травянистыхъ равнинахъ, близъ русскихъ поселеній.

Мы временно устроили себѣ главную квартиру въ Гижигинскѣ; это небольшое поселеніе состоитъ изъ пятидесяти или шестидесяти простыхъ бревенчатыхъ домовъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу рѣки Гижиги, миляхъ въ десяти отъ залива. Въ то время это было одно изъ самыхъ важныхъ и цвѣтущихъ поселеній на берегу Охотскаго моря; въ его рукахъ была почти вся торговля отъ Анадыри до Охотска. Оно служило пребываніемъ для мѣстнаго начальника и главной квартирой для четырехъ или пяти русскихъ купцовъ; туда ежегодно причаливалъ пароходъ, принадлежащій правительству, а также нѣсколько купеческихъ кораблей богатыхъ торговыхъ домовъ Америки. Населеніе его состояло преимущественно изъ сибирскихъ казаковъ и потомковъ поселенцевъ, высланныхъ изъ Россіи и получившихъ свободу въ награду за принудительное изгнаніе. Подобно всѣмъ другимъ осѣдлымъ жителямъ Сибири и Камчатки, ихъ средства къ жизни зависятъ главнымъ образомъ отъ рыбнаго промысла; но такъ-какъ мѣстность эта сверхъ того изобилуетъ дичью, а климатъ и почва гижигинской долины допускаетъ воздѣлыванье простѣйшихъ овощей, то положеніе ихъ, безъ сомнѣнія, ни сколько не хуже, чѣмъ оно было-бы въ Россіи. Они совершенно свободны, могутъ безпрепятственно располагать своимъ временемъ и трудами; зимою они нанимаются съ собаками въ извозъ къ русскимъ купцамъ и зарабатываютъ достаточно денегъ, чтобы не лишать себя такой простой роскоши, какъ чай, сахаръ и табакъ въ продолженіе всего года. Подобно всѣмъ русскимъ, переселенцы эти очень гостепріимны, добросердечны и услужливы, они много способствовали тому, что наша жизнь въ долгіе зимніе мѣсяцы не казалась намъ особенно скучною и монотонною какъ это неминуемо должно было-бы случиться въ такой пустынной странѣ.

Гижигинскъ рѣдко посѣщается американцами и наше присутствіе тамъ нѣсколько оживило все общество. Лишь только обитатели поселенія убѣдились на опытѣ, что эти важные американцы не считаютъ униженіемъ своего достоинства сообщаться съ „простымъ народомъ“, какъ засыпали насъ приглашеніями на чаи и на танцовальные вечера. Готовые дѣлать все, что угодно, чтобы оживить наше однообразное существованіе, мы рѣшились принимать всѣ подобныя приглашенія и трудно было-бы сосчитать, на сколькихъ танцовальныхъ вечерахъ были мы съ Арнольдомъ во время отсутствія маіора и исправника изъ Анадырска. Намъ ненужно было спрашивать у Егора, когда будетъ слѣдующій вечеръ; надобно было только спросить: „Гдѣ танцуютъ сегодня вечеромъ?“ потому-что мы могли быть увѣрены, что гдѣ-нибудь будетъ непремѣнно собраніе, и желали только узнать, довольно-ли высокъ потолокъ въ томъ домѣ для безопасности нашихъ головъ. Мысль пригласить людей на танцы въ комнатку, недостаточно высокую для того, чтобы въ ней могъ помѣститься человѣкъ средняго роста, покажется можетъ быть нелѣпою; но увлекающіеся любители удовольствій въ Гижигинскѣ далеко не такого мнѣнія; вечеръ за вечеромъ вы увидали-бы ихъ пляшущими въ комнатѣ въ семь шаговъ въ ширину и девять въ длину, подъ музыку старой скрипки и двухструнной гитары; танцоры отдавливали другъ другу ноги и ударялись головами о потолокъ съ самымъ благодушнымъ спокойствіемъ, какое только можно себѣ представить. На этихъ танцовальныхъ вечерахъ насъ угощали ягодами, чернымъ хлѣбомъ и чаемъ до тѣхъ поръ, пока мы были болѣе не въ состояніи ни ѣсть, ни танцовать. Иногда, впрочемъ, сибирское гостепріимство облекается въ такія формы, которыя, говоря откровенно, несовсѣмъ пріятны. Такъ, однажды, Доддъ и я, мы были

приглашены на вечеръ въ домъ одного казака и, по обыкновенію въ такихъ случаяхъ, хозяинъ поставилъ передъ нами цѣлый подносъ съ чернымъ хлѣбомъ, солью, сырой мерзлой рыбой и маленькую бутылку, до половины наполненною какой-то жидкостью, которую онъ называлъ водкой. Зная, что во всемъ поселеніи не было спиртныхъ напитковъ, кромѣ находящихся у насъ, Доддъ освѣдомился, откуда онъ досталъ ее. Онъ отвѣчалъ съ видимымъ смущеніемъ, что купилъ ее на купеческомъ кораблѣ еще въ прошломъ году и сохранилъ для особенныхъ случаевъ. Я не повѣрилъ, что-бъ какой-нибудь казакъ въ сѣверовосточной Азіи былъ въ состояніи сохранить бутылку водки такое долгое время, и видя его смущеніе, мы предпочли отказаться отъ напитка и не разспрашивать болѣе. Можетъ быть, это и точно была водка, но довольно подозрительнаго свойства. Возвратясь домой, я позвалъ нашего мальчика и спросилъ, не знаетъ-ли онъ чего-нибудь о напиткѣ казака, какъ онъ добылъ его и откуда водка могла явиться въ такое время года, когда ее не было въ продажѣ ни у одного русскаго купца. Мальчикъ колебался съ минуту, но послѣ настоятельныхъ вопросовъ объяснилъ намъ наконецъ тайну. Оказалось, что водка была наша. Когда жители селенія приходили къ намъ, что случалось очень часто, особенно въ праздники, мы обыкновенно подносили имъ по стаканчику. Воспользовавшись этимъ, нашъ другъ казакъ запасался всегда маленькой бутылочкой, вѣшалъ ее на шнуркѣ вокругъ шеи, пряталъ подъ шубой, и являлся къ намъ подъ предлогомъ поздравить съ какимъ-нибудь русскимъ праздникомъ. Понятно, мы вознаграждали его вниманіе водкой. Тогда казакъ проглатывалъ сколько могъ жгучаго напитка, а потомъ, наполнивъ имъ ротъ, дѣлалъ страшную гримасу, закрывалъ лицо рукой, какъ будто водка слишкомъ крѣпка

и поспѣшно бѣжалъ въ кухню за водой. Такъ-какъ за нимъ никто не наблюдалъ, то онъ вынималъ свою бутылочку, выплевывалъ въ нее послѣдній глотокъ водки и возвращался черезъ нѣсколько минутъ поблагодарить за угощеніе. Эту хитрость онъ приводитъ въ исполненіе довольно долгое время и, наконецъ, набралъ около полуштофа. Тогда онъ былъ настолько дерзокъ, что поставилъ передъ нами эту выплюнутую водку въ какой-то старой бутылкѣ и увѣрялъ, что сохранилъ ее отъ прошлаго года для необыкновенныхъ случаевъ. Можетъ-ли человѣческая наглость итти далѣе?

Тутъ кстати упомяну еще объ одномъ происшествіи, которое случилось въ первый мѣсяцъ нашего пребыванія въ Гижигинскѣ; оно указываетъ на другую сторону характера народа, а именно, на его крайнее суевѣріе. Какъ-то утромъ я сидѣлъ одинъ дома и пилъ чай, какъ вдругъ къ намъ вошелъ русскій казакъ по фамиліи Холмогоровъ. Онъ, оказалось, былъ крайне чѣмъ-то встревоженъ и, поклонившись мнѣ и пожелавъ добраго утра, тотчасъ-же обратился къ нашему казаку, Вьюшину, и началъ ему разсказывать въ полголоса какое-то происшествіе, только-что случившееся и которое ихъ обоихъ, кажется, очень интересовало. Благодаря моему плохому знанію языка и разговору въ полголоса, я не понялъ было въ чемъ дѣло, но оно кончилось серьезной просьбой Холмогорова, чтобы Вьюшинъ далъ ему что-то въ родѣ, какъ мнѣ показалось, пелеринки или шарфа. Вьюшинъ тотчасъ-же отправился въ маленькій чуланчикъ въ углу комнаты, куда онъ обыкновенно пряталъ принадлежащія ему вещи, вытащилъ большой мѣшокъ изъ тюленьей кожи и началъ въ немъ отыскивать требуемую вещь. Вытащивъ три или четыре пары мѣховыхъ сапоговъ, кусокъ сала, нѣсколько чулокъ изъ собачьей шкуры, топоръ и связку бѣличьихъ мѣховъ, онъ вынулъ, наконецъ и торжественно разстелилъ поло-

вшику старой, грязной изъѣденной молью шерстяной пелерники и, подавая ее Холмогорову, началъ снова искать недостающую половинку. Эта послѣдняя оказалась еще въ худшемъ видѣ, чѣмъ первая, будто они были найдены въ мѣшкѣ какого-нибудь несчастнаго тряпичника, вытащившаго ихъ изъ грязной канавы. Холмогоровъ связалъ обѣ половинки, завернулъ ихъ бережно въ старую газету, поблагодарилъ Вьюшина за хлопоты и, поклонившись мнѣ снова, съ облегченнымъ видомъ вышелъ изъ комнаты. Недоумѣвая, зачѣмъ ему понадобилась эта изъѣденная молью, грязная, разорванная вещь, я обратился къ Вьюшину за разъясненіемъ загадки, которая, признаюсь, очень меня занимала и которую я никакъ не могъ разгадать самъ.

— Зачѣмъ ему понадобилась эта пелерика?—полюбопытствовалъ я;—вѣдь она никуда не годится; ее давно слѣдовало-бы бросить.

— Я знаю,—отвѣчалъ Вьюшинъ,—что это негодное старье, но другой нѣтъ въ городѣ, а у его дочери „Анадырская боль".

— „Анадырская боль!"—повторилъ я съ удивленіемъ, въ первый разъ услыша о такой болѣзни:—чѣмъ-же поможетъ старая перелинка противъ мученій „анадырской боли"?

— Видите-ли, его дочь попросила перелинку, а такъ какъ у нея анадырская боль, то нужно достать для нея эту вещь непремѣнно, все равно, старую или новую.

Такое странное объясненіе еще болѣе удивило меня и я сталъ подробнѣе разспрашивать Вьюшина объ этой необыкновенной болѣзни и о томъ, какимъ образомъ старая изъѣденная молью пелеринка можетъ исцѣлить ее. Вотъ, что мнѣ довелось узнать объ этой странной болѣзни по собраннымъ мною свѣдѣніямъ.

„Анадырская боль" такъ называлась потому, что впервые появилась въ Анадырскѣ; это особый родъ бо-

лѣзни очень похожій на конвульсіи новѣйшихъ спиритовъ; она долго господствовала въ сѣверо-восточной Азіи и не уступала никакимъ обыкновеннымъ способамъ лѣченія. Личности, подвергавшіяся ей, преимущественно женщины утрачивали сознаніе всего ихъ окружающаго, пріобрѣтали внезапную способность говорить на языкахъ, никогда еще неслыханныхъ ими, особенно на якутскомъ; кромѣ того эти женщины во время приключенія съ ними упомянутой болѣзни получали временной даръ ясновидѣнія, вслѣдствіе чего описывали съ точностью совершенно незнакомые имъ предметы. Въ такомъ положеніи онѣ часто требуютъ какія-нибудь вещи, видъ и мѣстоположеніе которыхъ объясняютъ и пока вы не принесете имъ такой вещи, съ ними происходятъ сильныя конвульсіи, онѣ поютъ пѣсни на якутскомъ языкѣ, испускаютъ странные крики и вообще приходятъ въ положительное безуміе. Ничто не въ силахъ успокоить ихъ, пока имъ не дадутъ желаемой вещи. Такимъ образомъ, дочь Холмогорова настоятельно потребовала шерстяную пелеринку, а такъ какъ у бѣднаго казака ничего подобнаго въ домѣ не оказалось, то онъ долженъ былъ искать этой перелинки по всему селенію. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я могъ получить отъ Вьюшина. Ему самому никогда не случалось видѣть личностей, одержимыхъ такими припадками, онъ слышалъ объ этой болѣзни только отъ другихъ; но онъ сказалъ мнѣ, что Подеринъ, начальникъ Гижигинскихъ казаковъ, можетъ безъ сомнѣнія сообщить мнѣ всѣ подробности объ этой болѣзни, такъ-какъ этимъ страдала также и его дочь. Я былъ удивленъ встрѣтить между необразованными крестьянами сѣверо-восточной Азіи болѣзнь, симптомы которой такъ походили на проявленія новѣйшаго спиритизма и рѣшился разузнать какъ можно подробнѣе объ этомъ; лишь только маіоръ возвратился я уговорилъ его тотчасъ-же послать за Подеринымъ.

Начальникъ казаковъ, простой, честный старикъ,—котораго едва-ли было можно подозрѣвать въ умышленномъ обманѣ—подтвердилъ все, сказанное Вьюшинымъ, и прибавилъ еще къ этому нѣкоторыя подробности. Онъ утверждалъ, что часто слышалъ, какъ его дочь говорила на якутскомъ языкѣ во время своихъ припадковъ и разсказывала происшествія, случившіяся на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль. Маіоръ спросилъ, почему-же онъ зналъ, что дочь его говорила именно по-якутски. Онъ отвѣчалъ, что навѣрное не зналъ этого, но что языкъ этотъ не былъ ни русскій, ни корякскій, ни какой-либо иной изъ извѣстныхъ ему туземныхъ нарѣчій, но онъ своими звуками походилъ на якутскій. Я освѣдомился, какъ-же поступаютъ въ такихъ случаяхъ, если больная требуетъ чего-нибудь, что невозможно достать. Подерпинъ возразилъ, что никогда не слыхалъ о такихъ случайностяхъ и что если требуемая вещь была несовсѣмъ обыкновенна, то дѣвушка всегда объясняла, гдѣ ее можно было найти, описывая часто съ величайшими подробностями предметы, которые, насколько ему извѣстно, она никогда не видала. Однажды дочь его попросила собаку съ особенными пятнами, которую онъ обыкновенно запрягалъ въ свои сани. Собаку привели въ комнату и дѣвушка тотчасъ-же успокоилась; но съ этого времени собака сама сдѣлалась такъ безпокойна и дика, что ею почти невозможно стало управлять и волей-неволей пришлось, наконецъ, ее убить.

— И вы вѣрите такимъ глупостямъ, такой безсмыслицѣ? спросилъ его маіоръ съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ.

Подерпинъ помолчалъ нѣсколько времени, посмотрѣлъ какъ-то странно на маіора и затѣмъ отвѣтилъ:

— Я вѣрю въ Бога и въ Спасителя Нашего Іисуса Христа, и набожно перекрестился.

— Все это хорошо и въ этомъ вы правы,—возразилъ маіоръ; но наши религіозныя убѣжденія не имѣютъ никакого отношенія къ анадырской боли. Неужели вы вѣрите, что эти женщины дѣйствительно говорятъ на якутскомъ языкѣ, котораго никогда не слыхали и описываютъ вещи, которыхъ никогда не видали и о которыхъ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія?

Подеринъ выразительно пожалъ плечами и возразилъ что вѣритъ тому, что видитъ. Тогда онъ началъ намъ разсказывать еще болѣе невѣроятныя подробности этого недуга и таинственныя силы, которыя онъ развиваетъ въ зараженныхъ имъ лицахъ, подтверждая свои разсказы примѣромъ собственной дочери. Онъ, повидимому, твердо вѣрилъ въ дѣйствительность болѣзни, но не могъ объяснить, какому вліянію приписывалъ ясновидѣніе и способность говорить на незнакомыхъ языкахъ, что принадлежало къ самымъ ея симптомамъ.

Въ тотъ-же самый день намъ пришлось быть у исправника; въ разговорѣ съ нимъ я между прочимъ упомянулъ объ „анадырской боли“ и разсказалъ нѣкоторые случаи, слышанные отъ Подерина. Исправникъ—большой скептикъ во всемъ, а въ этомъ въ особенности—сказалъ, что часто слышалъ о болѣзни, и что его жена твердо въ нее вѣрила; но по его собственному мнѣнію, все это былъ чистый вздоръ, нестоющій никакого вниманія; подобныхъ-же людей, которые занимаются распространеніемъ такихъ нелѣпостей, слѣдуетъ подвергнуть тѣлесному наказанію. Русское крестьянство, продолжалъ онъ, очень суевѣрно и готово допустить все, а „анадырская боль“ была частью собственное заблужденіе, частью умышленный обманъ, пускаемый въ ходъ женщинами, чтобы повліять на своихъ родственниковъ для личныхъ выгодъ. Женщина, желающая новую шляпку и неразсчитывающая получить ее обыкновеннымъ способомъ, находитъ, какъ послѣднее средство, самымъ

удобнымъ впасть въ конвульсивный припадокъ и требовать шляпку, какъ необходимую потребность лѣченія. Если супругъ продолжаетъ оставаться неумолимымъ, то нѣсколько искусныхъ конвульсій и пѣсни двѣ, спѣтыя на такъ называемомъ якутскомъ языкѣ, обыкновенно бываютъ достаточными для смягченія его жестокосердія. При этомъ онъ разсказалъ о русскомъ купцѣ, жена котораго была подвергнута „анадырской боли". Этому купцу пришлось какъ-то зимою ѣхать изъ Гижигинска въ Янскъ за 300 верстъ, чтобы достать тамъ шелковое платье, которое требовала его жена и которое нигдѣ больше нельзя было найти! Конечно, женщины невсегда требуютъ такихъ вещей, въ которыхъ онѣ могутъ нуждаться въ здоровомъ состояніи. Иначе онѣ вскорѣ возбудили-бы подозрѣніе въ своихъ обманчивыхъ супругахъ, отцахъ и братьяхъ и заставили-бы ихъ серьезнѣе отнестись къ такому таинственному недугу. Но женщины и здѣсь перехитрили мужчинъ и чтобы не навлечь на себя подозрѣній отцовъ, мужей и братьевъ, часто спрашиваютъ такія вещи, которыя вовсе не относятся къ женскимъ костюмамъ и повидимому вовсе имъ и ненужны; итакъ, онѣ требуютъ собакъ, сани, топоры и другія подобныя ненужныя имъ вещи, думая этимъ убѣдить своихъ довѣрчивыхъ мужей, что онѣ въ своихъ желаніяхъ не имѣютъ никакой предвзятой цѣли и что это не болѣе, какъ болѣзненный капризъ.

Такое раціональное истолкованіе далъ намъ исправникъ о любопытномъ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ „анадырской боли"; подобное объясненіе, конечно, выставляло женскую хитрость и мужскую легковѣрность въ неблагородномъ свѣтѣ: но я долженъ былъ сознаться, что объясненіе было вполнѣ разумно и давало удовлетворительный отвѣтъ на такое странное явленіе, какъ эта своеобразная болѣзнь.

Въ виду такой замѣчательной черты женской хитрости, наши здравомыслящія американскія женщины должны согласиться, что ихъ сибирскія сестры выказываютъ большую изобрѣтательность въ достиженіи своихъ правъ и въ пусканіи пыли въ глаза своимъ повелителямъ, чѣмъ всѣ ассоціаціи женскихъ правъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Выдумать несуществующую болѣзнь съ такими необыкновенными проявленіями, дать ей размѣры эпидеміи по всей странѣ и употреблять ее, какъ рычагъ для обиранія мужскихъ бумажниковъ и, удовлетвоненія женскимъ потребностямъ,—это величайшее торжество, которое приходилось одерживать когда-либо женщинамъ надъ мужской глупостью!

Разсказъ исправника повліялъ на Додда самымъ необыкновеннымъ образомъ. Онъ объявилъ, что чувствуетъ начальные симптомы „анадырской боли" и вполнѣ убѣжденъ, что подвергнется этой болѣзни. Поэтому онъ просилъ маіора не удивляться, если когда-нибудь тотъ, возвратясь домой, найдетъ его, Додда, въ страшныхъ конвульсіяхъ, поющаго „Jankee Doodle" на якутскомъ языкѣ и требующаго своего жалованья. Маіоръ увѣрилъ его, что въ случаѣ такой крайности, онъ принужденъ будетъ прибѣгнуть къ средству исправника, т. е. къ двадцати ударамъ по обнаженной спинѣ и посовѣтовалъ ему отложить свои конвульсіи до тѣхъ поръ, пока казначейство сибирскаго отдѣленія найдетъ возможнымъ удовлетворить его требованіямъ.

Въ началѣ іюня наша жизнь въ Гижигинскѣ была большимъ вознагражденіемъ за испытанія предшествующихъ мѣсяцевъ. Погода стояла теплая и ясная; холмы и долины зеленѣли роскошной растительностью; день почти не перемежался и намъ нечего было больше дѣлать, какъ только ходить за дичью, спускаться иногда на лодкѣ къ устью рѣки посмотрѣть, не пришелъ-ли корабль и придумывать всевозможныя развлеченія, чтобы какъ-нибудь убить время.

Но лучшей частью сутокъ были ночи; постоянный дневной свѣтъ казался намъ еще болѣе страннымъ, чѣмъ почти непрерывный мракъ. Мы никогда не могли точно рѣшить, когда кончался одинъ день и начинался другой, или когда было пора ложиться спать. Какъ-то смѣшно казалось готовить постель, пока солнце еще не сѣло; а если мы вздумали-бы ждать его захожденія, то не успѣли-бы и уснуть, какъ оно снова взошло-бы и тогда опять было-бы странно лежать въ постели. Наконецъ, мы положили предѣлъ нашему недоумѣнію, заказавъ плотныя деревянныя ставни для всѣхъ оконъ и зажигая въ комнатѣ свѣчи; такимъ образомъ, намъ удалось убѣдить свои недовѣрчивыя чувства, что была ночь хотя солнце на дворѣ сіяло съ полуденнымъ блескомъ. Когда мы просыпались, впрочемъ, то являлось другое недоумѣніе. Легли-ли мы спать сегодня? или это было вчера? И какое было теперь время? Вчера, сегодня и завтра сливалось воедино и намъ было почти невозможно отличить ихъ одно отъ другого. Я часто ошибался, ведя свой дневникъ и зачастую раздѣлялъ однѣ сутки на-двое.

Когда гижигинская губа очистилась отъ льда, такъ что можно было ожидать прихода судовъ, маіоръ Абаза приказалъ нѣсколькимъ казакамъ постоянно находиться у устья рѣки день и ночь, чтобы тотчасъ увѣдомить насъ о появленіи паруса.

Торговый бригъ „Hallie Iakcson“, принадлежащій В. Б. Бордмэну изъ Бостона, вошелъ въ заливъ 18 іюля и во время прилива вбѣжалъ въ устье рѣки, чтобы выгрузить свой товаръ. Этотъ корабль привезъ намъ первую вѣсть о внѣшнемъ мірѣ въ эти одиннадцать мѣсяцевъ и его прибытіе мы привѣтствовали съ большимъ восторгомъ. Половина населенія выбѣжала къ устью рѣки, лишь только узнала о прибытіи корабля; мѣсто выгрузки было впродолженіи нѣсколькихъ дней мѣстомъ

самой возбужденной дѣятельности. „Джэксонъ“ не могъ намъ дать другихъ свѣдѣній о корабляхъ нашего общества кромѣ того, что во время его отплытія, въ мартѣ, изъ Санъ-Франциско ихъ дѣятельно нагружали и снаряжали къ отплытію. Онъ привезъ, впрочемъ, съ собою всѣ вещи, оставленныя нами въ Петропавловскѣ, также какъ и большой грузъ чаю, сахара, табаку и другихъ предметовъ для торговли съ Сибирью.

Мы убѣдились вслѣдствіе опыта, что платить туземцамъ удобно только въ Охотскѣ, Гижигинскѣ и Анадырскѣ; вообще-же, выгоднѣе расплачиваться чаемъ, сахаромъ и табакомъ, такъ-какъ эти предметы потребляются всюду и цѣна на нихъ въ зимніе мѣсяцы стоитъ чрезвычайно высокая. Работникъ или извощикъ, просящій деньгами двадцать рублей за мѣсяцъ труда, оставался совершенно доволенъ, если мы ему давали восемь фунтовъ чаю и десять фунтовъ сахару, что стоило не болѣе 10 рублей; такимъ образомъ, у насъ оставалась половина суммы. Въ виду этого факта, маіоръ Абаза рѣшилъ раздавать какъ можно меньше деньгами, а уплачивать за труды товаромъ по существующимъ цѣнамъ. Поэтому онъ купилъ на „Джэксонѣ“ 10,000 фунтовъ чая и 15 или 20,000 ф. сахара; все это онъ положилъ въ казенные магазины, чтобы этимъ товаромъ уплачивать на будущую зиму за товаръ вмѣсто денегъ.

„Джэксонъ“ выгрузилъ весь товаръ, который долженъ былъ оставить въ Гижигинскѣ и только-что приливъ сталъ довольно высокъ и судно могло перейти баръ у устья рѣки, какъ оно подняло паруса и отправилось въ Петропавловскъ, оставивъ насъ снова одних.

ГЛАВА XXXII.

Долгое ожиданіе.—Москиты.—Прибытіе русскаго корвета.

Когда Джэксонъ, выгрузивъ всѣ свои товары, опять вышелъ въ море, мы стали съ нетерпѣніемъ ожидать прибытія нашихъ собственныхъ кораблей и окончанія долгаго заключенія въ Гижигинскѣ. Восемь мѣсяцевъ кочующей, бивуачной жизни вселили въ насъ такую любовь къ приключеніямъ и такую потребность возбужденія, что только постоянныя странствованія могли удовлетворить ей; лишь только праздность перестала быть новизной для насъ, какъ мы уже начали тяготиться нашимъ невольнымъ бездѣйствіемъ и жаждали новыхъ трудовъ и приключеній. Мы истощили запасъ всѣхъ гижигинскихъ удовольствій, прочли всѣ газеты, привезенныя „Джэксономъ", обсудили ихъ содержаніе до малѣйшихъ подробностей, изслѣдовали каждый шагъ земли въ окрестностяхъ города и испробовали все, что наша изобрѣтательность могла придумать, лишь-бы только убить время,—но ничего не помогло. Дни казались безконечными, ожидаемые съ такимъ нетерпѣніемъ корабли не являлись, а москиты и комары, недававшіе намъ покоя ни днемъ, ни ночью, положительно отравляли нашу и безъ того скучкую и однообразную жизнь.

Москитъ—этотъ бичъ сѣвернаго лѣта—около 10-го іюля подымается изъ сырого мха низменностей и пронзительно трубитъ въ свою трубу, точно хочетъ дать знать всему живующему о своемъ побѣдносномъ воскрешеніи и готовности доставлять музыкальное наслажденіе человѣку и животному па самыхъ сходныхъ условіяхъ. Черезъ три или четыре дня, когда стоитъ тихая и теплая погода, то вся атмосфера буквально наполняется тучами москитовъ и до 10 августа они

преслѣдуютъ и животныхъ и человѣка съ кровожадностью, ничѣмъ не удерживаемой,—ни усталостью, ни состраданіемъ. Избавленіе невозможно, такъ-какъ всякая защита совершенно безполезна: они преслѣдуютъ всюду свои несчастныя жертвы; ихъ неутомимая настойчивость превозмогаетъ всѣ препятствія, которыя ставитъ на ихъ пути человѣческая изобрѣтательность и хитрость. Ихъ не пугаетъ самый густой дымъ; устраивайте противъ нихъ какую-угодно защиту, они будутъ или избѣгать ее или-же брать ее приступомъ; человѣку остается одно только средство избавиться отъ этихъ ужасныхъ насѣкомыхъ—это зарыться въ землю, куда, понятно, они никакъ не могутъ проникнуть. Напрасно мы носили на головахъ газовые вуали и укрывались подъ коленкоровыми пологами. Количество нашихъ крошечныхъ враговъ было такъ велико, что рано или поздно нѣкоторые изъ нихъ навѣрное находили незащищенное отверстіе и въ ту минуту, когда мы воображали себя въ полной безопасности, они нападали на насъ со свѣжими неожиданными силами. Москиты вообще не упоминаются въ описаніяхъ Сибири; но ни въ одной тропической странѣ я не видалъ ихъ въ такомъ изобиліи, какъ въ Сибири въ іюнѣ. По ихъ милости большая тундра мѣстами совершенно необитаема и даже покрытый шерстью олень принужденъ иногда искать защиты отъ нихъ въ болѣе холодномъ горномъ климатѣ. Въ русскихъ поселеніяхъ они мучаютъ собакъ и скотину до тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя приходитъ въ ярость и отчаянно борется за мѣсто въ дыму у костра. Даже въ Колымѣ, на берегу Ледовитаго океана, москиты, безжалостно преслѣдуютъ туземцевъ и ихъ домашнихъ животныхъ.

Всѣ жители Гижигинска, за исключеніемъ исправника и нѣсколькихъ русскихъ купцовъ, въ началѣ іюня запираютъ свои зимнія жилища и переселяются въ лѣтнія

рыболовныя стоянки на берега рѣкъ, въ ожиданіи появленія семги. Соскучившись жить въ покинутомъ селеніи, Доддъ, Робинсонъ, Арнольдъ и я, мы переселились къ устью рѣки и снова помѣстились въ томъ-же пустомъ казенномъ магазинѣ, который уже занимали во время пребыванія здѣсь „Hallie Iackson“.

Весь слѣдующій мѣсяцъ намъ пришлось вести крайне однообразную и скучную жизнь, но о ней я не стану много распространяться, такъ-какъ не желаю злоупотреблять терпѣніемъ моихъ благосклонныхъ читателей. Нашу жизнь можно резюмировать въ четырехъ словахъ—бездѣйствіе, разочарованіе, москиты и скука, страшная скука. Ждать корабля было нашей единственной обязанностью, воевать съ москитами—единственнымъ разнообразіемъ; но первый не появлялся, а послѣдніе не исчезали, и, слѣдовательно, оба занятія оказывались равно невыгодными и неудовлетворительными. Двадцать разъ въ день мы надѣвали газовые вуали, завязывали наши платья у кисти рукъ и у щиколотки и добросовѣстно взбирались на верхушку высокой скалы, чтобы поджидать появленіе корабля,—и двадцать-же разъ возвращались съ обманутой надеждой въ нашу пустую невеселую комнату и изливали безъ ропота свою досаду на страну, на компанію, на корабли, и, на москитовъ. Намъ невольно казалось, что мы были поглощены великимъ потокомъ человѣческой дѣятельности, что наши мѣста на свѣтѣ были замѣщены и самое наше существованіе совершенно забыто.

Намъ было обѣщано отъ главнаго инженера, что корабли съ людьми, матеріалами и средствами для немедленнаго продолженія работъ будутъ въ Гижигинскѣ и у устья Анадыри, лишь только берега очистятся отъ льда; но наступилъ уже августъ, а они все не являлись. Погибли-ли они, или все предпріятіе рушилось—мы ничего не знали; но когда недѣля проходила за

недѣлей, не принося намъ никакихъ извѣстій, мы стали терять всякую надежду и поговаривали уже послать въ сибирскую столицу, чтобы по телеграфу дать знать компаніи о нашемъ безвыходномъ и непріятномъ положеніи.

Однако, изъ всѣхъ насъ не унывалъ одинъ только маіоръ въ теченіе этихъ томительныхъ мѣсяцевъ ожиданія; онъ ни разу не жаловался, на скуку и нисколько не сомнѣвался въ томъ, что компанія будетъ настойчиво продолжать начатое дѣло. Корабли могли запоздать или подвергнутья какому-нибудь несчастью, но онъ не допускалъ возможности, чтобы предпріятіе было совершенно оставлено и продолжалъ все лѣто дѣлать приготовленія къ будущей зимней компаніи.

Наконецъ, намъ надоѣло ожидать прибытія кораблей, которые не появлялись и въ приходъ которыхъ мы потеряли всякую надежду; наконецъ, мнѣ и Додду наскучило караулить корабли и мы порѣшили съ нимъ возвратиться обратно въ поселеніе, оставивъ Арнольда и Робинсона одиихъ на часахъ у устья рѣки ожидать прибытія судовъ.

Какъ-то въ половинѣ августа я занялся послѣ полудня черченіемъ картъ для нагляднаго изображенія нашихъ изслѣдованій во время прошлой зимы; я такъ углубился въ свои занятія, что совершенно забылъ обо всемъ окружающемъ; но вдругъ служившій намъ казакъ, какъ сумасшедшій вбѣжалъ въ комнату, задыхаясь отъ волненія и закричалъ:

— Пушки! Корабль!

Я прекрасно зналъ, что три пушечныхъ выстрѣла были сигналомъ, которымъ Арнольдъ и Робинсонъ должны были дать намъ знать о появленіи корабля въ заливѣ; мы выбѣжали изъ дома и стали нетерпѣливо прислушиваться ко второму выстрѣлу. Намъ недолго пришлось ждать. Другой, слабый, глухой гулъ послы-

шался по направленію къ магазину, за нимъ черезъ нѣсколько минутъ послѣдовалъ и третій:—теперь не оставалось никакого сомнѣнія, что прибылъ давно ожидаемый нами корабль. Среди всеобщаго волненія поспѣшно была снаряжена лодка и спущена на воду; размѣстившись на ея днѣ, на медвѣжьихъ шкурахъ, мы приказали гребцамъ отчалить. Во всякой рыболовной стоянкѣ, мимо которой мы ѣхали, спускаясь по теченію рѣки, насъ встрѣчали криками: „Судно! Судно!".

Наконецъ, въ Волынкинѣ, гдѣ мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы дать отдохнуть гребцамъ, намъ сказали, что корабль былъ теперь ясно виденъ съ холмовъ и что онъ бросилъ якорь возлѣ острова, называемаго Матуга, въ двѣнадцати миляхъ отъ устья рѣки. Убѣжденные, что эта была не фальшивая тревога, мы поѣхали далѣе съ удвоенной скоростью и черезъ пятнадцать минутъ высадились на берегъ у сѣверной части залива. Арнольдъ и Робинсонъ съ русскимъ кормчимъ Кириловымъ уже отправились на корабль въ казенной китоловной лодкѣ, такъ-что намъ оставалось только вскарабкаться на вершину скалы, гдѣ стоялъ маякъ и нетерпѣливо ожидалъ ихъ возвращенія.

Вскорѣ послѣ полудня уже былъ данъ сигналъ о приближеніи корабля и пока мы достигли устья рѣки, солнце уже почти сѣло. Корабль тихо стоялъ на якорѣ по срединѣ залива въ двѣнадцати миляхъ отъ берега, съ маленькимъ американскимъ флагомъ, развѣвавшимся на его мачтѣ. Намъ видна была казенная китоловная лодка, буксировавшая у кормы,—слѣдовательно, Арнольдъ и Робинсонъ были на кораблѣ; но шлюпки все еще висѣли на шлюбъ-балкахъ и незамѣтно было никакихъ приготовленій для высадки на берегъ. Исправникъ взялъ съ насъ слово, когда мы выѣзжали изъ поселенія, сдѣлать еще три выстрѣла, если прибытіе корабля окажется не вымысломъ, а дѣйстви-

тельностью. Онъ никакъ не могъ повѣрить, что корабль дѣйствительно уже былъ вблизи насъ, потому-что такъ часто обманывался въ своихъ ожиданіяхъ; ему вовсе не было желательно проѣхаться даромъ до маяка въ лодкѣ съ печью, пока первоначальныя свѣдѣнія не подтвердятся окончательно. Такъ-какъ теперь фактъ не подлежалъ болѣе сомнѣнію, то мы зарядили еще разъ старую, ржавую пушку, набили ее сырой травой, чтобы усилить гулъ выстрѣла и дали обѣщанный сигналъ, который повторился послѣдовательными раскатами надъ всякой выдающейся скалой вдоль берега и замеръ, наконецъ, далеко въ морѣ.

Исправникъ явился черезъ часъ и такъ-какъ уже смерклось, то мы всѣ поднялись на скалу, взглянуть въ послѣдній разъ на корабль, прежде чѣмъ ночной мракъ скроетъ его совсѣмъ изъ вида. На палубѣ не замѣчалось никакого движенія; было уже поздно и едва-ли можно было надѣяться, чтобы Арнольдъ и Робинсонъ вернулись ранѣе утра. Итакъ, мы снова отправились въ казенный магазинъ или „казарму", какъ его здѣсь называли и провели половину ночи въ безплодныхъ догадкахъ о причинахъ поздняго прибытія корабля и объ извѣстіяхъ, которыя онъ могъ намъ привезти.

При первыхъ лучахъ разсвѣта мы съ Доддомъ снова взобрались на вершину скалы, чтобы увѣриться, что корабль не исчезъ, подобно „Странствующему Голландцу", подъ покровомъ ночи, оставя насъ оплакивать новое разочарованіе. Но наши опасенія оказались напрасными. Судно не только стояло на своемъ мѣстѣ, но ночью пришло еще и другое. Большой трехъ-мачтовый пароходъ въ 2000 тоннъ приблизительно, стоялъ въ открытомъ морѣ и три маленькія шлюпки быстро приближались на веслахъ къ устью рѣки. Это новое открытіе произвело сильное впечатлѣніе. Доддъ, какъ сумасшедшій, сбѣжалъ по утесу къ казармѣ, объявляя

маіору, что въ заливѣ находился еще пароходъ и что лодки были всего въ пяти миляхъ отъ маяка. Мы всѣ собрались толпой на самой высокой точкѣ утеса, разсуждая о таинственномъ пароходѣ, появившемся такъ неожиданно и карауля приближеніе лодокъ. Самая большая изъ нихъ находилась всего въ трехъ миляхъ отъ берега и въ зрительную трубу мы могли различить въ продолжительныхъ, правильныхъ взмахахъ веселъ опытную руку матросовъ, а на офицерскомъ мѣстѣ въ шлюпкѣ виднѣлись фигуры русскихъ офицеровъ. Пароходъ былъ, очевидно, большое военное судно, но что привело его въ этотъ отдаленный малопосѣщаемый уголокъ міра—оставалось для насъ загадкою.

Наконецъ, двѣ лодки поравнялись со скалою маяка и мы, въ сильномъ волненіи, сошли къ мѣсту, куда онѣ должны были пристать. Болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы не имѣли никакихъ извѣстій изъ дома и надежда получить письма и новую работу достаточно изъясняла это волненіе. Самая маленькая лодка первая достигла берега и лишь только она причалила, какъ офицеръ въ синемъ морскомъ мундирѣ выскочилъ изъ нея на песокъ и отрекомендовался намъ, какъ капитанъ Сеттонъ съ судна „Клара-Белль“, принадлежащаго россійско-американской телеграфной компаніи, которое два мѣсяца тому назадъ оставило Санъ-Франциско съ рабочими и матеріалами для сооруженія нашей линіи.

— Гдѣ вы были все лѣто?—спросилъ маіоръ, пожимая руку капитану,—мы ждали васъ съ іюня и пришли, наконецъ, къ тому заключенію, что предпріятіе совершенно оставлено.

На это капитанъ Сеттонъ возразилъ, что всѣ корабли общества оставили Санъ-Франциско довольно поздно и что сверхъ того онъ былъ задержанъ въ Петропавловскѣ обстоятельствами, объясненными въ пись-

махъ. Маіоръ спросилъ у него о пароходѣ, стоящемъ на якорѣ за „Кларой-Белль“.

— Это русскій корветъ „Варягъ“ изъ Японіи, отвѣчалъ Сеттонъ.

— Что-же онъ тутъ дѣлаетъ?

— Я слыхалъ, сказалъ капитанъ, что онъ явился къ вамъ за приказаніями; полагаю, что онъ командированъ русскимъ правительствомъ, чтобы содѣйствовать сооруженію вашей линіи; это, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ сказали, когда мы встрѣтились съ нимъ въ Петропавловскѣ. У него на пароходѣ находятся русскій комиссаръ и спеціальный корреспондентъ „Нью-Іоркскаго Вѣстника“.

Такія новости были для насъ совершенно неожиданны. Мы слышали, что морскія вѣдомства Россіи и Америки получили приказанія послать въ Берингово море для содѣйствія компаніи въ измѣреніи глубины и въ опусканіи каната между американскимъ и сибирскимъ берегами, но мы никакъ не ожидали видѣть одинъ изъ этихъ кораблей въ Гижигинскѣ. Одновременное прибытіе нагруженнаго судна, парового корвета, русскаго комиссара и корреспондента „Нью-Іоркскаго Вѣстника“—обѣщало намъ впереди большую дѣятельность и мы поздравляли другъ друга съ будущими успѣхами сибирской партіи.

Вскорѣ шлюпка съ корвета пристала къ берегу и мы, познакомившись съ г. Аносовымъ, полковникомъ Ноксомъ—корреспондентомъ Вѣстника—и съ нѣсколькими русскими офицерами, говорившими совершенно свободно по-англійски, приступили къ распечатыванію и чтенію давно ожидаемой корреспонденціи.

Всѣ извѣстія относительно дѣлъ общества и плановъ предпріятія, были весьма удовлетворительны. Полковникъ Белькли, главный инженеръ, заѣзжалъ въ Петропавловскъ, отправляясь на сѣверъ, и сообщилъ намъ

съ „Варягомъ“ и „Кларой Белль“ всѣ подробности своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій и распоряженій. Три корабля: „Клара Белль“, „Пальметто“ и „Онуардъ“ были посланы въ Гижигинскъ изъ Санъ-Франциско съ шестьюдесятью людьми и большимъ грузомъ всего необходимаго для работъ, на шестьдесятъ тысячъ долларовъ. Одинъ изъ нихъ, „Клара Белль“, нагруженный подставками и изоляторами, уже прибылъ; остальные два,—съ продовольствіемъ, проволокой, снарядами и людьми были еще на пути. Четвертое судно съ тридцати служащими и рабочими—маленькій рѣчной пароходъ, нагруженный инструментами и также продовольствіемъ, посланъ былъ къ устью Анадыри, гдѣ его долженъ былъ встрѣтить лейтенантъ Бешъ. Корветъ „Варягъ“ былъ отправленъ русскимъ морскимъ вѣдомствомъ для содѣйствія къ проложенію каната черезъ Берянговъ проливъ; но такъ-какъ канатъ, заказанный въ Англіи, не былъ еще полученъ, то для „Варяга“ не нашлось никакого другого дѣла, и полковникъ Белькли послалъ его съ русскимъ комиссаромъ въ Гижигинскъ. Вслѣдствіе того, что „Варягъ“ сидѣлъ около двадцатидвухъ футъ въ водѣ, то не могъ подойти ближе, чѣмъ на пятнадцать или двадцать миль къ берегу и поэтому не былъ для насъ большой помощью; но одно только присутствіе его съ особеннымъ русскимъ комиссаромъ, придавало нашему предпріятію оффиціальный характеръ, который позволялъ намъ успѣшнѣе дѣйствовать на мѣстныя власти и на народъ, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Сначала у маіора Абаза было намѣреніе лишь только прибудутъ корабли, тотчасъ отправиться въ Якутскую область по рѣкѣ Ленѣ и въ самый Якутскъ, чтобы нанять пять или шесть-сотъ туземныхъ рабочихъ, купить лошадей и размѣстить ихъ вдоль телеграфной линіи. Но положеніе дѣлъ во время прибытія „Варяга“

и „Клары Белль“ въ Гижигинскъ заставили его совершенно измѣнить этотъ планъ. Два судна „Онуардъ“ и „Пальметто“ должны были еще пріити съ большимъ грузомъ, который маіоръ хотѣлъ распредѣлить по берегу Охотскаго моря подъ своимъ личнымъ надзоромъ. Поэтому онъ рѣшился отложить свою поѣздку до болѣе поздняго времени года, а пока воспользоваться двумя судами, бывшими въ его распоряженіи. На „Кларѣ Белль“ вмѣстѣ съ подставками и изоляторами, пріѣхали также одинъ главный мастеръ и четыре рабочихъ; ихъ-то маіоръ Абаза и намѣревался послать въ Якутскъ подъ начальствомъ лейтенанта Арнольда съ приказаніемъ нанять тамъ какъ можно больше рабочихъ и тотчасъ-же приступить къ тесанію столбовъ и постройкѣ станціонныхъ домовъ. „Варяга“ онъ намѣревался послать съ продовольствіемъ и письмами къ Мэгуду, который уже почти пять мѣсяцевъ жилъ въ Охотскѣ, не получая ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ, никакихъ извѣстій и который, вѣроятно, уже потерялъ всякую надежду на поддержку.

Офицеры „Варяга“ за день до отплытія этого судна пригласили насъ всѣхъ на прощальный обѣдъ; хотя наши скудныя средства не позволяли намъ отплатить имъ тѣмъ-же, но мы, не колеблясь, приняли ихъ приглашеніе, чтобы хоть немного насладиться всею прелестью цивилизованной жизни. Всѣ почти офицеры „Варяга“, человѣкъ около тридцати, говорили по-англійски, такъ-что мы могли объясняться съ ними совершенно свободно; прекрасный военный оркестръ привѣтствовалъ насъ гимномъ „Heil Columbia“, когда мы вошли на палубу и продолжалъ игру во время обѣда, услаждая нашъ слухъ отрывками изъ оперъ „Марты“, „Травіаты“ и „Фрейшютца“; словомъ, день, проведенный нами на „Варягѣ“, остался самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ изъ всей нашей жизни въ Сибири.

На слѣдующее утро, въ десять часовъ, мы возвратились на „Клару Белль“ въ маленькой шлюпкѣ этой послѣдней, а корветъ, разведя пары, снялся съ якоря; офицеры махали фуражками съ квартеръ-дека въ знакъ безмолвнаго прощанія, а оркестръ игралъ хоръ изъ „Пирата“ „Будь всегда счастливъ и благословенъ, какъ теперь“—это была горькая иронія надъ нашимъ одинокимъ, безотраднымъ изгнаніемъ!

Невесела была кучка людей, возвращавшихся въ этотъ день къ ужину, состоящему изъ оленины и капусты, въ пустыя комнаты гижигинской казармы! Теперь мы только оцѣнили вполнѣ разницу между жизнью въ „обѣтованной землѣ“ и существованіемъ въ сѣверо-восточной Азіи.

Послѣ отплытія „Варяга“, „Клара Белль“ была введена въ устье рѣки, кладь ея выгружена, лейтенантъ Арнольдъ съ партіей посланъ на это судно и 26 августа, во время прилива, оно подняло паруса и отправилось въ Ямскъ и Санъ-Францизко, оставя въ Гижигинскѣ только прежнюю камчатскую партію, т. е. Додда, маіора и меня.

И вотъ мы опять остались втроемъ среди грубаго и невѣжественнаго общества; пребываніе между нами англійскихъ и русскихъ моряковъ промелькнуло, какъ пріятное сновидѣніе.

ГЛАВА XXXIII.

Новое прибытіе кораблей.—Послѣдняя поѣздка къ сѣверному полярному кругу.—Корякскіе проводники.—Голодъ въ Анадырскѣ.

Послѣ отплытія „Варяга“ и „Клары Белль“, послѣдовалъ опять долгій томительный мѣсяцъ ожиданій, впродолженіе котораго мы жили съ прежними неудобствами у устья Гижиги. Недѣля проходила за недѣлей,

не принося никакихъ извѣстій объ ожидаемыхъ корабляхъ; наступилъ и конецъ короткаго сѣвернаго лѣта, на горахъ снова появился снѣгъ и продолжительныя, сильныя бури предсказывали скорое приближеніе зимы. Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ послѣ предполагаемаго отплытія „Онуарда" и „Пальметто" изъ Санъ-Франциско и ихъ долгое отсутствіе можно было объяснить только ихъ поврежденіемъ или крушеніемъ. 18 сентября маіоръ Абаза рѣшился послать гонца въ столицу Сибири, чтобы оттуда телеграфировать компаніи, спрашивая о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ. Оставленные на слѣдующую зиму безъ людей, инструментовъ и другихъ матеріаловъ, кромѣ 50.000 изоляторовъ и подставокъ, мы не могли никакимъ образомъ способствовать сооруженію линіи и намъ оставался только одинъ исходъ— дать знать компаніи о нашемъ затруднительномъ положеніи. Однако 19, прежде-чѣмъ мы успѣли привести въ исполненіе это рѣшеніе, прибыло давно ожидаемое судно „Пальметто", а вслѣдъ за нимъ явился и русскій пароходъ „Сахалинъ" съ пособіями изъ Николаевска. Этотъ послѣдній, не завися нисколько отъ вѣтра и сидя неглубоко въ водѣ, безъ затрудненія перешелъ баръ и вошелъ въ рѣку; но „Пальметто" нужно было еще простоять на якорѣ въ заливѣ, въ ожиданіи прилива. Нѣсколько дней погода стояла холодная и пасмурная и разразилась наконецъ бурей; 22 вѣтеръ дулъ такъ сильно съ юго-востока, а волны бушевали такъ грозно, что мы стали серьезно опасаться за цѣлость несчастнаго судна.

Такъ-какъ мелководье не позволяло кораблю перейти баръ у устья рѣки, то до прилива невозможно было подать ему никакой помощи. 23 стало очевидно, что „Пальметто", на котораго были возложены всѣ наши надежды, долженъ былъ неминуемо сѣсть на мель. Его самый большой якорь оборвался и онъ медленно, по

вѣрно дрейфовался на скалистый, обрывистый берегъ на востокъ отъ рѣки, гдѣ онъ, конечно, долженъ былъ разбиться въ щепки. Капитанъ Артюръ, не видя другого исхода, выпустилъ канатъ и сталъ противъ самаго устья рѣки. Онъ не могъ болѣе избѣгнуть, и конечно лучше было набѣжать на песчаный баръ, чѣмъ безпомощно дрейфовать на черную, отвѣсную, скалистую стѣну, гдѣ гибель была-бы неизбѣжна. Судно храбро приблизилось на полъ-мили къ маяку и потомъ тяжело врѣзалось въ песокъ на семифутовой глубинѣ. Послѣ перваго толчка послѣдовало сильное сотрясеніе въ подводной части судна, а волны между тѣмъ разбивались цѣлымъ облакомъ брызгъ надъ его верхней палубой. Намъ казалось, что оно не продержится и до утра. Когда, впрочемъ, вода прилива стала подниматься, то судно все болѣе и болѣе начало приближаться къ устью рѣки и, наконецъ, во время самой высокой воды оно очутилось не далѣе четверти мили отъ него. Судно было очень крѣпкой постройки и потому потерпѣло менѣе вреда, чѣмъ мы предполагали, и когда вода сбыла, оно осталось на барѣ, не потерпѣвъ другихъ пораженій, кромѣ потери своего фальшкиля и нѣкоторой порчи въ мѣдной обшивкѣ.

Судно лежало на боку, образуя уголъ въ сорокъ пять градусовъ, такъ-что невозможно было ничего достать изъ трюма; мы сдѣлали необходимыя приготовленія для выгрузки клади въ лодки, лишь только слѣдующій приливъ подниметъ судно и поставитъ его въ прямое положеніе. Мы мало надѣялись спасти самый корабль; но вся наша забота заключалась въ томъ, чтобы выгрузить его прежде, чѣмъ онъ превратится въ обломки. Капитанъ Табезинъ, съ русскаго парохода „Сахалинъ", предложилъ къ нашимъ услугамъ всѣ свои шлюпки и всю наличную команду.

На слѣдующій день мы принялись за работу съ

шестью или семью лодками, большимъ плашкотомъ и пятьюдесятью рабочими. Море продолжало волноваться; подводная часть судна снова стала содрогаться; плашкотъ завязъ и потонулъ въ ста аршинахъ отъ берега съ полнымъ грузомъ, и множество ящиковъ и боченковъ съ мукой понеслись съ приливомъ вверхъ по рѣкѣ. Намъ приходилось усердно работать, не покладая рукъ, лишь-бы только спасти грузъ судна, состоящій большею частью, какъ я уже упоминалъ выше, изъ съѣстныхъ припасовъ; потеря такого груза обрекала насъ на голоданіе во время зимы, а слѣдовательно, и наше предпріятіе не могло-бы быть приведено въ исполненіе. Поэтому мы настойчиво продолжали работать на лодкахъ, пока вода вокругъ судна была достаточно высока, чтобы поднимать ихъ, и при началѣ отлива мы могли поздравить другъ друга съ пріятнымъ извѣстіемъ, что съѣстныхъ припасовъ спасено столько, что наше существованіе вполнѣ обезпечено даже въ томъ случаѣ, если судно въ слѣдующую-же ночь разлетится въ щепки. 25-го вѣтеръ былъ уже слабѣе, море стало утихать и такъ-какъ судно не потерпѣло, повидимому, особенно серьезныхъ поврежденій, то мы начали надѣяться спасти и корабль и грузъ. Съ 26 по 29-е сентября, всѣ шлюпки съ „Сахалина“ и „Пальметто“, вмѣстѣ съ командой обоихъ судовъ, были постоянно заняты перевозкой груза съ корабля на берегъ, и 30-го половина его по крайней мѣрѣ была благополучно выгружена. На сколько мы могли судить, ничто не должно помѣшать ему отправиться въ море въ октябрѣ. При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что потери его ограничивались фальшкилемъ, а это, по мнѣнію офицеровъ „Сахалина“, нисколько не дѣлало его неспособнымъ къ морскому плаванію и не могло помѣшать его отплытію.

Представилось, однако, новое затрудненіе. Весь экипажъ „Пальметто“ состоялъ изъ негровъ и лишь только

они узнали, что маіоръ Абаза намѣревался отправить судно въ Санъ-Франциско этой-же осенью, они отказались итти, объявивъ, что корабль неспособенъ къ морскому плаванію, и что они предпочитаютъ провести зиму въ Сибири, чѣмъ подвергаться опасному путешествію въ Америку. Маіоръ Абаза немедленно созвалъ коммисію офицеровъ съ „Сахалина" и попросилъ ихъ снова осмотрѣть судно и представить письменное мнѣніе о пригодности его. Осмотръ былъ сдѣланъ, и мнѣніе заключалось въ томъ, что оно вполнѣ годно для совершенія путешествія въ Петропавловскъ, Камчатку и, можетъ быть, даже въ Санъ-Франциско. Это рѣшеніе было прочитано неграмъ, но они продолжали настаивать на своемъ отказѣ. Представивъ имъ послѣдствія возмущенія, маіоръ приказалъ заковать зачинщика въ цѣпи, отправилъ его на бортъ „Сахалина" и заключилъ въ угольную яму, но товарищи его не уступали. Необходимо было, чтобы „Пальметто" вышелъ въ море при первой-же возможности, такъ-какъ время года было уже позднее, и онъ могъ быть неминуемо затертъ льдомъ, если останется въ рѣкѣ позже половины октября.

Затѣмъ, какъ я уже упомянулъ выше, маіору Абазѣ необходимо было ѣхать въ Охотскъ на пароходѣ „Сахалинъ", а этотъ послѣдній былъ уже совершенно готовъ выступить въ море. Послѣ полудня, 1-го октября, когда „Сахалинъ" разводилъ уже пары для отплытія, негры обѣщали маіору окончить выгрузку „Пальметто" и возвратиться въ Санъ-Франциско съ условіемъ, если онъ освободитъ закованнаго имъ человѣка. Заключенный тотчасъ-же былъ освобожденъ и черезъ два часа маіоръ отплылъ на „Сахалинѣ" въ Охотскъ, оставя насъ однихъ распоряжаться по нашему усмотрѣнію съ полу-разбитымъ кораблемъ и съ его мятежной командой, съ которой трудно справиться.

Еще далеко не весь грузъ былъ вывезенъ на берегъ, часть его еще находилась на суднѣ и потому мы продолжали слѣдующіе пять дней выгружать его на лодкахъ; работа была трудная и утомительная; лодки могли подходить къ кораблю только впродолженіи шести часовъ изъ двадцати четырехъ, и эти шесть часовъ были отъ одинадцати вечера до пяти утра. Все остальное время корабль лежалъ на боку, а вода вокругъ него была такъ мелка, что едва-ли могла-бы поднять даже доску. Къ увеличенію нашихъ опасеній и затрудненій, наступили холода, термометръ опустился до нуля и массы плавающихъ льдинъ приносились каждымъ приливомъ и отливомъ; вскорѣ вся рѣка была такъ завалена обломками льда и обломками кусковъ мѣдной обшивки судна, что мы должны были тянуть лодки взадъ и впередъ на канатѣ. Не смотря, впрочемъ, на дурную погоду, мелководье и ледъ, грузъ корабля медленно, но постепенно убавлялся; къ 10 октября на немъ осталось только нѣсколько боченковъ муки, немного солонины и свинины, что намъ было ненужно и семьдесятъ или сто тоннъ угля. Это мы рѣшили отправить назадъ въ Санъ-Франциско вмѣсто балласта. Вода съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе повышалась, и, наконецъ, 11-го „Пальметто" въ первый разъ, въ продолженіе трехъ недѣль, былъ въ состояніи двинуться съ мѣста. Лишь только киль его освободился изъ песка, какъ его повернули въ заливѣ носомъ къ морю и укрѣпили большими верпами, приготовивъ къ отплытію на слѣдующій день. Испытавъ страшный холодъ предшествовавшей недѣли, экипажъ не выражалъ болѣе желанія зимовать въ Сибири; кромѣ внезапной перемѣны вѣтра, ничто не могло препятствовать благополучному выходу изъ рѣки. Вѣтеръ былъ, однако, благопріятенъ, какъ и прежде, и 12-го октября, въ 2 часа пополуночи, на „Пальметто" снова заколебались долго отдыхавшіе нижніе паруса и мар-

сели; канаты большихъ верповъ были отрѣзаны и при легкомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ онъ медленно вышелъ въ заливъ. Никакая музыка никогда не казалась мнѣ такою пріятною для слуха, какъ сердечное "Ho! Heiss! Ho!" экипажа, когда натянули шкоты брамсалей по ту сторону бора! Судно наконецъ выбралось въ открытое море! И пора ему было! Менѣе, чѣмъ черезъ недѣлю послѣ его отплытія, рѣка и прибережная часть залива, были такъ завалены ледяными глыбами, что ему не возможно было-бы избѣжать полнаго крушенія.

При наступленіи второй зимы надежды предпринимателей были болѣе въ цвѣтущемъ положеніи, чѣмъ когда-либо до сихъ поръ. Корабли общества, правда, очень опоздали своимъ прибытіемъ, и одинъ изъ нихъ „Онуардъ" вовсе не пришелъ; но „Пальметто" снабдилъ насъ четырнадцатью работниками, большимъ запасомъ инструментовъ и продовольствія; маіоръ Абаза отправился въ Якутскъ, чтобы нанять шестьсотъ или семьсотъ туземныхъ работниковъ и купить триста лошадей, такъ-что мы надѣялись къ 1-му февралю начать работы по всей линіи, которыя будутъ успѣшно подвигаться впередъ.

Теперь уже нельзя сидѣть, сложа, руки, а надо было приниматься за дѣло; тотчасъ послѣ отплытія „Пальметто", я послалъ лейтенанта Сандфорта съ двадцатью рабочими въ лѣса Гижигинской рѣки, выше поселенія, снабдивъ ихъ топорами, лыжами, санями и продовольствіемъ, и поручилъ имъ рубить столбы и заготовлять срубы для домовъ, которые должны были быть впослѣдствіи распредѣлены въ степяхъ между Гижигинскомъ и Пенжинскимъ заливомъ. Я послалъ также небольшую партію туземцевъ подъ начальствомъ г. Уимера въ Ямскъ съ пятью или шестью санями, съ топорами и съѣстными припасами, къ лейтенанту Арнольду и депешами для отправленія маіору Абазѣ.

Въ настоящее время мнѣ не предстояло никакого дѣла на берегу Охотскаго моря и я намѣревался поѣхать еще разъ на сѣверъ. Мы ничего не слыхали о лейтенантѣ Бёшѣ и его партіи съ 1-го мая, а намъ непремѣнно нужно было знать, успѣшно-ли шла рубка и сплавка столбовъ по Анадыри, и какіе были его намѣренія и планы на слѣдующую зиму. Позднее прибытіе „Пальметто" возбудило въ насъ опасеніе, что корабль, посланный къ Анадыри, также былъ задержанъ на пути, что должно было поставить лейтенанта Бёша и его партію въ крайне непріятное, если не опасное положеніе. По этому маіоръ Абаза приказалъ мнѣ, уѣзжая въ Охотскъ, отправиться по первому зимнему пути въ Анадырскъ и увѣриться, приходили-ли корабли общества къ устью рѣки и не нуждался-ли Бешъ въ помощи. Меня ничто болѣе не задерживало въ Гижигинскѣ и я уложилъ свои походныя принадлежности, запасное мѣховое платье, положилъ на пять саней чай, сахаръ, табакъ и продовольствіе, и 2-го ноября отправился съ шестью казаками еще разъ къ полярному кругу.

Изъ всѣхъ моихъ путешествій по Сибири ни одно не было такъ печально, какъ это. Во избѣжаніе лишнихъ издержекъ, я не взялъ съ собой никого изъ моихъ американскихъ товарищей; но сколько разъ, сидя одиноко у походнаго огня, раскаявался я въ своей самоотверженной бережливости; какъ я часто скучалъ о сердечномъ смѣхѣ и добродушныхъ шуткахъ моего вѣрнаго Ахата-Додда. Впродолженіи двадцати пяти дней я не встрѣтилъ ни одного цивилизованнаго существа, не сказалъ ни одного слова на моемъ родномъ языкѣ, а по истеченіи этого времени я былъ-бы радъ, кажется, поговорить съ умной американской собакой. „Уединеніе", говоритъ Бичеръ, „для общественной жизни все равно, что паузы для музыки"; я-же нахожу, что путешествіе, совершенное въ одиночествѣ, такъ-же не-

пріятно, какъ и музыкальное произведеніе, состоящее исключительно изъ паузъ—только самое живое воображеніе можетъ найти и въ томъ и въ другомъ что-нибудь интересное.

Въ Куилѣ, на берегу Пенжинскаго залива, я долженъ былъ проститься съ моими добродушными казаками и взять себѣ проводниками полдюжины тупыхъ угрюмыхъ коряковъ съ бритыми головами и съ тѣхъ поръ я еще живѣе почувствовалъ свое одиночество. Съ казаками я былъ еще въ состояніи говорить и часто проводилъ длинные зимніе вечера у походнаго огня, разспрашивая о ихъ повѣрьяхъ и предразсудкахъ и слушая характеристическіе разсказы изъ сибирской жизни; теперь-же, не зная вовсе корякскаго языка, я былъ лишенъ и этого послѣдняго развлеченія. Мнѣ приходилось довольствоваться только собственными думами и мыслями; а эти мысли и думы, конечно, не могли быть веселаго характера и только нагоняли на меня еще большую тоску.

У моихъ проводниковъ была самая уродливая и непріятная наружность, какую можно было только встрѣтить въ поселеніяхъ Пенжинскаго залива, а ихъ упрямство и тупость поддерживали во мнѣ дурное расположеніе духа во все время путешествія отъ Куиля до Пенжины. Только съ револьверомъ въ рукѣ я могъ принудить ихъ къ повиновенію. Они не имѣли никакого понятія о томъ, какъ удобнѣе расположить станъ въ дурную погоду, и я напрасно старался научить ихъ этому. Не смотря на всѣ мои убѣжденія, они продолжали каждую ночь рыть глубокую яму въ снѣгу для костра и сидѣть скорчившись по ея краямъ, подобно лягушкамъ на краю колодца, между тѣмъ, какъ я самъ устраивалъ себѣ ночлегъ. Поваренное искусство было имъ также совершенно неизвѣстно и они никакъ не могли проникнуть въ его тайны. Почему мясо, положенное

въ одинъ сосудъ варилось, а положенное въ другой, совершенно сходный, жарилось,—почему одно превращалось въ супъ, а другое въ пирогъ,—все это были вопросы, о которыхъ они разсуждали каждый вечеръ и которые все-таки никакъ ни могли себѣ усвоить. Изумительны были опыты, которые они производили надъ содержимымъ этихъ непонятныхъ жестяныхъ коробокъ съ консервами. Они мнѣ часто подавали пироги съ томатами, обжаренными въ маслѣ; шепталу они смѣшивали съ жареной говядиной или варили въ супѣ; крупу они подслащивали, а сушеные консервы разбивали камнями въ куски. Никогда, даже случайно, не могли они попасть на надлежащіе припасы, если я самъ постоянно не стоялъ надъ ними и не наблюдалъ лично за приготовляемымъ мнѣ ужиномъ.

Не имѣя понятія объ этихъ необыкновенныхъ американскихъ кушаньяхъ, они всегда съ большимъ любопытствомъ отвѣдывали ихъ, и эти опыты были иногда чрезвычайно смѣшны. Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Шестакова, они увидали, что я ѣмъ маринованный огурецъ, а такъ-какъ этотъ новый предметъ былъ для нихъ совершенно незнакомъ, то они попросили у меня кусочекъ огурца, чтобы его попробовать. Предвидя, какія изъ этого выйдутъ послѣдствія, я отдалъ весь огурецъ самому грязному и дикому изъ нихъ и посовѣтовалъ ему откусить какъ можно больше. Всѣ его товарищи смотрѣли, притаивъ дыханіе, пока онъ подносилъ огурецъ ко рту, чтобы увидать, какъ онъ ему понравится. Съ минуту лицо его выражало смѣшную смѣсь удивленія, недоумѣнія и отвращенія, и онъ былъ, кажется, готовъ выплюнуть откушенный кусокъ; но сдѣлавъ большое усиліе, онъ превозмогъ себя, придалъ лицу своему выраженіе удовольствія, чмокнулъ губами, объявилъ, что это было „акмель немелькинъ"— очень хорошо—и передалъ огурецъ ближайшему со-

сѣду. Этотъ послѣдній былъ равно пораженъ и недоволенъ его неожиданной кислотой, но не желая сознаться въ обманутомъ ожиданіи и услышать насмѣшки товарищей, онъ также увѣрялъ, что это великолѣпно и передалъ далѣе. Шесть человѣкъ послѣдовательно разыграли эту комедію съ величайшей серьезностью; но когда всѣ откусили по кусочку огурца, они разразились единодушнымъ, удивленнымъ „ті—е—ее“ и дали свободу долго-сдерживаемому чувству отвращенія. Усиленное плеванье, кашель, умыванье рта снѣгомъ, послѣдовавшіе за первымъ взрывомъ неудовольствія, доказали, что вкусъ къ пикулямъ благопріобрѣтенъ, а не свойственъ первобытному человѣку. Меня особенно забавляло то, что они обманывали другъ-друга. Каждый изъ нихъ, сдѣлавшись жертвой обмана, тотчасъ чувствовалъ необходимость ввести въ заблужденіе и своего сосѣда, и ни одинъ изъ нихъ не рѣшился сознаться, что огурецъ былъ несовсѣмъ вкусенъ, пока всѣ не отвѣдали его. Несчастье любитъ товарищей, а человѣческая природа вездѣ одинакова. Хотя и недовольные послѣдствіями опыта, они тѣмъ не менѣе просили у меня и послѣ этого кусочекъ изъ каждой жестянки, которую я открывалъ. Передъ самымъ пріѣздомъ въ Пенжину, впрочемъ, одинъ случай навсегда избавилъ меня отъ ихъ докучливости и внушилъ имъ такой суевѣрный страхъ къ жестянкамъ, что они ничѣмъ не могли побороть его впослѣдствіи. У насъ вошло въ обыкновеніе, во время остановки на ночлегъ, ставить наши жестянки въ горячую золу или угольи, чтобы содержимое въ нихъ оттаяло, и я нѣсколько разъ уже говорилъ моимъ проводникамъ, чтобы они ихъ всегда прежде открывали. Конечно, я не могъ объяснить имъ, что отъ скопленія пара жестянки могутъ лопнуть; я сказалъ имъ, что это будетъ „аткинъ“—дурно—если они не сдѣлаютъ отверстія въ крышкѣ прежде, чѣмъ поставятъ жестянку

на огонь. Однажды вечеромъ, они забыли эту предосторожность и пока они сидѣли, скорчившись, вокругъ костра, погруженные въ размышленія, одна изъ жестянокъ лопнула съ страшнымъ взрывомъ, освободивъ густое облако пара, а куски кипящей баранины разлетѣлись по всѣмъ направленіямъ. Если-бы вулканъ разверзся надъ костромъ, коряки не могли-бы больше испугаться. Не успѣвъ убѣжать, они упали на спину и подняли ноги кверху съ криками „каммукъ!" — дьяволъ—воображая себя совсѣмъ погибшими. Мой смѣхъ успокоилъ ихъ наконецъ, и имъ стало немного стыдно за свой минутный страхъ; но съ этого времени они стали обращаться съ жестянками, какъ будто-бы онѣ были наполнены разрывными пулями, и никакъ не могли рѣшиться отвѣдать кусочекъ содержимаго въ нихъ. Я, конечно, остался этимъ доволенъ, потому-что избавился отъ ихъ докучливыхъ попрошайничествъ.

Однако, мы медленно подвигались впередъ отъ Охотскаго моря къ Анадырску; дни были коротки, а только что выпавшій снѣгъ рыхлъ и глубокъ. Часто на протяженіи десяти или пятнадцати миль, мы должны были лыжами прокладывать дорогу для нашихъ тяжело-нагруженныхъ саней, и то усталыя собаки съ трудомъ только могли пробираться по этимъ рыхлымъ сугробамъ. Холодъ былъ такъ силенъ, что ртутный термометръ, показывающій до —23° былъ почти безполезенъ. Впродолженіе нѣсколькихъ дней, ртути совсѣмъ не было видно, я могъ судить о холодѣ только по быстротѣ, съ которою замерзалъ мой ужинъ, когда его снимали съ огня. Сколько разъ супъ превращался въ моихъ рукахъ изъ жидкаго тѣла въ твердое, а каша примерзала къ жестяной тарелкѣ, прежде-чѣмъ я успѣвалъ ее доѣсть.

Двѣ недѣли спустя послѣ отъѣзда изъ Гижигинска, мы достигли Пенжины, отстоящей въ двухъ стахъ верстахъ отъ Анадырска. Послѣ насъ, т. е. съ мая, никто

изъ постороннихъ не заглядывалъ въ этотъ городокъ, и все поселеніе—мужчины, женщины, дѣти и собаки—толпой высыпали намъ навстрѣчу съ самыми радостными заявленіями. Болѣе полугода они не видѣли ни одного посторонняго лица и не слыхали живого слова о внѣшнемъ мірѣ; въ видѣ выраженія своего восторга, они привѣтствовали насъ полдюжиной выстрѣловъ изъ старыхъ заржавленныхъ винтовокъ.

Когда я выѣхалъ изъ Гижигинска, то надѣялся встрѣтить гдѣ-нибудь на дорогѣ посланнаго съ извѣстіями и письмами отъ Бёша, но я очень удивился и встревожился, узнавъ, что никто не пріѣзжалъ изъ Анадырска въ Пенжину и что съ прошедшей весны не было никакихъ слуховъ о нашей партіи. Какое-то непріятное предчувствіе овладѣло мной, такъ-какъ Бёшу было непремѣнно приказано послать нарочнаго въ Гижигинскъ по первому зимнему пути, а теперь былъ уже конецъ ноября.

Къ несчастью, мои предчувствія оправдались на слѣдующій-же день. Поздно вечеромъ, когда я сидѣлъ въ домѣ русскаго крестьянина и пилъ чай, на улицѣ раздался крикъ:

— Анадырскіе ѣдутъ!

Я поспѣшно выбѣжалъ изъ дома встрѣтилъ анадырскаго священника въ ту самую минуту, когда тотъ останавливалъ своихъ собакъ у воротъ. Моимъ первымъ вопросомъ было:

— „Гдѣ Бёшъ?"

Священникъ отвѣтилъ:

— „Богъ его знаетъ!" У меня сердце такъ и упало.

— Но гдѣ-же видѣли вы его въ послѣдній разъ—гдѣ провелъ онъ лѣто? допытывался я.

— Я видѣлъ его въ послѣдніи разъ у устья Анадыри, въ іюлѣ, возразилъ священникъ и съ этого времени о немъ нѣтъ никакихъ слуховъ.

Еще нѣсколько вопросовъ объяснили мнѣ всю печальную исторію. Бешъ, Макри, Гардеръ и Смитъ отправились въ іюнѣ внизъ по Анадыри на большомъ плоту съ матеріалами для станціонныхъ домовъ, которые должны были быть построены вдоль ея береговъ. Поставивъ эти дома въ назначенныхъ мѣстахъ, они отправились на лодкахъ къ анадырской губѣ ожидать прибытія кораблей общества изъ Санъ-Франциско. Тутъ къ нимъ пріѣхалъ священникъ и прожилъ съ ними нѣсколько недѣль; но въ концѣ іюля ихъ скудный запасъ продовольствій истощился, ожидаемые корабли не являлись и священникъ возвратился въ поселеніе, оставивъ несчастныхъ американцевъ въ самомъ жалкомъ положеніи у устья рѣки. Съ этихъ поръ ничего не было о нихъ слышно и, какъ священникъ мрачно замѣтилъ, „одинъ Богъ только зналъ", гдѣ они были и что съ ними сдѣлалось. Это были плохія вѣсти, но еще не самыя худшія. Вслѣдствіе неудачнаго лова семги въ Анадыри въ это лѣто, въ поселеніи начался страшный голодъ, часть жителей и всѣ почти собаки погибли отъ него и поселеніе совершенно опустѣло. Каждый, имѣющій довольно собакъ, чтобы уѣхать, отправлялся отыскивать кочующихъ чукчей, съ которыми могъ-бы прожить до слѣдующаго лѣта; а тѣ немногіе, которые остались въ селеніи, ѣли сапоги и обрѣзки оленьихъ шкуръ, чтобы поддержать свое существованіе. Въ началѣ октября партія туземцевъ отправилась на собакахъ отыскивать Додда и его товарищей, но вотъ уже болѣе мѣсяца прошло съ ихъ отъѣзда, а они все еще не возвращались. Вѣроятно, они погибли отъ голода въ пустынныхъ равнинахъ нижней Анадыри, такъ-какъ они могли взять съ собою продовольствія на десять дней и едва-ли имъ удалось встрѣтить на пути кочующихъ чукчей, которые снабдили-бы ихъ съѣстными припасами.

Такимъ образомъ, первыя вѣсти, дошедшія до меня

изъ Сѣверной области были крайне неблагопріятны,—голодъ въ Анадырскѣ, исчезновеніе Беша съ партіей съ іюля и восьми туземцевъ съ санями и собаками съ половины октября; конечно, это еще болѣе увеличило мое дурное расположеніе духа! Худшаго положенія дѣлъ нельзя было и придумать. Конечно, я не могъ сомкнуть глазъ цѣлую ночь, размышляя объ этихъ несчастіяхъ и стараясь придумать лучшій планъ дѣйствій. Какъ ни ужасна была вторичная поѣздка къ Анадыри зимой, но я не видѣлъ средствъ избѣжать ее. Фактъ, что ничего не было слышно о Бешѣ впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ ясно свидѣтельствовалъ, что съ нимъ случилось какое-нибудь несчастье, и моя прямая обязанность была отправиться къ анадырской губѣ и найти его, если только это окажется возможнымъ.

На слѣдующее-же утро я началъ закупать продовольствіе для собакъ и до вечера пріобѣлъ уже 2.000 штукъ сушеной рыбы и такое-же количество тюленьяго жира, котороe навѣрное достало-бы пяти стаямъ собакъ на сорокъ дней по крайней мѣрѣ. Потомъ я послалъ за начальникомъ шайки кочующихъ коряковъ, разбившихъ случайно свои палатки близъ Пенжины, и уговорилъ его пригнать стадо оленей къ Анадырску, чтобы зарѣзать изъ него столько головъ, сколько нужно будетъ для снабженія пищей голодающихъ жителей, пока они не получатъ другой помощи. Я послалъ также двухъ туземцевъ обратно въ Гижигинскъ съ письмами къ исправнику, извѣщая его о голодѣ и къ Додду, чтобы тотъ снарядилъ какъ можно больше саней съ продовольствіемъ и отправилъ-бы ихъ тотчасъ-же въ Пенжину, гдѣ я распоряжусь о ихъ препровожденіи въ голодающее поселеніе.

Самъ я думалъ отправиться въ Анадырскъ 20 ноября съ пятью надежнѣйшими пенжинскими проводниками и столькими-же санями. Эти люди и собаки должны были

сопровождать меня до устья Анадыря, если я ничего не узнаю о Бешѣ до прибытія въ Анадырскъ.

Распорядившись такимъ образомъ, я сталъ и самъ готовиться къ новому путешествію; холодъ и трудности пути нисколько не смущали меня, я думалъ лишь только о томъ, какъ-бы поспѣть во время, чтобы мои старанія и хлопоты не оказались-бы безполезными.

ГЛАВА XXXIV.

Свиданіе съ Бѣшемъ.—Трудная дилемма.—Голодъ.—Наемъ восьмисотъ рабочихъ.—Предпріимчивый американецъ.—Пустыня.

Я отправился въ Анадырскъ 20-го ноября, какъ и предполагалъ. Сани священника проложили уже для насъ путь, и мы доѣхали до Анадырска скорѣе, чѣмъ я ожидалъ; уже 22 ноября мы расположили нашъ станъ у подошвы невысокаго горнаго кряжа, извѣстнаго подъ именемъ „Русскаго хребта", въ тридцати верстахъ на югѣ отъ поселенія. Въ надеждѣ достигнуть мѣста нашего назначенія до утра, мы рѣшились ѣхать всю ночь; но передъ сумерками неожиданно поднялась вьюга, которая помѣшала намъ перебраться черезъ горный проходъ. Около полуночи вѣтеръ немного стихъ, луна по временамъ выглядывала изъ-за тучъ, и опасаясь, что погода можетъ сдѣлаться еще хуже, мы разбудили усталыхъ собакъ и начали подниматься на горы. Мѣстность была дикая и пустынная. Снѣгъ опускался крупными хлопьями надъ проходомъ, почти скрывая изъ вида голыя, бѣлыя вершины, торчавшіе съ обѣихъ сторонъ, засыпалъ за нами дорогу по мѣрѣ того, какъ мы поднимались вверхъ. Время отъ времени блѣдные лучи луны, пробиваясь сквозь снѣжныя облака, освѣщали на мгновеніе обнаженные склоны горъ надъ нашими головами; потомъ они снова погружались въ темныя испа-

ренія: вѣтеръ завывалъ въ ущельяхъ и все исчезало въ туманѣ и мглѣ. Наконецъ, мы достигли вершины, и когда остановились на минуту, чтобы дать вздохнуть усталымъ собакамъ, насъ внезапно поразилъ видъ длиннаго ряда темныхъ предметовъ, быстро проносившихся по обнаженной поверхности горы, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ, и спускающихся въ ущелье, изъ котораго мы только-что выѣхали. Я видѣлъ ихъ мелькомъ, но мнѣ показалось, что это были сани, запряженныя собаками; съ громкимъ крикомъ мы бросились имъ вслѣдъ. Дѣйствительно, это были сани и, приблизившись, я узналъ между ними старую, обтянутую тюленьей кожей „повозку", которую я оставилъ прошлой зимой въ Анадырскѣ и которая, конечно, должна была быть занята американцами. Съ сердцемъ бьющимся отъ волненія, я спрыгнулъ съ саней, подбѣжалъ къ повозкѣ и спросилъ по-англійски:

— Кто тутъ?

Было слишкомъ темно, чтобы различить лица, но давно знакомый мнѣ голосъ отвѣтилъ:

— Бёшъ!

Никогда этотъ голосъ не былъ мнѣ такъ пріятенъ. Цѣлыхъ три недѣли я не видалъ ни одного соотечественника и не слыхалъ ни одного англійскаго слова; одиночество и постоянно новыя неудачи привели меня въ совершенно уныніе; какъ вдругъ въ полночь, на пустынной горной вершинѣ, въ вьюгу, я встрѣтилъ стараго друга и товарища, котораго почти уже считалъ погибшимъ. Радостна была эта встрѣча! Туземцы, отправившіеся къ Анадырской губѣ отыскивать Бёша и его партію, благополучно возвратились вмѣстѣ съ Бешемъ, и этотъ послѣдній ѣхалъ теперь въ Гижигинскъ съ извѣстіями о голодѣ и за продовольствіемъ и помощью. Вьюга задержала его такъ-же какъ и насъ и когда она немного утихла въ полночь, мы оба двину-

лись съ противуположныхъ сторонъ, чтобы перебраться черезъ горный кряжъ, и такимъ образомъ встрѣтились на вершинѣ. Мы вмѣстѣ возвратились къ моему покинутому стану на южномъ склонѣ горъ, раздули еще тлѣвшіеся уголья, разстелили медвѣжьи шкуры и проговорили до тѣхъ поръ, пока стали похожи на бѣлыхъ медвѣдей отъ падающаго на насъ снѣга, а день уже занимался на востокѣ.

Бёшъ привезъ также дурныя вѣсти. Онъ поѣхалъ съ партіей къ устью Анадыри, какъ уже сказалъ мнѣ, священникъ, въ началѣ іюня, и почти четыре мѣсяца ждалъ прибытія кораблей общества. Наконецъ, ихъ запасы истощились, и они были принуждены питаться только рыбой, которую имъ удавалось поймать впродолженіи дня и голодать, когда ловъ былъ неудаченъ. Чтобы добыть соли они скребли доски стараго боченка, бывшаго съ соленой свининой и оставленнаго здѣсь Макри въ прошломъ году, а вмѣсто кофе жгли рисъ и варили его. Наконецъ не стало болѣе ни риса, ни соли, и они должны были питаться одной вареной рыбой безъ кофе, хлѣба и соли. Живя посреди обширнаго мшистаго болота, не имѣя на пятьдесятъ миль кругомъ ни одного дерева, одѣваясь въ звѣриныя шкуры, за неимѣніемъ другого платья, страдая часто отъ голода, мучимые москитами, отъ которыхъ имъ нечѣмъ было защищаться, и ожидая день за днемъ, недѣлю за недѣлей кораблей, которые все не являлись, положеніе ихъ было самое плачевное. Одно судно компаніи „Гольденъ Гэтъ“ прибыло, наконецъ, въ октябрѣ съ двадцатью двумя человѣками и маленькимъ пароходомъ; но зима уже наступила и черезъ пять дней, прежде-чѣмъ они успѣли окончить выгрузку товаровъ, корабль былъ затертъ льдомъ, экипажъ и почти весь грузъ были спасены, но черезъ это несчастіе численность партіи увеличилась съ двадцати пяти на сорокъ семь человѣкъ, а соотвѣт-

ствующаго увеличенія продовольствія для ея содержанія не было. По счастью, впрочемъ, не подалеку находились шайки кочующихъ чукчей, и отъ нихъ Бёшу удалось пріобрѣсти значительное число оленей, мясо которыхъ онъ велѣлъ заморозить и запасти для будущаго употребленія. Когда Анадырь замерзла, Бёшъ остался, какъ и Макри прошлой зимой, безъ всякихъ средствъ добраться до поселенія; но онъ предвидѣлъ это затрудненіе и, уѣзжая изъ Анадырска, распорядился, чтобы ему выслали сани на выручку въ случаѣ, если онъ не успѣетъ возвратиться на лодкахъ до замерзанія рѣки. Не смотря на голодъ, сани были дѣйствительно отправлены, и Бешъ съ двумя проводниками возвратился въ Анадырскъ на этихъ саняхъ. Найдя это поселеніе совершенно опустошеннымъ отъ голода, онъ, не медля ни минуты, продолжалъ свой путь въ Гижигинскъ, между тѣмъ какъ его голодающія и утомленныя собаки умирали на дорогѣ. Таково было положеніе моего товарища, котораго я считалъ совершенно погибшимъ, не имѣя отъ него такъ долго никакихъ извѣстій.

Между тѣмъ въ Анадырскѣ голодъ принесъ много несчастій и бѣдъ. Вотъ, каково было тамъ положеніе дѣлъ, когда я встрѣтился съ Бешемъ на вершинѣ Русскаго хребта.

Сорокъ четыре человѣка жили у устья Анадыри, въ 250 миляхъ отъ ближайшаго поселенія; у нихъ рѣшительно не было никакого продовольствія на зиму и никакихъ средствъ къ переѣзду. Анадырскъ былъ опустошенъ и, кромѣ нѣсколькихъ упряжекъ собакъ, въ Пенжинскѣ нельзя было найти ни одной годной собаки во всей Сѣверной области Охотскаго моря до Берингова пролива. Что можно было сдѣлать при подобныхъ обстоятельствахъ? Мы съ Бешемъ обсуждали этотъ вопросъ у нашего одинокаго костра, у подножія Русскаго

хребта, но не могли притти ни къ какому рѣшенію; послѣ трехъ или четырехъ часоваго тревожнаго сна мы поѣхали далѣе, къ Анадырску. Вечеромъ мы пріѣхали въ городъ, если можно назвать городомъ то, что отъ него осталось. Въ двухъ верхнихъ селеніяхъ—„Оселкинѣ“ и „Покоруковѣ“,—бывшихъ прошедшей зимой въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, не было ни одного жителя; даже въ Марковѣ жило только нѣсколько семействъ, истощенныхъ голодомъ, которыя, лишившись всѣхъ собакъ, не имѣли средствъ выѣхать изъ селенія. Громкій вой собакъ не извѣщалъ болѣе о нашемъ пріѣздѣ; никто не выходилъ къ намъ на встрѣчу; окна домовъ были заколочены деревянными ставнями и до половины занесены снѣгомъ, на которомъ невидно было ничьихъ слѣдовъ, и все поселеніе было молчаливо и пустынно. Казалось, будто одна половина жителей вымерла, а другая отправилась хоронить ее! Мы остановились передъ маленькимъ домикомъ, гдѣ Бенъ расположилъ свою главную квартиру, и провели остатокъ дня въ сообщеніи другъ другу подробностей нашихъ странствованій.

Почти единственной причиной непріятнаго положенія, въ которомъ мы находились, былъ голодъ въ Анадырскѣ. Позднее прибытіе и затѣмъ гибель „Гольденъ Гэта“ — было, конечно, большимъ несчастіемъ; но оно было-бы поправимо, если-бы голодъ не лишилъ насъ всѣхъ средствъ къ передвиженію. Существованіе жителей Анадырска, какъ и всѣхъ другихъ русскихъ поселеній въ Сибири, зависитъ отъ рыбы, заходящей каждое лѣто въ рѣки метать икру; рыба обыкновенно ловится тысячами въ то время, когда поднимается по притокамъ рѣкъ во внутрь страны. Пока эти странствованія рыбы совершаются правильно, туземцамъ нетрудно запасать себѣ обильную пищу на зиму; но одинъ разъ въ три или четыре года рыба, по какой-то не-

объяснимой причинѣ, не является; тогда на слѣдующую зиму всегда бываетъ такой голодъ въ Анадырскѣ, какъ я сейчасъ описывалъ, а часто и еще опустошительнѣе. Въ 1860 г. болѣе ста пятидесяти туземцевъ умерли съ голоду въ четырехъ селеніяхъ на берегу Пенжинскаго залива, а полуостровъ Камчатка былъ столько разъ опустошаемъ голодомъ со времени покоренія его русскими, что его народонаселеніе уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину. Если-бы кочующіе коряки не приходили на выручку къ голодающимъ, со своими многочисленными стадами сѣверныхъ оленей, то я увѣренъ, что осѣдлое населеніе Сибири, т. е. русскіе, чуванцы, юкагиры и камчадалы уничтожились-бы менѣе, чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ. Огромныя разстоянія, раздѣляющія селенія одно отъ другого, и отсутствіе всякихъ средствъ къ сообщенію лѣтомъ, предоставляютъ каждое селеніе самому себѣ и дѣлаютъ невозможными взаимную помощь и поддержку до тѣхъ поръ, пока всякое пособіе оказывается слишкомъ позднимъ. Первой жертвой голода бываютъ обыкновенно собаки; народъ, лишенный такимъ образомъ послѣдняго средства къ переѣзду не можетъ покинуть опустошенное голодомъ поселеніе и поѣвъ всѣ сапоги, тюленьи ремни и обрѣзки сырыхъ кожъ, умираетъ, наконецъ, отъ недостатка пищи.

Въ этомъ, впрочемъ, много виноваты ихъ безпечность и непредусмотрительность. Въ одно лѣто они могли-бы наловить и насушить столько рыбы, что ее хватило-бы имъ на три года; но вмѣсто этого, они запасаютъ себѣ продовольствія только на одну зиму, рискуя на слѣдующую умереть съ голода. Ни тяжелый опытъ, ни громадныя страданія не дѣлаютъ ихъ предусмотрительнѣе. Человѣкъ, едва избѣгшій голодной смерти въ эту зиму, скорѣе подвергнется той-же опасности въ слѣдующую, чѣмъ возьметъ на себя лишній

трудъ и наловить больше рыбы. Даже, если они видятъ, что голодъ неизбѣженъ, они не предпринимаютъ никакихъ мѣръ, хотя нѣсколько облегчить и предупредить его, пока, наконецъ, не уничтожится послѣдняя крошка пищи.

Одинъ туземецъ изъ Анадырска говорилъ мнѣ однажды, что у него осталось только на пять дней корму для собакъ.

— Что-же вы будете тогда дѣлать? спросилъ я его.

— Богъ знаетъ, былъ характерическій отвѣтъ, и туземецъ равнодушно отвернулся, какъ-будто въ этомъ фактѣ не было ничего особенно непріятнаго. Онъ думалъ, кажется, что если одному Богу только дано знать, что надо дѣлать, то другимъ нечего и спрашивать. Отдавъ собакамъ послѣднюю рыбу изъ своего балагана, онъ всегда успѣетъ подумать о томъ, что предпринять; а до тѣхъ поръ нечего безполезно и тревожить себя! Извѣстная безпечность и безпорядочность туземцевъ принудили, наконецъ, русское правительство учредить во многихъ мѣстностяхъ сѣверо-восточной Сибири, такъ сказать сберегательные банки или запасные магазины. Чтобы основать ихъ, накупили по-немногу у туземцевъ до ста тысячъ сушеныхъ рыбъ или „юколю", составляющихъ основной капиталъ банка. Каждая душа мужского пола въ поселеніи обязана была, по закону, вносить въ магазинъ ежегодно одну десятую всей пойманной рыбы, и никакія оправданія въ неисполненіи этого закона не считались уважительными. Ежегодный взносъ причисляяся такимъ образомъ къ основному капиталу, такъ-что пока онъ будетъ правильно производиться, средства магазина будутъ постоянно увеличиваться. Въ случаѣ-же недостатка въ рыбѣ или угрожающаго голода, каждый вкладчикъ, или, лучше сказать, плательщикъ подати имѣлъ право взять заимообразно столько рыбы, сколько нужно для удо-

влетворенія его насущной потребности, съ условіемъ возвратить ее на слѣдующее лѣто, вмѣстѣ съ обычнымъ десяти процентнымъ взносомъ. Очевидно, что учрежденіе, возникшее на такихъ основаніяхъ и руководимое такими правилами, не можетъ никогда лопнуть, и капиталъ его, состоящій изъ сушеной рыбы, будетъ постоянно увеличиваться, пока, наконецъ, поселеніе будетъ совсѣмъ обезпечено противъ возможности голода. Въ Колымѣ, русскомъ поселеніи на берегу Ледовитаго океана, былъ впервые сдѣланъ этотъ опытъ и онъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Магазинъ поддерживаетъ жителей селенія въ продолженіи двухъ самыхъ голодныхъ зимъ и его капиталъ въ 1867 г. доходилъ до 300.000 штукъ сушеной рыбы и каждый годъ приблизительно увеличивался на 20.000 штукъ.

Анадырскъ не принадлежитъ къ числу военныхъ постовъ, и тамъ не было такого запаснаго магазина, удобнаго для склада сушеной рыбы. Но если-бы наши работы продолжались въ Анадырскѣ и его окрестностяхъ и на слѣдующій годъ, то мы имѣли въ виду просить правительство объ учрежденіи такихъ магазиновъ во всѣхъ поселеніяхъ какъ русскихъ, такъ и туземныхъ, по всей нашей линіи.

Однако, голодъ въ настоящемъ году былъ неизбѣженъ, и къ 1 декабрю 1867 г. бѣдный Бешъ жилъ въ пустынномъ селенія въ 600 верстахъ отъ Гижигинска, безъ денегъ, безъ продовольствія, безъ всякихъ средствъ уѣхать оттуда, съ безпомощной партіей въ сорокъ пять человѣкъ, оставленныхъ у устья Анадыри и основывающихъ на немъ одномъ всѣ свои надежды. Нечего было и думать о сооруженіи телеграфной линіи при такихъ обстоятельствахъ. Все его желаніе ограничивалось только снабженіемъ партіи съѣстными припасами, пока прибытіе лошадей и людей изъ Якутска дадутъ ему возможность продолжать работы.

Видя, что и мое пребываніе въ Анадырскѣ совершенно безполезно и что я только способствую къ скорѣйшему уничтоженію скуднаго запаса пищи Беша, я отправился 29 ноября съ двумя пенжинскими санями въ Гижигинскъ. Такъ-какъ мнѣ уже болѣе не пришлось вернуться въ эти сѣверныя страны, то и не представится болѣе случая упоминать о нихъ; я разскажу здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ все то, что узналъ впослѣдствіи изъ писемъ о неудачахъ и несчастіяхъ изслѣдователей въ этой мѣстности. Сани, снаряженныя мною въ Гижигинскъ, достигли Пенжинска только въ концѣ декабря съ 3000 фунтовъ бобовъ, риса, сухарей и другихъ предметовъ. Бешъ тотчасъ-же отправилъ шесть изъ нихъ съ небольшимъ количествомъ продовольствія къ устью Анадыри, а въ февралѣ они возвратились, захвативъ съ собою шесть человѣкъ изъ партіи. Желая подвинуть хотя сколько-нибудь работы, Бешъ послалъ этихъ шестерыхъ человѣкъ на рѣку Міанъ, около семидесяти пяти верстъ отъ Анадырска, и поручилъ имъ разставлять столбы вдоль линіи, на лыжахъ. Позже была послана еще другая экспедиція къ устью Анадыри, которая 4 марта также возвратилась съ лейтенантомъ Макри и съ семью рабочими. Во время путешествія этой партіи стояла очень дурная погода, такъ-что одинъ изъ рабочихъ, по имени Робинзонъ, погибъ въ дорогѣ, во время вьюги, въ 150 верстахъ на востокъ отъ поселенія. Его тѣло осталось непогребеннымъ въ одномъ изъ домовъ, построенныхъ Бешемъ въ предъидущее лѣто, а товарищи его поѣхали далѣе. Тотчасъ по прибытіи ихъ въ Анадырскъ, они были отправлены на Міанъ, и къ половинѣ марта обѣ партіи вмѣстѣ срубили и размѣстили вдоль береговъ этой рѣки около 3000 столбовъ. Въ апрѣлѣ, впрочемъ, ихъ съѣсные припасы начали истощаться и вскорѣ имъ также стала угрожать голодная смерть; Бешъ во второй разъ отпра-

вился въ Гижигинскъ за продовольствіемъ, собравъ нѣсколько упряжекъ голодныхъ собакъ. Во время его отсутствія, несчастныя партіи на Міанѣ были предоставлены самимъ себѣ; уничтоживъ послѣднія крохи пищи и съѣвши трехъ лошадей, посланныхъ имъ еще ранѣе изъ Анадырска, они потеряли всякую надежду на помощь и на лыжахъ отправились въ поселеніе. Это путешествіе было ужасно для истощенныхъ голодомъ людей, и хотя они благополучно достигли цѣли своего пути, но были такъ слабы, что, приближаясь къ поселенію, едва могли сдѣлать сто шаговъ, чтобы не упасть. Въ Анадырскѣ имъ удалось добыть немного оленьяго мяса, которымъ они и питались до возвращенія лейтенанта Беша изъ Гижигинска съ продовольственными припасами, т. е. до мая.

Этимъ и ограничились наши работы на вторую зиму. Что касается до практическихъ результатовъ, то они были почти ничтожны; но эти испытанія развили въ нашихъ служащихъ и рабочихъ мужество, терпѣніе и выносливость, что, конечно, при лучшихъ обстоятельствахъ, увѣнчалось-бы блестящимъ успѣхомъ. Въ февралѣ, пока г. Портонъ со своими людьми работалъ на Міанѣ, термометръ изъ двадцати одного дня шестнадцать дней стоялъ болѣе, чѣмъ на сорокъ градусовъ ниже нуля, пять разъ опускался до—60 и однажды до—68°. т. е. сто градусовъ ниже точки замерзанія воды. Тесать столбы на лыжахъ при температурѣ въ 40° или 60° ниже нуля, само по себѣ нелегкое испытаніе для силъ человѣческихъ, но если къ нему присоединяются еще страданія голода и опасенія погибнуть среди невѣдомой пустыни, то оно превосходитъ человѣческую выносливость и можно только удивляться; какъ Портонъ и Макри могли совершить такіе геройскіе подвиги!

15 декабря я возвратился изъ Анадырска въ Гижигинскъ послѣ шестнадцатидневнаго утомительнаго, тя-

желаго пути. Въ это-же время прибылъ туда изъ Якутска нарочный курьеръ съ письмами и приказаніями отъ маіора Абазы.

Маіоръ, съ разрѣшенія и при содѣйствіи губернатора этой области, нанялъ на три года восемьсотъ якутскихъ рабочихъ съ платою по шестидесяти рублей, т. е. около сорока долларовъ въ годъ, каждому. Онъ купилъ также триста якутскихъ лошадей и вьючныхъ сѣделъ, огромное количество матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ, разнаго рода вещей для снаряженія и продовольствія лошадей и рабочихъ. Часть этихъ людей была уже на пути въ Охотскъ, всѣ они должны были быть переправлены туда отдѣльными партіями въ самомъ скоромъ времени и распредѣлены по всему протяженію линіи. Необходимо было, конечно, подчинить всю эту огромную рабочую силу надзору опытныхъ и свѣдущихъ американцевъ; а такъ-какъ во всѣхъ нашихъ партіяхъ такихъ людей можно было найти человѣкъ пять-шесть, то маіоръ Абаза рѣшился послать курьера въ Петропавловскъ за офицерами, пріѣхавшими изъ Санъ-Франциско на суднѣ „Онуардъ", которые, по его предположенію, должны были высадиться въ Камчаткѣ. Поэтому, онъ поручилъ мнѣ распорядиться о доставленіи этихъ людей изъ Петропавловска въ Гижигинскъ, сдѣлать приготовленіе къ немедленному принятію пятидесяти или шестидесяти якутскихъ рабочихъ, послать съѣсныхъ припасовъ въ Ямскъ для продовольствія тамошней нашей американской партіи и семьсотъ пятьдесятъ пудовъ ржаной муки для якутовъ, которые придутъ туда въ февралѣ. Чтобы привести въ исполненіе всѣ эти приказанія, въ моемъ распоряженіи было только пятнадцать саней съ собаками, но даже и эти были посланы въ Пенжинскъ съ продовольствіемъ на выручку лейтенанта Беша. Съ помощью исправника, мнѣ удалось уговорить двухъ казаковъ ѣхать въ Петро-

павловскъ за американцами, которые должны были быть оставлены тамъ „Онуардомъ“ и послать съ полдюжины коряковъ свезти муку и разные другіе припасы въ Ямскъ и сказать лейтенанту Арнольду, чтобы тотъ самъ прислалъ сани за остальными припасами. Такимъ образомъ, мои собственныя пятнадцать саней остались въ моемъ распоряженіи для пособія лейтенанту Сандфорду и его партіи, занятой въ настоящее время приготовленіемъ столбовъ на рѣкѣ Тильгаѣ, на сѣверѣ отъ Пенжинскаго залива. Разъ какъ-то, въ концѣ декабря, когда мы съ Доддомъ объѣзжали стаю собакъ за селеніемъ, намъ пришли сказать, что какой-то американецъ пріѣхалъ изъ Камчатки съ извѣстіями о долго-пропадавшемъ суднѣ „Онуардъ“ и партіи людей, высаженныхъ имъ въ Петропавловскѣ. Вернувшись поспѣшно въ селеніе мы нашли г. Льюиса, вышеупомянутаго американца сидящимъ совершенно спокойно въ нашей комнатѣ за чаемъ. Этотъ предпріимчивый молодой человѣкъ—агентъ Телеграфнаго Общества, совершенно неприученный къ суровой жизни—не зная ни одного слова по-русски, проѣхалъ одинъ, среди зимы, все необитаемое пространство Камчатки между Петропавловскомъ и Гижигинскомъ. Онъ былъ въ дорогѣ сорокъ два дня и сдѣлалъ на собакахъ около 1.200 миль безъ другихъ товарищей, кромѣ нѣсколькихъ туземцевъ и казака изъ Тагильска. Онъ относился очень скромно къ такому подвигу, хотя это была одна изъ самыхъ трудныхъ поѣздокъ, совершенныхъ служащими въ нашемъ обществѣ.

Дѣйствительно, „Онуардъ“, какъ мы и предполагали‘ былъ уже болѣе не въ состояніи достигнуть Гижигинска по случаю поздняго времени года, выгрузилъ свой грузъ и высадилъ большую часть своихъ пассажировъ въ Петропавловскѣ, а г. Льюисъ былъ посланъ начальникомъ этой партіи донести обо всемъ маіору Абазѣ и узнать, что имъ слѣдовало дѣлать далѣе.

Послѣ прибытія г. Льюиса, до марта не случилось ничего особенно важнаго. Арнольдъ въ Ямскѣ, Сандфордъ на Тильгаѣ и Бешъ въ Анадырскѣ старались съ немногими имѣющимися у нихъ людьми подвинуть работы впередъ, насколько только это было можно; но вслѣдствіе глубокаго снѣга, сильнаго холода и повсемѣстнаго недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, всѣ ихъ усилія были почти безплодны. Въ январѣ я поѣхалъ съ двѣнадцатью или пятнадцатью санями въ станъ Сандфорда на Тильгаѣ и попытался перевезти его партію на другой пунктъ, верстъ на сорокъ ближе къ Гижигинску; но во время сильной вьюги въ Куэльской степи, мы всѣ были разбиты и разсѣяны; пять дней мы буквально блуждали въ облакахъ снѣга изъ-за котораго невидны были даже наши собаки; Сандфордъ съ частью своей партіи возвратился на Тильгай, а я съ остальными вернулся обратно въ Гижигинскъ.

Въ концѣ февраля казакъ Холмогоровъ возвратился изъ Петропавловска и привезъ съ собою троихъ изъ людей, пріѣхавшихъ туда на „Онуардѣ“.

Въ мартѣ я получилъ изъ Якутска второе письмо и новыя приказанія отъ маіора Абазы. Нанятые имъ восемьсотъ рабочихъ переправлялись въ Охотскъ и болѣе полутораста изъ нихъ принялись уже за работу и въ этомъ городѣ и въ Ямскѣ. Снаряженіе и отправка остальныхъ все еще требовали его личнаго надзора, и онъ писалъ, что ему невозможно будетъ возвратиться на эту зиму въ Гижигинскъ. Онъ могъ только доѣхать до Ямска, корякскаго поселенія въ трехстахъ верстахъ отъ на Гижигинска и просилъ меня встрѣтить его тамъ двѣнадцать дней спустя послѣ полученія его письма. Я тотчасъ-же отправился въ путь съ товарищемъ-американцемъ, по имени Литъ, взявъ на двѣнадцать дней продовольствія для себя и для собакъ.

Между Гижигинскомъ и Ямскомъ мѣстность была

совершенно другого характера, чѣмъ все то, что мнѣ случалось до сихъ поръ видѣть въ Сибири. Здѣсь не было такихъ огромныхъ, пустынныхъ равнинъ, какъ между Гижигинскомъ и Анадырскомъ и въ сѣверной части Камчатки.

Весь берегъ Охотскаго моря на шестьсотъ верстъ западнѣе Гижигинска состоялъ изъ суровыхъ обрывистыхъ, почти непроходимыхъ горъ, прорѣзанныхъ глубокими долинами и ущельями и густо поросшихъ сосновыми и лиственными лѣсами. Становой хребетъ, опоясывающій Охотское море отъ самой китайской границы, все время почти тянется возлѣ самаго берега; между его боковыми отрогами спускаются сотни маленькихъ рѣчекъ и потоковъ, которые текутъ по глубокимъ лѣсистымъ долинамъ въ море. Дорога, ведущая отъ Гижигинска въ Ямскъ, пересѣкаетъ всѣ эти рѣчки и боковые отроги подъ прямыми углами, проходя почти по срединѣ между главной цѣпью и моремъ. Большая часть кряжей между этими потоками ничто иное, какъ возвышенные, обнаженные водораздѣлы, черезъ которые очень легко переѣхать; въ одномъ только мѣстѣ, въ ста пятидесяти верстахъ восточнѣе Гижигинска, отъ центральнаго хребта тянется къ морю значительный горный кряжъ отъ 2.500 до 3.000 футовъ вышины, который совершенно загораживаетъ дорогу. У подножія этихъ горъ проходитъ глубокая, мрачная Виллигинская дорога, верхній конецъ которой проникаетъ въ центральную цѣпь Становыхъ горъ и служитъ проходомъ для вѣтровъ между моремъ и степями. Зимою, когда воды Охотскаго моря теплѣе, чѣмъ ледяныя равнины на сѣверѣ горъ, теплый воздухъ поднимается вверхъ, а болѣе холодный врывается черезъ Виллигинскую долину, чтобы занять его мѣсто. Лѣтомъ-же, напротивъ, когда вода моря охлаждается еще глыбами плавучаго льда, обширныя степи по ту сторону горъ уже покрыты растительностью

и согрѣваются почти постояннымъ солнцемъ, вслѣдствіе чего и вѣтеръ принимаетъ обратное направленіе. На Виллигинскую долину можно поэтому смотрѣть, какъ на громадное дыхательное отверстіе, которымъ внутреннія степи дышатъ разъ въ годъ. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Становой хребетъ не представляетъ свободнаго прохода для воздуха между степями и моремъ, и поэтому неудивительно, что въ этомъ ущельѣ бушуетъ почти непрерывная буря. Несмотря на повсемѣстное затишье кругомъ, въ Виллигинскомъ проходѣ вѣтеръ дуетъ, какъ настоящій ураганъ, срывая огромныя массы снѣга съ горныхъ склоновъ и унося ихъ далеко въ море. Поэтому онъ внушаетъ страхъ всѣмъ туземцамъ, которымъ предстоитъ ѣхать по этому пути, и извѣстенъ во всей сѣверовосточной Сибири подъ названіемъ „бурнаго ущелья".

Наша маленькая партія на пятый день отъѣзда изъ Гижигинска увеличилась еще присоединеніемъ къ намъ русскаго почталіона и трехъ или четырехъ саней, которыя везли ежегодную камчатскую почту и теперь приблизилась къ подножью страшныхъ Виллигинскихъ горъ. Вслѣдствіе глубокаго снѣга, мы подвигались не такъ быстро, какъ ожидали, и только на пятую ночь намъ удалось достигнуть маленькой юрты, служащей убѣжищемъ для путешественниковъ, возлѣ устья рѣчки Тополовки, въ тридцати верстахъ отъ Виллиги. Здѣсь мы расположились на ночь, напились чаю и растянулись на жесткомъ деревянномъ полу, чтобы отдохнуть передъ тѣмъ труднымъ путемъ, который ожидалъ насъ на слѣдующій день, а именно,—дорога черезъ такъ называемое „бурное ущелье".

ГЛАВА XXXV.

Поѣздка въ Ямскъ.—Виллигинская долина.—Буря.—Опасный проходъ.

— Кеннанъ, а Кеннанъ! Пора вставать! уже совсѣмъ разсвѣло!

Конечно, эта фраза относилась лично ко мнѣ; но я такъ заспался, что ничего не могъ разобрать, что-то пробормоталъ съ просонья и затѣмъ сказалъ:

— Вотъ какъ!

Звуки и слова, произносимые мною, были далеко неясны, такъ-какъ я лежалъ, хотя и на жесткомъ полу на разостланной на немъ оленьей шкурѣ, но на меня было навалено столько разнаго мѣхового хламу,—конечно, ради тепла,—что я рѣшительно не могъ освободить изъ подъ него головы. Впрочемъ, я и самъ все еще не могъ очнуться отъ міра грезъ и сновидѣній и, конечно, требовались болѣе энергичныя мѣры, чтобы привести меня въ совершенно сознательное состояніе.

Голосъ, будившій меня, раздался еше разъ.

— Кеннанъ, проснитесь-же! Вставайте-же скорѣе! Завтракъ давно готовъ!

Слово „завтракъ“ произвело на меня магическое дѣйствіе; оно прогнало сонливость; я высунулъ голову изъ мѣха и, бросивъ взглядъ вокругъ, старался припомнить гдѣ я, что со мною и какимъ образомъ я сюда попалъ. Посреди хижины трещали подъ очагомъ смолистые сучья сосны и распространяли тепло по всѣмъ угламъ нашего небольшого помѣщенія, такъ-что на бревенчатыхъ и заплеснѣвшихъ стѣнахъ и на грубо выштукатуренномъ потолкѣ выступила вода крупными каплями. Черезъ квадратное отверстіе въ крышѣ дымъ лѣниво поднимался къ бѣловатымъ прекраснымъ звѣздамъ, которыя мерцали между темными нависшими

вѣтвями лиственницъ. Мистеръ Литъ, добровольно принявшій на себя обязанность метръ д'отеля, стоялъ теперь передо мной съ ломтемъ вядчины на складномъ ножѣ въ одной рукѣ и съ кочергой въ другой; онъ уморительно потрясалъ надъ моей головой знаками своего почетнаго достоинства, точно у него было намѣреніе разбудить меня болѣе дѣйствительнымъ образомъ. Однако, его странные жесты все-же увѣнчались успѣхомъ. У меня явилось какое-то смутное сознаніе, что я былъ выброшенъ бурею на берегъ людоѣдовъ и обреченъ на умилостивительную жертву богамъ; я быстро вскочилъ со своей постели и сталъ тереть глаза, желая привести въ порядокъ свои мысли. А между тѣмъ, мистеръ Литъ находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Почтальонъ-же, нашъ товарищъ по путешествію, уже нѣсколько дней къ ряду выказывалъ странную наклонность избѣгать всякаго труда и предоставлять намъ самимъ прокладывать себѣ дорогу, тогда какъ онъ самъ совершенно спокойно ѣхалъ по нашимъ слѣдамъ; такою хитростью онъ навлекъ на себя самую неумолимую ненависть мистера Лита. Этотъ послѣдній, изъ желанія отмстить почтальону, не далъ ему отдохнуть и пяти часовъ, и указывая ему на сѣверное сіяніе, увѣрилъ его, что это были первые лучи разсвѣта. Вслѣдствіе этого бѣдному почтальону пришлось встать съ полночи и теперь онъ усердно пролагалъ дорогу по крутому, горному склону на рыхломъ снѣгу въ три фута глубины, разсчитывая на обѣщаніе мистера Лита догнать его до солнечнаго восхода. Когда я всталъ въ пять часовъ, то голоса почтальона и его людей и крики ихъ на измученныхъ собакъ еще были слышны у насъ съ вершины горы. Мы сѣли за завтракъ и нисколько не торопились, желая дать время почтальону проложить намъ дорогу и только въ шесть часовъ утра, мы выѣхали послѣдамъ, проложеннымъ почтальономъ.

Утро было ясное и тихое; мы переѣхали горы за юртой и приближались между незащищенныхъ долинъ и высокихъ холмовъ къ берегу моря. Надъ восточными вершинами взошло солнце и снѣгъ блестѣлъ, какъ усыпанный брилліантами, между тѣмъ, какъ отдаленныя Виллигинскія вершины окрашивались нѣжнымъ, блѣднымъ пурпуромъ; онѣ казались намъ такими спокойными и сіяющими въ своемъ снѣжномъ величіи, точно и самая мысль о бурѣ была совершенно чужда ихъ гладкимъ бѣлымъ склонамъ и острымъ вершинамъ. Воздухъ былъ морозный и прозрачный; теперь дышалось какъ-то легко и свободно, словомъ, всѣ мы были въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Даже наши собаки, отдохнувъ за ночь, теперь бѣжали галопомъ по жесткой изрытой дорогѣ, подбрасывая наши легкія сани во всѣ стороны.

Мы достигли берега моря уже около полудня, а горы остались за нами; тутъ-же мы догнали почтальона, который остановился на время, чтобы дать отдохнуть собакамъ. Силы нашихъ собакъ еще были совершенно свѣжи и мы снова пустились въ дорогу, быстро приближаясь къ Виллигинской долинѣ.

Я уже благословлялъ въ душѣ судьбу за то, что намъ удастся проѣхать этотъ опасный проходъ въ ясную погоду, какъ вдругъ мое вниманіе было привлечено бѣлымъ облакомъ тумана, которое мнѣ казалось совершенно необыкновеннымъ; это облако простиралось отъ выхода Виллигинскаго ущелья до темной поверхности Охотскаго моря. Я никакъ не могъ понять что-бы это значило; я спросилъ проводника, не туманъ-ли это. Но на лицѣ моего проводника выразилась тревога, когда онъ взглянулъ на это облако и лаконически сказалъ:

— Это Виллига дуритъ!

Такой отвѣтъ немного подвинулъ меня впередъ и я попросилъ объясненія. Но къ моему крайнему удивле-

нію и отчаянію, мнѣ сказали, что странная бѣлая полоса, которая мнѣ показалась отдаленнымъ туманомъ, было ничто иное, какъ густое облако снѣга, которое несла буря изъ ущелья. Эта буря уже начала свирѣпствовать съ сѣверныхъ проходахъ Станового хребта. Нашъ проводникъ сообщилъ намъ, что теперь совершенно невозможно перейти долину и что всякая подобная попытка была-бы крайне опасна; необходимо дождаться пока совершенно стихнетъ вѣтеръ. Мнѣ казалось, напротивъ того, что тутъ не предвидѣлось никакой опасности, а такъ-какъ по ту сторону ущелья стояла тоже юрта, въ которой я надѣялся пріютиться, то я думалъ попытаться пройти черезъ этотъ проходъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ мы расположились было совершенно тихо, такъ-что даже не шелохнулось-бы и пламя свѣчи; но въ это время я не понималъ всей яростной силы урагана, который на разстояніи какой-нибудь мили отъ насъ поднималъ изъ ущелья снѣгъ и уносилъ его далеко къ морю.

Нашъ проводникъ, видя, что мы съ мистеромъ Литомъ порѣшили перейти долину во что-бы то ни стало, пожалъ плечами и покачалъ головой, какъ-бы говоря:

— Вы скоро раскаятесь въ вашей неосторожности.

Но мы не обратили на него никакого вниманія и двинулись впередъ.

Чѣмъ ближе мы подходили къ бѣлой туманной стѣнѣ, тѣмъ сильнѣе начинали ощущать острые перемежающіеся порывы вѣтра, а небольшіе снѣжные вихри становились все сильнѣе и чаще. Проводникъ замѣтилъ намъ еще разъ, что съ нашей стороны крайне безумно подвергаться добровольно такой бурѣ, какая намъ угрожаетъ; но мистеръ Литъ только посмѣялся надъ замѣчаніемъ проводника, сказавъ, что въ Сьерр - Невадѣ, онъ видалъ и не такія бури, какъ эти!

Но не прошло и пяти минутъ, какъ мистеръ Литъ

готовъ былъ допустить, что настоящая буря въ Виллигѣ ничѣмъ не уступаетъ тѣмъ, которыя ему приходилось видѣть въ Калифорніи.

Дѣйствительно, буря становилась все сильнѣе и сильнѣе; лишь только мы обогнули скалу, которая заслоняла входъ въ ущелье, какъ порывъ вѣтра встрѣтилъ насъ со всею своею яростью; мы положительно были ослѣплены хлопьями снѣга и задыхались отъ нихъ; такія густыя облака снѣга почти мгновенно скрыли отъ нашихъ глазъ и солнце и ясное голубое небо, такъ-что вся земля казалась погруженною въ густой мракъ. Вѣтеръ ревѣлъ, свисталъ, бушевалъ, какъ это обыкновенно встрѣчается на морѣ при сильной бурѣ. Казалось, что въ этомъ внезапномъ переходѣ отъ такой солнечной погоды къ воющей ослѣпляющей бурѣ, было что-то странное, сверхъестественное и тутъ только я началъ сомнѣваться въ возможности перебраться черезъ долину.

Нашъ проводникъ бросилъ на меня отчаянный взглядъ, точно упрекалъ меня за мою упорную настойчивость непремѣнно итти впередъ, тогда-какъ онъ предостерегалъ меня заранѣе, но я пренебрегъ его мудрыми совѣтами; потомъ онъ сталъ подбодрять своихъ оплошавшихъ собакъ громкими криками и пощелкиваніемъ. Глазныя впадины этихъ животныхъ были буквально залѣплены снѣгомъ и у нѣкоторыхъ собакъ сочилась изъ нихъ капли крови; но, не взирая на всѣ эти страданія, неутомимыя животныя продолжали бороться съ непогодой; только изрѣдка они издавали зловѣщій вой. Откровенно признаюсь, что такой вой пугалъ меня гораздо болѣе, чѣмъ ревъ самой бури.

Минуту спустя, мы уже были на днѣ ущелья; но прежде, чѣмъ мы успѣли умѣрить стремительную силу, сообщенную санямъ быстрымъ спускомъ, какъ мы уже катились по гладкой блестящей ледяной поверхности рѣки „Пропадшей“ и съ невѣроятною скоростью нес-

лись къ Охотскому морю которое находилось только въ ста аршинахъ ниже насъ. Всѣ наши старанія остановить сани отъ сильнаго напора вѣтра были совершенно безполезны; теперь только я вполнѣ сознавалъ всю ту опасность, о которой намекалъ нашъ проводникъ. Если намъ не удастся остановить сани прежде, чѣмъ мы доѣдемъ до устья рѣки, то мы неминуемо очутимся въ морѣ на трехъ или четырехъ-саженной глубинѣ. Тутъ часто происходили такіе несчастные случаи, отъ чего рѣка и получила свое зловѣщее наименованіе „Пропадшая“. Мистеръ Литъ и казакъ Подеринъ сидѣли въ отдѣльныхъ саняхъ и съ самаго начала попали ближе, чѣмъ мы къ берегу, такъ-что успѣли повернуть сани съ помощью остроконечныхъ палокъ; но старый проводникъ и я сидѣли вмѣстѣ на однихъ саняхъ, были стѣснены тяжолыми мѣховыми одеждами и не могли свободно управлять своими ерстелями или остановиться, а собаки также не были въ состояніи умѣрить свой бѣгъ. Я полагалъ, что сани будутъ неминуемо унесены въ море, если мы оба будемъ за нихъ цѣпляться, выскочилъ и старался удержаться, сѣвъ сначала на ледъ, а потомъ растянувшись на немъ внизъ лицомъ; но все это было безполезно; мое мѣховое платье скользило по гладкой предательской поверхности и я несся внизъ еще быстрѣе, чѣмъ прежде. Я разорвалъ свои рукавицы и когда, наконецъ, мнѣ встрѣтилось довольно шероховатое мѣсто на льду, я успѣлъ схватиться ногтями за маленькую неровность на его поверхности и остановиться; я почти не рѣшался даже вздохнуть лишній разъ, чтобы только не потерять равновѣсія и не лишиться своей послѣдней точки опоры. Мистеръ Литъ, увидя мое отчаянное положеніе, бросилъ мнѣ свой ерстель съ желѣзнымъ наконечникомъ; этотъ ерстель обыкновенно употребляютъ при спускахъ съ горъ; съ помощью этого ерстеля, упирая имъ въ ледъ,

я выкарабкался, наконецъ, на берегъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ открытаго моря, у устья рѣки. Нашъ проводникъ все еще продолжалъ катиться внизъ по истоку, но Подеринъ пришелъ къ нему на помощь еще съ другимъ ерстелемъ, такъ-что общими усиліями имъ удалось, наконецъ, выбраться на твердую землю. Теперь я былъ готовъ возвратиться и укрыться отъ бури; но нашъ проводникъ уже въ свою очередь оказался настойчивымъ и не хотѣлъ мнѣ болѣе уступать и требовалъ, чтобы мы ѣхали далѣе, даже если-бы намъ пришлось потерять въ морѣ всѣ сани. Онъ мотивировалъ свою настойчивость тѣмъ, что предупреждалъ насъ, но мы тогда не хотѣли его слушать и потому теперь должны выпить всю чашу до дна.

Въ этомъ мѣстѣ невозможно было переѣхать рѣку и намъ пришлось подыматься по лѣвому берегу на разстояніи около полумили и притомъ въ самую сильную бурю; наконецъ, мы достигли до изгиба рѣки, гдѣ была возможность перебраться на другую сторону. На этотъ разъ мы переправились совершенно удачно. Мы переѣхали невысокій кряжъ на западѣ рѣки „Пропадшей“ и доѣхали до другого маленькаго потока, извѣстнаго подъ именемъ Виллиги, у подножія Виллигинскихъ горъ. Вдоль него тянулась узкая полоса лѣса и тамъ стояла гдѣ-то юрта, которую мы искали.

И вотъ намъ необходимо было добраться до этой хижины гдѣ-бы мы могли провести ночь. А буря, между тѣмъ, все болѣе и болѣе усиливалась; притомъ мы еще не были вполнѣ увѣрены въ существованіи этой юрты и намъ пришлось ее искать по всей полосѣ лѣса, тянувшагося вдоль русла Виллиги. Нѣсколько разъ намъ приходилось выбираться изъ чащи лѣса и возвращаться опять къ Виллигѣ; случалось, что подъѣхавъ къ какому-нибудь высокому снѣжному сугробу, мы разрывали его, думая найти подъ нимъ юрту, въ которой

надѣялись провести ночь, но наши труды оказывались совершенно напрасными, такъ-какъ подъ разрытымъ снѣгомъ оказывались одни только пни. Такое положеніе, конечно, сильно тревожило всѣхъ насъ; но нашъ проводникъ продолжалъ настаивать на томъ, что въ лѣсу должна быть бревенчатая юрта, въ которой мы можемъ развести огонь, напиться чаю и провести бурную ночь подъ кровлей; но въ какой части лѣса находится эта хижина, онъ никакъ не могъ этого опредѣлить, и только ходилъ отъ сугроба къ сугробу, втыкая въ него свой ерстель. Мы уже начали приходить въ отчаяніе, такъ-какъ приближались сумерки и намъ, чего добраго, придется ночевать подъ открытымъ небомъ, дрогнуть отъ холода и не имѣть возможности развести костра, потому-что вѣтеръ былъ настолько силенъ, что, конечно, потушилъ-бы огонь. Но судьба, вѣроятно, сжалилась надъ нами и вскорѣ наши поиски увѣнчались успѣхомъ.

Передъ сумерками мы доѣхали до бревенчатой хижины усталые, голодные и промокшіе до костей; по словамъ нашего проводника, эта хижина и была именно Виллигинская юрта. Послѣдніе путешественники, отдыхавшіе въ этой хижинѣ, забыли закрыть отверстіе трубы и все небольшое помѣщеніе юрты было наполнено снѣгомъ; мы расчистили его, сколько могли, потомъ развели огонь по серединѣ хижины и не смотря на сильный дымъ, усѣлись пить чай вокругъ очага. Мы разстались съ почтальономъ около полудня и думали, что ему не удастся добраться до юрты; но лишь только стало смеркаться, какъ въ лѣсу послышался лай собакъ и черезъ нѣсколько времени появился и самъ почтальонъ. Теперь наша партія уже состояла изъ девяти человѣкъ: двухъ американцевъ, трехъ русскихъ и четырехъ коряковъ; у насъ у всѣхъ былъ крайне дикій и странный видъ. Мы размѣстились всѣ

скорчившись около очага этой низкой закоптѣлой хижины и наслаждались горячимъ чаемъ, прислушиваясь къ завыванію вѣтра.

Несмотря на то, что насъ было девять человѣкъ и всѣ мы были взрослые и сильные мужчины, но это завываніе вѣтра наводило на всѣхъ насъ какое-то странное впечатлѣніе: не то страха, не то скуки; мы были точно отдѣлены отъ всего остального міра, здѣсь, среди лѣса занесеннаго снѣгомъ, въ маленькой заброшенной хижинѣ и еще были довольны, что могли сидѣть тутъ, вокругъ огня и согрѣвать наши окоченѣлые члены горячимъ чаемъ. Мы сидѣли молча, изрѣдка только перекидываясь другъ съ другомъ отрывистыми фразами, которыя, конечно, по большей части касались нашего дальнѣйшаго путешествія. Наша юрта была слишкомъ тѣсна, чтобы мы всѣ могли расположиться въ ней на ночь и поэтому коряки размѣстились на дворѣ прямо на снѣгу, а къ утру они очутились почти до половины зарытыми въ сугробъ.

Въ лѣсу цѣлую ночь дулъ сильный и порывистый вѣтеръ, а на слѣдующее утро буря нисколько не уменьшилась. Намъ было хорошо извѣстно, что такая буря въ ущельѣ могла продолжаться недѣли двѣ подъ-рядъ, а то и болѣе, между тѣмъ, какъ у насъ было всего только на четыре дня съѣстныхъ припасовъ для насъ и корму для собакъ. Необходимо было что-либо предпринять. Виллигинскія горы запирали намъ дорогу въ Ямскъ, потому-что онѣ прорѣзывались треми проходами въ долину, по которымъ можно было пробраться только въ хорошую и ясную погоду; но въ такую бурю, которая свирѣпствовала въ настоящее время, даже сто проходовъ не послужили-бы ни къ чему, потому-что шелъ такой сильный снѣгъ, который положительно все скрывалъ отъ нашихъ глазъ, такъ-что въ тридцати шагахъ рѣшительно ничего не было видно: мы легко

могли вмѣсто прохода забрести въ такую глушь, откуда не знали-бы, какъ и выбраться. Западный берегъ, насколько мы могли это видѣть съ того мѣста, гдѣ расположились, былъ совершенно загроможденъ до самаго моря на высоту семидесяти пяти или ста футовъ огромными снѣжными сугробами, которые накопились здѣсь съ самаго начала зимы; эти сугробы заслоняли теперь все ущелье, такъ-что не оставляли прохода между нимъ и моремъ. Эти снѣжные сугробы, при частыхъ переходахъ отъ тепла къ холоду, стали почти такими-же твердыми и скользкими, какъ ледъ; а такъ-какъ они подымались почти до самыхъ вершинъ утесовъ, подъ угломъ въ семьдесятъ пять или восемьдесятъ градусовъ, то, конечно, не было никакой возможности удержаться на нихъ, а необходимо было предварительно вырубить топоромъ ступени. Нашъ единственный путь въ Ямскъ пролегалъ вдоль поверхности этихъ скользкихъ снѣжныхъ холмовъ, подымающихся на три, на четыре сажени надъ уровнемъ моря. Но мы все-же не могли надѣяться миновать эти холмы безъ всякаго несчастія, потому-что при малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ, мы рисковали скатиться въ море; намъ не предстояло никакого другого пехода и потому пришлось попытаться найти счастье; мы привязали собакъ и взялись за топоры, сбросивъ верхнюю тяжелую одежду.

Цѣлый день мы работали съ большимъ усердіемъ и только къ шести часамъ вечера вырубили глубокую ложбину въ три фута ширины, вдоль поверхности холма, до мѣста, стстоящаго на милю съ четвертью отъ устья Виллиги. Но тутъ насъ остановило еще худшее препятствіе, чѣмъ то, которое мы только-что устранили. Ровный берегъ, который тянулся до сихъ поръ одной непрерывной полосою у подножія утесовъ, здѣсь внезапно исчезалъ и снѣжная масса, въ которой мы вырубили себѣ дорогу, круто обрывалась, неподдержи-

ваемая снизу, въ море, образуя провалъ, наполненный водой, футовъ въ тридцать пять ширины, изъ котораго подымалась черная отвѣсная скала, образующая противоположный берегъ. Не было никакой возможности перебраться черезъ это мѣсто безъ понтоннаго моста. Мы устали до такой степени, что положительно приходили въ отчаяніе; намъ пришлось расположиться на ночлегъ на самомъ откосѣ, а на слѣдующее утро возвратиться какъ можно скорѣе къ Виллигѣ и совершенно отказаться отъ поѣздки въ Ямскъ.

Трудно было-бы найти въ Сибири болѣе дикую и опасную мѣстность для стана, чѣмъ та, въ которой намъ пришлось остановиться ночевать: когда стало темнѣть, то я съ безпокойствомъ началъ слѣдить за состояніемъ погоды. А мы въ это время находились на огромномъ скользкомъ сугробѣ, который подымался прямо изъ воды; насколько намъ было извѣстно, этотъ снѣжный сугробъ не имѣлъ другой опоры, кромѣ узкой полосы льда; слѣдовательно, при малѣйшемъ порывѣ вѣтра, кромѣ какъ съ сѣвера, могли-бы нахлынуть на насъ волны, которыя подмыли-бы и разрушили-бы возвышенность и увлекли-бы насъ съ собою въ открытое море или-же оставили-бы насъ на голой поверхности обрыва въ семидесяти пяти футахъ надъ водою. Весьма понятно, что, какъ то, такъ и другое представляло для насъ большую опасность и поэтому я рѣшился поискать болѣе удобнаго и болѣе безопаснаго мѣста для нашего стана.

Мистеръ Литъ, со своей обычною беззаботностью вырылъ себѣ, какъ онъ обыкновенно выражался „спальню“ въ снѣгу и предсказывалъ и мнѣ прекрасный и покойный сонъ, если только я соглашусь раздѣлить съ нимъ его постель; но, конечно, при такихъ обстоятельствахъ, я порѣшилъ лучше отказаться отъ его любезнаго предложенія. Еще до наступленія утра его

спальня, кровать и постель могли очутиться въ открытомъ морѣ, а его покойный сонъ могъ-бы продлиться вѣчно. Наконецъ, мнѣ удалось найти ложбину по направленію къ Виллигѣ; эта ложбина, по всей вѣроятности, была прорыта маленькимъ потокомъ на вершинѣ утеса; въ этомъ-то каменистомъ неровномъ руслѣ я и расположился съ туземцами на ночлегъ; тамъ мы размѣстились такъ, что наши тѣла образовали уголъ въ сорокъ пять градусовъ.

Если читатель желаетъ имѣть хотя малѣйшее понятіе о томъ, какъ мы провели ночь, то пусть онъ представитъ себя лежащимъ на крутой, покатой крышѣ какого-либо зданія, надъ его головой будетъ обрывъ въ сто футовъ, а подъ ногами—открытое море.

Немудрено, что при такихъ удобствахъ ночлега, мы уже съ разсвѣтомъ были на ногахъ. Пока мы приготовлялись къ обратному путешествію къ Виллигѣ, какъ одинъ изъ коряковъ, отправившійся еще разъ взглянуть на море, скоро прибѣжалъ обратно съ радостнымъ крикомъ:

— Теперь можно переѣхать! Можно переѣхать!

За ночь приливъ принесъ двѣ или три огромныя льдины и такъ сплотилъ ихъ въ заливцѣ, что изъ нихъ образовался естественный мостъ. Однако, мы опасались, что ледъ можетъ не выдержать слишкомъ большой тяжести и сняли поклажу со всѣхъ саней, вещи и собакъ и потомъ снова все уложили по-прежнему и поѣхали далѣе. Теперь миновали, наконецъ, главныя затрудненія, хотя иногда намъ и случалось прорубать себѣ дорогу на снѣжныхъ сугробахъ, и чѣмъ далѣе мы подвигались на западъ, тѣмъ берегъ, какъ предсказывали коряки, становился все выше и шире; ледъ исчезалъ мало-помалу и къ наступленію сумерекъ мы уже сдѣлали тридцать верстъ. На слѣдующій день намъ удалось выбраться изъ этой узкой дороги черезъ долину рѣки Кананаги.

На двѣнадцатый день нашего путешествія мы достигли обширной Малкоганской степи, которая находилась на разстояніи всего тридцати миль отъ Ямска: несмотря на то, что наши съѣстные припасы были совершенно истощены, мы не особенно этимъ тревожились, потому-что надѣялись быть къ ночи въ поселеніи. Но лишь только стало смеркаться, какъ поднялась вьюга, во время которой мы сбились съ пути и такъ-какъ намъ было опасно ѣхать въ темнотѣ, потому-что мы могли слишкомъ близко подъѣхать къ берегу и съ крутизны свалиться въ море, которое граничило со степью на востокѣ, то мы рѣшились остановиться. Мы нигдѣ не могли найти дровъ для костра, но если-бы намъ даже и удалось развести огонь, то его тотчасъ же занесло-бы облаками снѣга, яростно гонимаго вѣтромъ по равнинѣ. Мы на землѣ разстелили полотно палатки и на одинъ изъ его краевъ поставили тяжелыя сани, чтобы его не унесло, а сами заползли подъ него, чтобы укрыться отъ снѣга. Мы легли внизъ лицомъ, а полотно, между тѣмъ яростно колотилось о наши спины; изъ мѣшка съ хлѣбомъ мы вытряхнули послѣднія мерзлыя корки, которыя тамъ оставались и поѣли сырой говядины, которую мистеръ Литъ отрылъ въ однихъ изъ саней. Минутъ двадцать спустя, мы стали замѣчать точно полотно палатки стало съуживаться и начинало насъ давить; мы сдѣлали нѣкоторое усиліе, чтобы привстать, но почувствовали, что прижаты къ землѣ. Снѣгъ навалилъ такими огромными массами и такъ плотно на края палатки, что её невозможно было сдвинуть съ мѣста; мы попытались приподняться раза два или три, но убѣдились, что не въ силахъ были этого сдѣлать и поэтому порѣшили лежать спокойно, стараясь извлечь возможную выгоду изъ нашего непріятнаго положенія. Конечно, пока еще снѣгъ насъ несовсѣмъ засыпалъ, то намъ было удобнѣе находиться подъ палаткой, чѣмъ на

открытомъ воздухѣ, такъ-какъ здѣсь мы были, по крайней мѣрѣ, защищены отъ вѣтра. Однако, вскорѣ сугробъ снѣга надъ нами достигъ такихъ размѣровъ, что мы не могли болѣе повернуться, а свѣжій воздухъ почти вовсе и не проникалъ къ намъ. Оставалось выбрать одно изъ двухъ: или выползти на свѣжій воздухъ или задохнуться подъ сугробомъ снѣга, который съ минуты на минуту становился все выше и все тяжелѣе. Наконецъ, намъ уже становилось трудно дышать; тогда я вынулъ свой складной ножъ и прорѣзалъ большое отверзтіе въ палаткѣ надъ своей головой; черезъ это отверстіе мы всѣ и вылѣзли на свѣжій воздухъ.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ наши ноздри и глаза были совершенно залѣплены снѣгомъ и мы дышали такъ тяжело, точно струя воды изъ пожарной трубы была пущена намъ прямо въ лицо. Тогда мы сѣли на снѣгъ, скорчились, спрятали руки и головы въ шубы и въ такомъ непріятномъ положеніи стали ожидать разсвѣта. Но мистеръ Литъ, любившій всегда подшучивать надъ подобными приключеніями во время нашихъ путешествій, закричалъ мнѣ черезъ воротъ моей шубы:

— Что сказали-бы наши матери, если-бы онѣ насъ увидѣли въ такомъ положеніи?

Мнѣ хотѣлось спросить у него, насколько настоящая погода могла сравниться съ бурями въ Сьеррѣ Невадѣ, но онъ ушелъ прежде, чѣмъ я успѣлъ высунуть голову и я ничего не слыхалъ болѣе о немъ въ эту долгую ночь. Онъ исчезъ гдѣ-то въ темнотѣ и пріютился одиноко на снѣгу, терпѣливо вынося голодъ, холодъ и другія неудобства до самаго утра. Мы просидѣли на этой пустынной равнинѣ болѣе десяти часовъ среди страшной вьюги, безъ огня, безъ пищи, безъ сна, продрогшіе отъ холода и истощенные отъ голода; намъ казалось, что мы никогда не дождемся разсвѣта.

Это была дѣйствительно, ужасная ночь! Она тяну-

лась безконечно долго: мнѣ казалось, что мы навѣки обречены просидѣть въ этомъ мракѣ, подъ хлопьями снѣга и при завываніи вѣтра. Я совершенно измучился отъ усталости, а не могъ сомкнуть глазъ: какія-то странныя мысли бродили въ моей головѣ и порой мнѣ казалось, что я теряю сознаніе, но сильный порывъ вѣтра снова напоминалъ мнѣ, что я провожу ночь подъ открытымъ небомъ и какая-то лихорадочная дрожь пробѣгала тогда у меня по всему тѣлу; я старался плотнѣе закутаться въ свою шубу, но, конечно, это мало помогало; холодъ пронизывалъ меня насквозь. Я старался думать о чемъ-нибудь другомъ, вспоминать болѣе лучшія времена изъ моей жизни, мысленно уноситься на свою далекую родину, но не могъ на чемъ-либо остановиться; завываніе вѣтра, пронизывающій холодъ, хлопья снѣга напоминали мнѣ, что я обреченъ провести длинную ночь среди снѣжной пустыни. И какъ долго тянулась эта ночь! Неужели ей не будетъ конца? Небо, покрытое снѣжными тучами, казалось, готово было раздавить насъ своею тяжестью...... По временамъ мое сердце билось такъ сильно, точно я ожидалъ чего-то ужаснаго, необычайнаго, выходящаго изъ ряда вонъ. Конечно, во всемъ этомъ главную роль играли нервы, которые въ теченіе послѣднихъ дней находились въ такомъ сильномъ напряженіи, какое было-бы очень затруднительно представить

По вотъ, наконецъ, забрезжилось утро сквозь сѣрыя снѣжныя облака и мы поднялись съ окоченѣвшими членами; затѣмъ мы принялись откапывать наши сани, занесенныя снѣгомъ. Намъ въ этомъ много помогъ мистеръ Литъ, потому-что безъ его энергичныхъ усилій врядъ-ли удалось-бы достигнуть успѣха; мои руки такъ онѣмѣли отъ холода, что я едва держалъ въ нихъ лопату или топоръ; наши-же проводники, напуганные вьюгой, пришли въ сильное уныніе и, казалось, потеряли

всякую способность къ работѣ. Наконецъ, благодаря личнымъ усиліямъ мистера Лита, наши сани были откопаны и мы отправились въ путь. Но эта короткая вспышка энергіи была послѣднимъ проявленіемъ сильной воли поддержать ослабѣвающее и утомленное тѣло и черезъ полчаса мистера Лита пришлось привязать къ санямъ. Мы закутали его въ медвѣжьи шкуры, обмотали съ головы до ногъ тюленьими ремнями и поѣхали далѣе. Нѣсколько времени спустя, спутникъ мистера Лита, Подеринъ, прибѣжалъ ко мнѣ, испуганный и блѣдный, объявивъ. что тотъ умеръ; онъ прибавилъ еще, что какъ ни трясъ его, но не могъ добиться отъ него ни слова. Я скорѣе выскочилъ изъ саней и побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Литъ; я также сталъ трясти его за плечи и старался раскрыть ему голову, которую онъ спряталъ въ шубу; къ моей величайшей радости я, наконецъ услыхалъ голосъ Лита, который объявилъ мнѣ, что онъ чувствуетъ себя совершенно хорошо и вполнѣ надѣется выдержать до ночи, а не отвѣчалъ Подерину потому, что не хотѣлъ лишній разъ безпокоиться, но что мнѣ нечего за него опасаться. Затѣмъ мнѣ показалось, будто онъ что-то прибавилъ о „худшихъ буряхъ въ Сьеррѣ Невадѣ“, чѣмъ и убѣдилъ меня, что онъ еще несовсѣмъ плохъ и нечего было терять надежды, пока онъ еще былъ въ состояніи настаивать на превосходствѣ калифорнскихъ бурь.

Около полудня, мы добрались до рѣки Ямы и, проѣхавъ часъ или два по лѣсу, наткнулись на одну изъ якутскихъ партій рабочихъ лейтенанта Арнольда; эти люди и привели насъ въ свой станъ, находящійся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ поселенія. Здѣсь насъ накормили ржанымъ хлѣбомъ и напоили горячимъ чаемъ, такъ-что мы отогрѣли наши окоченѣвшіе члены. Увидя мистера Лита раздѣтымъ я удивился, какъ онъ остался живъ. Когда, онъ въ прошлую ночь лежалъ на землѣ

во время вьюги, то ему нанесло на шею много снѣга, который растаялъ отъ теплоты его тѣла и потомъ опять замерзъ, такъ-что образовалъ почти сплошную кору вдоль него его спинного хребта и въ такомъ положеніи онъ проѣхалъ двадцать верстъ. Литъ выдержалъ это, только благодаря своей удивительной силѣ воли и крѣпкому здоровью. Когда мы согрѣлись, отдохнули и обсохли у костра якутовъ, то снова отправились въ дорогу, такъ-что къ вечеру въѣхали въ Ямскъ; мы употребили цѣлый мѣсяцъ на это трудное и утомительное путешествіе. Три недѣли спустя послѣ нашего прибытія въ Ямскъ, мистеръ Литъ послѣ недолгаго отдыха поѣхалъ въ Охотскъ, гдѣ, по порученію маіора, принялъ на себя надзоръ за якутскими рабочими. Еще до сихъ поръ мнѣ припоминаются его слова, сказанныя имъ во время вьюги и мрака той ужасной ночи, которую мы провели на Малкачанской степи:

— Что сказали-бы наши матери, если-бы онѣ насъ увидѣли въ такомъ положеніи?

Впослѣдствіи этотъ бѣдный молодой человѣкъ сошелъ съ ума отъ возбужденія и тяжелыхъ испытаній, подобныхъ тѣмъ, которыя я только-что описывалъ, отчасти, вѣроятно, и вслѣдствіе этого злополучнаго путешествія въ Ямскъ; конецъ мистера Лита былъ очень печальный,—онъ застрѣлился въ одномъ изъ поселеній на берегу Охотскаго моря.

Я съ умысломъ описалъ подробно эту поѣздку въ Ямскъ, такъ-какъ въ ней вполнѣ высказались всѣ мрачныя стороны путешествій по Сибири. Въ такой малонаселенной странѣ, какъ Сибирь, путешествія въ особенности зимою, когда они бываютъ сопряжены съ большими или меньшими опасностями, страданіями и лишеніями далеки отъ какой-бы то ни было привлекательности.

ГЛАВА XXXVI.

Обратное возвращеніе въ Гижигинскъ.—Прибытіе Онуарда.—Приказаніе окончить работы, въ виду проведенія атлантическаго кабеля. — Отъѣздъ въ С.-Петербургъ,—5000 миль пути.

Моя поѣздка въ Ямскъ, которую я такъ подробно описалъ въ предъидущей главѣ, была послѣднею, которую мнѣ пришлось совершить по сѣверовосточной Сибири. Маіоръ Абаза вернулся въ Якутскъ 18-го марта; тутъ онъ окончилъ снаряженіе и организацію нашихъ якутскихъ рабочихъ, а я отправился въ Гижигинскъ, чтобы дожидаться тамъ прибытія кораблей изъ Америки. Начиная съ этого времени и до открытія навигаціи, сибирскіе рабочіе сдѣлали очень мало. Въ мартѣ также вернулся обратно изъ Петропавловска и Григорій Зиновьевъ, казакъ, посланный туда еще зимою. Съ нимъ пріѣхали также и остальные офицеры съ прибывшаго изъ Америки судна „Онуардъ", которыхъ я послалъ, по распоряженію маіора, въ Ямскъ. Сандфрдъ со своею партіею рабочихъ окончилъ рубку столбовъ на Тильгаѣ и я ихъ отправилъ въ Пенжинскъ; но такъ-какъ срокъ найма его рабочихъ уже кончился и они отказались возобновить контракты, то я остался только съ пятью рабочими для продолженія дальнѣйшихъ подготовительныхъ работъ.

Ледъ въ Гижигинской губѣ сталъ исчезать только въ концѣ мая, а 1-го іюня прибыло судно къ Матугскимъ островамъ. Это были лодки Sea Breeze изъ Нью-Бедфорда, штата Массажестъ и привезла намъ извѣстія изъ Америки отъ 1-го марта. Оказалось, что проведеніе атлантическаго кабеля окончилось съ большимъ успѣхомъ и мы узнали изъ словъ „San-Franzisco Bulletin", что въ виду такого успѣха всѣ работы по Россійско-Американской телеграфной линіи будутъ прекращены, а слѣдовательно, и все предпріятіе рушилось.

Въ половинѣ іюля прибыло изъ Санъ-Франциско судно компаніи „Онуардъ" съ приказаніемъ окончить всѣ дѣла, разсчитать всѣхъ туземныхъ рабочихъ, собрать всѣхъ нашихъ людей и вернуться обратно въ Америку. Проведеніе атлантическаго кабеля увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, такъ-что телеграфное общество западнаго Союза потративъ около 3,000,000 долларовъ, совершенно отказалось отъ проведенія сухопутной линіи въ Россію. Нечего и говорить, что намъ всѣмъ было крайне тяжело такъ неожиданно оставить дѣло, на которое мы употребили три года нашей жизни и перенесли столько страданій и лишеній, терпя и голодъ, и холодъ, и изгнаніе; но нечего дѣлать, пришлось покориться судьбѣ и мы тотчасъ-же стали готовиться къ отъѣзду. Вотъ, въ какомъ положеніи было дѣло къ тому времени, когда пришлось закрыть работы. Мы изслѣдовали весь путь отъ Амура до Берингова пролива, заготовили всѣ вмѣстѣ до 50,000 столбовъ, построили отъ сорока до пятидесяти станцій и магазиновъ, между Ямскомъ и Охотскомъ прорубили на пятьдесятъ миль дорогу по лѣсамъ и окончили всю подготовительную работу по всему протяженію линіи. Къ слѣдующему году мы обладали обширными средствами. Кромѣ семидесяти пяти американцевъ, у насъ было въ распоряженіи полтораста туземцевъ, которые уже работали между Ямскомъ и Охотскомъ и еще шестьсотъ были высланы изъ Якутска; у насъ былъ маленькій пароходъ на Анадыри и мы заготовили другой для Пенжинска; у насъ было сто пятьдесятъ собакъ и нѣсколько сотенъ оленей въ Ямскѣ, Охотскѣ и Гижигинскѣ; мы купили триста лошадей въ Якутскѣ съ огромнымъ количествомъ матеріала и продовольствія. Начиная съ перваго сентября, мы могли-бы приступить къ работамъ съ тысячью рабочими. Но успѣхъ атлантическаго кабеля разрушилъ всѣ наши надежды и ожиданія; всѣ наши труды ока-

зались безполезными. Никакое общество въ мірѣ не согласилось-бы предпринимать и поддерживать постройку линіи, у которой былъ такой соперникъ, какъ атлантическій кабель.

Вся мѣстность отъ Берингова пролива до Амура не представляла уже такихъ непреодолимыхъ препятствій для проведенія телеграфной линіи. Работа была-бы трудна, но исполнима; я полагаю, что этотъ путь былъ-бы удобнѣе для проведенія линіи въ Китай, чѣмъ тотъ, который недавно предложилъ г. Коллинсъ черезъ Алеутскіе острова, Камчатку и Японію. Рабочій трудъ цѣнится очень дешево въ Сибири; въ Якутскѣ можно нанять сколько угодно рабочихъ за сорокъ долларовъ въ годъ на хозяйскомъ продовольствіи. Въ Якутскѣ и Колымѣ также можно купить пятьсотъ или шестьсотъ лошадей отъ пятнадцати до двадцати пяти долларовъ за штуку. Изъ Америки слѣдовало-бы только привезти проволоку, изоляторы, инструменты и еще нѣсколько съѣстныхъ припасовъ для нѣкоторыхъ мастеровыхъ. Я вполнѣ увѣренъ, что если-бы встрѣтилась необходимость, то отъ Берингова пролива до рѣки Амура можно было-бы провести телеграфную линію, съ полнымъ успѣхомъ въ какіе-нибудь два года, истративъ на это не болѣе 250 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Послѣ прибытія „Онуарда" весь конецъ лѣта 1867 года былъ употребленъ на собраніе партій, разсѣянныхъ вдоль берега Охотскаго моря, на распродажу нашихъ съѣстныхъ запасовъ русскимъ купцамъ и на приготовленія къ обратному путешествію. Къ устью Анадыри было послано отдѣльное судно за Бёшомъ и его товарищами и мы уже болѣе не видѣлись съ ними. Маіоръ Абаза уѣхалъ въ Петербургъ сухимъ путемъ 6 августа; въ началѣ-же октября „Онуардъ" отплылъ въ Санъ-Франциско и увезъ съ собою всѣхъ, кромѣ четырехъ служащихъ въ Россійско-Американской телеграф-

ной экспедиціи. Литъ, Прайсъ, Мэгудъ и я—арріергардъ великой арміи—остались въ Охотскѣ, намѣреваясь вернуться обратно на родину зимою черезъ Азію и Европу—словомъ, мы пожелали совершить кругосвѣтное путешествіе.

Конечно, предстоящее путешествіе не могло быть сопряжено съ такими опасностями, затрудненіями и лишеніями, которыя намъ приходилось испытывать во время нашихъ переѣздовъ по Сибири, хотя сравнительно и небольшихъ по разстоянію, но продолжительныхъ по времени, которое приходилось употреблять на нихъ. Въ предстоящемъ путешествіи намъ улыбалась надежда, что съ каждою верстою мы все болѣе и болѣе будемъ приближаться къ цивилизованному міру, тогда-какъ при переѣздахъ по сѣверовосточной Сибири, намъ приходилось углубляться въ такія пустынныя мѣстности, по которымъ мало приходилось путешествовать болѣе или менѣе образованнымъ людямъ. Намъ предстояло начать путешествіе на собакахъ, потомъ перемѣнить ихъ на почтовыхъ лошадей, а послѣднихъ на современный способъ передвиженія—желѣзную дорогу, которая должна была перевезти насъ съ востока европейской Россіи въ Петербургъ. Конечно, намъ придется провести въ дорогѣ два съ половиною мѣсяца, но это насъ нисколько не страшило; во время нашего пребыванія въ Сибири, мы достаточно свыклись съ постоянными переѣздами. Одно только обстоятельство омрачало всѣ наши мысли, это—неудача нашего предпріятія, отъ котораго пришлось отказаться въ то время, когда на него было уже уже потрачено столько труда, лишеній и страданій и столько перенесено опасностей.

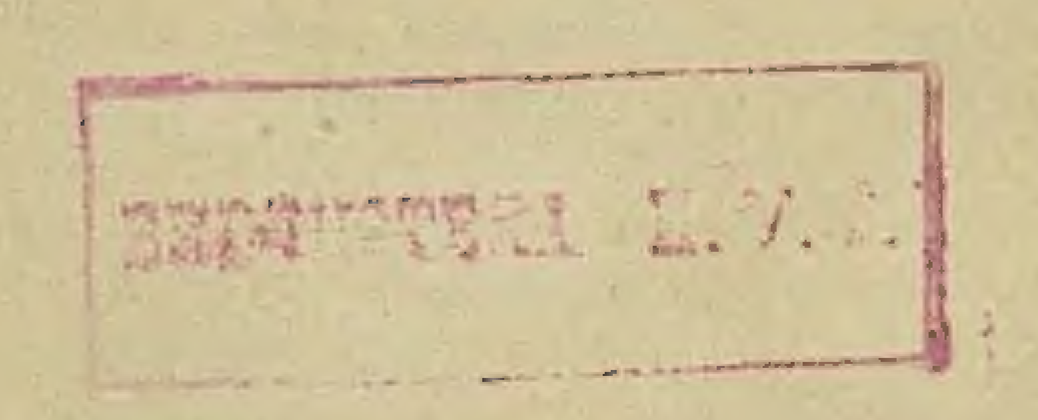
Наша жизнь, послѣ отъѣзда товарищей, была очень невесела въ скучномъ поселеніи. Но 24 октября Прайсъ и я выѣхали изъ поселенія на собакахъ въ Петербургъ, предпринявъ, такимъ образомъ, путешествіе въ 5000 м.

Я нахожу совершенно излишнимъ описывать наше путешествіе отъ Тихаго океана въ Россію, потому-что описаній такихъ сухопутныхъ путешествій существуетъ очень много и мнѣ нечего къ нимъ прибавить.

Скажу только, что отъ Якутска мы взяли почтовыхъ лошадей и только 6-го декабря, путешествуя днемъ и ночью, пріѣхали въ Иркутскъ, главный городъ восточной Сибири. Мы переѣхали сибирскую границу 30-го числа того-же мѣсяца и только послѣ десяти недѣль непрерывнаго пути по Сибири и Европейской Россіи мы увидѣли, наконецъ, златоглавую Москву.

Это было 3-го января 1868 года... Мы закрыли навсегда книгу, въ которой были помѣщены всѣ наши лишенія и испытанія во время путешествія по Сибири.

Конецъ.

2007099289